

ЭДГАР БЁРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

ЭДГАР БЁРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

29

ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА
ШАХМАТИСТЫ МАРСА
ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

29

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА
ШАХМАТИСТЫ МАРСА
ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

ТАЛЛИНН, 1993

Перевод с английского
Каротам Виктории Юрьевны

ISBN 5-7985-0035-7

© Каротам В. Ю. Перевод, 1993.
© А/о «Принтэст» 1993

**ТУВИЯ,
ДЕВА МАРСА**

ГЛАВА I

ОСКОРБЛЕНИЕ

Под пышными цветами пималии на массивной скамье из полированного эрзита сидела женщина. Ее изящная нога, обутая в сандалию, нетерпеливо постукивала по дорожке, устланной драгоценными камнями. Огибая алые газоны королевских садов, она уходила под сень величественных деревьев сорапуса. Темноволосый краснокожий воин, склонившись над красавицей, шептал пыльные слова признания:

— О, Тувия Птарты! Ты так холодна к пылким порывам моей любви! И сердце твое тверже холодного эрзита скамьи, на которой сидишь ты, божественная и неувядающая! О, Тувия, скажи мне, что я могу надеяться, что настанет день, когда моя принцесса...

Полная негодования, девушка резко вскочила на ноги. Ее царственная головка надменно возвышалась над точеными плечами, глаза источали гнев и удивление.

— Ты забываешься, пренебрегая обычаями Барсума, Асток! — сказала она. — Я не давала тебе никаких прав, чтобы так обращаться к дочери Тувана Дина, и ты не завоевал такого права!

Внезапно наклонившись вперед, он схватил Тувию за руку.

— Ты будешь моей принцессой, — воскликнул он. — Будешь! Никто и ничто не помешает мне! Если ты скажешь мне, что на моем пути кто-то стоит, я вырву его подлое сердце и брошу диким калотам на дно высохшего моря.

Почувствовав прикосновение мужской руки, девушка побледнела, так как дочери и жены королевских домов на Марсе считаются неприкосновенными. Поступок Астока, принца Дузара, осквернил этот обычай. В глазах Тувии из Птарты не было ужаса — только страх за последствия его деяний.

— Оставь меня, — произнесла она спокойным без-

различным тоном. Мужчина пробормотал что-то невнятно и резко привлек ее к себе.

— Оставь же меня! — повторила она, — иначе я позову стражу, а принц Дузара знает, что это значит для него.

В ответ он быстро обнял ее и привлек к себе с намерением поцеловать. Вскрикнув, девушка ударила принца прямо в лицо массивными браслетами, обвивающими ее руку.

— Калот! — воскликнула она. — Стража! Стража! Спешите на защиту принцессы Птарты!

На ее призыв появилась дюжина воинов, которые кинулись, обгоняя друг друга, через алый газон. Солнце сверкало на обнаженных мечах, а их воинственные выкрики мести и возмущения раздавались по всему саду.

Но не успели они пробежать еще и половины пути, как из листвы кустов, скрывающей золотой фонтан, выпрыгнул другой воин и оказался перед Астоком, удерживающим в своих объятиях сопротивляющуюся девушку.

Это был сильный воин — высокий, стройный юноша, с черными волосами и пронизательными серыми глазами, широкий в плечах и узкий в бедрах. Его кожа носила лишь легкий медный оттенок, отличающий красных людей Марса от других рас, населяющих умирающую планету. Он был похож на них, но все же была еле уловимая разница, нечто большее, чем светлый цвет кожи и серые глаза. Казалось, он парит в беге. Скорость движения других воинов была ничтожна по сравнению с его скоростью.

Асток все еще удерживал Тувию, пришелец же, не теряя времени зря, произнес только одно слово: «Калот!» — и его могучий кулак нанес удар по подбородку принца. Он поднял своего противника высоко в воздух и бросил на центр цветущего куста пималии у скамейки из эрзита.

Защитник обернулся к девушке.

— Каор, Тувия, принцесса Птарты! — воскликнул он. — Кажется, сама судьба вовремя привела меня сюда!

— Каор, Карторис, принц Гелиума! — ответила девушка на приветствие молодого человека. — Чего же еще можно было ожидать от сына такого отца! — Лицо девушки слегка потемнело под шелковистой нежной кожей, а глаза Астока, принца Дузара, блеснули злобой, когда

он понял все, что осталось недосказанным между этими двумя людьми.

— Ты заплатишь мне за это! — резко произнес он, обращаясь к Карторису.

Он все еще стоял в окружении подоспевшей стражи. Молодой офицер, возглавлявший караул, оказался в затруднительном положении. Асток был сыном могущественного джеддака, почетным гостем Тувана Дина, ему были оказаны при встрече королевские почести. Ведь его арест будет означать ничто иное, как объявление войны. И все же он совершил тяжкое преступление, которое по законам Птарты карается смертью.

Офицер посмотрел на принцессу, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Она прекрасно понимала, что от исхода этой ситуации многое зависит. Дузар и Птарта всегда жили в мире. Большие торговые корабли курсировали между крупными городами двух государств. Одно только ее слово могло втянуть их народы в кровавое столкновение. Оно может лишить государства многих храбрых сердец, оставив бессильными перед набегами завистливых соседей, а в конце концов они станут добычей свирепых зеленых орд, обитающих на дне высохших морей.

Не страх повлиял на ее решение, так как это чувство не знакомо детям Марса. Скорее это было чувство ответственности, которую дочь джеддака несла за благополучие своего народа...

— Я звала тебя, падвар,— обратилась она к лейтенанту охраны,— чтобы ты защитил свою принцессу и сохранил мир. Ты будешь сопровождать меня во дворец, а принц Гелиума последует за нами.

Опершись на предложенную Карторисом руку и даже не взглянув на Астока, она медленно направилась к массивному мраморному дворцу, в котором размещался правитель Птарты и его блестящий двор. Таким образом Тувия нашла выход из затруднительного положения, избежав ареста гостя своего отца и схватки между двумя принцами, готовыми вцепиться в горло друг другу.

У скамейки остался Асток. Полными ненависти глазами наблюдал он за удаляющейся фигуркой девушки, вызвавшей у него столь неистовую страсть, и за принцем, который, как он теперь понял, стал преградой к достижению его заветной цели.

Когда процессия скрылась из виду, Асток, бормоча

проклятия, направился через сад к другому крылу здания, где размещался он со своей свитой.

В этот вечер Асток прощался с Туваном Дином; и хотя никто и словом не обмолвился о случившемся в саду, нетрудно было понять по холодной маске учтивости на лице джеджа, что только обычаи королевского гостеприимства удерживали его от выражения презрения, которое он испытывал к принцу Дузара.

Ни Карторис, ни Тувия не присутствовали на церемонии прощания. Натянута и формально были исполнены все требования придворного этикета, и когда последний воин Дузара перебрался на борт боевого корабля, доставившего гостей во владения Тувана Дина, и мощная машина плавно поднялась с посадочной площадки, чувство облегчения прозвучало в голосе Тувана Дина, когда он обернулся к одному из офицеров охраны со словами объяснения этого чужестранца. Это событие уже несколько часов не выходило у всех из головы. Но был ли он чужестранцем?

— Сообщите принцу Совану, — приказал он, — наше желание вернуть флот, отправившийся в Каол этим утром, мы хотим предпринять путешествие на запад от Птарты.

Когда военный корабль на борту с Астоком, возвращающимся во владения его отца, повернул на запад, Тувия сидела на той же самой скамье, где принц Дузара оскорбил ее, и наблюдала за огоньками, мерцающими на носу и корме. Подле нее в блестящем свете ближней луны сидел Карторис. Его же глаза были устремлены на профиль поднятого вверх лица девушки.

— Тувия, — прошептал он.

Девушка перевела свой взор на него. Он протянул руку в надежде завладеть ее рукой, но она мягко убрала ее.

— Тувия, я люблю тебя, — воскликнул молодой человек. — Скажи мне, что мои слова не задела твоей чести.

В ответ она печально покачала головой. — Любовь Карториса, принца Гелиума, может быть лишь честью для женщины, но ты не должен говорить этого, друг мой, ты не должен награждать меня тем, за что я не могу расплатиться.

Молодой человек медленно поднялся на ноги. Его глаза широко раскрылись от удивления. Принцу и в голову не приходило, что Тувия может любить другого.

— Но тогда, в Кадабре, и позже здесь, во дворце твоего отца, что ты сделала, Тувия, чтобы дать мне понять, что не сможешь ответить на мою любовь? — воскликнул он.

— А что я сделала, Карторис, — произнесла она в ответ, — что могло заставить тебя поверить в мою любовь?

Он замер на мгновение, затем тряхнул головой.

— Ничего, Тувия, это правда, и все же я могу поклясться, что ты любишь меня! По крайней мере, ты знала, что моя любовь к тебе близка к поклонению.

— Но как я могла догадаться об этом? — спросила она простодушно. — Ты мне когда-нибудь говорил об этом? С твоих уст хоть раз слетали признания в любви?

— Но ты должна была чувствовать это, — воскликнул он. — В сердечных делах я так же глуп, как и мой отец. Я не знаю, как обращаться с женщинами, но даже драгоценные камни, разбросанные по дорожкам королевского сада, деревья, цветы и газоны — все видели любовь, наполнившую мое сердце с той минуты, как я впервые увидел тебя, твое прекрасное лицо и совершенные формы, и как же ты могла остаться слепой к моей любви?

— А разве в Гелиуме девушки ухаживают за молодыми людьми? — спросила Тувия.

— Ты смеешься надо мной! — воскликнул Карторис. — Скажи, что ты смеешься надо мной и что ты все же любишь меня, Тувия!

— Я не могу сказать тебе этого, Карторис, так как я обещана другому.

Она сказала это ровным голосом, но кто может поручиться, что в нем не звучала безграничная печаль? Кто может сказать это?

— Обещана другому? — с трудом произнес Карторис. Его лицо стало почти белым, но затем он поднял голову, как и подобает тому, в чьих жилах течет кровь повелителя этого мира.

— Карторис желает тебе счастья с человеком, которого ты избрала, — сказал он, — с... — и он замолчал в ожидании, когда она произнесет имя.

— Куланом Титом, джеддаком Каола, — ответила Тувия. — Он друг моего отца и самый могущественный союзник Птарты.

Молодой человек посмотрел на нее внимательно, прежде чем снова заговорил.

— Ты любишь его, Тувия? — спросил он.

— Я обещана ему,— просто ответила она. Он же ни на чем не настаивал.

— Он один из самых знатных и могущественных воинов Барсума,— задумчиво произнес Карторис.— Друг моего отца и мой друг! Если бы это был кто другой! — пробормотал он свирепо.

О чем думала в это время девушка, было скрыто от Карториса, и только легкая тень печали за Карториса или за себя, а может быть, и за обоих вместе не исчезала с ее лица.

Карторис не осмелился спросить, но заметил ее печаль. Он поднес покрытый бриллиантами край великолепной одежды девушки к своим губам.

— Слава и счастье Кулану Титу и бесценному бриллианту, который был дарован ему судьбой! — сказал он твердым слегка хрипловатым голосом, но в нем звучала искренность.— Я сказал, что люблю тебя, Тувия, до того, как узнал, что ты обещана другому. Я не могу повторить тебе этого снова, так знай — я счастлив, что ты знаешь это, так как в этом нет оскорбления ни для тебя, ни для Кулана Тита, ни для меня. Моя любовь безгранична и может распространиться и на твоего избранника, если ты любишь его,— в его последних словах прозвучал вопрос.

— Я обещана ему,— ответила она.

Карторис, положив одну руку на сердце, а другую на рукоять меча, сказал: — Они принадлежат тебе всегда! — Через минуту он уже вошел во дворец, скрывшись из виду.

Если бы Карторис обернулся, то увидел бы ее стоящей на коленях у скамьи из эрзита. Она спрятала свое лицо в ладонях. Плакала ли она? Проверить это было некому.

Карторис в этот день вошел в зал друга своего отца без предупреждения. Он прилетел на небольшом быстром аппарате, уверенный, что как всегда его ждет в Птарте дружеское гостеприимство. Поскольку это был не официальный визит, то и при входе во дворец не соблюдались необходимые формальности этикета.

Тувану Дину он объяснил, что испытывает небольшое изобретение, прибор, соответствующий земному компасу, которым снабжен его воздушный аппарат. Суть его заключалась в том, что он ведет корабль по строго заданному курсу в определенное место, при этом необходимо лишь строго следовать направлению стрелки при-

бора. Это новшество обеспечивало возможность достигать любой заданной точки на Барсуме в кратчайший срок и по кратчайшему маршруту. По прибытии корабля на место, он автоматически останавливал судно и осуществлял посадку.

— Ты без труда оценишь преимущества этого изобретения,— сказал он Тувану Дину, сопровождавшему его на крышу дворца, где размещалась посадочная площадка.

Дюжина офицеров дворцовой охраны с несколькими слугами собрались перед джеддаком и его гостем. Один слуга был настолько нетерпелив, что его господин дважды сделал ему выговор за то, что тот пытался пробраться вперед знатных придворных, чтобы посмотреть на сложный механизм чудесного компаса, контролирующего направление — так был назван этот прибор.

— К примеру,— продолжал Карторис,— мне предстоит путешествие на всю ночь, как сегодня. Я устанавливаю указатель на правом циферблате, а он контролирует и обеспечивает направление на восточное полушарие Барсума таким образом, чтобы эта точка находилась на долготе и широте Гелиума. Затем я завожу двигатель и преспокойно ложусь спать, оставив зажженные огни по бортам, абсолютно уверенный в том, что в назначенный час я совершу мягкую посадку на крыше моего собственного дворца.

— При условии, что ты не столкнешься с таким же ночным путешественником,— вставил Туван Дин.

Карторис улыбнулся.— Это мне не грозит. Посмотри,— и он указал на прибор, находящийся справа от компаса направления.— Это мой указатель преград, так я его назвал. Прибор, который вы видите, поднимает и опускает корабль. Сам механизм находится под палубой, снабжен приводом к приборам и соединен проводами с рычагами управления.

Прибор очень прост, это ничто иное, как генератор, работающий на ядерной энергии и распространяющий лучи во всех направлениях на сотни ярдов от летящего судна. Если они натываются на преграду, чувствительный прибор немедленно устанавливает это, передавая сигнал магнитному прибору, который, в свою очередь, приводит в движение механизм управления, уводящий корабль от преграды. Затем корабль автоматически ложится на заданный курс. В особо трудных опасных слу-

чаях механизм останавливает корабль и подает сигнал тревоги.

Туван Дин улыбкой выразил свою оценку чудесного прибора. Один из слуг пробрался почти к самому кораблю. Его глаза почему-то сузились.

— Все учтено, за исключением одной вещи,— сказал слуга. Все удивленно посмотрели на него, а один из офицеров довольно резко схватил парня за плечо. Карторис поднял руку.

— Подождите,— остановил он офицера.— Давайте выслушаем этого человека. Ни одно из существующих творений не совершенно. Возможно, он заметил недостаток, и его можно устранить сейчас же. Подойди сюда, друг мой, и скажи, какие еще непредвиденные обстоятельства я не учел.

Пока Карторис говорил эти слова, он внимательно рассмотрел слугу. Это был симпатичный человек, крупного телосложения, как и все красные люди, но его тонкие губы выдавали скрытую жестокость. От правого виска до угла рта через всю щеку проходил шрам от удара сабли меча.

— Прибор может быть испорчен врагом,— сказал тот.

Карторис достал небольшой ключик из кожаной сумки.

— Посмотри,— сказал он и протянул его слуге.— Механизм открывается этим ключом. Никакому мастеру даже по памяти не воспроизвести его. Он охраняет жизненно важные части аппарата от постороннего вмешательства. Без него врагу придется наполовину разрушить прибор, чтобы проникнуть в его сердце, но тогда его работа будет замечена.

Слуга взял ключ, внимательно посмотрел на него, а когда возвращал обратно, нечаянно уронил на мраморные плиты, устилающие пол. В поисках ключа он даже наступил на него, но в конце концов, наклонившись, поднял его и с радостным возгласом вручил Карторису. Затем слуга отступил за спины придворных и вскоре был забыт.

Спустя некоторое время, Карторис попрощался с Туваном Дином и его свитой, и его корабль в окружении мерцающих огней уплыл в пустоту звездной марсианской ночи.

ГЛАВА II

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Когда правитель Птарты, сопровождаемый придворными, спустился с площадки на крыше дворца, слуги разошлись по своим комнатам, расположенным позади комнат придворных. Один из них замешкался. Наклонившись, он быстрым движением снял с ноги сандалию и украдкой опустил ее в сумку.

По знаку, данному джеддаком, придворные и слуги разошлись; никто и не заметил, что среди слуг уже нет того парня, который проявил столь необычный интерес к изобретению Карториса и вызвал внимание к себе принца Гелиума. Никто и не подумал даже поинтересоваться, к чьей свите он принадлежит, так как у придворных столь много слуг, выполняющих малейшую прихоть хозяев, что новое лицо мало у кого вызывает интерес.

Поздним утром следующего дня слуга большого роста в одеянии придворного дома правителя Птарты прошел в город через дворцовые ворота. Он быстро миновал сначала одну улицу, затем другую, оставил район, населенный знатью и достиг другого, в котором располагались магазины. Здесь он разыскал высокое здание, весьма оригинальное, построенное в виде башни, высокий шпиль которой поднимался к небесам. Стены его были украшены тонкой резьбой и сложной мозаикой.

Это был Дворец Мира, в котором размещались представители иностранных государств и их посольства. Сами послы обитали в районах, населенных знатью.

Человек отыскал посольство Дузара. Как только он вошел, служащий вопросительно посмотрел на него и на просьбу вошедшего, сказать о нем послу, потребовал какой-либо документ. Посетитель снял простой металлический браслет и указал на надпись на его внутренней стороне, прошептав что-то служащему.

Глаза последнего удивленно раскрылись, и его отношение к прибывшему мгновенно изменилось. Указав пришельцу на кресло, он поспешил во внутренние комнаты с браслетом в руках. Минутой позже он появился в приемной и пригласил незнакомца к послу.

Долгое время те беседовали наедине, а когда, наконец, гость высокого роста вновь появился в приемной, на лице его расплылась зловещая улыбка. Из Дворца

Мира он поспешил прямо во дворец посла Дузара.

Этой же ночью два быстроходных корабля покинули площадку дворца. Один из них полным ходом направился в Гелиум, другой — в Дузар.

Тувия, по привычке, бродила перед сном по саду своего отца, закутанная в шелк и меха, так как после захода солнца воздух на Марсе становится холодным.

Мысли девушки были обращены к предстоящей свадьбе, после чего она станет женой джеддака Каола. Думала она и о молодом принце Гелиума, открывшем ей свое сердце. Трудно сказать, раскаяние или жалость омрачило ее лицо, когда она смотрела на юг, туда, где прошлой ночью мерцали огни его корабля.

Странное чувство охватило ее, когда она вдруг различила огни корабля, быстро приближающегося именно оттуда, откуда она бессознательно чего-то ждала. Она видела, как корабль сделал круг низко над дворцом, и поняла, что он снижается, готовясь к посадке.

Немного спустя мощные огни прожекторов внезапно вспыхнули, осветив на мгновение посадочную площадку, фигуры охраны и драгоценные камни, устилавшие дорожки в саду. Затем яркий луч стремительно пронесся по саду и остановился на скамье из эрзита и девушке, стоящей возле нее.

Лишь на миг прожектор остановился на Тувии, потом погас, а корабль пролетел над ней, чтобы опять появиться над рощей величественных деревьев и роскошных цветущих кустов.

Девушка некоторое время стояла все в той же позе, только склонила голову в раздумье. «Кто, как не Карторис мог бы совершить столь дерзкий поступок?» — она старалась вызвать в себе гнев, но ей было трудно заставить себя рассердиться на молодого принца Гелиума. «И что за сумасшедшая причуда побудила его нарушить этикет?». Принцесса была возмущена и разгневана, но девичьи чувства...

А что же охрана? Очевидно, стражники также были удивлены случившимся и не успели даже окликнуть пришельцев. Послышался шум заработавшего мотора, и патрульная лодка поднялась в воздух. Тувия наблюдала, как она устремилась на восток; за ней следило множество глаз.

Над широкой аллеей под раскинувшейся во все стороны листвой висел корабль всего в нескольких футах

над землей. С его палубы зорко следили за прожектором патрульной лодки, шарившим по небу. Ни одного огонька не было зажжено на борту нарушителя. Царила гробовая тишина. Его экипаж замер, наблюдая за удалявшейся патрульной лодкой.

— Да помогут нам души наших предков,— произнес один из членов экипажа низким голосом.

— Ни один план не был задуман лучше этого,— отозвался другой.— Все произошло точно так, как предвидел принц.

Тот, кто заговорил первым, повернулся к человеку, сидевшему на корточках перед пультом управления.— Сейчас,— прошептал он. Вновь наступило молчание. Каждый на борту был явно подготовлен к четкому исполнению своих обязанностей в этом тайном ночном полете. Бесшумно корабль пробирался среди темных молчаливых деревьев.

Тувия глядела на восток, как вдруг увидела резко очерченный корпус корабля, перелетевшего через стену сада. Он уверенно направился к красным газонам. Она, конечно, догадалась, что эти люди прибыли сюда отнюдь не с честными намерениями, но все же не подняла тревогу и не позвала стражников, она даже не попыталась скрыться в безопасное место. Почему?

Едва корабль коснулся земли, как четыре члена экипажа прыгнули с его палубы и побежали к девушке. И это не заставило ее поднять тревогу. Тувия стояла словно загипнотизированная, или, может быть, она ждала желанного гостя?

Она не двигалась, пока они не подошли к ней вплотную. Ближняя луна вынырнула в этот момент из-за листьев и осветила лица воинов. Тувия различила на них форму Дузара и только теперь испугалась, но, увы, было слишком поздно.

Она не успела вскрикнуть, как грубые сильные руки схватили ее. Тяжелый шелковый шарф обвил ее шею и грудь. Затем они быстро подхватили ее на руки и отнесли на палубу корабля. Зашумели пропеллеры, и она почувствовала, что судно поднялось в воздух. Снизу доносились голоса перекликавшихся дозорных.

А в южном направлении к Гелиуму стремительно несло еще одно судно. Высокий красный человек в его кабине, склонясь над мягкой подошвой своей сандалии, тонкими инструментами измерял слабый отпечаток

маленького ключа. Улыбка заиграла на его лице, когда он, закончив работу, обернулся к человеку, сидящему у противоположного конца стола.

— Какая умница,— заметил он,— только он мог придумать такой замок с автоматическим защелкиванием. Возьми чертеж ключа и употреби все свое умение и мастерство, чтобы претворить его в металл.

Мастер внимательно разглядывал чертеж.

— Человек не может создать того, что нельзя разрушить,— мрачно заметил он и ушел, унося чертеж.

На рассвете над башнями Гелиума — красной и желтой — с севера появился корабль. На его борту были опознавательные знаки небольшого города, входящего во владения Гелиума. Медленное уверенное продвижение корабля в направлении к городу не вызвали подозрения у сонной стражи. Время ночного дежурства истекало, и все думали лишь о приходе смены.

Мир царил в Гелиуме. Государство пока не имело врагов. Нечего и некого было бояться.

Не спеша, ближайший патрульный корабль направился к чужому кораблю. На расстоянии слышимости офицер приветствовал вновь прибывших. Бодрое «каор!» и внушающее доверие объяснение о том, что владелец прибыл из отдаленной части Гелиума чтобы поразвлечься в столице, удовлетворили охрану. Воздушный патруль удалился, а незнакомец приблизился к посадочной площадке.

В момент посадки мастер вошел в кабину и протянул высокому знатному господину, поднявшемуся с постели, устланной шелками и мехом, маленький ключик.

— Все исполнено, Вас Кор,— сказал он.

— Отлично! Ты, должно быть, работал над ним всю ночь, Ларок?

Мастер кивнул головой.

— А теперь принеси мне то, что ты сделал несколько дней тому назад.

Выполнив поручение, воин помог своему хозяину заменить красивый блестящий галун на его одежде на более простой знак отличия рядового воина Гелиума. Разумеется, и корабль был покрашен в соответствующие цвета.

Вас Кор позавтракал, вышел на площадку и в лифте быстро спустился на улицу, где был поглощен утренней толпой гелиумцев, спешащих по своим делам. Его

одежда ничуть не отличалась от одежды остальных людей. Все марсиане — воины, постоянно носящие при себе оружие. Торговец и его приказчик звенят доспехами, занимаясь своей работой. Ребенок, входящий в самостоятельную жизнь, вырвавшись из белоснежной оболочки яйца, окружавшего его в течение пяти лет, мало что знает о жизни, но без оружия не появляется нигде.

Путь Вас Кора лежал через плоскую равнину в Большой Гелиум, находящийся в семидесяти пяти милях от той части, где приземлился его корабль, поскольку здесь воздушный патруль был менее дотошным.

Итак, он уверенно продвигался среди толпы по глубокому ущелью — главной артерии города. Город уже проснулся, кругом царил обычная утренняя суета. Дома, высоко поднятые на тонких металлических колоннах на ночь, мягко опускались на место. Среди цветов на алых газонах, окружавших здания, играли дети; миловидные женщины смеялись, болтая со своими соседками, отбирая великолепные цветы для своих ваз.

Приятное для слуха «каор» то и дело доносилось до ушей чужестранца; это друзья и соседи, принимаясь за дела нового дня, приветствовали друг друга.

Он устремился в жилой район, заселенный наиболее преуспевающими купцами. Здесь бросались в глаза роскошь и благосостояние. На крышах домов рабы раскладывали для просушки великолепные меха; украшенные драгоценностями женщины беззаботно расположились на резных балконах перед спальнями. Чуть позже они переместятся на крыши под шелковые балдахины, защищающие их от палящего солнца.

По небу пролетали длинные легкие пассажирские суда. Над центральной артерией города двигались торговые суда, строго соблюдая правила перемещения. Из частных ангаров, расположенных на крышах многих домов, к ним присоединялись легкие лодки. Веселые слова прощания и последние напутствия смешивались с гулким шумом работы моторов и общим шумом города.

И все-таки, несмотря на большое движение бесчисленного множества кораблей, летящих во все стороны, над Гелиумом стояла относительная тишина. Марсиане не терпят резкого неожиданного шума. Для них куда приятнее шум боя, лязг оружия и звон мечей.

На перекрестке двух широких проспектов Вас Кор спустился на одну из больших воздушных станций и

оплатил стоимость поездки в Большой Гелиум парой тусклых овальных монет.

Следом за привратником он подошел к медленно вращающейся ленте, на которой размещались конусообразные восьмифутовые предметы, похожие на снаряды для какого-то гигантского орудия. Медленно они перемещались по желобу друг за другом, а служащие помогали пассажирам войти в них и направляли эти миниатюрные вагончики в нужном направлении.

Вас Кор подошел к одному из свободных вагончиков, установил указатель на циферблате в соответствии с нужной ему станцией в Большом Гелиуме и улегся на обитое чем-то мягким дно. Служащий опустил крышку, замок защелкнулся, и вагончик продолжил свое движение.

Спустя некоторое время эта капсула должна автоматически перейти на свою линию, попав в систему подземных коридоров-труб. В тот момент, когда его вагон весь поглотил темный туннель, пассажир ощутил резкое перемещение вверх, а затем его рвануло вперед со скоростью ружейной пули. Вдруг что-то засвистело — это последовала неожиданная, но мягкая остановка. Служащий открыл крышку, и Вас Кор вышел на станции, находящейся под Большим Гелиумом и в семидесяти пяти милях от той станции, где он лег в вагончик.

Он поднялся на улицу и довольно быстро нашел наземное судно, водителю которого он не сказал ни слова. Очевидно, его ждали. Едва Вас Кор занял свое место, как аппарат быстро устремился к движущемуся потоку, старательно огибая широкие и переполненные улицы. Вскоре оживленный район остался позади, и они оказались на улице, где располагалось множество небольших магазинчиков. Перед входом в один из них они и остановились. На двери висел знак торговца иностранными товарами.

Вас Кор быстро вошел в помещение с низким потолком. Человек, сидящий в дальнем углу, жестом указал ему на внутренние комнаты, не подав виду, что знает посетителя. Потом он тоже встал и прошел вслед за гостем, плотно прикрыв за собой дверь. Только тут он вежливо обернулся к гостю и почтительно поприветствовал его.

— Знатнейший! — начал он, но Вас Кор жестом заставил его замолчать.

— Никаких формальностей,— заявил он.— Мы должны твердо помнить, что я никто иной, как твой раб. Все задуманное должно быть четко выполнено. Нельзя терять ни минуты, а нам уже следует быть на пути к рынку рабов. Ты готов?

Купец кивнул головой и, повернувшись к большому сундуку, достал из него скромную одежду раба. Вас Кор переоделся в нее, и они вышли вместе через заднюю дверь магазина. По тенистой аллее они дошли до проспекта и сели в машину, поджидавшую их. Несколько минут спустя, они уже входили на рынок, где по центру огромной площадки размещался помост для рабов, который в этот день был окружен значительным скоплением людей. Сегодня Карторис, принц Гелиума, должен был стать основным покупателем.

Один за другим на трибуну у помоста поднимались владельцы живого товара, расхваливая его достоинства. Когда все было кончено, управляющий принца Гелиума пригласил к помосту тех хозяев, чьи рабы ему понравились, и предложил цену.

Торг был недолгим. Хозяин Васа Кора тоже был там. Он сразу же согласился на предложенную цену. Так неизвестное знатное лицо стало собственностью дома Карториса.

ГЛАВА III

В ЗАБРОШЕННОМ ГОРОДЕ

На следующий день после того, как Вас Кор оказался на службе во дворце принца Гелиума, весь двор Карториса был охвачен волнением.

Пришла весть о похищении Тувии, причем прямо из дворца ее отца. В ее пропаже обвиняли Карториса, заявляя, что он знает, где она находится.

В зале совета Джона Картера, Владыки Марса, собрались Тордос Морс, джеддак Гелиума, Морс Кайак, его сын и джед Малого Гелиума, Карторис и десять самых знатных и могущественных людей страны.

— Между Птартой и Гелиумом не должно быть войны! — категорично заявил Джон Картер.— Твою непричастность к делу, в котором тебя обвиняют, основываясь на подозрении и случайностях, мы хорошо знаем, но

и Туван Дин тоже должен знать это. Только один человек может убедить его — это ты сам. Так что тебе придется поспешить в Птарту и доказать, что его подозрения безосновательны. Да поможет тебе авторитет Владыки Барсума и джеджака Гелиума. Ты получишь в помощь все силы союзных государств, чтобы оказать помощь Тувану Дину в поисках дочери и наказать ее похитителей, кто бы они ни были. Иди же, я знаю, что тебя нельзя удерживать!

Покинув зал заседаний, Карторис направился к себе во дворец, где слуги уже были заняты приготовлением вещей хозяина к неожиданной экспедиции. Как муравьи, они сновали от корабля ко дворцу.

Когда все было готово, два вооруженных раба остались на страже судна. Заходящее солнце сияло над горизонтом, готовое исчезнуть. С минуты на минуту все погрузится в темноту марсианской ночи.

Один из стражников, человек громадного роста с рассеченной от виска до рта правой щекой, приблизился к своему товарищу. Уткнувшись глазами в его спину, он подошел вплотную и заговорил: — Что за странный корабль?

Напарник, конечно, запрокинул голову, вглядываясь в небо. Не теряя времени, великан вонзил короткий меч под левую лопатку, прямо в сердце ничего не подозревавшего раба. Тот замертво упал, не издав ни единого звука. Убийца быстро оттащил труп в темный угол ангара. Потом направился в кабину корабля и снял крышку с правого компаса направления. Некоторое время он изучал механизм, затем вернул все на свои места. Несколько раз он передвигал указатель. Зловещая улыбка пробежала по его губам.

Острым ножом он перерезал провод, подведенный к компасу. То же самое он проделал и с левым компасом, перерезав идущий к нему металлический стержень.

Раб справился со всем довольно быстро и вновь занял место в карауле. С первого взгляда ничего не было заметно, но в действительности движение указателей не приводило в действие механизм автопилота, поскольку он был установлен на место назначения, выбранное рабом.

Вскоре появился Карторис, сопровождаемый группой придворных. Он бросил взгляд на раба, стоящего на страже. Тонкие жестокие губы воина и шрам всколыхнули в душе Карториса неприятные воспоминания. Он

удивился, где это могли найти этого человека для охраны, но моментально забыл об этом и уже в следующий миг смеялся и болтал со своей свитой, мучимый в душе опасениями, что непредвиденные обстоятельства и случайности могут оказаться помехой в деле возвращения Тувии.

Первой к нему, естественно, пришла мысль о том, что прекрасную деву Марса похитил Асток, принц Дузара, но почти одновременно с вестью о похищении Тувии до них дошло сообщение о больших празднествах в Дузаре в честь возвращения сына джеддака.

«Это был не Асток,— подумал Карторис,— так как в ночь похищения девушки он находился во дворце своего отца но все же это подозрительно».

Он вошел на корабль, обмениваясь последними словами прощания, открыл механизм автопилота и установил указатель на столицу Птарты, нажал на кнопку, контролирующую поступление отталкивающих лучей, и корабль легко поднялся в воздух. Заработал мотор, зашумели пропеллеры и судно, ведомое Карторисом, принцем Гелиума, устремилось в глубокой марсианской ночи, опережая движение двух лун, по усыпанному миллионами звезд небу.

Корабль еще не набрал должной скорости, как Карторис, завернувшись в меха, вытянулся во весь рост на узкой палубе, но сон не шел к нему, отгоняемый мрачными мыслями. Он воскрешал в памяти ответ Тувии, на его вопрос, любит ли она Кулана Тита. Она заметила только, что обещана ему. Этот уклончивый ответ давал ему надежду, но на что? Он и сам этого еще не знал.

Теперь ему стало ясно, что ответ ее можно толковать по-разному. Он мог означать, что Тувия не любит Кулана Тита, но ведь она могла любить еще кого-то другого. А был ли этот другой Карторис?

Чем больше он думал об этом, тем более убеждался, что ни ее слова, ни ее поступки не давали ему уверенности в ее любви. Вероятно, она вовсе не любит его, а ее сердце отдано другому. Ее не похитили — она бежала по собственной воле вместе с возлюбленным.

С такими «приятными» мыслями, наполнявшими его то отчаянием, то жадой мести, Карторис наконец заснул, измученный нервным потрясением событий последних дней.

Наступил рассвет, а Карторис еще спал. Его судно

бесшумно пронеслось над бесплодной желто-коричневой равниной — старому как мир дну давно уже мертвого марсианского моря. Вдалеке виднелись невысокие холмы. К ним-то и летел корабль. А когда он подлетел к ним поближе, с его палубы можно было увидеть большой мол, далеко уходящий туда, где когда-то был могучий океан. Он огораживал обмелевшую гавань заброшенного города, защищая великолепные некогда набережные.

Внушительных размеров чудесные архитектурные сооружения мрачными и пустыми глазницами окон взирали на высохшее море. Этот печальный город казался скоплением могильных холмов, увенчанных отбеленными солнцем человеческими черепами. Порталы дворцов походили на оскаленные в усмешке пасти чудовищных животных...

Все ближе и ближе был заброшенный город, скорость корабля снижалось. Это не была столица Птарты!

Корабль остановился над центральной площадью и начал медленно спускаться. В сотне ярдов от поверхности он завис в сухом воздухе, и в этот момент над ухом спящего Карториса прозвучал сигнал тревоги.

Он вскочил на ноги, ожидая увидеть под собой столицу Птарты, а рядом воздушный патруль. Но вместо толпы на широких проспектах Карторис увидел под собой огромный город, пугающий мертвой тишиной пустынных крыш. Ни великолепные шелка, ни бесценные меха не придавали жизни холодному мрамору и блестящему эрзиту. Он не обнаружил ни одной патрульной лодки. Молчаливый и безлюдный лежал перед ним большой город, таким же молчаливым и пустынным было окружающее его воздушное пространство.

Что же произошло?

Карторис проверил пульт управления прибора назначения. Указатель на циферблате был установлен на Птарту. Неужели его изобретение так подвело? В это он никак не мог поверить.

Карторис быстро откинул крышку прибора. Одного взгляда хватило, чтобы понять, в чем тут дело: стальной привод, соединяющий указатель на пульте с механизмом был перерезан.

Кто же мог сделать это и зачем?

Впрочем, Карторис никого не мог заподозрить, да и главным теперь было определить точку нахождения корабля на Барсуме. Конечно, враг стремился задержать

его и весьма преуспел в своих коварных замыслах. Второй указатель также оказался выведенным из строя, а указатель на нем был установлен в западном направлении от Гелиума.

Он, однако, понял, что находится на значительном расстоянии к юго-западу от столицы своего государства.

Вдруг женский крик внизу заставил его вздрогнуть. Перегнувшись через борт корабля, он увидел красную женщину. Ее тащил через площадь громадный зеленый воин, один из свирепых и жестоких обитателей мертвого морского дна и пустынных городов умирающего Марса.

Не медля ни минуты, Карторис резко послал свой корабль на землю...

А зеленый воин спешил со своей пленницей к огромному тоту, который пасся на ярко-красной травке. В это же время из дворца выскочили десять красных воинов, преследующих похитителя.

Женщина подняла лицо вверх к падающему кораблю, и на краткий миг Карторис увидел лицо Тувии.

ГЛАВА IV

ПЛЕННИЦА ЗЕЛЕНОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда дневной свет упал на маленький корабль, куда принцессу Птарты перенесли из сада ее отца, Тувия увидела, что за ночь во внешнем облике ее похитителей произошла перемена. Их доспехи не блестели, как блестит металл Дузара; вместо них воины были облачены в доспехи со знаками различия принца Гелиума.

К девушке вновь вернулась надежда, так как Карторис не мог причинить ей зла. С этими мыслями она заговорила с воином, сидящим перед пультом управления.

— Прошлой ночью на вас была форма воинов Дузара, — произнесла она, — а сейчас — воинов Гелиума. Что это значит?

Человек посмотрел на нее с улыбкой.

— Принц Гелиума не так глуп, — ответил он.

В этот момент появился офицер, который оборвал воина и запретил ему разговаривать с пленницей. Сам же не ответил ни на один ее вопрос.

Во время путешествия никто не причинял ей зла, но

девушка так и не выяснила, кто ее похитители и какова их цель.

Но вот корабль медленно опустился на главную площадь пустынного города, одного из безмолвных памятников забытого марсианского прошлого. Теперь он был окружен пустыней, а некогда здесь было море, которое бороздили торговые суда. Но люди давно ушли отсюда навсегда.

Для Тувии такие места не были в диковинку. Во время ее путешествия к реке Исс, когда она вознамерилась совершить паломничество в долину Дор, где лежит вечное море Корус, она несколько раз сталкивалась с этими печальными городами, памятниками величия и славы старого Барсума.

Она знала также, что многие покинутые города используются племенами зеленых людей как временные пристанища, но красные люди избегали их, так как в них не осталось источников воды. Зачем же ее привезли сюда?

Девушка вздрогнула при мысли о своем положении. Уже два дня люди, захватившие ее в плен, держали принцессу в большом дворце, который, несмотря на разрушения, сохранил бывшее великолепие. На рассвете третьего дня ее разбудили голоса похитителей.

— Он должен быть здесь к рассвету, — сказал один из них, — держи ее на площадке, иначе он никогда не приземлится. Но мне кажется, что он сразу же повернет назад, как только поймет, что попал вовсе не туда, куда следовало. Я думаю, что план принца слабоват именно в этом месте.

— Другого выхода не было, — ответил другой. — Все равно, оба они будут здесь, и если даже нам не удастся заманить его на поверхность, мы и так многого добьемся.

В эту минуту говорящий поймал на себе взгляд Тувии, освещенной на короткий миг быстро движущимся лучом света ближней луны. Жестом оборвав с приятелем разговор, он подошел к девушке и приказал ей встать. Потом он взял ее за руку и вывел в центр большой площадки.

— Стой здесь до тех пор, пока мы не придем за тобой, — заявил он. — Мы будем наблюдать за тобой, и если ты попытаешься бежать, тебе придется хуже, чем если бы ты умерла. Таков приказ принца!

После этого он повернулся и направился обратно ко

дворцу, оставляя ее одну посреди невидимых ужасов. Эти места были населены большими белыми обезьянами, в тела которых, по преданию, переходят духи жрецов. Тувия больше не верила в таинственное переселение души, как учили ее жрецы. Она хорошо знала, какая участь ей уготована, попади она в лапы к этим свирепым существам, всю ночь стоя на открытой площадке.

Но что это?

Конечно же, она не могла ошибиться! Кто-то тихонько зашевелился в тени одного из домов, окна которого находились как раз напротив нее.

* * *

Тар Бан, джед в ордах Таркузы, медленно ехал верхом на тоте по мертвому морскому дну, покрытому бледной желто-коричневой растительностью, и добрался наконец до руин древнего Антора.

Он преодолел огромное расстояние за ночь, возвращаясь после набега на инкубатор с яйцами соседнего племени зеленых людей Барсума, с которым воины Таркузы постоянно враждовали.

Его гигантский тот был совершенно измучен дорогой, и Тар Бан решил, что ему было бы неплохо немного отдохнуть и попастьись на мху возле стен пустынного города, где почва богаче, чем на высохшем морском дне и травяной покров лучше.

В крошечных корешках этого кажущегося сухим растения имеется достаточно влаги для того, чтобы утолить жажду громадных тоттов. Ведь они вполне могут обходиться без воды целый месяц.

Воин и его тот казались кошмарными привидениями, бесшумно передвигающимися по широкому проспекту, ведущему от набережной Антора к огромной центральной площади города. Большое животное без копыт мягко ступало по покрытой мхом древней мостовой.

Зеленый воин был колоритным представителем своей расы. Рост его достигал пятнадцати футов, а зеленая кожа лоснилась при свете луны, лучи которой освещали доспехи воина и искрились на драгоценных камнях тяжелого снаряжения, оттягивавшего четыре мускулистые руки. Загнутые клыки угрожающе торчали из нижней челюсти.

На боку тот висело длинное обитое металлом соро-

кафутовое копье, а также длинный и короткий мечи и другое мелкое оружие. Выпуклые глаза и антенноподобные уши вращались в разных направлениях, поскольку Тар Бан находился в стране врагов, да и угроза нападения со стороны белых обезьян заставляла его быть на чеку. Джон Картер считал, что это единственные существа, способные посеять в душе этих свирепых обитателей мертвых морей некоторое подобие страха.

Приблизившись к площади, Тар Бан остановил тота. Его тонкие уши, направленные вперед, уловили необычные звуки. И там, откуда доносились голоса, были враги. На Барсуме все были врагами.

Спешившись и держась в тени полуразрушенных зданий, Тар Бан стал медленно и осторожно приближаться к площади вдоль улицы мертвого Антора. Позади него как собака на поводке шел серо-голубой тот, спина которого серебрилась при свете луны, а его ярко-желтые ноги утопали в пышном мху.

В центре площади Тар Бан увидел красивую женщину, которая разговаривала с красным воином. Потом последний повернулся и направился ко дворцу на противоположной от него стороне площади. Зеленый воин выждал, пока красный человек скрылся из виду. Вот это добыча! Во владениях зеленых людей столь редко появлялись красные женщины. Тар Бан даже облизал свои тонкие губы.

Тувия тоже наблюдала за странной тенью на фоне домов в противоположном конце площади. Она надеялась, что это только плод ее воображения. Но увы! Она ясно и четко увидела, как тень начала двигаться и вскоре вышла из укрытия, колонны из мрамора, наполовину скрывавшей ее. Внезапно появившееся солнце осветило Тара Бана. Девушка невольно вздрогнула — перед ней стоял огромный зеленый воин. Тувия попыталась спастись бегством и закричала. Но едва она повернулась ко дворцу, как воин быстро подпрыгнул к ней, схватил за руку и потащил к огромному тоту, неторопливо бредущему по площади. В этот момент она услышала шум мотора, запрокинула голову и увидела быстро приближающийся корабль, но лицо человека, перегнувшегося через борт, она не сумела разглядеть.

К шуму мотора присоединились крики ее похитителей, сообразивших, что добыча уходит у них из рук. Оседлав своего тота, Тар Бан выхватил из чехла длинное

ружье, заряженное радиевыми пулями, и, резко обернувшись, выстрелил трижды в приближающихся красных людей. Трех воинов не стало, а остальные поумерили свою прыть, не решаясь вести ответный огонь, дабы не ранить пленницу.

Тар Бан пришпорил своего тотта и, держа девушку в руках, с торжествующим криком исчез в темных улицах мертвого забытого Антора.

Карторис спрыгнул с палубы корабля, не дожидаясь, пока тот совершит посадку, и устремился за быстроходным тоттом. Люди Дузара, потеряв принцессу, не могли позволить уйти и принцу. Захватив Карториса, они могли надеяться на снисхождение Астока. Трое воинов, оставшихся в живых после схватки с Таром Баном, выхватив длинные мечи, набросились на юношу, требуя его добровольной сдачи.

Достойный сын Владыки Марса и его жены, несравненной Деи Торис, бесстрашно набросился на воинов Дузара. Так быстр был его меч, так могучи и проворны его полужемные мускулы, что один из врагов замертво упал, не успев сделать ни одного выпада в сторону Карториса.

Два оставшихся в живых воина Дузара одновременно набросились на принца Гелиума. Три меча зазвенели и засверкали в ночи, а большие белые обезьяны, разбуженные странными звуками, из нижних окон полуразрушенных зданий наблюдали за кровавой схваткой.

Трижды меч противника касался Карториса, кровь струилась по лицу отважного юноши, застилала глаза. Он изредка стирал ее свободной рукой и вновь яростно бросался на противников.

Наконец тяжелый меч Карториса поразил еще одного врага, и последний воин Дузара, спасаясь от неминуемой смерти, бросился бежать ко дворцу.

Карторис не стал преследовать противника. У него была более важная забота, чем наказание чужеземцев, переодевшихся в форму его собственного дома. Не теряя ни минуты, он вернулся на свой корабль и поднял его в воздух в погоню за Таром Баном.

Красный воин Дузара, добежав до дворца, схватил одно из ружей, оставленных у стены, и вновь выбежал на площадь. Прицелившись, он нажал на курок. Пуля слегка задела борт корабля, последовал небольшой взрыв, и темная обшивка начала пропускать лунный свет

в носовую часть корабля. Карторис почувствовал, как судно качнулось и, резко сбросив скорость, некоторое время продолжало двигаться по инерции в том направлении, где скрылся зеленый воин со своей пленницей.

Красный воин на площади все еще продолжал стрелять, но безуспешно. Потом величественная башня одного из дворцов закрыла от него медленно уходящее судно.

А Карторис уже разглядел впереди зеленого воина, уносящего Тувию на своем могучем тоте. Он спешил на северо-запад от Антора, туда, где лежала горная страна, малоизвестная красным людям.

Юноше пришлось заняться проверкой повреждений, нанесенных стрельбой красного воина. Он обнаружил, что один из баков, наполненный смесью, поддерживающей корабль в воздухе, получил пробоину, но мотор остался целым. Осколком был также задет рычаг управления, и поломку можно было устранить лишь в условиях мастерской. Теперь судно передвигалось тихим ходом, который не мог сравниться с быстрым аллюром восьминогого тотта, с бешеной скоростью уносящего своего хозяина с добычей по бескрайнему бледно-коричневому дну мертвого моря.

Принц нервничал и мучился от собственного бессилия, но все же корабль продвигался вперед. Через некоторое время судно стало медленно снижать высоту, крепясь на левый борт. Баки, вероятно, получили более серьезное повреждение, чем он предполагал. Напряжение трудного дня совсем измотало его. Корабль опускался все ниже и ниже, а с наступлением ночи исчез ветерок, дувший с юго-востока и поддерживавший дрейф; Карторису пришлось посадить судно на мох.

В последний раз принц посмотрел на горы, очертания которых появились далеко впереди. К ним-то и лежал путь зеленого воина. Но и оставшись без корабля, наделенный неукротимой силой воли, доставшейся ему от отца, сын Джона Картера продолжил преследование врага пешком.

Всю ночь он упрямо продвигался вперед, пока с восходом солнца не вошел в предгорья Торказа.

Шершавые гранитные скалы стеной встали перед ним. Он никак не мог найти проход сквозь этот казавшийся непреодолимым барьер, но ведь зеленый воин пронес его любимую в этот негостеприимный мир камня. На мягком мху морского дна не было видно никаких следов.

И как ни искал Карторис хоть малейший признак пути похитителя, ему так и не удалось раскрыть тайну, скрытую горами.

На закате следующего дня он вдруг увидел на расстоянии нескольких сотен ярдов слева от себя рыжевато-коричневую шкуру. Он замер, прислонившись к скале, и молча наблюдал за громадным зверем. Это был огромный свирепый бенс Барсума, который в одиночку бродил по пустынным холмам умирающей планеты. По всей вероятности, животное кого-то преследовало, тщательно вынюхивая следы. Пока Карторис наблюдал за ним, надежда поселилась в его душе. Он решил, что голодное животное идет по следу тех двоих, которых он и сам ищет.

Поразмыслив, он направился вслед за бенсом, который продвигался вдоль основания отвесной скалы, обнюхивая невидимый след и время от времени издавая низкий рев вышедшего на охоту самца.

Карторис некоторое время следовал за животным, как вдруг оно неожиданно и таинственно исчезло, словно растворилось в воздухе. Принц устремился к месту, где в последний раз видел крадущееся животное. Следуя вдоль отвесной скалы, он так и не обнаружил ни одной щели, куда бы мог протиснуться бенс. Впереди появился небольшой плоский валун, не превышающий в высоту человеческий рост.

Может быть, бенс скрывается за ним, поджидая жертву? Осторожно, с обнаженным клинком в руке, Карторис завернул за валун и обнаружил вход в темную пещеру, уходящую в глубину горы. В ней, вероятно, и исчез бенс. Была ли пещера его логовом? В этой мрачной тьме мог притаиться не один, а несколько страшных зверей. Карторису некогда было раздумывать. Он понял, что именно в пещере скрылся зеленый воин, унося с собой его любимую женщину, ради жизни которой он был готов отдать свою.

Не колеблясь ни минуты, держа меч наготове, он осторожно нащупывал дорогу в крошечной тьме, которая обступила его со всех сторон.

ПРЕКРАСНАЯ РАСА СВЕТЛОКОЖИХ

Гладкий широкий коридор шел вниз, и вскоре Карторис понял, что это не пещера, а рукотворный туннель, идущий сквозь горную гряду.

До него периодически доносился низкий рев бенса, идущего по следу зеленого воина, а через некоторое время он услышал сзади подобные жуткие звуки. Другой бенс шел по следу самого Карториса.

Положение Карториса было тяжелым. Он не мог разглядеть даже собственной руки, а бенс достаточно хорошо ориентировался и в полной темноте.

Туннель все время вел прямо: сначала принц ощутил небольшой уклон вниз, но через некоторое время начался подъем. Карторис торопился, понимая, что ему вскоре предстоит сразиться с одним или с обоими бенсами сразу. Здесь шедший сзади нагонял его. Он еще крепче сжал свое оружие. Вряд ли он сможет оттянуть схватку, поскольку уже слышал дыхание преследующего его бенса.

Когда принц входил в пещеру, солнце садилось. Путь его оказался достаточно долгим. Карторис стремился достичь конца туннеля, чтобы встретиться со зверем хотя бы при лунном свете наступившей уже ночи.

Он оглянулся назад. В десяти шагах от него ярко горели два глаза. В этот момент зверь испустил устрашающий рев и бросился в атаку. Надо было обладать стальными нервами, чтобы в темноте встретить бешеное животное с огромными острыми клыками. Принц направил острие своего меча прямо в горящие глаза зверя, как когда-то делал это его отец. Одновременно он сделал резкий рывок в сторону. С оглушительным ревом бенс пронесся мимо него, развернулся и вновь набросился на человека. Карторис увидел, что у зверя остался только один глаз. И опять острие его оружия встретило сверкающую цель, вновь вызвав наводящий ужас рев раненого животного. Казалось, раскаты грома прокатились по коридору, эхом отозвавшись где-то вдали.

Обезумев от боли, зверь предпринял новую атаку, но принц теперь лишь слышал скрежет когтей по каменному полу. Заняв позицию по центру туннеля, юноша удерживал меч на уровне груди зверя, надеясь на случай. Карто-

рис не мог поверить, что все закончилось так быстро. Могучее тело бенса на бешеной скорости пронеслось мимо него всего лишь в футах, а затем он понесся дальше по туннелю.

Принц последовал в том же направлении. Вскоре сердце его радостно забилося при виде лунного света, освещавшего выход из длинного коридора.

Перед ним лежала обширная долина, окруженная со всех сторон гигантскими скалами. По всей долине росли странные деревья, а почва была покрыта великолепной растительностью алого цвета. Он различил даже диковинные цветы всевозможной окраски, усеявшие долину, полную таинственного сказочного очарования под ярким сиянием двух лун.

Лишь на короткое мгновение Карторис остановился полюбоваться этой красотой, но почти сразу же взгляд его привлек бенс, стоящий над тушей убитого тотта. Огромное животное с пышной гривой на голове следило за другим бенсом, беспорядочно мечущимся во все стороны и издающим ужасный рев, в котором звучала ненависть и жажда мести.

Карторис догадался, что это тот самый бенс, которого он ослепил во время схватки в туннеле, но мертвый тот его интересовал больше, чем эти дикие плотоядные животные. На огромной марсианской лошади еще осталась сбруя, и Карторис не сомневался теперь, что перед ним то самое животное, на котором зеленый воин увез Тувию. Но где же сам всадник и его пленница?

Принц вздрогнул при мысли об их судьбе. Свирепые бенсы больше всего предпочитают человеческое мясо. Карторису показалось даже, что бенс уже немного закусил, съев два человеческих тела, и теперь готов приняться за тушу тотта. Но в этот момент ослепленный им бенс почуял запах крови и, вытянув хвост, стрелой бросился вперед. Стоя передними лапами на брюхе поверженного тотта, его соперник приготовился защитить свою добычу. Он встретил ослепленного бенса в двадцати шагах от тотта, издавая отвратительный рев.

При виде этой схватки даже воинственный барсумец пришел бы в трепет. Бенсы рвали друг друга на куски, страшно рыча и воя. Замерев на месте, Карторис наблюдал за истекающими кровью животными, мертвой хваткой вцепившимися друг в друга. Когда все было кончено и оба бенса замертво свалились на землю, принц заставил

себя подойти к мертвому тоту, смертельно боясь обнаружить следы девушки, разделившей судьбу тотта. Однако, к счастью, он ничего не нашел.

С чувством облегчения юноша стал осматриваться. Пройдя несколько шагов, он обнаружил драгоценную безделушку, лежащую на земле. Это было женское фамильное украшение для волос, покрытое бурым пятном еще не просохшей крови. Представив себе жуткую картину гибели возлюбленной, которая для него была бессмертной, принц ощутил в сердце жуткую тоску. Невозможно представить лучезарное существо мертвым. Невероятно, что прекрасная как мечта Тувия перестала существовать.

Он прикрепил украшение к ремню, пересекавшему его грудь, у самого сердца, усилием воли подавил волнение и продолжил путь в долину. Гигантские деревья не позволяли ему видеть достаточно далеко, но время от времени сквозь их стволы он замечал очертания скал, окружавших долину.

Около полуночи Карториса заставили остановиться отдаленные пронзительные крики тоттов. Следуя на их голоса, юноша пробрался сквозь деревья до ровной долины, в центре которой возвышались блестящие купола и высокие башни большого города. У самых стен города он увидел огромный лагерь зеленых людей, населявших мертвое морское дно, а присмотревшись, понял, что это вовсе не заброшенная столица исчезнувшего государства.

Но что же это за город? Здесь обитали в основном жестокие зеленые люди, и ни одному красному человеку еще не удавалось вернуться отсюда в мир цивилизации. Жители Торказа достигли высокого мастерства в изготовлении огнестрельного оружия, которым они весьма успешно отражали все попытки красных людей проникнуть в их страну.

Карторис был уверен, что находится в пределах Торказа, но он и не предполагал, что здесь расположен такой красивый и хорошо укрепленный город, о котором даже в хрониках прошлых лет не существовало никаких упоминаний. Издавна считалось, что жители Торказа обитают в пустынных заброшенных городах, рассыпанных по умирающей планете. Еще ни одна зеленая орда не построила ни одного здания, кроме низких инкубаторов, где под воздействием солнечного тепла созревает молодое поколение зеленых людей.

Лагерь зеленых воинов был устроен в пятидесяти ярдах от стен города. Карторис рассмотрел фигурки людей на его стенах и крышах, очень похожих на представителей красной расы.

Лишь солнце взошло, как зеленые воины открыли прицельный огонь по маленьким фигуркам на стене. Карторис был удивлен, что не последовало ответного удара, а жители города скрылись.

Прячась за деревьями, юноша упорно продвигался вперед, надеясь на чудо: он не хотел верить в гибель Тувии и решил продолжить поиски любимой. Зеленые воины то и дело сновали в лес и обратно в лагерь. Длинный день уже близился к концу, а принц все еще продолжал поиски. Перед самым заходом солнца он подобрался к западным воротам города.

Оказалось, что именно здесь было сосредоточено ударное ядро зеленой орды. Неподалеку от ворот принц увидел большую платформу, на которой восседал зеленый воин, окруженный свитой.

Это был Гортан Гур, пользующийся дурной славой джеддак Торказа — жестокий стареющий людоед-великан юго-западного полушария. По обычаю зеленых воинов, только для джеддаков в походных условиях строятся платформы.

Наблюдая за происходящим, Карторис увидел зеленого воина, пробирающегося к платформе. За собой он тащил пленника, а когда воины расступились, давая ему дорогу, принц узнал в пленнике Тувию.

Его сердце радостно забилося — Тувия жива!

Он еле сдержал первый порыв броситься к принцессе Птарты, но трезво оценив обстановку, понял, что ему не одолеть стольких противников, а если его убьют, то Тувия останется одна во вражеском лагере без всякой надежды на спасение.

Он видел, как ее подтащили к платформе и Гортан Гур обратился к ней. Юноша не мог слышать слов джеддака, но Турия, должно быть, рассердила его, так как предводитель орды спрыгнул с платформы и ударил ее в лицо рукой, одетой в железную рукавицу.

Сын Джона Картера, джеддака джеддаков, Владыки Марса, пришел в бешенство. Кроваво-красный туман, сквозь который и его отец смотрел на врагов, застлал глаза принца. Полужемные мускулы Карториса, слепо подчиняющиеся его воле, послали юношу гигантскими

прыжками к джеддаку зеленых воинов, ударившему его любимую женщину.

Принц пробежал уже половину пути, когда новое событие привлекло внимание зеленых людей. На высокой башне осажденного города появился человек. Он запрокинул голову и издал страшный крик, раскатами разнесшийся по всей долине. Он повторил его несколько раз, а затем из-за леса донесся резкий и ясный ответ. Это было только начало. Отовсюду стали доноситься подобные крики, пока, казалось, сама земля не задрожала от их раскатов.

Зеленые воины нервно оглядывались по сторонам. Они не знали чувства страха, как и все воины на Барсуме, но перед лицом необычного, самоуверенность покинула их.

Напротив платформы, сооруженной для Гортана Гура, внезапно распахнулись большие городские ворота, и перед Карторисом предстала жуткая картина, какую ему никогда еще не доводилось видеть. Из ворот вышли высокие стрелки, закрытые большими щитами, а у их ног шествовали бенсы — свирепые львы Барсума.

Карторис оказался в самой гуще врагов, которым, правда, теперь было не до него. Тувия удивленными глазами смотрела на него. Ей показалось, что она видит самого Джона Картера, так удивительно похожа была манера ведения боя у его сына.

Вокруг царили шум и смятение; зеленые воины поспешили оседлать своих норовистых и визжащих тоттов. А бенсы издавали свирепые гортанные звуки, норовя вцепиться в горло приближающимся воинам.

Тар Бан и другие придворные, стоявшие на платформе, первыми заметили Карториса. С ними-то и пришлось сразиться принцу за прекрасную красную девушку, пока остальные поспешили встретить выступившее из осажденного города войско. Карторис стремительно подбирался к Гортану Гуру, намереваясь отомстить ему за оскорбление, нанесенное девушке. И он, переступая через трупы зеленых воинов, настиг его как раз в тот момент, когда джеддак собирался вскочить на спину своего тотта. Когда острие меча Карториса укололо зеленую кожу Гортана Гура, тот обернулся к своему неожиданно возникшему противнику с грозным рычанием, но стоящие рядом придворные напомнили ему, что надвигается

более грозная опасность — белокожие жители города с их свирепыми бенсами.

Пренебрегая обычаями воинов Барсума, Гортан Гур пообещал Карторису сразиться с ним, как только он победит наглых жителей окруженного города, и, вскочив на визжащего тотта, галопом бросился навстречу быстро наступавшим стрелкам. Остальные воины последовали за ним, оставив Тувию и Карториса одних на платформе.

Между ордой и горожанами бушевала жестокая битва. Белокожие воины, вооруженные длинными луками и небольшими топориками с короткими рукоятками, конечно, не могли дать достойный отпор свирепым зеленым воинам, восседавшим на тоттах, но на небольшом расстоянии их острые стрелы наносили такой же урон, как и пули зеленых людей.

Враги сошлись в смертельном бою, а сотни ужасных зверей ворвались в гущу войск Торказа, стаскивая воинов с тоттов на землю и сея ужас там, где они появлялись.

Число горожан все увеличивалось. Казалось, что на место одного павшего стрелка встают десять других. Они непрерывным потоком выходили из городских ворот. Свирепость бенсов и бесчисленное множество стрелков потеснили войско Торказа, оно потихоньку сдавало позиции. Через некоторое время платформа, на которой оказались Карторис и Тувия, была уже в самом центре сражения. Только чудо уберегло их от случайных стрел и пуль. Но наконец волна сражающихся окончательно откатилась от них, и они остались одни между линией сражения и городом. Несколько рычащих бенсов рыскали по полю в поисках более вкусного мяса.

Карторис был удивлен, сколь велики потери, понесенные зелеными воинами от примитивного оружия, которым пользовались горожане. Их стрелы били наверняка, оставляя за собой горы трупов зеленых людей.

Малейшее прикосновение стрелы несло смерть. Было ясно, что ни одна из пущенных стрел не пролетела мимо цели. Этому обстоятельству могло быть лишь одно объяснение: стрелы отравлены.

Через некоторое время звуки битвы откатились к дальнему лесу, наступило затишье, нарушаемое лишь рычанием бенсов, поглощавших добычу. Карторис обернулся к Тувии. До сих пор они не сказали друг другу ни слова.

— Где мы находимся? — спросил ее Карторис.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Можно было подумать, что само его присутствие является достаточным доказательством вины принца в ее похищении. А как иначе он узнал о том месте, куда ее доставил корабль?

— Кому же, как не принцу Гелиума, знать об этом? — вместо ответа сказала она. — Разве не по собственной воле он прибыл сюда?

— Я иду по следу зеленого человека, похитившего тебя, от самого Антора, — ответил он. — Но с того времени, как я покинул Гелиум и до тех пор, пока я не проснулся над Антором, я думал, что направляюсь в Птарту. До меня дошли слухи о том, что я принимал участие в твоём похищении, — довольно простодушно заметил он, — поэтому я поспешил к джеддаку Птарты, твоему отцу, чтобы развеять несправедливое обвинение и помочь ему разыскать тебя. Перед моим отлетом из Гелиума кто-то испортил мой прибор наведения, поэтому-то я и оказался над Антором вместо того, чтобы прибыть в Птарту. Вот и все, что я знаю. Ведь ты веришь мне?

— Но воины, похитившие меня из парка, были облачены в доспехи твоего дома, — ответила она. — Когда мы прибыли в Антор, всему этому было только одно объяснение. Тот, кто решился на грубое нарушение всех законов, пожелал переложить ответственность на другого, если его обнаружат во время пиратского налета, но, удачно выбравшись из Птарты, они почувствовали себя в безопасности.

— Ты веришь, что это сделал я?

— О Карторис! — печально ответила она. — Мне хотелось бы, чтобы все это случилось только во сне, но все указывает на тебя, хотя я все равно не хочу в это поверить.

— Я не делал этого, Тувия. Разреши мне быть откровенным с тобой до конца. Я люблю тебя и очень уважаю Кулана Тита, с которым ты обручена. Я знаю о последствиях, в которые были бы вовлечены три нации Барсума, напомним ты мне на свою любовь. Я ни минуты бы не колебался. Но ты не сделала ничего подобного, и вот я здесь с одним желанием — спасти тебя для человека, которому ты обещана.

Тувия несколько минут внимательно смотрела на него, ее губы были полуоткрыты, будто она хотела что-то

сказать ему, даже сделала к нему шаг, но сумела сдержать эмоции и подавить свои чувства.

— Дальнейшие действия принца Гелиума должны стать тому доказательством,— холодно сказала она,— и подтвердить его непричастность к случившемуся.

Карториса задел тон девушки, так как в ее словах звучало сомнение в честности его признаний.

Он все еще надеялся, что она хоть как-то намекнет, что ей не безразлична его любовь, и выразит хоть самую маленькую благодарность за все его поступки, но вместо этого она была холодна.

Принц пожал плечами, а Тувия, заметив легкую улыбку, тронувшую его губы, даже обиделась. Откуда ей было знать, что это пожатие плечами было лишь попыткой согнать печаль уныния со своего сердца. Итак, ему предстоит спасти любимую, чтобы вернуть ее другому, в любовь к которому он поверил.

Он снова задал девушке вопрос: — Где мы находимся? Я не знаю.

— Не знаю этого и я,— ответила Тувия.— Те, кто похитили меня из Птарты, говорили об Анторе. Вот я и решила, что тот древний город, куда меня доставили, и был Антор, но где мы находимся сейчас, я не имею представления.

— Когда вернутся стрелки, мы, безусловно, все узнаем. Я надеюсь, что они достаточно дружелюбно к нам отнесутся. Но к какой расе они принадлежат? Только в самых древних легендах и во фресках заброшенных городов мертвого морского дна изображена раса рыжеволосых белых людей. Вероятно, мы натолкнулись на продолжавший существовать город прошлого, который на всем Барсуме считается похороненным в веках.

Тувия посмотрела на лес, в котором исчезли зеленые воины и их преследователи. С далекого расстояния доносились устрашающие крики бенсов и одиночные выстрелы.

— Странно, но они не возвращаются,— заметила девушка.

— Должны же вернуться в город хотя бы раненые,— заметил, нахмурив брови, Карторис.— А что случилось с ранеными под стенами самого города? Их уже внесли обратно?

Они оба принялись оглядываться. По полю все еще рыскали бенсы, наслаждаясь кровавым пиром. Юноша

недоуменно оглядел поле и указал на него Тувию.

— Но где же они? — прошептал он еле слышно. — Что стало с мертвыми?

ГЛАВА VI

ДЖЕДДАК ЛОТАРА

Девушка оглянулась.

— Они лежали горами, — прошептала она. — Минуту назад их было много тысяч.

— А сейчас, — продолжал Карторис, — остались только бенсы и тела поверженных зеленых воинов.

— Они, наверное, кого-то выслали и унесли мертвых стрелков, пока мы разговаривали, — решила девушка.

— Но это невозможно! — воскликнул Карторис. — Тысячи мертвых тел стрелков еще минуту назад лежали на поле! Потребовалось бы много часов, чтобы вынести их отсюда. Что-то невероятное, сверхъестественное!

— Я надеюсь, что мы найдем убежище у этих светлокожих людей, которые, несмотря на воинскую доблесть, не производят впечатления воинственных. Можно было бы поискать вход в город, но теперь у меня нет желания рисковать, ища защиты среди людей, чьи убитые исчезают в воздухе.

— Давай все-таки попытаемся. В стенах города нам не будет хуже, чем здесь, где мы вполне можем стать жертвой бенсов или свирепых воинов Торказа. Там, по крайней мере, мы найдем существа, подобные нам. Единственное, чего я опасаясь, так это бенсов. Одного меча слишком мало, чтобы оказать им достойное сопротивление.

— Ну, на этот счет не беспокойся, — ответила девушка, улыбаясь, — бенсы не причинят нам никакого вреда.

Сказав это, она бесстрашно спустилась с платформы, уводя за собой Карториса, и смело ступила на поле. Они прошли совсем немного, когда один из бенсов, оторвавшись от трапезы, заметил их. Грозно зарывав, зверь бросился навстречу, и при звуке его голоса, еще с десятков других последовали его примеру.

Карторис обнажил свой меч. Девушка бросила быстрый взгляд на солнце и заметила, что на губах принца

заиграла его обычная улыбка, которая, наверняка, стоила ему очень многого. Но на Барсуме, где все люди воинственны и храбры, женщины тоже имеют быструю и хладнокровную реакцию.

— Ты можешь вернуть свой меч в ножны,— заметила она.— Я же сказала тебе, что бенсы не причинят нам никакого вреда. Посмотри! — и она подошла к ближайшему животному.

Готовый броситься ей на помощь, Карторис заметил, что она знаком останавливает его. Он услышал, как Тувия обращается к животному низким монотонным голосом, более похожим на мурлыканье.

В тот же миг все бенсы обратили взор своих злых глаз на девушку, а затем, крадучись, стали приближаться к ней. Она остановилась, поджидая их. Но один, стоящий ближе всех, заколебался. Она заговорила с ним повелительно, как хозяин разговаривает с непокорной собакой. Большое плотоядное животное наклонило голову и с поджатым хвостом подкралось к ее ногам, его примеру последовали остальные. В окружении свирепых людоедов она подошла к Карторису. Они поворчали немного, завидев человека, но несколько резких слов команды заставили их замолчать.

— Как тебе удалось усмирить их? — воскликнул удивленный Карторис.

— Твой отец уже задавал мне однажды этот вопрос. Это было в галереях Золотых Скал, что расположены в горах Оц, в стране жрецов. Я не смогла ответить ему тогда, не смогу дать ответ и тебе. Сама не знаю, как мне удастся управлять ими, но с того дня, как меня бросили в яму к бенсам, эти животные вместо того, чтобы разорвать меня на куски, ластятся ко мне. С тех пор я имею власть над ними: они идут на мой зов и исполняют все мои приказания так, как Вула исполняет приказания своего могущественного хозяина.

С этими словами девушка разогнала свирепую стаю. Они вернулись к прерванному занятию, а Краторис и Тувия тем временем пошли к городским воротам.

По мере продвижения они с удивлением смотрели на мертвые тела зеленых воинов, которые еще не были тронуты клыками бенсов. Они обнаружили, что из тел поверженных зеленых людей не торчат стрелы. Ни на одном из них не было смертельных ран, даже малейшей царапины они не нашли. До того, как исчезли мертвые стрел-

ки, трупы воинов Торказа были усеяны смертоносными стрелами. Куда же они подевались? Какая невидимая рука выдернула их из тел павших воинов?

Карторис едва подавил дрожь от мрачного предчувствия, когда взглянул на молчаливый город. Не было видно никаких признаков жизни ни на стенах, ни на крышах. Все было тихо. Удивительная угрожающая тишина.

И все же он был уверен, что за ними следят чьи-то глаза. Он посмотрел на Тувию. Она бесстрашно шла вперед к воротам города. В этот момент она оглянулась на Карториса, улыбнулась ему и доверчиво вложила свою руку в его ладонь, как бы ища у него защиты. Он слегка обнял ее, так они и дошли по полю брани до ворот странного города.

Вход в город представлял собой мощное архитектурное сооружение, по конструкции которого Карторис мог судить о его древнем возрасте. Ворота были круглые и закрывали отверстие в стене. Из своих знаний по старинной архитектуре Барсума он знал, что они откатываются в сторону, как огромное колесо. Но даже такие старые, как мир, города, к примеру, Антор, не существовали еще в те времена, когда Барсум населяли люди, построившие эти ворота. Пока он стоял, размышляя о том, сколь стар этот город, со стены к ним обратился голос. Они взглянули вверх и увидели человека, перегнувшегося через край высокой стены.

У него были светлые рыжие волосы, светлее, чем у Джона Картера из Виргинии, высокий лоб и большие умные глаза. Язык, на котором он заговорил, был понятен обоим, но разница все же была.

— Кто вы? — спросил он. — И что вы делаете перед воротами Лотара?

— Мы друзья, — ответил Карторис. — Это — принцесса Птарты Тувия, а я Карторис из Гелиума, принц дома Тардоса Морса, джеджака Гелиума, и сын Джона Картера, Владыки Барсума, и его жены Деи Торис.

— Птарта? Гелиум? — переспросил мужчина, покачав головой. — Я никогда не слышал о них, никогда не подозревал, чтобы на Барсуме жила раса с таким странным цветом кожи. Где же находятся эти города, о которых вы говорите? С самой высокой башни мы никогда не видели другого города.

Карторис указал на северо-восток.

— В этом направлении расположены Гелиум и Птарта.

Человек покачал головой.

— Я не знаю, что находится за холмами Лотара,— ответил он недоверчиво.— Там никто не может существовать, кроме отвратительных орд Торказа. Они завоевали весь Барсум, за исключением этой единственной долины и этого города Лотара. Здесь мы сражаемся с ними уже многие века. Периодически они возобновляют попытки уничтожить нас. Откуда вы пришли, я не могу знать. Вероятно, вы рабы, которых воины Торказа захватили в прежние времена, покоряя страну за страной. Мы слышали, что они уничтожили все остальные расы, кроме нашей.

Карторис попытался объяснить, что жители Торказа занимают лишь крохотную территорию Барсума, потому что в их владениях нет ничего привлекательного для людей красной расы, но житель Лотара не мог себе представить, что существуют еще другие города и расы. В его понимании весь Барсум стал пустыней, населенной свирепыми зелеными ордами Торказа.

После переговоров он решил впустить их в город. И вот, наконец, ворота в виде гигантского колеса откатились немного в сторону, образовав узкий проход, через который спутники вошли в Лотар.

Все вокруг свидетельствовало о сказочном богатстве. Фасады зданий, выходящих на улицу, куда они попали, были богато отделаны, а окна и двери окаймляли полосы из драгоценных камней; стены были украшены мозаикой, выполненной из кусочков золота, отображающей сцены из истории забытого города.

Человек, с которым они разговаривали через стену, встретил их на проспекте. Его окружало около сотни людей той же расы, одетых в ниспадающие мантии и совсем безбородых. Карторису показалось, что встреча с ними вызвала у горожан скорее страх и подозрительность, чем враждебность. Они проводили пришельцев взглядами, но не сказали ни слова.

Карторис не мог не заметить, что жители города не были вооружены, не встретил он и ни одного стрелка. Неужели все воины ушли в бой, оставив город незащищенным. Он спросил об этом их провожатого. Человек снисходительно улыбнулся.

— Ни одно существо, кроме десятка наших священ-

ных бенсов, не вышло сегодня за ворота Лотара,— ответил он.

— А солдаты, стрелки? — воскликнул удивленный Карторис.— Мы же видели, как тысячи воинов появились из этих ворот, наступая на орду зеленых воинов, жаждущих вашей гибели. Они заставили их бежать своими смертоносными стрелами и не без помощи бенсов, конечно.

Мужчина, продолжая улыбаться, указал на широкий проспект перед ними. Карторис и Тувия обернулись в указанном направлении и увидели шедшую в их направлении огромную армию стрелков.

— А! — воскликнула Тувия.— Они вернулись через другие ворота или, быть может, это войско, оставленное для защиты города?

Мужчина снова улыбнулся своей загадочной улыбкой.

— В Лотаре нет солдат,— сказал он.— Смотрите!

Пока он говорил, Карторис и Тувия стояли, отвернувшись от надвигавшихся солдат. Теперь же, вновь повернули головы в их сторону, и глаза их широко раскрылись от удивления — широкая улица перед ними была пуста.

— А те, кто маршировал сегодня за ордами? — прошептал Карторис, — они тоже были миражом?

Человек кивнул головой.

— Но их стрелы убивали зеленых воинов,— настаивала Тувия.

— Давайте пойдем к Тарио,— предложил лотарец,— и он, если захочет, все вам расскажет. Вероятно, я и так слишком много вам сказал.

— Кто такой Тарио? — спросил Карторис.

— Джеддак Лотара,— ответил их провожатый, уводя их вверх по проспекту, на котором минуту назад они видели марширующую призрачную рать.

Полчаса они шли вдоль красивых улиц, застроенных величественными зданиями, прекраснее которых они никогда не видели. По дороге они встретили всего несколько человек. Город показался Карторису малонаселенным.

Наконец они подошли ко дворцу джеддака. Карторис издали увидел его, он был удивлен тем обстоятельством, что и здесь было мало признаков жизни. Он не заметил ни одного стражника ни перед воротами, ни в садах, расположенных рядом, тогда как у красных людей во

дворцах правителей всегда более напряженный пульс жизни.

— Здесь,— сказал лотарец.— Это дворец Тарио.

Пока тот говорил, Карторис еще раз оглядел чудесное здание и замер, удивленно оглядываясь по сторонам. Он даже протер глаза и снова огляделся. Нет! Он не мог ошибиться. Перед массивными воротами по обе стороны широкого проспекта, ведущего к главному зданию, рядами стояли стрелки, а по саду прогуливались солдаты небольшими группами, которые возглавляли офицеры.

Что же это за люди, способные воспроизводить в воображении целую армию из ничего? Он посмотрел на Тувию. Она, очевидно, тоже заметила неожиданную перемену. Слегка вздрогнув, она прижалась к Карторису.

— Что ты думаешь об этом? — прошептала она.— Мне страшно и странно.

— Я не могу пока ничего объяснить, но от всего виденного можно сойти с ума.

Карторис обернулся к лотарцу, который опять широко улыбнулся.

— Мне показалось, что вы только сейчас утверждали, что в Лотаре нет солдат,— заявил принц, жестом указывая на стрелков.— А это кто?

— Ты спросишь об этом Тарио, перед которым мы скоро предстанем.

Вскоре они действительно вошли в великолепный зал. В самом конце его, откинувшись на богатое ложе, стоящее на возвышении, сидел мужчина.

Когда все трое приблизились, он направил на них сонные глаза. Не доходя шагов двадцать до джеддака, их провожатый остановился и шепотом велел своим спутникам следовать его примеру. Затем он упал на пол и стал ползти к подножию трона, раскачивая головой вправо и влево, извиваясь всем телом, подобно собаке, приближающейся к своему грозному хозяину.

Тувия бросила взгляд на Карториса. Он стоял прямо, с высоко поднятой головой и скрещенными на широкой груди руками. Надменная улыбка играла на его губах.

Человек на троне пристально рассматривал пришельцев, а Карторис смотрел ему прямо в глаза.

— Кто это такие, Иав? — спросил он у человека, ползущего по полу.

— О Тарио, славнейший из джеддаков,— отвечал Иав,— это чужестранцы, пришедшие к нам издалека с

ордами Торказа. Они говорят, что были пленниками зеленых людей, а также рассказывают странные истории о городах далеко от Лотара.

— Встань, Иав,— приказал Тарио,— и спроси у этих двоих, почему они не показывают своего уважения к Тарио?

Иав встал и оглянулся. Увидев, что они продолжают стоять, Иав мертвенно побледнел. Он подскочил к ним и закричал:

— Существа! Опуститесь на колени перед последним из джеддаков Барсума!

ГЛАВА VII

ПРИЗРАЧНЫЕ СТРЕЛЫ

Когда Иав подскочил к Карторису, юноша положил руку на рукоять своего меча. Лотарец остановился. В большом зале их было только четверо, и все же Иав отступил перед угрозой, а принц с удивлением обнаружил, что окружен десятком стрелков.

Откуда же они появились? Карторис выхватил меч, но в тот же момент на него были направлены тонкие стрелы.

Тарио приподнялся на локте. Он заметил фигурку Тувии, до сих пор скрытую Карторисом.

— Достаточно! — воскликнул он, поднимая руку, но как раз в этот момент меч принца поразил ближайшего противника.

Клинок беспрепятственно прошел сквозь стрелка и коснулся пола. Глазами, полными ужаса, юноша смотрел на врагов, но их уже не было в зале.

— Действительно, они и впрямь чужеземцы,— сказал Тарио Иаву.— Давай сначала убедимся, что они намеренно оскорбили нас, а уж потом примем меры к наказанию.

Тарио обратился к Карторису, но взгляд его постоянно возвращался к совершенным формам красавицы, облаченной в одежду принцессы Барсума.

— Кто вы такие,— спросил он,— и почему не соблюдаете этикета при дворе последнего джеддака Лотара?

— Я Карторис, принц Гелиума,— ответил юноша,—

а это принцесса Тувия из Птарты. При дворах наших отцов не принято такое приветствие правителей. Никогда еще со времен черных пиратов мы не приближались таким образом к трону ни одного из правителей Барсума. Подумай, станут ли дети великих и могущественных джеддаков так унижаться перед тобой?

Тарио долго смотрел на Карториса, потом заговорил:

— На Барсуме нет другого джеддака, кроме меня. Нет и другой расы, кроме расы людей, живущих в Лотаре, и зеленых орд Торказа. Жители Лотара имеют белый цвет кожи, а ваша кожа красная. На Барсуме не осталось женщин, а твоя спутница — женщина.

Джеддак Лотара приподнялся со своего ложа и, подавшись вперед, пальцем указал на Карториса.

— Ты лжец! — пронзительно закричал он. — Вы оба лжете! Да как вы посмели предстать передо мною, последним и могущественным джеддаком Барсума, и доказывать ваше реальное существование! Кто-то дорого заплатит за это, Иав, ведь именно ты, если я не ошибаюсь, осмелился так дерзко обращаться со своим добрым джеддаком.

— Уберите мужчину, оставьте женщину. Мы посмотрим, оба ли они лгут. Ты еще ответишь, Иав, за свою дерзость! Останется только несколько из нас, но Комал должен быть накормлен, Иав!

Карторис заметил, что Иав задрожал. Он снова пал ниц перед повелителем, что-то бормоча в свое оправдание. Затем, поднявшись, он обратился к принцу Гелиума:

— Пошли!

— Оставив принцессу здесь одну?

Иав приблизился к нему и зашептал на ухо:

— Следуй за мной, он не причинит ей никакого вреда, правда, он может только убить ее, но это может произойти и в твоём присутствии. Нам лучше сейчас уйти, поверь мне.

Карторис не все понял, но настойчивый тон лотарца обнадежил его, и он пошел прочь, бросив взгляд на Тувию, пытаясь дать ей понять, что в ее же интересах он должен оставить ее. Но она отвернулась от него, бросив презрительный взгляд на Карториса.

Юноша заколебался, но Иав схватил его за запястье.

— Пойдем, — снова зашептал он, — или ты вновь

окажешься в окружении стрелков, и тогда уже не будет тебе спасения. Неужели ты не видишь, что твоя сталь беспомощна в борьбе с воздухом?

Карторис неохотно последовал за Иавом. Когда они покинули зал, юноша спросил своего спутника:

— Если я не могу убить воздух, то почему я должен бояться, что он сам убьет меня?

— Ты сам видел, как воины Торказа падали перед стрелками.

Карторис кивнул головой.

— Так же и ты упадешь перед ними без единого сто-на. У тебя не будет возможности даже защититься.

За разговором Карторис и не заметил, что Иав при-вел его в маленькую комнатку, расположенную в одной из многочисленных башен дворца. Здесь было ложе, и Иав предложил ему сесть. Несколько минут лотарец раз-глядывал пленника, так теперь оценивал свое положение Карторис.

— Я почти уверен, что ты реальный человек,— заявил он наконец.

Карторис рассмеялся.

— Конечно, реальный. Что заставило тебя усомнить-ся в этом? Разве ты не видишь меня? Не можешь потро-гать?

— Стрелков я тоже могу видеть и трогать, но все же мы знаем, что они нереальны.

Его ответ озадачил Карториса.

— Тогда кто же они?

— Ты действительно не знаешь?

Карторис покачал головой.

— Я уже почти верю, что ты говоришь правду о том, что прибыл к нам с другой части Барсума или вообще из другого мира. Но ответь мне, разве в твоей стране нет стрелков, приводящих в ужас зеленых воинов?

— У нас есть солдаты,— ответил Карторис.— Мы, люди красной расы, все солдаты, и у нас нет таких стрелков, мы сами защищаем себя.

— Вы выходите на бой, и вас могут убить враги? — спросил Иав недоверчиво.

— Конечно, а вы как поступаете?

— Ты заметил, что мы посылаем наших бессмертных стрелков, но они не живые. Они существуют лишь в воображении наших врагов. Наш ум защищает нас, посы-лая легионы воображаемых воинов, а они материали-

зуются перед глазами врагов. Они видят, как фантомы* достают свои стрелы, направляют их в сердца врагов и заставляют их умирать властью гипноза.

— А убитые стрелки? — воскликнул Карторис. — Ты называешь их бессмертными, но я же видел горы мертвых тел на поле битвы. Как ты это объяснишь?

— Ну, это делается для того, чтобы придать реальность сражению. Мы изображаем многих защитников убитыми, чтобы воины Торказа не догадались, что им противостоят несуществующие бесплотные воины. Когда-то мы внушили им эту мысль, и так продолжается до сих пор. Но они не падут жертвой воображаемых стрел, если догадаются об обмане.

— А бенсы? Они тоже созданы вашим воображением?

— Некоторые из них вполне реальны. Те же, кто кинулся в погоню за врагами — вымышлены. Как и стрелки, они никогда не вернутся, а отслужив службу, исчезают, когда становится ясно, что враг отступил.

Те, что остаются на поле, настоящие. Этих мы специально выпускаем, чтобы сохранить чистый воздух вокруг города. Это необходимо для жителей Лотара. Я один из тех, кто реален. Тарио — фантом. Такие, как он, придерживаются идеи, что материи не существует, что все вокруг — плод воображения. Они утверждают, что никто из нас реально не существует, а только в воображении его товарищей, иначе говоря, в неуловимой и невидимой способности мышления.

Согласно теории Тарио, необходимо, чтобы мы объединились в своих усилиях и представили в уме, что у стен города нет мертвых тел воинов Торказа, и тогда не будет необходимости во всепожирающих бенсах.

— Ты не разделяешь веру Тарио? — спросил Карторис.

— Только частично. Я знаю, что существуют несколько действительно неземных фантомов, и Тарио один из них, я твердо убежден в этом. Он не существует иначе, как в воображении людей Лотара. Конечно, все неземные являются плодом всеобщего воображения всех нас, действительно живущих, но тот, кто имеет хоть зачаток разума, должен понимать, что пища необходима для нас, реально существующих.

* Фантом — причудливое видение, призрак.

— Да,— согласился Карторис,— поскольку я сегодня еще не ел, я вполне согласен с тобой.

— О, прости меня,— воскликнул Иав.— Сядь и утоли свой голод,— движением руки он указал на обильно накрытый стол, хотя за минуту до разговора его еще не было в комнате. В этом Карторис был вполне убежден, так как уже несколько раз тщательно осматривал комнату.

— Хорошо,— продолжил Иав,— что ты не попал в руки фантома, иначе ты бы умер с голода.

— Но я и думал, что ты не фантом!

— Действительно, что может быть более реальным, чем этот щедрый пир? Этим-то мы и отличаемся от фантомов. Они убеждены, что в пище нет никакой необходимости, но нам для поддержания жизни приходится три раза в день обильно питаться. Все, что мы едим, всегда хорошо приготовлено.

Карторис осмотрел стол, накрытый перед ним. Осторожно взяв маленький кусочек, он убедился, что пища была материальна.

Иав, улыбаясь, наблюдал, как он ел.

— Тебе достаточно этого, чтобы утолить голод? — спросил он.

— Вполне,— ответил Карторис.— Но скажи мне, чем же живет Тарио и ему подобные?

Иав почесал голову.

— Этот вопрос и нам не дает покоя. Хотя бесплотность — самое сильное доказательство нереальности этих порождений разума. Но кому же лучше об этом знать, как не Комалу?

— А кто такой Комал? Я уже слышал это имя от вашего джеддака.

Иав склонился к уху юноши, предварительно осмотревшись по сторонам, и с нескрываемым страхом стал шептать:

— Комал — это дух! Даже фантомы признают, что мозг должен иметь материальную основу, чтобы воображать. Ведь если бы не было вещества, невозможно было бы представить то, чего нет. Ты понимаешь меня?

— Я улавливаю твою мысль,— сухо ответил Карторис.

— Таким образом, Комал должен существовать реально и питаться, и, если уж говорить до конца, он ест людей. Это работа Тарио. Он убеждает нас, что поскольку

мы поддерживаем идею своей реальности, то мы, будучи последовательными до конца, должны признать, что только мы одни являемся пищей, необходимой для Комала. Иногда, правда, мы находим для него другую пищу, как, например, сегодня. Он очень любит жителей Торказа.

— А Комал — человек?

— Это все, что я могу тебе сообщить. Я не знаю, как тебе объяснить словами, чтобы ты понял. Комал — начало и конец. Вся жизнь исходит от него. Если он перестанет есть, то вся жизнь на Барсуме прекратится. Он бессмертен, но если он перестанет есть, то человек исчезнет.

— И он питается мужчинами и женщинами твоей веры?

— Женщинами? — переспросил Иав.— В Лотаре нет женщин. Последняя женщина Лотара умерла много веков тому назад в жестоком и ужасном походе по грязным долинам, окаймляющим полувысохшие моря, когда зеленые орды гнали нас через весь Барсум в это наше последнее убежище, в нашу неприступную крепость Лотар.

Едва ли двадцать тысяч мужчин из бесчисленных миллионов нашей расы достигли Лотара живыми. Среди нас не осталось ни женщин, ни детей. Все они погибли, не выдержав пути. Со временем многие умерли уже здесь, и наша раса вымирает. Нам открылась истина, что ум — это все. Еще многие умерли, прежде чем мы усовершенствовали нашу силу, но мы сумели бросить вызов смерти, когда, наконец, поняли, что смерть — это одно из состояний разума.

Потом настало время материализовать воображаемое. Мы впервые решились на это, когда воины Торказа обнаружили нас здесь. К счастью, им потребовались века, чтобы найти кратчайший выход в долину Лотара.

В тот день мы бросили на них наших первых стрелков. В наши планы входило только испугать их огромным количеством воинов, которых мы могли выставить на стенах города. Лотар ошетинился стрелами наших фантомов. Но воины Торказа не испугались, они ведь не знают страха. Бросившись на стены нашего города, они образовали живую лестницу и почти захватили городские стены.

Ни одна стрела не была выпущена из луков, мы за-

ставляли наших стрелков лишь перемещаться по стенам, выкрикивая угрозы в адрес врагов.

И тут мне пришла в голову одна мысль. Я сконцентрировал весь свой разум на стрелках, созданных моим воображением. Должен заметить, что каждый из нас производит и руководит таким количеством стрелков, какое способно создать его воображение.

В первый раз я заставил стрелков приставить стрелы к лукам и целиться в сердца зеленых людей, затем я сделал так, чтобы они увидели летящие стрелы и то, как они проникают в их сердца.

Оказалось, что это именно то, что нам нужно. Они градом посыпались с наших стен, и когда мои товарищи увидели, что я сделал, последовали моему примеру. Ордам Торказа пришлось отступить на недостижимое для стрел расстояние.

Мы, конечно, могли бы убивать их на любом расстоянии, но с самого начала придерживаемся твердого правила — не отступать от реальной жизни. Мы не заставляем наших фантомов проделывать что-либо вне досягаемости наших врагов. Иначе они бы ничего не поняли, а мы бы раскрыли свои карты.

Воины Торказа, отступив, повернули против нас свои страшные ружья и вели непрерывный огонь, заставив нас покинуть стены города. Тогда-то я и додумался бросить наших стрелков через ворота в атаку на врагов. Сегодня ты сам убедился, как хорошо все получается.

На протяжении многих веков зеленые воины время от времени предпринимают набеги на нас, но всегда безуспешно.

— И все это благодаря твоему уму, Иав? — спросил Карторис. — Я думаю, что ты состоишь в высшем совете города.

— Я главный помощник Тарио.

— Но почему же тогда ты столь странным образом приближаешься к нему?

— Тарио требует неукоснительного соблюдения этикета. Он просто завидует мне и поджидает малейшего повода, чтобы отдать на съедение Комалу. Он боится, что однажды я лишу его власти.

Карторис внезапно вскочил на ноги.

— Иав, я ужасно глуп, — воскликнул он. — Я здесь ем, а принцесса наверняка страдает от голода. Давай вернемся и найдем способ накормить ее.

Иав покачал головой.

— Тарио не допустит этого,— сказал он.— Без сомнения, он попытается доказать, что она фантом.

— Но я должен вернуться к ней,— настаивал Карторис.— Ты сам сказал, что в Лотаре нет женщин. Тогда она, должно быть, находится среди мужчин. Я должен быть рядом, чтобы защитить ее.

— Тарио позаботится о ней,— сказал Иав.— Он отослал тебя, и ты не можешь вернуться, пока он этого не захочет сам.

— Тогда я пойду, не дожидаясь его приглашения.

— Не забывай о стрелках!

— Нет, не забуду,— ответил Карторис, но он не сказал Иаву, что понял и еще кое-что, о чем тот умолчал. О том, что он еще только предположил, но тем не менее это придало ему надежду.

Карторис решил покинуть комнату, но Иав встал на его пути.

— Ты понравился мне, красный человек,— сказал он,— но не забывай, что Тарио все еще мой джеддак, а он приказал, чтобы ты оставался здесь.

Карторис собрался ответить ему, когда до них донесся слабый женский крик.

Одним движением руки принц отбросил Иава в сторону и, обнажив меч, выскочил в коридор.

ГЛАВА VIII

ЗАЛ СМЕРТИ

Тувию охватил ужас, когда Карторис оставил ее одну с Тарио. Тайна, казалось, наполняла этот зал. Его убранство говорило о богатстве и высокой культуре, наводило на мысль, что в дни торжеств он полон. Но сейчас ни в коридорах, ни в малом зале они не встретили никого. Теперь же она осталась одна с джеддаком Лотара, лежавшим на великолепном троне и наблюдавшим за ней из-под полуприкрытых век.

Некоторое время после ухода Иава и Карториса он внимательно рассматривал ее и только после этого заговорил:

— Подойди ближе,— сказал он.— Чье ты создание? Кто осмелился материализовать свое представление о

женщине? Это противно королевским указам и обычаям Лотара. Скажи мне, женщина, чей мозг создал тебя? Иава? Нет, не отрицай этого! Я знаю, что тебя мог придумать только этот завистник. Он стремится соблазнить меня. Он надеялся увидеть, как я паду под действием твоих чар, и тогда он, твой хозяин, распорядится моей судьбой. Я ясно представляю себе это!

Краска негодования и гнева прилила к лицу Тувии. Ее подбородок был надменно приподнят, а прекрасно очерченные губы изогнулись в усмешке.

— Я не знаю, о чем вы болтаете. Я Тувия, принцесса Птарты. Я вовсе не плод чьего-либо воображения. Никогда до сегодняшнего дня я не видела того, кого вы называете Иавом, ни вашего нелепого города, о котором великие нации Барсума никогда и ничего не слышали.

Мои чары, как вы говорите, предназначены не для вас и не для таких, как вы. Они не продаются и не обмениваются, хотя бы цена была — высочайший из тронов Барсума. А что касается возможности употребить их для победы над тобой или скорее над твоей призрачной властью...— она закончила свою речь пожатием своих прекрасных плеч и презрительным смехом.

Когда она закончила говорить, Тарио уже сидел на краю своего ложа; он весь подался вперед, широко открыв глаза от возбуждения. Он не заметил даже ни ее оскорбительных слов, ни манер, видимо, в ее словах было нечто волнующее и неотразимое. Он медленно поднялся на ноги:

— Клянусь клыками Комала,— пробормотал он,— но она действительно живая, а не плод фантазии тщеславного и глупого мозга.

Он шагнул к ней с протянутыми руками.

— Подойди,— прошептал он.— Подойти ко мне, женщина. Многие века я мечтал, что когда-нибудь ты придешь, а теперь, когда ты здесь, я не верю своим глазам. Даже сейчас, зная, что ты существуешь на самом деле, я все же страшусь, что меня обманули.

Тувия была в смятении. Она решила, что этот человек сошел с ума. Рука ее потянулась к рукоятке кинжала, украшенной бриллиантами. Тарио, заметив этот жест, остановился. Хитрое выражение появилось у него в глазах. Взгляд его стал мечтательным и одновременно пронзительным. Он упорно сверлил им девушку.

Тувия ощутила в себе внезапную перемену. О ее при-

чине она не догадывалась, но каким-то образом человек, стоящий напротив, стал вызывать в ней совершенно другие ощущения.

Она уже не считала его своим врагом, а старым и доверчивым другом. Ее рука соскользнула с рукоятки кинжала. Тарио осмелился подойти поближе. Он говорил мягкие, дружеские слова, а она отвечала ему каким-то чужим голосом. Теперь он был совсем рядом с ней. Его рука лежала на ее плече. Его глаза были устремлены на нее. Она тоже смотрела на него. Его взгляд, казалось, проникал в скрытые источники ее души.

Губы девушки приоткрылись в благоговейном трепете и удивлении при странном освобождении от «себя», которое лежало обнаженным в ее сознании. Ей уже казалось, что она знала Тарио всегда. Он был для нее больше, чем друг. Она придвинулась поближе к нему и вдруг поняла всю правду. Она любила Тарио, джеддака Лотара. Она всегда любила его!

Тарио, заметив, что достиг определенного успеха, не смог сдержать улыбки удовлетворения. То ли это чувство промелькнуло в выражении его лица, то ли от Карториса до нее дошло более властное внушение, но вдруг что-то рассеяло странное гипнотическое влияние этого человека.

Она резко отступила, освобождаясь из его объятий. Но прикосновение к женщине пробудило в Тарио давно уснувшие страсти. С глухим криком бросился он на нее, стараясь обнять и притянуть ее к своим губам.

— Женщина! — вскричал он. — Прекрасная женщина! Тарио сделает тебя королевой Лотара. Послушай меня! Прислушайся к любви последнего джеддака Барсума!

Тувия попыталась высвободиться из его объятий.

— Остановись, человек, — крикнула она, — остановись! Я не люблю тебя! Остановись, или я позову на помощь!

Тарио рассмеялся ей в лицо.

— Позову на помощь, — передразнил он ее. — А кто в этом дворце может ответить на твой зов? Кто осмелится войти к Тарио без приглашения?

— Есть один человек, который войдет и сразит тебя, если узнает, что ты осмелился коснуться меня!

— Кто? Иав? — спросил Тарио.

— Ни Иав, ни кто-либо из жителей Лотара, — отве-

тила она, — а настоящий человек и воин — это Карторис из Гелиума.

И опять он рассмеялся над ней.

— Ты забываешь о стрелках, — напомнил он ей. — Что может сделать твой красный воин против моих бесстрашных легионов?

Он снова грубо притянул ее к себе и потащил к своему ложу.

— Если ты не хочешь быть моей королевой, то станешь рабыней!

— Нет! — пронзительно закричала девушка.

Тут она проделала резкое движение правой рукой, Тарио попытался отшатнуться от нее, но обе его руки были плотно прижаты к бокам. В тот же момент вся комната наполнилась стрелками, но джеддак Лотара без чувств свалился на мраморный пол. И в тот момент, когда он потерял сознание, стрелки были готовы пустить свои стрелы прямо в сердце Тувии. Непроизвольно у нее вырвался крик о помощи, хотя она знала, что даже Карторис не сможет спасти ее.

Тогда она закрыла глаза в ожидании смерти. Но ни одна гибкая стрела не пронзила ее грудь. Она открыла глаза, чтобы посмотреть, что же помешало стрелкам.

В комнате уже никого не было, кроме нее самой и лежащего без сознания у ее ног Тарио. Небольшая лужица темно-красного цвета растеклась на белом мраморном полу.

Озадаченная Тувия никак не могла понять, куда же исчезли стрелки?! Почему они не выпустили в нее свои стрелы. Что все это могло значить? Минуту назад комната была полна воинами, призванными для защиты своего джеддака, но когда на него было совершено нападение, они исчезли так же таинственно, как и появились, оставив ее одну с телом повелителя, в чей бок девушка успела вонзить свой острый кинжал.

Тувия оглянулась со страхом, ожидая возвращения стрелков, но потом взяла себя в руки и начала искать выход из зала. В стене за тронем она обнаружила две небольшие двери, скрытые тяжелыми драпировками. Тувия было кинулась к одной из них, как вдруг услышала бряцание металла в малой комнате перед залом.

Ей не хватило всего лишь мгновения, чтобы добежать за спасительные гобелены, но... поздно. Ее увидели. Не испытывая уже никаких чувств, она обернулась,

чтобы лицом к лицу встретить свою судьбу, но каково же было ее удивление, когда она увидела бегущего ей на помощь Карториса с обнаженным мечом.

А она сомневалась в нем! Считала его участником и виновником своих злоключений. С того момента, как судьба вновь свела их вместе, она едва достаивала его своими ответами на вопросы, пока, наконец, ужасные события в Лотаре не вывели ее из заблуждения. Она знала теперь наверняка, что Карторис будет бороться за нее, но сомневалась, для кого же он хочет ее спасти. Он ведь знал, что она обещана Кулану Титу, джеддаку Каола. Неужели им движет чувство долга перед другом и союзником или...

И все же, когда она увидела бегущего по мраморному залу Карториса, его беспокойные глаза, в которых отразилась тревога за нее, она уже поняла, что не может под этой прекрасной и мужественной внешностью таиться червь предательства.

Никогда в жизни, думала она, ни один мужчина не был ей так желанен, как он. Тувия с большим трудом сдержала себя, чтобы не броситься в его объятия. Она знала, что он любит ее, но верная долгу достойная дочь джеддака Барсума не имела права выказать принцу свою признательность.

Карторис уже был рядом. Быстрым взглядом он окинул зал.

— Он причинил тебе зло? — спросил он. Она показала ему свой кинжал, обгаренный кровью.

— Нет, он не причинил мне зла, не успел.

Зловещая улыбка осветила лицо Карториса.

— Хвала нашим предкам, — прошептал он. — А теперь давай посмотрим, удастся ли нам скрыться из этого проклятого города, прежде чем его жители обнаружат, что их джеддака больше не существует.

Уверенно и спокойно, как это мог сделать только достойный сын Джона Картера и Деи Торис, он взял девушку за руку и увлек ее за собой к выходу. Они уже почти достигли порога, когда какая-то фигура влетела в зал с другого конца. Это был Иав.

Карторис резко повернулся к нему и, прикрыв своим телом стройную фигурку девушки, приготовился к бою.

— Подойди, Иав! Давай сразу же решим наш спор, так как только один из нас может покинуть этот зал живым, — заметив, что Иав безоружен, воскликнул, — вы-

зывай своих стрелков или следуй за нами как пленник, пока мы беспрепятственно не пройдем твой призрачный город.

— Ты убил Тарио,— воскликнул тот, не обращая внимания на вызов Карториса.— Ты убил Тарио! Я вижу его кровь на полу — настоящую кровь. Это настоящая смерть. Тарио так же реален, как и я. И все же он был призраком. Он мертв, и я рад этому, теперь я займу его место и стану джеддаком Лотара.

Едва он закончил говорить, Тарио открыл глаза и сел на полу.

— Предатель! Убийца! — заревел он.— Стража! Стража!

Иав, мертвенно побледнев, упал на живот и пополз к Тарио.

— О, мой джеддак! Мой джеддак! — захныкал он.— Я не причастен к свершившемуся. Иав — твой преданный раб. Я только сейчас вошел в зал и увидел тебя лежащим на полу и этих двух чужестранцев, собиравшихся бежать. Я не знаю, как все это произошло, поверь мне, о славнейший из джеддаков!

— Прекрати, мошенник! — закричал на него Тарио.— Я слышал твои слова: «Однако он мертв. Я рад этому. Теперь я займу его место и стану джеддаком Лотара». Наконец-то, предатель, я разоблачил тебя. Ты сам вынес себе приговор своими словами, а действия красных людей определили их судьбу, если бы...— он остановился,— если бы не женщина.

Но Карторис не дал ему договорить. Он подскочил к Тарио и дал ему пощечину. Джеддак вскипел от злости и унижения.

— Только посмей еще раз обидеть принцессу Птары,— предупредил его юноша.— Я не посмотрю, что ты безоружен и не смогу унять свою зудящую руку.

Тарио в два прыжка оказался у маленькой двери за его ложем. Он пытался что-то сказать, но никак не мог унять дрожащие губы. Наконец он завопил: — Умри! Умри! — и повернулся к выходу.

Иав с ужасными воплями пополз к его ногам:

— Сжался, Тарио! Сжался! Вспомни, долгие века я верно служил тебе! Вспомни все, что я сделал для Лотара! Не обрекай меня на ужасную смерть! Спаси меня! Спаси!

Но Тарио рассмеялся ледяным смехом в ответ на призывы верного слуги и открыл дверцу.

Иав повернулся к Карторису.

— Останови его,— закричал он.— Останови! Если ты любишь жизнь, не дай ему уйти из этой комнаты,— произнося эти слова, он бросился вслед за джеддаком.

Карторис последовал его примеру, но Тарио был проворнее. Пока они добежали до гобеленов, за которыми тот исчез, джеддака там уже не было, а тяжелая каменная дверь преграждала им путь.

Иав бросился на пол в припадке ужаса.

— Поди сюда, Иав! — сказал Карторис,— мы еще живы. Поедем на улицу и постараемся как можно скорее покинуть город. Мы еще не мертвые и можем попытаться определить свою судьбу. Что пользы в том, что ты безвольно катаешься по полу? Успокойся и будь мужчиной!

Иав обреченно покачал головой.

— Разве ты не слышал, что он позвал стражу? — простонал он.— О, если бы он был в наших руках, тогда еще можно было бы надеяться, но он удрал.

— Хорошо, хорошо,— нетерпеливо прервал его Карторис.— Ну и что с того, что он позвал стражу? У нас ведь еще есть время, я что-то не заметил, чтобы она бросилась на помощь повелителю по первому зову.

Иав вновь печально покачал головой.

— Ты еще не все понимаешь. Караул уже побывал здесь. Воины сделали свое дело и ушли. Теперь мы погибли. Посмотри на все выходы.

Карторис и Тувия внимательно посмотрели на все двери.

— Ну и что? — спросил Карторис.

— Мы должны умереть! — безучастно выдавил из себя Иав. Больше он не сказал ни слова, сел на край ложа и стал ждать.

Карторис занял позицию рядом с Тувией, держа наготове свой меч и в поле зрения весь зал.

Им показалось, что уже много часов ничто не нарушало могильной тишины. Никто не вспомнил о них. Неопределенность их положения была ужасна. Даже Карторис ощутил огромное нервное перенапряжение. Если бы знать, как и откуда придет смерть, он смог бы достойно встретить ее, но ждать в напряжении так мучительно.

Тувия подалась поближе к Карторису. Она чувствовала себя безопаснее, когда ее рука лежала в его руке, а прикосновение к Тувии, в свою очередь, давало юноше новые силы. Он повернулся к ней с улыбкой на устах.

— Кажется, они хотят запугать нас до смерти,— сказал он,— да падет позор на мою голову, но должен признаться, что они почти добились своего... правда, что касается меня...

Она хотела что-то ответить ему, но в этот момент ужасный крик вырвался из груди Иава.

— Конец! Это конец! — завизжал он.— Наступает конец! Пол! Пол! Комал, будь милостив!

Тувия и Карторис тоже заметили, как мраморные плиты пола разомкнулись и по центру стала образовываться щель. Движение плит было почти незаметным, но вскоре упал стол. Стоять можно было только на коленях.

Иав все еще кричал и хватался за королевское ложе, которое тоже начало скользить к центру комнаты, где уже образовалось небольшое отверстие, а пол стал принимать форму воронки. Все труднее было удержаться на гладком отполированном мраморе. Карторис пытался поддерживать Тувия, но и сам начал скользить к отверстию в центре гигантской воронки.

Карторис сбросил сандалии и ухватился за верхней край поднимающейся плиты одной рукой, а другой удерживал Тувия. Она обхватила руками его шею, прижавшись щекой к его груди. Смерть, невидимая и неизвестная, была уже где-то рядом, сея ужас в душах троих несчастных.

— Мужайся, моя принцесса,— прошептал Карторис.

Она заглянула ему в глаза, увидела улыбку на его губах и не заметила в них страха.

Затем пол стал наклоняться еще быстрее. Они опять соскользнули к отверстию. Зал наполнился ужасными криками Иава, и все трое вскоре оказались на королевском ложе, застрявшем в отверстии. На мгновение наступила передышка, но отверстие продолжало увеличиваться, ложе скользнуло вниз. Иав издал леденящий душу крик, последняя надежда рухнула, и они стали падать в крошечную тьму навстречу неизвестной смерти.

БИТВА НА РАВНИНЕ

Расстояние, которое они пролетели, удачно приземлившись, оказалось небольшим. Карторис удержал Тувию в руках и спружинил на ногах, как кошка. Едва его ноги коснулись грубых каменных плит, как он уже схватился за меч. Подземный зал был освещен, они заметили, что в нем никого нет. Карторис посмотрел на Иава. Тот побледнел и дрожал от страха.

— Какова же наша участь? — спросил юноша. — Может быть, ты подскажешь, к чему готовиться? Я постараюсь как можно подороже продать свою жизнь.

— Комал, — сказал Иав, — нас сожрет Комал.

— Ваше божество? — спросил Карторис.

Тот кивнул головой. Затем указал на низкий проход в углу зала.

— Он придет к нам оттуда. Брось свой меч, глупец. Это только еще больше разозлит его и умножит наши страдания.

Карторис лишь усмехнулся в ответ, еще крепче сжимая свой верный меч.

Иав вдруг издал полный ужаса стон и указал на проход.

— Он пришел, — прошелестел Иав.

Карторис и Тувия были немало удивлены, когда вместо ожидаемого существа в человеческом облике они увидели огромную голову, покрытую рыжей гривой, и широкие плечи гигантского бенса, самого большого, из когда-либо виденных ими.

Медленно, с чувством собственного достоинства могучий зверь продвигался по комнате. Иав упал на пол и извивался всем телом перед ним, как делал это ранее перед джеджаком. Он заговорил со свирепым зверем, как если бы перед ним был человек, моля о пощаде.

Карторис встал между Тувией и зверем, готовый принять удар на себя. Тувия обратилась к Иаву.

— Это и есть ваш бог Комал?

Иав утвердительно кивнул головой. Девушка улыбнулась и, проскользнув мимо Карториса, нагнулась к зарывавшему зверю. Она заговорила с ним низким мурлыкающим голосом, как говорила с бенсами в Золотых Скалах и у стен Лотара.

Зверь перестал рычать, опустил голову и по-кошачьи замяукал. Потом он лег у ног девушки и ласково лизнул ее. Тувия повернулась к Карторису.

— Это всего-навсего бенс. Нам незачем его бояться.

Иав сел и недоуменным взором окинул все происходящее: стройная красивая девушка трепала за гриву огромного свирепого зверя, которого он почитал за божество, а Комал терся своей страшной мордой о ее ноги.

— Это и есть ваш бог? — засмеялась Тувия.

Иав задумался. Он не знал, как поступить: принять ли Комала за обыкновенного бенса или остаться во власти религиозных предрассудков, хотя в глубине души он знал, что все это обман.

— Да,— сказал он.— Это Комал. Многие века в эту яму бросали врагов Тарио, чтобы наполнить звериную утробу, так как Комала нужно было кормить.

— А есть ли выход из этого зала за пределы дворца? — спросил его Карторис.

Иав вздрогнул.— Я не знаю,— ответил он,— мне никогда не приходилось бывать здесь раньше, да и желания не возникало.

— Успокойся,— сказала Тувия,— давайте все тщательно осмотрим. Должен же быть выход.

Все трое приблизились к проходу, через который Комал вошел в зал. За ним они обнаружили логово с низким сводом и небольшую дверцу в стене. К их радости она открылась, и три жертвы Тарио оказались на большой круглой арене, окруженной рядами кресел.

— Это место, где Комала выпускают для показа публике,— объяснил Иав.— Тарио мог бы решить нашу судьбу и здесь, но он очень испугался острого меча красного человека и поэтому отправил нас в яму. Я и не подозревал, что эти два зала связаны между собой. Теперь мы можем легко добраться до улицы, ведущей к воротам города. Правда, стрелки могут воспрепятствовать нашему бегству, но зная их секрет, я постараюсь помешать им.

К верхним рядам кресел от самой арены вела широкая лестница, упирающаяся прямо в дверь, через которую они попали в широкий коридор, выведший их через дворец в сады.

Их никто нигде не задержал и ни о чем не спросил. Могучий Комал шагал рядом с ними.

— Где же люди вашего города? — спросил Карторис.

Улицы города, по которым они шли, были совершенно пусты, ни малейших признаков жизни. И все же многое свидетельствовало о большом количестве людей, живущих в нем.

Иав вздохнул.— Бедный Лотар,— сказал он.— Это действительно город призраков. Нас осталась едва ли тысяча, а ведь когда-то здесь жили миллионы. Наш город населен плодами нашего воображения. Нам нет необходимости материализовывать этих людей, и все же они существуют рядом с нами. Даже сейчас я вижу огромные толпы, наводнившие проспект, людей, спешащих по своим делам. Я вижу женщин и детей, смеющихся на балконах, нам ведь запрещено материализовывать их, но все равно я вижу их здесь... А почему бы и нет? — задумчиво произнес он.— Теперь мне нечего бояться Тарио. Он сам выбрал худший вариант и потерпел неудачу.

— Остановитесь друзья,— продолжил он,— хотите увидеть Лотар во всем его величии?

Карторис и Тувия согласно кивнули головами, но больше из вежливости, а не потому, что поняли значение сказанных им слов.

Иав проникновенно посмотрел на них, а затем сделал жест рукой и воскликнул: — Смотрите!

Картина, представшая перед ними, потрясла молодых людей. Там, где до сих пор ничего не было, кроме пустынных мостовых и алых газонов, пустых оконных проемов и дверей, теперь появилось множество счастливых смеющихся людей.

— Это все в прошлом,— сказал Иав низким голосом.— Они не видят нас, а живут жизнью старого мертвого прошлого, древней жизнью города Лотара, мертвого Лотара, который стоял на берегу Трекуса, самого могучего из пяти океанов.

Посмотрите на этих прекрасных стройных мужчин, шагающих по широкому проспекту, на молодых девушек и женщин, улыбающихся им. Обратите внимание, как с любовью и почтением мужчины приветствуют их. Это мореплаватели, сошедшие с кораблей, причаливших в порту на другом конце города.

Это были смелые люди, но слава Лотара к этому моменту уже поблекла! Посмотрите на их оружие. Ведь только они носили оружие и смогли пересечь пять океанов в поисках таинственных мест, не боясь опас-

ности. Они ушли, а с ними ушел и воинственный дух Лотара. С течением веков мы превратились в расу мягкотелых трусов, стали ненавидеть и бояться войны. Не готовили к ней молодежь. Это привело к нашей гибели, поскольку высохшие моря открыли путь к нам диким зеленым ордам. Мы спасались бегством, но всегда в наших сердцах жили воспоминания о наших стрелках, и мы сумели обратить их против наших врагов.

Когда Иав закончил речь, все исчезло, и беглецы продолжили путь к городским воротам по пустынным проспектам. Дважды попадались им жители Лотара. При виде бенса, в котором они узнавали Комала, люди поворачивались и убегали прочь.

— Они донесут Тарио о нашем побеге,— вскричал Иав,— и он пошлет своих стрелков в погоню за нами. Давайте настроим мысли против них, тогда их стрелы бессильны. Иначе мы обречены. Красный человек, объясни женщине правду, которую я поведал тебе, и тогда стрелы не поразят ее.

Карторис рассказал все Тувии, а когда они подошли к воротам, помог Иаву отвести их в сторону. Через минуту трое спутников в сопровождении бенса вышли на равнину перед Лотаром. Не успели они пройти и сотни ярдов, как до них донеслись воинственные крики воинов. Обернувшись, они обнаружили стрелков, выходящих на равнину из ворот, через которые они выбрались из города.

По стене над воротами расхаживали горожане, среди них был и Тарио. Джеддак смотрел на них, сконцентрировав все силы своего тренированного ума.

Иав наблюдал за Тарио, а потом испугался. В решающий момент он потерял мужество. Огромный бенс повернулся к движущимся стрелкам и зарычал. Карторис занял позицию между Тувией и врагами, ожидая, когда они приблизятся. Внезапно его осенила идея.

— Брось своих стрелков против воинов Тарио,— закричал он Иаву.— Давайте посмотрим на материализованное изображение битвы умов.

Предложение было одобрено Иавом, и уже через минуту они стояли позади плотных рядов огромных стрелков, бросая насмешки и угрозы навстречу воинам, приближающимся из ворот города.

Иав преобразился на глазах в тот момент, когда его легионы предстали перед ним. Можно поклясться, что любой смертный поверил бы в то, что эти существа,

созданные воображением, имеют плоть и кровь. Поддерживая себя воинственными криками, ряды стрелков с двух сторон сошлись в смертельной схватке по центру поля. Стрелы градом сыпались с обеих сторон. Убитые падали, земля стала красной от крови.

Карторис и Тувия с трудом примирились с реальностью всего происходящего. Зная правду, они наблюдали, как сотня за сотней воины выступают из ворот стройными рядами для поддержки своих товарищей, которых выслали Тарио, чтобы вернуть беглецов.

Они заметили, что и Иав тоже увеличивает свое войско. Так продолжалось до тех пор, пока все вокруг не превратилось в море сражающихся воинов. Мертвые грудями лежали на поле боя. Иав и Тарио, казалось, забыли обо всем, кроме сражающихся стрелков, которые то наступали, то отступали, заполняя широкое пространство между лесом и городскими стенами.

Вдалеке виднелось темное пятно леса. Карторис посмотрел на Тувию и сказал:

— Пошли! Оставим их. Это бессмысленный нескончаемый бой, никто из них никогда не победит. Пока они заняты боем, мы попытаемся найти проход в скалах и выйти из этого каменного мешка.

Иав, на минуту оторвавшийся от боя, услышал его слова. Он видел, как принцесса пошла за красным воином. Хитрое выражение мелькнуло в его глазах.

С тех пор, как он впервые увидел ее, Тувия глубоко запала в его сердце. Он и не подозревал этого до последней минуты, когда понял, что может навеки потерять ее. Забросив стрелков, он сконцентрировал все свои силы на юноше и девушке.

Карторис вдруг увидел, что Тувия шагнула к нему с протянутыми руками. Он немного удивился этой перемене, но с радостью в сердце принял ее, и они вместе направились к горам.

Когда же Иав вплотную подошел к ним, Тувия была удивлена новым планом Карториса.

— Останемся здесь с Иавом,— услышала она его слова.— А потом я один поищу проход в скалах.

Она была удивлена и разочарована, так как не видела причины, по которой Карторис не мог сразу взять ее с собой. С ним она была бы в большей безопасности, чем с Иавом. Последний наблюдал за ними, хитро улыбаясь.

И вот настал момент, когда Карторис исчез в лесу, а Тувия, усевшись прямо на траву, наблюдала за сражением, которое казалось бесконечным.

Длинный день клонился к закату, а легионеры все сражались. Солнце уже почти зашло, когда Тарио начал отводить свои войска к городу.

Иав полностью поддержал его, и тоже отвел своих стрелков к лесу, где они разбили лагерь на ночь. Тувия едва сдержала улыбку, когда увидела, как тщательно соблюдают они все малейшие детали из жизни настоящих людей. Были выставлены караулы между лагерем и городом. Офицеры расхаживали по лагерю, отдавая приказания и следя за их исполнением.

Тувия обратилась к Иаву.

— Для чего все это,— спросила она,— зачем вы с такой точностью соблюдаете воинский устав, когда знаете наверняка, что все они являются плодом вашего воображения? Почему вы не разрешите им просто разойтись, пока снова не потребуются их услуги?

— Ты не понимаешь всего,— ответил тот,— пока они существуют, материализовавшись, они реальны. Я призываю их к существованию и руковожу ими. Но если я распушу их, они могут стать такими же подлинными, как ты и я. Их офицеры командуют ими под моим руководством. Я их генерал. Психологический эффект действует на врага сильнее, чем если бы я обращался с ними как с нематериальными существами.

Нас никогда не оставляла надежда, в которую мы, правда, мало верим, что однажды наши усилия увенчаются успехом и они станут людьми. Тогда мы сумеем воссоздать нашу умирающую расу.

Есть и такие, которые заявляют, что уже могут сделать это. Предполагают, что среди фантомов есть мизерный процент людей, образовавшихся реально.

Среди нас есть сторонники идеи, что ни один человек из жителей Лотара не является реальным на самом деле. В подтверждение этого, в качестве доказательства они приводят нашу способность добывать пищу без ее производства. Вот почему я сам склоняюсь к этой теории, хотя и существую реально.

Мы давно пришли к выводу, что наши древние предки достигли такого высокого умственного развития, что самые сильные умы жили и после своей физической смерти. Получается, согласно этой теории, что мы

бессмертные индивидуальности людей, которые уже давно мертвы.

Насколько я знаю себя, у меня налицо все признаки вполне материального существа: я ем, я сплю,— он сделал паузу, бросая многозначительный взгляд на девушку,— я люблю.

Тувия поняла его достаточно красноречивый маневр и отвернулась с едва заметной дрожью отвращения, которое не ускользнуло от Иава. Он приблизился к ней и схватил ее за руку.

— А почему не Иав? — воскликнул он.— Кто более почетен, чем второй гражданин из древнейшей расы в этом мире? Твой воин из Гелиума? Он ушел, оставив тебя, чтобы спастись самому. Подойди и будь моей!

Тувия резко поднялась на ноги, высокомерно передернула плечами и вздернула подбородок, презрительно скривив губы.

— Ты лжешь! — тихо произнесла она.— Гражданин Гелиума о неверности знает меньше, чем о страхе, а чувство страха ему вообще неизвестно!

— Тогда где же он? — усмехнулся Иав.— Я говорю тебе, что он сбежал из долины Лотара, предоставив тебя самой себе. Но Иав докажет, что судьба твоя чудесна. Завтра ты войдешь вместе со мной и моей победоносной армией в Лотар, и я стану джеддаком, а ты моей женой. Иди сюда! — и он попытался прижать ее к своей груди.

Девушка попыталась освободиться, отбиваясь от него металлическими браслетами. Ему удалось притянуть ее к себе, но в этот момент из темного леса вдруг раздалось грозное рычание, испугавшее их обоих.

ГЛАВА X

КАР КОМАК — СТРЕЛОК

Карторис пробирался по лесу к дальним горам, крепко сжимая в своей руке руку Туви. Девушка уже долгое время не проронила ни слова, что немного удивляло его.

Они все еще шли по лесу, пока не стали надвигаться тени быстро спускающейся марсианской ночи. Что ждет их впереди? Ведь это была его идея идти прямо через горы, постаравшись найти проход. Он был почти уверен,

что они находятся рядом с ним, но он решил заручиться ее поддержкой.

Он внимательно посмотрел на Тувия, чья странная внешность поразила его. Он долго и пристально смотрел на нее, пока девушка медленно исчезала под его упорным взглядом. Карториса ошеломила раскрывшаяся правда. Иав заставил его поверить, что Тувия сопровождала его в лесу, а на самом деле он удержал ее при себе.

Карториса охватил ужас. Он проклинал себя за глупость, но все же понимал, что дьявольская власть лотарца, так ловко воспользовавшегося ею, могла любого ввести в заблуждение.

Как только он раскрыл коварство Иава, тотчас же повернул обратно. Земные мускулы, унаследованные от отца, стремительно несли его по мягкому ковру из опавших листьев и буйно разросшейся травы.

Серебристый свет луны затопил всю долину перед городской стеной, когда Карторис, выйдя из леса, остановился у больших ворот, через которые они покинули город днем.

Равнина была пуста. Толпы стрелков под зеленью гигантских деревьев исчезли. Груды окровавленных истерзанных тел не портили красоты алых лугов. Кругом была тишина, и царил мир.

Карторис на мгновение остановился на опушке леса и, пройдя несколько шагов, обнаружил бесформенную грудку у своих ног. Это было тело человека, лежащего ничком. Он перевернул его на спину и увидел перед собой израненного, искалеченного почти до неузнаваемости Иава. Принц склонился над ним, стараясь понять, жив ли тот еще. В этот момент Иав приподнял веки и страдающим взором глянул на Карториса.

— Принцесса Парты, — воскликнул Карторис, — где она? Ответь мне, человек, или я прикончу тебя!

— Комал, — пробормотал Иав. — Он прыгнул на меня... и разорвал бы, если бы не девушка. Потом они оба ушли в лес, девушка и огромный бенс... пальцы ее утонули в его рыжей гриве.

— Какой дорогой они пошли?

— Здесь, — слабым голосом ответил Иав.

Карторис не стал задерживаться и быстро зашагал в лес. На рассвете он достиг начала темного туннеля, который должен вывести его в другой мир, подальше от этой долины призрачных воспоминаний и странных гип-

нотических влияний и угроз. На всем пути по длинному и темному туннелю он не столкнулся ни с каким препятствием и вышел, наконец, на дневной свет у подножия горы на небольшом расстоянии от южной окраины владений Торказа.

От границ Торказа до города Антора было примерно 150 земных миль, так что ему предстояло «небольшое» путешествие.

Поразмыслив, он решил, что Тувия направится в Антор, где можно было найти воду и встретить поисковую группу ее отца, который, конечно, осмотрит каждый камень, пока не узнает правды. Он, конечно, понимал, что подозрение, павшее на него, уведет поиски по неверному пути и отсрочит раскрытие правды, но едва ли он мог догадаться, каких угрожающих размеров достигло злодейство Астока.

* * *

В это время боевой флот Птарты медленно летел к Гелиуму, а из отдаленного Каола двигалась другая могучая армада, намереваясь соединиться с силами союзников.

Карторис не знал, что даже жители его страны, которым шпионы Дузара подбрасывали все новые улики против него, стали подозревать его в похищении принцессы. Не знал он и о подлостях, совершенных дузарцами, вознамерившимися подорвать дружбу и союз трех великих держав восточного полушария: Гелиума, Птарты и Каола.

Люди Дузара проникли на службу в посольства трех государств, похищали и подменивали послания джеддаков к друг другу, пока терпение и гордость правителей и бывших когда-то друзей не стерпели унижения, содержащегося в подметных письмах.

Не знал и того, что до последней минуты Джон Картер, Владыка Барсума, отказывался от объявления войны против Птарты и Каола, надеясь, что со временем все станет ясно и правда восторжествует.

И вот два великих флота двигались на Гелиум, а шпионы Дузара при дворе Тардоса Морса следили за тем, чтобы никто не узнал о грозящей опасности.

Война была объявлена Туваном Дином, но посыльный, отправленный с бумагой, оказался шпионом Дузара и не доставил послание по назначению.

В течение нескольких дней между Гелиумом и его противниками были прерваны все дипломатические отношения, а с отъездом послов была прекращена радиосвязь.

Итак, ничего не знающий о последних событиях принц Гелиума шел по следу Тувии и бенса, сопровождавшего ее. Еще при входе в туннель он заметил их следы. Карторис, выйдя из темноты, быстро обнаружил их снова. Следы вели вниз к мертвому морскому дну, где, как он и предполагал, они затерялись, не оставив на упругой ярко окрашенной растительности.

Каково же было удивление Карториса, когда он заметил приближающегося к нему с северо-востока обнаженного и безоружного мужчину, внешне похожего на жителей Лотара.

Он подошел к юноше без малейшего признака страха, а поравнявшись с ним, крикнул бодрое «каор».

— Кто ты? — спросил Карторис.

— Я Кар Комак, командир стрелков, — ответил тот. — Со мной произошло нечто странное. Уже много веков Тарио призывает меня к жизни, когда ему требуется помощь созданной его воображением армии. Из всех стрелков он чаще всего воображал меня. Долго и упорно Тарио концентрировал свой ум на том, чтобы я стал материален. Его преследовала навязчивая идея, что когда-нибудь ему удастся завершить этот процесс и обеспечить таким образом будущее Лотара. Правда, он и сам до конца не верил в успех этой затеи.

Вчера он преуспел, но в какой момент? Он так и не узнал об этом, так же, как и я. Вчера я вместе со всеми преследовал отступающих зеленых воинов Торказа, а когда пришла ночь и настало время исчезнуть, я внезапно обнаружил, что остался один на краю равнины, которая лежит вон там, у подножия низких холмов.

Мои друзья ушли в небытие, откуда и появились, а я остался без оружия и одежды. Сначала я никак не мог понять, что же произошло, но потом сообразил, что долгие попытки Тарио увенчались успехом, и Кар Комак стал реален в мире людей, но мои одеяние и оружие исчезли. Я остался один во враждебной стране далеко от Лотара.

— Ты хочешь вернуться в Лотар?

— Нет, — быстро ответил Кар Комак. — Я не люблю Тарио. Будучи созданием его ума, я достаточно хорошо

знаю его. Он жесток и деспотичен, я же не хочу служить ему. Теперь, когда ему удалось окончательно материализовать меня, он станет невыносим, будет проводить опыты, пока не заполонит весь Лотар своими созданиями. Интересно, конечно, было бы узнать, как обстоят дела с материализацией девы Лотара!

— Я думал, что там нет женщин.

— Во дворце Тарио в скрытых от посторонних глаз комнатах джеддак поддерживает представление о прекрасной девушке, надеясь, что однажды она станет реальной. Я видел ее фантом — она прекрасна, но ради нее же самой, я не хотел, чтобы Тарио преуспел в этом деле. Итак, красный человек, я рассказал тебе о себе, а что ты можешь поведать мне?

Карторису понравился стрелок. Он не заметил на его лице ни сомнения, ни страха, даже когда тот приближался к хорошо вооруженному принцу. Говорил он ясно и по существу. И юноша рассказал ему о себе и о приключениях, приведших его в эту далекую страну.

— Хорошо! — воскликнул Кар Комак, когда Карторис закончил повествование. — Я пойду вместе с тобой, и мы найдем принцессу! А потом я смогу вернуться в мир людей, в мир, который я знал в давние времена, когда еще корабли могущественного Лотара бороздили свирепый Торкус, волны которого бились вон в те холмы.

— А разве ты действительно когда-то жил? — спросил Карторис.

— Безусловно, — ответил тот. — В свое время я командовал флотом Лотара, самым могущественным из флотов, плававших по пяти соленым морям. Имя Кара Комака было известно и уважаемо. В те далекие времена на Барсуме царил мир, только мореплаватели и были воинами, но теперь исчезли бывшая слава и боевой дух. Не встретить я тебя, я и не узнал бы, что на Барсуме еще живы настоящие воины, какими были мореплаватели в мое время.

Да, мне будет приятно взглянуть еще раз на людей — настоящих людей. Я никогда не питал особого уважения к сухопутным горожанам. Живя в благоустроенных городах, они предавались играм и лени, попадая в зависимость от моряков в случае нападения врагов. А жалкие потомки великого народа Лотара, вроде Тарио и Иава, не вызывают во мне никакой жалости. Они гораздо хуже их предков.

Карторис сомневался в своем совместном путешествии с чужестранцем. Всегда можно ожидать, что он окажется фантомом какого-нибудь гипнотического вероломства, которым Тарио или Иав попытаются повлиять на юношу. Но слова и манеры стрелка были настолько искренни, что в глубине души Карторис перестал сомневаться в нем. Поразмыслив, Карторис разрешил воину сопровождать его, и они вместе отправились по следам Тувии и Комала.

След привел их вниз к ярко-оранжевому дну мертвого моря. Там он пропал, но юноша уже понял, что девушка держит направление на Антор. Поэтому они пошли в ту же сторону.

Это было длинное и монотонное путешествие, правда, полное опасностей. Стрелок не мог идти таким же шагом, как и Карторис, чьи мускулы несли его с большей скоростью по поверхности Барсума. Юноша мог бы легко пройти сто и более миль за день, но боялся оставить своего нового друга. По пути им встретились две орды свирепых зеленых людей Торказа, но им сопутствовала удача, и они избежали встречи с ними.

Итак, к утру третьего дня пути наши путники увидели сверкающие купола далекого Антора. Все время Карторис напряженно вглядывался в даль, пытаясь разглядеть впереди девушку и большого бенса, но так и не увидел их.

В это утро ему повезло. Юноша заметил две крошечные фигурки далеко впереди, движущиеся по направлению к городу. Некоторое время мужчины внимательно наблюдали за ними. Затем Карторис, собрав все свои силы, с огромной скоростью бросился вперед. Кар Комак последовал за ним.

Приблизившись к Тувии, юноша стал кричать, она услышала его и обернулась. Рядом с ней стоял огромный бенс, наостривший уши и зорко наблюдавший за приближающимися людьми. Хотя девушка на таком расстоянии и не могла разглядеть Карториса, но она была убеждена, что это он.

Вскоре он заметил, что Тувия машет ему рукой в сторону северо-востока. Не замедляя шага, он посмотрел туда. Менее чем в ста ярдах от него по толстому ковру из мха к нему приближались десять зеленых воинов на могучих тотгах.

Кар Комак, обнаженный и безоружный, тоже заметил

врагов и тоже закричал об этом юноше. Воины неумолимо приближались со взятыми наперевес огромными копьями.

Карторис знаками попытался остановить безоружного стрелка, так безрассудно бросившегося наперерез безжалостным дикарям, но Кар Комак, ни минуты не колеблясь, поспешил к принцу. Сердце красного человека было тронуто проявлением мужества и самоотверженности лотарца, и он сожалел, что не догадался раньше отдать стрелку один из своих мечей, но было слишком поздно, так как он не мог теперь остановиться и подождать стрелка, потому что раньше воинов Торказа должен был добежать до Тувии. Пока было неясно, кто первым окажется около девушки.

Тут он заметил два средних размеров корабля, спешивших к принцессе со стороны Антора, на которых различил цвета Дузара. Теперь-то уж для Тувии осталось мало надежды на спасение: с одной стороны на нее наступали свирепые зеленые воины Торказа, с другой — люди Астока, принца Дузара. Положение было безнадежным, поскольку красный воин и безоружный стрелок едва ли могли защитить ее.

Тувия смотрела на приближающегося Карториса, вновь испытывая необъяснимое чувство страха. Хотя разум настойчиво говорил сердцу, что он причастен к ее похищению из дома отца, она знала, что ей всегда приятно видеть его рядом с собой и именно с ним она чувствует себя в безопасности. Он найдет выход даже из столь трудной ситуации.

И вот он, тяжело дыша, остановился перед ней. Смелая улыбка озарила его лицо.

— Мужайся, моя принцесса,— произнес он. Ведь он уже говорил ей эти слова в тронном зале Тарио, когда они стали скользить по мраморному полу навстречу неизвестности. Тогда она не обиделась на него за такое обращение, хотя для женщины Барсума было позором слушать такие слова, если их говорил не муж и не суженый.

Карторис заметил румянец обиды на ее щеках и пожалел о своих словах. В последний момент он успел сказать ей:

— Прости меня! Пусть моя большая любовь будет мне прощением в последние мгновения жизни! — С эти-

ми словами он обернулся лицом к зеленым воинам, атаковавшим его.

Принц, отскочивший в сторону, пропустил одного всадника, а потом могучим ударом погрузил свой меч в горло врага и рассек тело надвое.

В это же время Кар Комак прыгнул и уцепился руками за ногу другого огромного всадника. Остальные помчались к ближайшим кустам, спешили и достали длинные мечи.

Корабли Дузара опустились на мягкое морское дно, и с них высадились пятьдесят воинов, вступивших в бой с зелеными людьми. В этот водоворот рубящих и режущих мечей прыгнул Комал, огромный бенс, бывший бог Лотара.

ГЛАВА XI

ЗЕЛЕННЫЕ ЛЮДИ И БЕЛЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Меч зеленого воина внезапно возник перед Карторисом и обрушился прямо на его лоб. Перед ним мелькнуло видение: мягкие женские руки, обвившиеся вокруг шеи, и теплые губы, коснувшиеся его уст. Это все, что осталось в его памяти, прежде чем он потерял сознание.

Он не знал, как долго он пролежал без сознания, но когда открыл глаза, то увидел мертвые тела зеленых воинов Торказа и тушу огромного бенса, лежащего рядом с ним.

Тувии нигде не было, Кара Комака тоже. Слабый от потери крови, он медленно двинулся в Антор и достиг его уже с наступлением темноты. Ему очень хотелось пить, поэтому он направился по большому проспекту к центральной площади, где, как он знал, в полуразрушенном здании напротив дворца древнего джеддака можно было найти бесценный напиток.

Удрученный событиями предыдущего дня, которые опять отняли у него принцессу, он вовсе не обращал внимания на обстановку в городе, смело передвигаясь по пустынным, как ему казалось, улицам. Но почти во всех зданиях, расположенных вдоль широкого проспекта и на самой площади притаились во тьме большие белые обезьяны.

Если Карторис и потерял интерес к своей судьбе, то

этого нельзя было сказать о внимательных глазах, которые зорко следили за ним, как только он появился на площади, пересек ее по направлению к мраморному зданию, в котором находился крошечный ключ, почти высохший ручеек. Отрыв глубокую яму в песке, можно было достать немного воды.

Когда юноша зашел в здание, дюжина немых фигур появилась из дверного проема дворца, расположенного напротив. Все они быстро и бесшумно пересекли площадь в том же направлении, что и Карторис.

Полчаса провел Карторис в здании, докапываясь до ключа. Он добыл немного воды, а затем поднялся и пошел к выходу. Едва он ступил на порог, как воины Торказа набросились на него. Он успел достать тонкий кинжал, которым уже сразил не одно зеленое сердце, но перевес был на стороне зеленых воинов. Они выхватили его оружие, но только девять из двенадцати пересекли площадь в обратном направлении, неся связанного пленника.

Они бросили юношу в подземелье, где в кромешной тьме приковали тяжелыми цепями к каменной стене.

— Завтра с тобой будет говорить Тар Бан. Сейчас он отдыхает. Велика будет его радость, когда он узнает, кто бродил в городе, как, впрочем, и у Гортана Гура, когда Тар Бан притащит на суд джеддака сумасшедшего глупца, который осмелился коснуться своим мечом великого правителя Торказа.

Много часов просидел он, скорчившись на каменном полу в полной темноте, прислонившись спиной к стене, в которую был вбит крюк с продетой в него цепью.

Затем до него донесся слабый звук шагов босых ног, осторожно ступающих по камню и приближающихся к тому месту, где он сидел совершенно безоружный и беззащитный.

Прошло несколько минут, показавшихся ему часами; могильная тишина нарушалась лишь отвратительным для его уха шарканьем босых ног, осторожно крадущихся к нему. Он ясно различил шум драки, тяжелое дыхание и проклятие, сорвавшееся с губ, несомненно, человека, потом послышался звон разорванной цепи.

Снова наступила тишина, но вот опять он услышал шаги, приближавшиеся к нему. Карторису показалось, что он увидел злые глаза, угрожающе устремленные на него из темноты, слышал тяжелое дыхание мощных

легких. Теперь уже множество ног шаркало по каменному полу. Вдруг кто-то прикоснулся к нему. Руки, похожие на человеческие, сомкнулись на его горле, руках и ногах. Волосатые тела стали бороться с ним. Карторис, напрягая все силы своего мускулистого тела, сопротивлялся, но в объятиях этих невидимых существ он был беспомощен как женщина.

Юноша продолжал борьбу, раздавая бесполезные удары большим волосатым животным, которых он не видел, а только чувствовал их короткие толстые шеи, висящие щеки, слюну, растекшуюся по ним и горячее вонючее дыхание перед своим носом. Клыки, мощные клыки, он знал, что они совсем рядом, но не мог догадаться, почему они не впиваются в его тело. Наконец он почувствовал волнение своих врагов, бегающих вокруг тяжелой цепи, которой он был прикован. Вскоре до него донесся тот же звук, который он уже слышал за несколько минут до нападения — разорванная цепь стукнулась о каменный пол.

Карториса сразу же подхватили и потащили по темным коридорам навстречу судьбе. Конец этого происшествия он уже предугадывал. Сначала он подумал, что это зеленые воины Торказа, но волосатые тела внесли сомнения. Теперь ему стало ясно, кто они, хотя юноша не мог понять, почему они сразу не убили и не сожрали его на месте.

После получасовой пробежки по подземным коридорам, являющимся характерной чертой всех городов Барсума, как современных, так и древних, пленившие его существа внезапно выскочили во двор, освещенный луной, далеко от центральной площади.

При свете луны Карторис разглядел своих похитителей. Он оказался во власти больших белых обезьян Барсума. Юноша и раньше подозревал, что это обезьяны, но волосатая грудь смутила его, так как эти животные безволосы, за исключением копны волос, дыбом стоящей у них на головах.

Его ввели в заблуждение ленты из меха, пересекающие грудь всех обезьян. Такие знаки отличия носили зеленые воины Торказа, а животные одели их в знак подражания.

Оглядевшись, Карторис насчитал во дворе около пятидесяти белых обезьян, сидящих на корточках, но среди них он увидел человека, тщательно охраняемого

животными. Встретившись глазами, они улыгнулись друг другу, а с губ сорвалось приветствие:

— Каор, красный человек! — Это был Кар Комак, стрелок из Лотара.

— Каор! — воскликнул Карторис в ответ. — Как ты оказался здесь, и что случилось с принцессой?

— Красные люди, подобные тебе, приземлились на своих мощных кораблях, плавающих по воздуху так же, как и мы в былые времена плавали по воде. Они сразились с зелеными людьми Торказа, убили Комала, бога Лотара. Я подумал, что они твои друзья, и обрадовался им. Но они подхватили девушку, унесли ее на корабль и улетели. Потом меня поймали зеленые люди и привели в большой пустынный город, где приковали цепью к каменной стене в подземелье. Обезьяны вытащили меня оттуда и привели сюда. А что было с тобой, красный человек?

Карторис рассказал стрелку все, что с ним произошло, а пока они разговаривали, обезьяны зорко следили за ними.

— Что же нам теперь делать? — спросил стрелок.

— Наше положение безнадежно. Эти существа — людоеды. Почему они до сих пор не съели нас, я не могу понять. Вон тень, которая приближается, это наш конец!

Кар Комак обернулся и увидел громадную обезьяну с крепкой дубиной в лапах.

— Они всегда расправляются со своей жертвой таким способом, — заметил Карторис.

— Как? Мы должны отдать свои жизни без борьбы? — воскликнул Кар Комак.

— Только не я! — ответил Карторис. — Хотя и знаю, что бесполезно сражаться с этими могучими чудовищами безоружными. Мне бы сейчас мой длинный меч!

— А мне бы лук да сотню стрелков! — добавил Кар Комак.

Услышав эти слова, Карторис даже подпрыгнул, но его грубо усадили на место.

— Кар Комак! — закричал он, — а почему бы тебе не попробовать проделать то же, что делали Тарио и Иав? Ты должен знать их секреты, вызывай же своих стрелков!

Тот взглянул на Карториса широко раскрытыми от удивления глазами, потом до него дошел смысл слов, сказанных Карторисом.

— А почему бы и нет? — пробормотал он.

Свирепая кровожадная обезьяна с громадной дубиной приближалась к Карторису. Тот молча наблюдал за своим палачом. Кар Комак направил пронзительный взгляд на обезьян. От огромного напряжения его лоб покрылся обильным потом.

Злобное порождение слепой природы, собравшееся умертвить красного человека, было уже на расстоянии вытянутой руки от него, когда Карторис услышал хриплый крик с противоположной стороны двора. Все, даже демон с дубиной, повернулись в ту сторону и увидели группу стрелков, выбегающих из расположенного рядом со двором здания.

С воинственными криками обезьяны вскочили на ноги, чтобы встретить атаку стрелков. На полпути их осыпал град стрел. Дюжина обезьян беззвучно рухнула на землю. Внимание всех обезьян было отвлечено атакующими, даже стража, оставив пленников, присоединилась к схватке.

— Пошли,— прошептал Кар Комак.— Теперь мы можем бежать, пока они заняты моими стрелками.

— Оставить храбрых воинов без руководителя? — воскликнул Карторис.

Кар Комак засмеялся.

— Ты забываешь, что они состоят из воздуха, это плод моего воображения. Они исчезнут, не получив ни единой царапины, когда у нас отпадет необходимость в их помощи. Хвала твоему прародителю, красный человек. Ты вовремя вспомнил о них. Мне бы никогда и в голову не пришло, что я владею той же силой воображения, что вызвала меня к жизни.

— Ты прав,— сказал Карторис,— и все же мне не хочется их покидать, хотя у нас нет иного выхода.

Кар Комак и Карторис покинули двор, где стрелки сражались с белыми обезьянами, и направились по широкому проспекту, укрываясь в тени зданий, к центральной площади. Добравшись до нее, Карторис остановил друга.

— Подожди меня здесь,— прошептал он.— Я постараюсь найти тотот, ибо пешком мы далеко не уйдем.

Ему нужно было пробраться через несколько зданий, чтобы попасть в закрытый двор, где паслись тототы. Он пошел наугад, поскольку трудно было определить, какие из них заняты зелеными воинами, а какие нет.

Так он оказался в большом зале, где заночевали десять или более воинов, закутанных в шелка и мех. Он успешно прошел мимо них, но в небольшой комнате, примыкающей к залу, чуть не наступил на спящего воина. Это был часовой, позволивший себе немного вздремнуть. Он проснулся и сел, потягиваясь, на полу. Именно Карторис его и разбудил. Юноша заметил, что на стене комнаты развешено запасное оружие. Он быстро выбрал два коротких меча для себя и для Кара Комака, а также одежду для своего обнаженного друга. Потом он снова вернулся в зал и успешно прошел мимо спящих воинов. Он чуть задержался возле одного из них, который беспокойно зашевелился во сне. Карторис приготовил меч на тот случай, если воин проснется. Повертевшись на постели, зеленый человек вдруг вскочил на ноги и очутился лицом к лицу с красным человеком. Юноша тотчас же нанес удар, но зеленый воин успел закричать и разбудить всех остальных. В мгновение ока в зале поднялась суматоха. Карторис, отойдя к стене, наблюдал за всем происходящим в зале, так как ближняя луна уже залила Антор своим холодным светом.

Один из проснувшихся воинов натолкнулся на труп товарища, ощупал его и вдруг закричал:

— Турды! Турды выступили против нас! Поднимайтесь, воины Торказа, и вонзите свои мечи в сердца старинных врагов наших!

Зеленые воины, не разобравшись, стали нападать друг на друга, а принц Гелиума, воспользовавшись неразберихой, проскользнул во двор, где рычали огромные тоты.

Ему предстояла нелегкая работа. Нужно было отловить и оседлать хотя бы одного из тотов, а это была трудная задача даже в обычных условиях. От своего отца и Тарса Таркаса он знал о повадках могучих лошадей Барсума. Теперь же он старался вспомнить все, чему он научился, будучи гостем в Тарке.

Тоты во дворе у зеленых воинов Торказа оказались норовистыми, и какое-то время Карторису казалось, что ему не избежать атаки со стороны двух старых самцов. Они толкались и визжали вокруг него, но ему все-таки удалось приблизиться к одному из тотов и схватить его. Почувствовав руку на своей шкуре, животное успокоилось и в ответ на властную команду красного человека встало на колени. Карторис мигом запрыгнул ему на спи-

ну и направил его к большим воротам, ведущим из двора на проспект.

Другой самец, издавая пронзительные крики, последовал за своим товарищем. На обоих не было никакой сбруи, так как эти странные животные управляются внушением, если ими вообще можно управлять.

Карторис подвел двух животных к воротам, спрыгнул, отворил замок, а потом один из тотов толкнул ворота, они распахнулись, и красный воин и два тотата тихо проследовали по краю площади к тому месту, где прятался Кар Комак.

Стрелок, никогда в жизни не ездивший на тотатах, никак не мог обуздать своевольное животное. Но и ему удалось забраться на скользкую спину тотата, и снова две туши, мягко ступая по поросшим мхом улицам, направились к бесконечному морскому дну, раскинувшемуся за городом.

Всю ночь и весь следующий день, и вторую ночь они ехали на северо-восток. Погони они не видели, и на рассвете второго дня вдалеке показалась вьющаяся лента больших деревьев, которые окаймляли большой водный путь. Оставив тотатов, они пешком приблизились к орошаемому району. Карторис снял с себя все украшения, которые могли бы выдать его, так как он не знал, чьи это земли и кому принадлежит канал.

Была середина дня, когда двое путников вышли на одну из дорог, пересекавшую обрабатываемый район. Она соединяла безводное пространство с большим шоссе, проходящим, как правило, по центру государства из одного конца в другой.

Высокая стена, окружавшая поля, защищала от внезапных набегов зеленых орд и ограждала домашних животных и людей на фермах от свирепых бенсов и других плотоядных животных.

Принц и стрелок остановились перед первыми же воротами и стали стучать. К ним вышел молодой человек и гостеприимно предложил им войти, хотя удивленно поглядывал на белую кожу и рыжие волосы Кара Комака.

Выслушав их короткий и неполный рассказ о побеге из Торказа, он провел их в дом и приказал слугам подать еду. Пока они ожидали в гостиной, Карторис вовлек хозяина в разговор, задавшись целью выяснить, к кому привели их обстоятельства и чьи это земли.

— Я Хал Вас,— сказал молодой человек,— сын Васа Кора из Дузара, довольно именитого воина из свиты Астока, принца Дузара. В настоящее время я являюсь дваром охраняемой дороги, проходящей по этому району.

Карторис обрадовался, что не назвал своего имени, потому что не знал, что теперь происходит в мире, но он хорошо знал, что жители Дузара не питают к нему особой любви.

— А ты кто такой? — спросил его Хал Вас.— Судя по внешности, ты воин, но я не вижу знаков различия на твоём снаряжении. Может быть, ты наемник? Теперь их много бродит по Барсуму в поисках службы.

Карторис знал, что наемники носят цвета того государства, которому служат, когда срок службы кончается, они снимают все знаки отличия воинов и снова ничем не отмечают свою одежду, пока не поступят к новому хозяину. Наемники всегда имеют довольно потрепанный вид.

Предположение, высказанное дваром, было весьма удачным, и Карторис ухватился за него, чтобы дать о себе вполне приемлемое объяснение. Правда, во время войны наемники, оказавшись в какой-либо стране, обязаны служить именно ей. Насколько Карторис знал, Дузар не воевал с другими нациями, но никогда точно нельзя предсказать, когда одно государство повздорит с другим, хотя великий и могучий союз, возглавляемый его отцом Джоном Картером уже довольно продолжительное время поддерживал мир на большей территории Барсума...

Хал Вас улыбнулся в ответ на рассказ Карториса о роде их занятий.

— Это хорошо,— воскликнул молодой человек,— что вы пришли в Дузар, так как очень скоро найдете себе службу. Мой отец Вас Кор, прибыл сейчас сюда, чтобы собрать силы для войны с Гелиумом.

ГЛАВА XII

ЦЕНА ДУЗАРА

Тувия, сражаясь с Иавом, охваченным страстью, бросила быстрый взгляд через плечо на лес, откуда доносилось свирепое рычание. Иав тоже оглянулся. То, что

они увидели, наполнило сердца каждого из них мрачными предчувствиями. Это был Комал, бог Лотара, могучий бенс, несущийся к ним с раскрытой пастью.

Кого из них он выберет? Им не пришлось долго размышлять, хотя Иав и попытался удержать девушку между собой и громадными клыками зверя. Бенс схватил именно его. Бросив Тувию в пасть зверя, Иав попытался бежать к городу, но безуспешно. Комал вцепился ему в горло, раздирая грудь могучими когтями. Девушка с трудом оторвала зверя от его жертвы и еле увела его в лес.

С этим-то грозным защитником Тувия отправилась искать проход в скалах, чтобы совершить невозможное — добраться до далекой Птарты, пройдя огромное расстояние по жестокому Барсуму.

Она не поверила Иаву, что Карторис покинул ее, спасая свою жизнь, поэтому продолжала искать его. Они разминулись, когда она прошла далеко на север в поисках туннеля, а он возвращался за ней в Лотар.

Несомненно, Карторис всегда был в ее сердце, но она даже себе не могла признаться, что любит его. Она позволила ему обратиться к ней со словами, доступными лишь мужу или жениху.

Кулан Тит, джеддак Каола, с которым она была обручена, снискал ее уважение и восхищение, и она подчинилась требованию отца. Но главное, что толкнуло ее на этот шаг, — обида на Карториса, который не воспользовался их частыми встречами, чтобы попросить ее руки. Этого предложения она ждала давно, еще с того далекого вечера, когда они, сбегав с пышных торжеств, уединились в саду ее отца.

Любила ли она Кулана Тита? Ей хотелось верить в это, но перед глазами стоял образ темноволосого и сероглазого юноши. У Кулана Тита тоже были темные волосы, но глаза карие.

Было уже совсем темно, когда Тувия нашла проход. Девушка успешно миновала его и дошла до холмов, где остановилась, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Остаться ли здесь в надежде, что Карторис вернется, или продолжать свой путь на северо-восток к Птарте? Куда направился бы Карторис, покинув долину?

Ее пересохшее горло и сухой язык подсказали ей путь в Антор, к воде. Возможно, что именно там она найдет нечто большее, чем живительная влага.

Рядом с Комалом она не испытывала страха, так как он был надежной защитой от кровожадных животных Барсума. Она боялась только людей, с которыми неизбежно встретится, прежде чем доберется до дома.

Когда же Карторис наконец нашел ее и упал, сраженный мечом зеленого воина, Тувия молила, чтобы и ее постигла такая судьба. Завидев красных воинов, спрыгивающих с корабля, она еще надеялась, что они помогут ей спасти юношу. Но различив цвета Дузара, она окончательно потеряла всякую надежду.

Погиб и Комал, замертво упав рядом с Карторисом. Теперь она действительно осталась совершенно одна. Защитить ее было некому. Воины Дузара схватили Тувию и потащили на корабль. Зеленые люди попытались отбить у них прекрасную добычу. Наконец те, кто не погиб в схватке с зелеными воинами, взобрались на палубу корабля, завели моторы и быстро поднялись в воздух.

Тувия огляделась. Перед ней стоял улыбающийся человек, при виде которого у нее перехватило дыхание. Узнав его, она застонала, закрыла лицо руками и без чувств упала на гладкую палубу.

Человек склонился над ней, восхищенным взором оглядывая принцессу. Это был Асток, принц Дузара.

Он воспользовался самым быстроходным кораблем в его государстве, чтобы не напасть на патрульные корабли Гелиума, Птарты и Каола, которые бороздили воздушный океан Барсума. Ему не поздоровится, если кто-нибудь обнаружит Тувию на палубе его корабля.

Ему предстояло покрыть большое расстояние, чтобы достичь Дузара. Большой корабль справился с этим без труда, не сделав ни одной остановки. Задолго до места назначения Тувия узнала правду, рассеявшую сомнения, мучившие ее столько дней. Едва они поднялись в воздух, она признала в одном из членов экипажа воина, участвовавшего в ее похищении. Присутствие Астока на корабле было ответом на все ее вопросы. Несомненно, ее похитили люди принца Дузара. Карторис не был причастен к этому событию.

Асток и не отрицал обвинений, высказанных девушкой. Он только улыбнулся и стал молить ее о любви.

— Я скорее стану подругой белой обезьяны, — резко ответила Тувия, когда он проявил излишнюю настойчивость.

Асток угрюмо зарычал на нее.

— Ты выйдешь замуж за меня, Тувия, клянусь своими предками, я предоставлю тебе такую возможность.

Девушка не ответила, ему так и не удалось вовлечь ее в разговор даже оскорблениями. Она молчала всю дорогу.

На самом деле Асток трепетал, сознавая масштабы вооруженного конфликта, возникшего в связи с ее похищением. Теперь же вся ответственность за благополучие и жизнь пленницы лежала на нем. Он стремился побыстрее доставить Тувию в Дузар, а там отец сумеет принять правильное решение. Конечно, ни один волос не должен упасть с ее головы, и если их схватят, ему придется отвечать перед тремя великими джеддаками за свое обращение с ней.

Когда же они прибыли в Дузар, Асток спрятал свою пленницу в потайной комнате, расположенной в восточной башне его собственного дворца. Он заставил своих людей дать клятву молчания, даже если девушку обнаружат, до тех пор, пока он не увидит своего отца Нутуса, джеддака Дузара, и не осмелится рассказать ему о своей прекрасной пленнице.

Когда же он предстал в большом приемном зале перед своим отцом, мужчиной с жестокими чертами лица, то мужество медленно покинуло его, и он не решился заговорить о принцессе, спрятанной в его дворце. Пытаясь выяснить мнение отца об этом событии, принц придумал историю о человеке, которого он будто бы захватил, знающем место, где прячут Тувию.

— И если ты прикажешь, господин,— закончил свой рассказ Асток,— я поеду и доставлю ее в Дузар.

Нутус нахмурился и покачал головой.

— Ты уже и так достаточно сделал, чтобы настроить против нас Гелиум, Птарту и Каол, узнай они о твоей роли в похищении принцессы. Большая удача, что тебе удалось свалить всю вину на Карториса, но если Тувия узнает всю правду и когда-нибудь вернется к своему отцу, Дузару придется расплачиваться за это. Держать ее здесь, значит признать свою вину. Последствия могут быть самыми ужасными. Это будет стоить мне трона, Асток, а лишаться его я не хочу! Если бы она оказалась здесь,— размышлял джеддак, снова и снова повторяя эту фразу,— если бы она оказалась здесь, Асток,—

он вдруг свирепо зарычал, — если она оказалась бы здесь, то никто не должен знать об этом! Ты не догадываешься? Вина Дузара может быть похоронена навеки только вместе с ее телом, — заключил он низким злым шепотом.

Асток вздрогнул. Да, он был своевольным и злым, но слова отца заставили его похолодеть от ужаса. Как ни жестоки люди Марса к своим врагам, но слово «враг» применимо лишь к мужчинам.

Убийства всегда совершались при дворах джеддаков в больших и малых городах Барсума, но убить женщину считалось ужасным преступлением. Нутус не заметил откровенного страха сына, вызванного его предложением, поэтому продолжил:

— Ты сказал, что знаешь, где находится девушка, которую твои люди не смогли удержать в своих руках. Если ее найдут раньше тебя, любая из трех держав повернет флот против нас. Есть только один выход, Асток, — вскричал старик. — Ты отправишься туда, где ее скрывают, и тайно доставишь в Дузар. Под страхом смертной казни заявляю тебе, что без нее можешь не возвращаться!

Асток слишком хорошо знал своего отца, чтобы послушаться его приказания. В сердце тирана не было ни малейшего признака любви ни к одному созданию.

Мать Астока была рабыней. Нутус никогда не любил ее. Он никого не любил. В молодости он попытался найти жену при дворах своих могущественных соседей, но женщины не замечали его. Почти все дочери правителей под страхом смерти отказались вступить с ним в брак, и он оставил эту затею. Сделав наложницей одну из рабынь, он имел от нее сына.

Асток с бледным лицом и трясущимися от страха руками медленно удалился из зала и направился в свой дворец. Проходя по двору, он устремил взгляд на большую восточную башню, которая четко вырисовывалась на фоне лунного неба. Капли пота выступили у него на лбу.

О боги! Только он и никто другой своими собственными руками должен лишить жизни прекрасное создание природы, вонзив кинжал в ее прекрасное сердце. Ее сердце, которое, как он надеялся, наполнится любовью к нему.

Он вспомнил высокомерное презрение, с которым

были выслушаны его пылкие признания в любви. Его бросало то в жар, то в холод при воспоминаниях о том унижении, которому подвергла его своенравная принцесса. Чувство раскаяния за содеянное растворилось в чувстве мести. Добрые начала, доставшиеся ему от матери, были побеждены злом и коварством, унаследованными от отца.

Холодная улыбка сменила выражение страха и ужаса на его лице, и он смело направился к башне. Надо повидаться с ней перед тем, как он отправится в небольшое путешествие, чтобы скрыть от отца, что девушка уже в Дузаре.

Принц тихо секретными ходами поднялся по винтовой лестнице в комнату, где была заточена принцесса. Войдя в нее, он обнаружил Тувию сидящей на подоконнике окна, выходящего на восток. Она смотрела через крыши Дузара в сторону далекой Птарты. Злоба вновь закипела в нем: «А почему бы не покончить с ней сейчас?»

Заслышав его шаги, девушка быстро обернулась. О, как же она прекрасна! Его жестокосердное решение отступило перед ее совершенной красотой. Он все-таки отправится в небольшое путешествие, возможно за это время появится другой выход. Может быть, другая рука нанесет роковой удар. О, это лицо, эти глаза! Он никогда не сможет сделать это! Теперь он окончательно понял, что надо искать исполнителя злой воли его отца, которому можно довериться. Он все стоял и смотрел на нее. Девушка ответила ему гордым и смелым взглядом. Он почувствовал, что любовь к ней и горячая страсть с новой силой пробуждаются в нем.

Почему бы не поговорить с нею еще раз? Вдруг она согласится, тогда сразу все уладится, а отца можно будет уговорить, а если не получится, то и вовсе бежать в Птарту.

— Тувия, — наконец заговорил он, — я пришел, чтобы в последний раз положить свое сердце к твоим ногам. Дай мне свое согласие, и все уладится. Иначе на Барсуме вот-вот разразится война.

Девушка покачала головой.

— Подожди! — не дал он ей заговорить. — Узнай же правду, прежде чем снова отказать мне. Твои слова решат не только твою судьбу, но и жизни многих тысяч воинов.

Если ты откажешься выйти за меня замуж по доброй воле, Дузар будет опустошен, когда откроется вся правда. Гелиум, Птарта и Каол сотрут с лица Барсума наши города, не оставив камня на камне. Они разгонят по всему свету наших людей, охотясь за ними, как за дикими зверями, пока наш народ не останется лишь в воспоминаниях летописцев.

В кровопролитных схватках погибнут тысячи воинов! И все это произойдет из-за упрямства одной женщины, которая не пожелала выйти замуж за человека, страстно любящего ее.

Если ты откажешь, Тувия, то останется лишь один выход — никто никогда не узнает о твоей судьбе, кроме меня и моего отца. Тебя охраняют самые преданные слуги, только они знают, что тебя похитил я.

Если ты откажешь, то умрешь во спасение Дузара! Таково решение Нутуса, джеджака Дузара. Я все сказал!

Взгляд девушки остановился на лице Астока. Затем она заговорила. Тувия была лаконична, ответив ему бесстрастным холодным презрением.

— Лучше все то, чем ты мне угрожал!

Она повернулась к нему спиной и отошла к окну, устремив взгляд на далекую невидимую Птарту, прекрасное воспоминание чудесного прошлого.

Асток покинул комнату, но через некоторое время вернулся с едой.

— Вот еда до моего возвращения. Следующий, кто войдет сюда, будет твоим убийцей. Через несколько дней ты встретишься с праотцами.

С этими словами он ушел. Полчаса спустя он уже спрашивал у дежурного офицера:

— Куда девался Вас Кор? Его нет во дворце!

— Он отправился на юг к большому водному пути, — ответил тот. — Он остановится у сына, двара главной дороги, чтобы набрать воинов среди фермеров.

— Хорошо, — сказал Асток.

Через полчаса он уже поднимался над Дузаром на своем быstroходном корабле.

ТУРДЖУН — СОЛДАТ ФОРТУНЫ

Ничего не отразилось на лице принца Гелиума, хотя его глубоко взволновало известие о начале войны. Судьбе было угодно забросить его в стан врага.

То, что он может воспользоваться этим для победы Гелиума, едва ли превышало досаду по поводу его отсутствия среди своих воинов. Избежать службы в Дузаре было легко, правда, если они усомнятся в преданности наемника, у него не будет возможности ускользнуть от их бдительного внимания до конца войны, которая может начаться через несколько дней и затянуться надолго, вероятно, даже на несколько долгих кровопролитных лет.

Из истории Барсума он прекрасно помнил описание войн, длившихся по пятьсот или семьсот лет. До сих пор на Барсуме существуют народы, с которыми Гелиум на протяжении всей своей истории не заключал мира.

Перспектива весьма неутешительная! Кто мог подумать, что через некоторое время он благословит судьбу за то, что она привела его на службу в Дузар.

— Вот и мой отец Вас Кор! — воскликнул Хал Вас. — Отец, перед тобой отважный воин, которого ты будешь рад видеть!

— Турджун, — представился Карторис, назвав первое пришедшее на ум имя.

Вошедший оказался высоким воином. Карторис молча изучал его, мучительно вспоминая, где раньше видел эту гигантскую фигуру, молчаливое спокойствие и сине-вато-багровый шрам от виска до рта? «Вас Кор, — мысленно повторил Карторис, — ну где же я видел этого человека?»

Когда воин заговорил, в памяти принца сразу всплыло воспоминание о слуге на взлетной площадке в Птарте. Он проявил излишнее любопытство к устройству компаса, потом он опять встретил его, но уже в качестве охранника его корабля в ангаре в ту ночь, когда отправился в злополучное путешествие, занесшее его в Антор.

— Вас Кор, — повторил он вслух, — да падет благословение на твоих предков за эту встречу, — но житель Дузара не догадался о скрытом значении обычной фразы, произносимой барсумцами в знак приветствия.

— Да падет благословение на твоих предков, Турджун,— ответил Вас Кор.

Потом ему представили Кара Комака. Карторису пришло в голову единственное объяснение, которым можно было объяснить белую кожу стрелка.

— Как видите, Кар Комак жрец. Он бродит далеко от своих покрытых льдом гор в поисках приключений. Мы повстречались с ним в подземелье Антора, вместе бежали, и хотя я знаю его короткое время, могу поручиться за храброго и преданного воина.

С тех пор, как Джон Картер развенчал основу лживой религии Барсума, многие жрецы разбрелись по всему Барсуму и жили в больших городах среди красных людей внешнего мира. Вот почему Вас Кор ничего не заподозрил.

Беседуя с Васом Кором, Карторис беспокоился, чтобы тот не признал в бродячем наемнике принца Гелиума, но бессонные ночи, долгие переходы и сражения, раны и изможденный вид настолько изменили юношу, что Вас Кор, видевший его прежде всего пару раз, так и не признал его.

Вечером Вас Кор объявил, что они выступят на север в сторону столицы Дузара, набирая солдат по пути следования.

Позади дома на большом поле их ждал большой быстроходный и хорошо вооруженный корабль. Здесь и заночевали Карторис и Кар Комак вместе с остальными членами экипажа. К полуночи Вас Кор возвратился на судно и отправился в свою каюту. Карторис в этот момент нес караульную службу. Когда верный слуга принца Астока проходил мимо него, принц с трудом подавил холодную улыбку, нащупав длинный тонкий кинжал, висевший на поясе.

Как легко и просто было бы отомстить ему за подлую шутку, которую тот сыграл с ним, отомстить за Гелиум, Птарту, за Тувию!

Но время расплаты еще не настало. Карторису предстояло разузнать, где спрятана принцесса, если только это действительно были воины Дузара, похитившие ее во время битвы с зелеными воинами неподалеку от Антора. В Дузаре он надеялся добраться и до главного виновника этой грязной интриги, а кто лучше чем Вас Кор поможет ему разыскать там Астока.

Среди ночи до Карториса донесся слабый шум мото-

ра. Он стал пристально вглядываться в ночное небо. С севера заходил на посадку военный корабль без огней. Карторис сделал вид, что не заметил корабля, отвернувшись в другую сторону. Пусть воин Дузара, стоящий в карауле в паре с ним, принимает решение.

Воин тоже обнаружил приближающийся корабль и поднял тревогу. Их крейсер стоял без огней, и его не могли заметить с приближающегося корабля. Скоро стало ясно, что незнакомец собирается совершить посадку, так как корабль, медленно кружа над полем, с каждым витком спускался все ниже и ниже.

— Это «Турия», — прошептал один из воинов. — Я узнаю ее среди многих других кораблей даже в полной темноте.

— Ты прав! — воскликнул Вас Кор, который уже стоял на палубе. — Каор, «Турия», — закричал он, приветствуя прибывший корабль.

— Каор! — донеслось после короткой паузы. — Что за корабль?

— Крейсер Васа Кора...

— Хорошо, — донеслось с борта «Турии». — Здесь можно сесть?

— Да, только держитесь правее. Подождите, мы зажжем свои огни.

Когда маленький корабль совершил посадку рядом с крейсером, экипаж немедленно загасил огни. Несколько человек спустились с «Турии» и направились к крейсеру. Воины Дузара приготовились принять пришельцев. Карторис стоял у поручней, готовый перейти на сторону прибывших воинов, если они окажутся врагами Дузара, но первый же воин, поднявшийся к ним на палубу, развеял его надежду. Это был Асток.

Едва поприветствовав собравшихся на палубе членов экипажа, Асток направился с Васом Кором в каюту, а поднятые по тревоге воины снова разошлись по своим постелям. Остался лишь караул.

Карторис, напряженно улавливая каждый звук, ходил взад и вперед, а его напарник-дузарец, поджидая смену, перегнулся через перила. Последний и не заметил, как принц подошел к освещенным окнам каюты Васа Кора и приткнулся к одному из них.

— Могут ли белые обезьяны захватить нас всех? — унылым голосом вещал Асток. — Мы попали в жуткий переплет, в каком еще никогда не были. Нутус считает,

что мы прячем ее далеко от Дузара. Он велел мне привезти ее...— принц Дузара остановился. Никогда еще Асток так не зависел от Васа Кора. Он даже побаивался его. А теперь он вынужден сообщить ему всю правду, открыв которую, он попадет в еще большую зависимость от влиятельного придворного. Испуганно оглядываясь, он прошептал: — Я должен убить ее! Нутус пожелал увидеть ее тело, чтобы убедиться в исполнении приказа. Я сделал вид, что отправился за Тувией, чтобы тайно доставить ее в Дузар. Мне не надо объяснять тебе, что произойдет, если кто-нибудь из наших врагов узнает всю правду!

У Карториса даже челюсти свело, когда он услышал коварный замысел дузарцев. Они собрались убить ее! Он очнулся, когда почувствовал боль от впившихся в ладонь ногтей, так крепко он сжал кулаки.

— И ты хочешь, чтобы я поехал с тобой в Дузар? — спросил Вас Кор.— Она там?

Асток, низко склонившись к уху Васа Кора, что-то горячо зашептал. Подобие улыбки пробежало по лицу Васа Кора. Казалось, что он уже почувствовал, как власть переходит к нему. Теперь-то он станет джедом!

— А как я могу помочь тебе, мой принц? — вкрадчиво спросил он Астока.

— Я не могу убить ее,— ответил Асток.— Я не могу этого сделать! Когда она смотрит на меня, сердце мое леденеет.

Глаза Васа Кора сузились.— Так ты хочешь...— он замолчал, не закончив мысли, хотя и так все было ясно.

Асток кивнул головой.— Ты ведь не любишь ее и не так знатен, как я,— закончил он многозначительно.— Но ты можешь стать более знатным! — Асток замолчал.

— Я буду джедом? — спросил Вас Кор, глядя прямо в глаза Астока.

Тот колебался.

— Джед должен умереть, чтобы его место занял другой,— ответил Асток.

— Джеды и раньше умирали,— отрезал Вас Кор.— Без сомнения, тебе не составит труда найти джеда, который недолюбливает тебя, Асток, таких ведь много.

Вас Кор уже явно злоупотреблял своей властью над молодым принцем Дузара. Астока больно кольнула столь быстрая перемена в поведении лейтенанта, но у

него уже возник коварный план расплаты за услуги придворного.

— Как ты пожелаешь, Вас Кор, так и будет, когда все закончится! — и уже про себя добавил: — «Тогда мне не трудно будет найти джеда, который мне понравится».

— Когда мы вернемся в Дузар? — спросил придворный.

— Сейчас же, — ответил Асток. — Нас здесь ничего не держит.

— Я собирался в дорогу завтра и хотел по пути набрать воинов.

— Ничего, солдаты подождут, — заявил Асток. — А еще лучше, если ты вернешься в Дузар со мной на «Турии», а твой крейсер соберет солдат и без тебя.

— Да, так будет лучше! — неохотно согласился Вас Кор. — Я готов! — Он поднялся, чтобы отправиться вместе с Астоком на его корабль.

Карторис медленно как старик поднялся на ноги. Лицо его было искажено болью и побелело. Она должна умереть, а он бессилен чем-либо помочь ей! Он даже не знает, где ее прячут!

Двое убийц спускались с палубы корабля, а Турджун-Карторис тенью последовал за ними, крепко сжимая кинжал. Его быстрый ум подсказал ему, что теперь не время сводить с ними счеты. Так он ничего не добьется, а лишь упустит возможность найти ее.

Карторис стал крутиться возле Астока и Васа Кора в надежде, что они захватят и его с собой. И он не ошибся. Вас Кор отдал распоряжения дежурному офицеру о доставке в Дузар наемных солдат, а затем подал знак двум воинам, стоявшим рядом с офицером.

— Вы двое будете сопровождать нас, — сказал он.

На палубе было темно, и Вас Кор не рассмотрел лица выбранных им солдат. Один из них был Кар Комак, стрелок, но второй, увы, не был Карторисом.

Принц Гелиума обезумел от огорчения. Он выхватил из ножен кинжал, но Астока уже не было на палубе. Он понял, что ему не догнать его, а убив Васа Кора, он привлечет внимание остальных воинов на палубе. Если один из них останется, Тувии грозит немедленная смерть. Необходимо покончить с обоими.

Карторис смело последовал за спускающимся по трапу Васом Кором; никому и в голову не пришло его

остановить. За ним шли Кар Комак и воин Дузара, которых придворный решил взять с собой. Карторис отстал и пошел рядом с воином. Они оказались в густой тени у борта «Турии». Когда дузарец подошел к трапу и уже собрался ступить на него, крепкие пальцы схватили его за горло и стальное лезвие вонзилось в самое сердце.

Турджун был последним, кто поднялся по трапу и поднял его за собой. Через несколько минут «Турия» поднялась в воздух, держа курс на север.

Стоявший у поручней Кар Комак обернулся, чтобы переговорить с воином, следовавшим за ним. Каково же было его удивление, когда он узнал Карториса. Юноша знаком велел стрелку доложить дежурному офицеру «Турии» об их прибытии, а сам благодарил судьбу, что вторым воином оказался Кар Комак, иначе ему бы пришлось с оружием в руках объяснять исчезновение дузарца.

Во время перелета в Дузар «Турии» повстречался военный корабль Дузара, от командира которого они узнали о предстоящей большой битве юго-восточнее Дузара.

Объединенный флот Птарты, Каола и Дузара был остановлен могучим флотом Гелиума, самым большим и грозным на Барсуме. Экипажи его боевых кораблей отличались мужеством и выучкой. Флотами командовали сами джедаки. С одной стороны — Туван Дин, Кулан Тит и Нутус, с другой — Тардос Морс и Джон Картер, Владыка Барсума.

С севера на подмогу последним подходил еще один флот — флот Талу, джедака Окара, откликнувшегося на призыв Джона Картера. Палубы кораблей были забиты желтокожими чернобородыми воинами, облаченными в великолепные мантии из орлука и апта. Это были жестокие и грозные воины из городов морозного севера.

А с далекого юга, с Золотых Скал и башен жрецов, с садов Иссы шли тысячи чернокожих воинов, спешащих на помощь великому воину Барсума, которого они любили и уважали. Чернокожий Ксодар, джедак перворожденных, сам возглавил эту могучую экспедицию. По числу кораблей его флот уступал лишь флоту Гелиума.

Одно волновало чернокожего джедака: успеют ли вовремя помочь Гелиуму?

Никто толком на «Турии» не знал о масштабах предстоящей битвы, но все были убеждены, что флот Гелиума будет разбит силами союзников, а его столица исчезнет с лица планеты.

Как ни печально было сознавать предстоящую трагедию своего народа, но и Карторис тоже считал, что Гелиуму не устоять перед тремя объединенными флотами союзников.

Наконец «Турия» совершила посадку на площадке перед дворцом Астока. Принц и Вас Кор сели в лифт, который доставил их в нижние этажи дворца. Рядом с ним был другой лифт, которым пользовались рядовые воины. Карторис коснулся руки Кара Комака и сказал:

— Пошли! Мой единственный друг среди врагов, ты последуешь за мной?

— До самой смерти!

Они подошли к лифту, которым управлял раб.

— Ваш пропуск? — спросил он.

Заходя в лифт, Карторис начал рыться в сумке на поясе в поисках пропуска. Кар Комак последовал за ним и закрыл дверь. Раб стоял без движения. Дорога была каждая секунда, чтобы добраться до нижних этажей следом за Астоком и Васом Кором, иначе они потеряют их из виду.

Карторис внезапно прижал раба к стене.

— Свяжи его и заткни рот! — крикнул он стрелку.

Затем он нажал кнопку, и кабина понеслась вниз. Стрелок и раб продолжали бороться, а Карторис наблюдал за потолком кабины в соседней шахте. Раб поднял крик.

— Заставь его замолчать! — еще раз крикнул Карторис.

Обмякшее тело раба опустилось на дно кабины.

— Он замолчал, — доложил Кар Комак.

Карторис резко остановил лифт, вышвырнул тело раба в какой-то коридор, захлопнул дверь и снова нажал на кнопку спуска.

Вскоре лифт, за которым они следовали, остановился, и из него вышли два человека. Когда Карторис и стрелок добрались до того же этажа, то успели заметить, как они завернули в один из коридоров.

ЖЕРТВА КУЛАНА ТИТА

Весь следующий день после визита Астока Тувия ждала своего убийцу. Она тщательно осмотрела все стены, двери и окна, но безуспешно. Дверь и замок были прочны, а стекло нечем было разбить. У нее отобрали оружие; она не могла даже покончить с собой, дабы лишиться удовольствия своих палачей.

Когда же придут за ней? Или Асток своими руками убьет ее? Вряд ли он решится на такой поступок, ведь она знала, что в душе он трус. Она разгадала его еще тогда, когда он хвастался своими подвигами, бывая в гостях у ее отца.

Гордая дочь Барсума, несчастная принцесса Птарты в горькие часы, оставшиеся до гибели, мечтала еще раз увидеть высокого и стройного юношу, его исполненное достоинством лицо, улыбку, освещавшую его, когда он беседовал с друзьями.

При воспоминании об этой улыбке Тувия почувствовала, как учащается ее дыхание и сердце бьется сильнее. Ведь ей уже никогда не увидеть принца Гелиума! Закрыв лицо ладонями, она опустилась на грудь меха и шелка и зарыдала, дав волю чувствам.

А перед дверью в ее комнату жарко спорили два человека.

— Я еще раз повторяю, Асток,— говорил один из них,— я не сделаю этого, если тебя не будет в комнате.— В голосе и тоне говорившего явно отсутствовало должное уважение при беседе с особой королевского рода. Заметив это, Асток покраснел.

— Не заходи слишком далеко, Вас Кор! — заявил он.— Не злоупотребляй моим дружеским расположением к тебе, ибо и моему терпению наступит конец!

— Сейчас речь идет не о превосходстве твоей особы,— дерзко ответил Вас Кор.— Ты попросил меня убить женщину, выполняя приказание джеддака, данное тебе! Не тот случай, чтобы условие ставил ты! Своим присутствием ты разделишь со мной вину в ее смерти.

— Ну почему я должен выносить все это?

Дверь в комнату, где томилась пленница, открылась, и раздосадованный принц Дузара вошел в нее следом за Васом Кором.

Она была в другом конце комнаты, когда они вошли. Тувия, сохраняя спокойствие и достоинство, поднялась на ноги и повернулась к ним лицом. Кожа медного оттенка слегка побледнела, а глаза смотрели холодно и смело, надменно вздернутый подбородок красноречиво говорил о ее ненависти и презрении к ним.

— Ты все еще предпочитаешь смерть? — спросил Асток.

— Тебе? Да!

Принц глянул на Васу Кору и быстро кивнул ему. Придворный достал свой короткий меч и направился к Тувии.

— На колени! — приказал он.

— Я умру стоя!

— Как хочешь, — ответил Вас Кор, большим пальцем руки ощупывая острие своего оружия. — Именем Нутуса, джедака Дузара! — вскричал он и бросился к девушке.

— Именем Карториса, принца Гелиума! — донесся до него грозный крик из дверей.

Вас Кор от неожиданности обернулся и увидел воина-наемника, которого сам взял на службу в доме своего сына. Воин проскочил мимо Астока, бросив на ходу:

— После него ты, калот!

Вас Кор, подготовившись встретить неожиданного врага, закричал: — Это измена!

Опомнившийся Асток выхватил меч и бросился на помощь Васу Кору. Меч воина-наемника скрестился с мечами придворного и принца. При первом же ударе Вас Кор понял, что имеет дело с опытным бойцом. Прежде чем он догадался о намерениях чужестранца, он обнаружил его между собой и Тувией. Карторис отчаянно сражался с двумя противниками. Нет, он не отбивался, как человек, прижатый к стене. Он все время наступал, заставив их побегать по комнате, отражая его атаки. Девушке он велел быть все время рядом с ним.

Вас Кор и Асток, ничего не подозревая, отражали атаку за атакой, а Карторис тем временем отбросил их от двери. Слишком поздно они сообразили, что оказались загнанными в свою ловушку, когда юноша и девушка уже стояли в дверях, а Тувия, по указанию Карториса, подобрала ключ, небрежно брошенный Астоком.

Асток, как это всегда с ним бывало, уступил честь сражаться с Карторисом Васу Кору, а сам напряженно вглядывался в лицо воина, с ужасом узнавая в нем знакомые черты принца Гелиума.

Карторис яростно наступал на истекающего кровью Васа Кора, которому он успел нанести уже дюжину ран, а Асток, завидя, что исход схватки складывается не в их пользу, шепнул на ухо Васу Кору:

— Мужайся, мой верный Вас Кор! Продержись еще хотя бы минуту, у меня есть план!

Вас Кор, не помышляя о предательстве, кивнул головой и с новой силой бросился на Карториса. Принц Дузара стремительно пересек комнату, дотронулся до потайной кнопки на стене и исчез в открывшемся проеме.

Все произошло так быстро, что Карторис и не подумал остановить Астока, который, вероятно, бросился за подкреплением. Опасаясь, что и Вас Кор может исчезнуть вслед за Астоком, Карторис предпринял яростную атаку и обезглавил верного слугу принца Дузара.

— Пошли! — сказал Карторис. — Нельзя терять ни минуты. Асток скоро вернется сюда с подкреплением!

Но Асток вовсе и не помышлял о возвращении, иначе во дворце стало бы известно о прекрасной пленнице, которую он скрыл даже от отца. Асток мчался по коридору, чтобы успеть добежать до злополучной двери в комнату, где томилась Тувия, и закрыть ее навсегда, повернув острие кинжала, вставленное с наружной стороны. Он должен успеть, пока Карторис и Тувия не покинули комнату!

Асток уже добежал до главного коридора, ведущего в комнату. А что, если Карторис уже вышел из комнаты и встретит его с мечом? Принц почувствовал, как озноб пробежал у него по спине. Ему вовсе не хотелось сразиться с Карторисом!

Он был уже почти у двери, остался всего один поворот. Вероятно, Вас Кор все еще удерживает Карториса, иначе он встретил бы их в коридоре.

Асток усмехнулся при мысли, что так ловко перехитрил Васа Кора, но вдруг за углом лицом к лицу столкнулся с рыжеволосым белокожим гигантом.

Воин не стал объясняться с ним, а вынул меч и прыгнул навстречу Астоку, которому пришлось потрудиться,

чтобы вырваться из боя и устремиться в обратном направлении по коридору.

Чуть позже Карторис и Тувия вышли в коридор из потайной комнаты.

— Ну, что, Кар Комак?

— Твое счастье, принц, что ты оставил меня здесь,— ответил стрелок. Я только что перехватил одного прыткого, подбирающегося к этой двери. Это был Асток.

Карторис улыбнулся.

— Где же он?

— Чтобы избежать моего меча, он решил пробежаться по этому коридору.

Все трое поспешили по извилистому коридору по следам Астока, оставленным сандалиями трусливого принца Дузара на полу, покрытому мелкой пылью. Подойдя к лифту, они встретили стражников, которым объяснили свое присутствие во дворце искусным ведением боя. Во дворце поднялся шум, стража забегала по этажам, но на площадке, где стояла «Турия» и куда они поднялись, было тихо. Корабль охранялся всего тремя воинами, которых принц Гелиума и стрелок быстро одолели.

Едва «Турия» с тремя беглецами на борту поднялась в воздух, как из нижних этажей дворца на лифтах поднялись воины во главе с Астоком. Завидев ускользящих из его рук противников, он задергался, потрясая кулаками, выкрикивая злобные и отвратительные оскорбления им вдогонку.

«Турия» взяла направление на запад, стремительно набирая скорость, а к ней со всех сторон устремились патрульные лодки, заметившие суматоху на площадке перед дворцом принца Дузара. Несколько раз снаряды, пущенные им вслед, задевали борт «Турии». Тувии пришлось открыть ответный огонь из палубных орудий, так как Карторису некому было доверить управление кораблем.

Это был замечательный бой! Один против десяти! Асток не зря потрудился, построив «Турию» по особым чертежам! Ни один корабль в его государстве не обладал такой скоростью, как этот. Одна за другой патрульные лодки остались позади, а им предстояло теперь выбрать верное направление, чтобы не столкнуться с флотом Дузара, направившимся к месту битвы с грозным противником из Гелиума.

Если бы Карторис мог знать точно, где встретятся флоты воюющих стран, он бы непременно доставил Тувию к отцу и положил конец этой бессмысленной войне.

Полпути они прошли настороженно, не встретив ни одного корабля. Кар Комак далеко впереди увидел большой корабль, стоявший на ярко-оранжевом дне мертвого моря, окруженный людьми. Принц Гелиума разглядел в бинокль зеленых воинов, атакующих корабль, опознавательные знаки которого им не удалось увидеть.

Карторис не решился на посадку, так как у него на борту был бесценный груз, а два меча вряд ли спасли бы положение. Корабль ведь мог принадлежать и флоту Дузара, а подвергать риску жизнь принцессы Карторис не мог. Подойдя поближе, они увидели, что зеленая орда вот-вот заполонит палубу корабля, утопив в крови его защитников.

— Спускаться бесполезно,— сказал Карторис Тувии.— Я не вижу на нем опознавательных знаков. Все, что мы можем сделать, так это открыть огонь по зеленой орде.

Принц Гелиума немедленно от слов перешел к делу и дал залп по зеленым воинам, собравшимся у борта корабля. При первом же выстреле с «Турии», на корабле выбросили флаг. Тувия вздрогнула и с трудом перевела дыхание, взглянув на Карториса. Это был флаг Кулана Тита, джеджа Каола, обрученного с принцессой.

Как легко было принцу Гелиума пролететь мимо, предоставив своего соперника его судьбе. Никто не посмел бы обвинить его в трусости и в предательстве, так как Кулан Тит выступил против Гелиума, а на «Турии» и вовсе не было воинов, способных оказать помощь джеджау Каола.

— Что же собирается делать принц? — спросила Тувия.

Едва над кораблем появился флаг, «Турия» пошла на снижение.

— Ты сможешь справиться с кораблем? — спросил Карторис Тувию. Девушка кивнула.— Я собираюсь взять на борт всех, оставшихся в живых,— продолжил он.— Нам с Каром Комаком придется потрудиться у орудий, пока люди Каола закрепят якорь. Старайся держать

под огнем только нос корабля, он наиболее защищен, чем корма.

Тувия приняла управление кораблем на себя, а Карторис начал крепить по бортам канаты и велел воинам Каола приготовиться к переходу на «Турию».

На палубе поверженного корабля раздался боевой клич Каола. Карторис, слышав голос, печально улыбнулся: ему предстояло вырвать из пасти смерти человека, стоящего между ним и его любимой женщиной.

— Ты займешься орудиями по правому борту, Кар Комак,— велел он стрелку, а сам направился на левый.

Все трое почувствовали сильный удар. Это зеленые воины, опомнившись, открыли по ним огонь. Конечно, это была почти безнадежная затея. В любой момент их корабль мог получить пробоину и повредить контейнеры с лучами отталкивания. Воины Каола, получив неожиданную поддержку, отчаянно дрались с наседавшей зеленой ордой. В самой гуще боя у борта сражался Кулан Тит.

«Турия» спускалась прямо на корабль. По команде офицеров экипаж корабля стал готовиться к переброске на нее, как вдруг страшный ружейный залп обрушился на зависший корабль. Как раненная птица, он внезапно устремился вниз. Тувия попыталась предотвратить катастрофу и приподнять нос судна, но ей удалось лишь немного отвести его в сторону. Корабли лежали рядом.

Когда зеленые воины увидели всего лишь двух воинов на палубе упавшего корабля, крик победы пронесся над их рядами. В ответ раздался крик ужаса, сорвавшийся с уст воинов Каола.

Зеленые воины поняли, что, завладев орудиями на упавшем корабле, им будет лугче подавить сопротивление воинов Каола. Кулан Тит попытался перекрычить шум боя и предупредить капитана маленького храброго корабля, бросившегося на его спасение, о надвигающейся опасности.

— Кто ты? Кто же отдает свою жизнь за Кулана Тита? Никто и никогда на всем Барсуме еще не совершал такого самоотверженного поступка!

Зеленые воины уже карабкались на борт «Турии», а Карторис успел ответить боевым кличем на призыв Кулана Тита и приготовиться к отражению атаки. Внимание крошечного экипажа «Турии» сосредоточилось на палубе собственного корабля.

Кар Комак стоял возле орудия, из которого минуту назад вел непрерывный огонь, и широко раскрытыми глазами наблюдал за зелеными воинами, поднимающимися к ним на борт. Карторис, пораженный и раздосадованный его бездействием, закричал:

— Возьми себя в руки, Кар Комак! Вспомни былую славу мореходов Лотара! В бой! В бой, стрелок! Все, что нам теперь осталось,— это умереть, сражаясь!

Кар Комак обернулся к принцу с широкой улыбкой на лице.

— Зачем же нам сражаться, когда есть иной способ борьбы с этими ужасными существами?! Посмотри! — и он указал на трап, ведущий с палубы.

Первая группа зеленых воинов уже была на палубе, но перед ней стеной стояли могучие гиганты-стрелки, готовые в любую минуту вступить в бой.

Радостью наполнилось отважное сердце принца Гелиума: Тувия будет спасена!

Зеленые воины приостановились перед неожиданным и странным противником, но потом ринулись в бой. Беспрерывный поток стрел охладил их пыл, они скатились за борт, оставляя мертвых, а стрелки бросились преследовать живых. Казалось, неиссякаемым потоком они лились из трюмов «Турии», неся смерть зеленым воинам орды.

Кулан Тит и его воины замерли в удивлении, не понимая, откуда появились тысячи свирепых воинов, когда на борту маленького корабля можно было разместить не более пятидесяти человек.

Зеленые воины не смогли противостоять бешеной атаке превосходящих сил противника и стали медленно отступать. Но стрелки продолжали преследовать их и по ярко-оранжевой долине.

Кар Комак, стоявший на палубе «Турии», дрожал от волнения. Что было сил, он издавал боевой клич давно забытых дней. Он вдохновлял свое сражающееся войско, а когда они все дальше и дальше стали удаляться от корабля, не совладал с собой и присоединился к последней группе стрелков, преследующих зеленую орду.

Уже зеленые воины исчезли за небольшим леском на западе, а среди стрелков Карторис и Тувия видели могучую фигуру Кара Комака, великого воина Лотара.

Когда последний стрелок исчез за горизонтом, Карторис обратился к Тувии:

— Они дали мне хороший урок, эти исчезнувшие стрелки. Они сделали свое дело и исчезают, чтобы не мешать хозяину. Кулан Тит и его воины теперь защитят тебя. Мои дела доказали тебе мою честность. До свидания! — при этом он припал на одно колено и поднес к своим губам край ее одежды.

Девушка протянула руку, положила ее на густые черные волосы склоненной перед ней головы и мягко спросила:

— Куда ты пойдешь, Карторис?

— С Каром Комаком! Я забудусь в сражениях!

Смущенная принцесса закрыла лицо руками и заговорила:

— Да простят меня мои предки! — воскликнула она, — если я скажу то, что не должна говорить, но я не могу видеть, как ты жертвуешь всем ради меня! Карторис, принц Гелиума! Останься, мой вождь! Останься, я люблю тебя!

Внезапный шум заставил их обернуться. В двух шагах от них стоял Кулан Тит, джеддак Каола.

Некоторое время все молчали. Кулан Тит первым нарушил молчание.

— Я не мог не слышать всего. Я не настолько глуп и слеп, чтобы не заметить вашей любви. Но я не могу не оценить высокой чести принца Гелиума, рисквавшего своей и твоей жизнью, Тувия, ради моего спасения. Ведь он знал, что этот поступок лишит его возможности любить тебя, Тувия!

Я не могу не оценить и того достоинства, с которым ты молча выслушал признания принцессы Тувии, Карторис! Я не осуждаю ее. Скорее, я бы осудил ее за то, что она вступила бы со мной в брак без любви!

Я возвращаю тебе свободу, Тувия! И отдай ее тому, кому ты отдала свое сердце, принадлежащее ему по праву! И когда золотые ожерелья обовьют твою шею, ты увидишь, что Кулан Тит первым поднимет меч в знак полной дружбы с новой принцессой Гелиума и ее супругом!

ШАХМАТИСТЫ МАРСА

ВСТУПЛЕНИЕ

ДЖОН КАРТЕР ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Ши, как обычно, обыграл меня в шахматы, а я, как обычно, подумал о том сомнительном удовлетворении, которое получил бы, ознакомив его с теорией, согласно которой в шахматы хорошо играют или дети до двенадцати лет, или старики старше семидесяти, или, наконец, умственно отсталые. Эта теория как нельзя лучше объясняла мои постоянные проигрыши. Ши отправился спать, и я хотел последовать его примеру, так как весь день мы провели в седле. Вместо этого я сидел перед шахматным столиком в библиотеке, лениво пуская колечки дыма на голову моего побежденного короля.

Вдруг я услышал, что в гостиной отворилась дверь и кто-то вошел. Я подумал, что вернулся Ши, чтобы обговорить планы на завтра, но, подняв глаза к дверному проему, соединяющему две комнаты, увидел в нем фигуру гиганта с бронзовой от загара кожей, полуодетое тело которого украшали доспехи, инкрустированные драгоценными камнями. С одной стороны свисал богато украшенный короткий меч, с другой — пистолет странной конструкции. Черные волосы, серые глаза, улыбка, благородные черты лица — я узнал его сразу и вскочил с распростертыми объятиями.

— Джон Картер! — воскликнул я. — Вы?

— А кто же еще, сын мой, — ответил он, пожимая мне руку правой рукой, а левую кладя мне на плечо.

— Но что вы делаете здесь? — спросил я. — Много лет назад вы побывали на Земле, но без марсианских украшений. Как я рад видеть вас, ведь я помню, как вы подбрасывали меня на коленях, когда я был еще ребенком. Как же вы объясните свое появление, Джон Картер, Владыка Марса?

— Как объяснить необъяснимое? — ответил он. — Я уже говорил тебе, что я очень стар и не знаю своего возраста. Не помню я и своего детства, но выгляжу так

же, как и тогда, когда ты впервые увидел меня. Тебе было тогда пять лет. Ты состарился, хотя и не так сильно, как твои ровесники, вероятно, это объясняется тем, что в наших жилах течет одна кровь. Но я не постарел ни-сколько. Я обсуждал это с моим другом, известным марсианским ученым, но его теории так и остаются теориями. Однако я доволен — я люблю жизнь и энергию юности.

Теперь о моем появлении в наряде, с земной точки зрения, несколько странном. Нужно поблагодарить Кара Комака, стрелка из Лотара. Это он подал мне идею, благодаря которой я достиг успеха в своих экспериментах. Как ты знаешь, я давно уже владею силой, перемещающей предметы в пространстве, но до сих пор я мог перемещать только одушевленную материю. Сегодня ты впервые видишь меня таким, каким меня знают марсиане: доспехи с цветами Гелиума и знаки моего воинского звания. Этот пистолет мне подарил когда-то Тарс Таркас, джеддак Тарка.

Цель моего сегодняшнего появления на Земле — повидать тебя и испытать свою новую способность к перемещению неодушевленных предметов. Земля не для меня. Вся моя жизнь сосредоточена на Марсе: в моей жене, моих детях, моих обязанностях,— все там. Я проведу с тобой этот вечер, а затем вернусь в мир, который люблю больше, чем жизнь.

Джон Картер устроился на стуле у противоположного конца шахматного столика.

— Вы сказали «дети»? У вас есть еще дети, кроме Карториса?

— Дочь,— ответил он,— она немного моложе Карториса и самая прекрасная девушка из когда-либо живших на Барсуме, за исключением, конечно, одной. Только ее мать, Дея Торис, принцесса Гелиума, прекраснее ее.

Некоторое время он машинально перебирал шахматные фигурки.

— У нас на Марсе есть игра, похожая на шахматы, мы называем ее джетан. В нее играют на доске, подобной шахматной, но поле разделено на сто квадрати-ков, каждый игрок использует по двадцать фигур. Я всегда, играя в джетан, вспоминаю Тару, принцессу Гелиума, и то, что приключилось с нею. Хочешь послушать ее историю?

Разумеется, я согласился, и он рассказал мне ее...

ТАРА В ТАНТРУМЕ

Тара встала с груды шелка и меха, служившей ей постелью, потянулась и прошла в центр комнаты, где над большим столом с потолка свисал бронзовый диск. Ее осанка говорила о здоровье и совершенстве, так гармоничны и точны были ее движения. Прекрасное тело едва прикрывал газовый шарф, свисавший с плеча. Черные волосы были убраны в высокую прическу. Она ударила деревянным молоточком в бронзовый диск, и на зов явилась рабыня. Она вошла, приветливо улыбаясь, и встретила ответную улыбку.

— Гости отца уже собрались? — спросила принцесса.

— Да, они пришли, — ответила рабыня. — Я видела Кантоса Кана, командующего флотом, его сына, Джора Кантоса и Сорока Птарха. — Упомянув имя Джора Кантоса, она шаловливо улыбнулась. — О, пришло много гостей!

— Приготовь мне ванну, Утна, — приказала Тара. — А почему ты так посмотрела и улыбнулась, Утна, когда произнесла имя Джора Кантоса?

Девушка весело рассмеялась.

— Всем известно, что он обожает вас, — ответила она.

— А мне нет, — сказала Тара. — Он друг моего брата Карториса и потому часто бывает здесь, а вовсе не для того, чтобы видеть меня. Дружба с Карторисом приводит его во дворец моего отца.

— Но Карторис охотится сейчас на севере с Талу, джеддаком Окара, — возразила Утна.

— Ванну, Утна! — воскликнула Тара. — Твой язык доведет тебя до беды.

— Ванна уже готова, Тара из Гелиума, — ответила девушка, но в глазах ее стояли искорки смеха, так как она знала наверняка, что хозяйка в глубине души не сердится на нее. Утна сопровождала Тару в соседнюю комнату, где был великолепный мраморный бассейн, наполненный благоухающей водой. Золотая цепь на золотых столбиках ограждала бассейн со всех сторон и уходила в воду вдоль ступеней. Солнечный свет, свободно прони-

кающий сквозь стеклянный потолок, хорошо освещал помещение, а его лучики играли на поверхности воды. На стене из золотых пластинок была выложена мозаика — фигурки купальщиц и рыбаков.

Тара из Гелиума сняла шарф, передала его рабыне и осторожно коснулась изящной ножкой воды. Убедившись, что вода достаточно прогрета, она медленно спустилась в воду и стала плавать. В воде она была еще прекраснее! Выйдя из воды, она отдала себя в руки рабыни, которая растерла тело хозяйки благовониями из золотой шкатулки до появления густой пены. Затем принцесса вновь окунулась и быстро вышла из бассейна, позволив рабыне досуха вытереть ее кожу.

Как и ее родители, принцесса не любила пышной свиты из большого числа рабов и излишние церемонии. Рабыня высушила ее волосы и убрала в высокую прическу, украшенную драгоценностями. Пластинки золота и алмазные подвески довершили ее туалет. Она была готова смешаться с гостями, приглашенными на праздник во дворец Владыки Марса.

Выйдя из своих покоев, принцесса, в сопровождении воинов со знаками дома принца Гелиума на доспехах, направилась в сад, где собрались гости.

Когда она приблизилась ко входу в сад, из другой части огромного дворца появилась еще одна женщина в сопровождении такой же охраны. Тара встретила ее радостной улыбкой и пожеланиями счастья, а сопровождавшие ее воины, встав на колени, преклонили головы в знак добровольного почитания тех, кто принадлежит к роду джеддака Гелиума. Так всегда, руководствуясь велением сердца, поступали воины Гелиума, встречая Дею Торис, чья бессмертная красота не раз вовлекала их в кровопролитные войны с другими народами Барсума. Дея Торис стала для них богиней, и любовь народа Гелиума к ней была так велика, что превратилась в культ.

Мать и дочь обменялись вежливым барсумским приветствием «каор» и поцеловались. Потом они вместе вошли в сад, где их уже ждали.

Рослый воин поднял короткий меч и ударил им в бронзовый щит. Гулкий удар перекрыл смех и разговоры гостей.

— Принцесса Дея Торис! — торжественно объявил он. — Принцесса Тара!

Гости встали, две женщины склонили свои головы,

а стража остановилась с двух сторон у входа; знатные придворные цепочкой потянулись выразить свое почтение. На некоторое время смех и разговоры прекратились. Дея Торис и ее дочь, просто и естественно переходили среди гостей, приветствуя их и не делая различий перед кем бы то ни было — будь то могущественный джеддак или просто воин, чьим единственным богатством были храбрость и гордость. Человека на Марсе ценят за его воинские доблести, а не за заслуги и богатства его предков.

Пристальный взгляд Тары из Гелиума скользил по лицам гостей, пока не остановился на одном из них. Казалось, легкая тень неудовольствия скользнула по ее лицу, или, может быть, лучи полуденного солнца мешали ей? Кто знает? Ей с детства внушили, что однажды она станет женой Джора Кантоса, сына лучшего друга ее отца. Кантос Кан и Джон Картер горячо желали, чтобы этот брак состоялся, и Тара воспринимала этот брак как свершившийся и бесспорный факт. Джор Кантос, казалось, разделял ее мнение. Они иногда говорили об этом как о чем-то, само собой разумеющемся, например, как беседовали о его продвижении по службе во флоте, или как о предстоящем празднике во дворце ее деда, Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Но никогда они не говорили о любви, и в минуты раздумий Тару удивляло это. Она знала, что люди, собравшиеся вступить в брак, много говорят о любви. Она всегда искренне радовалась встречам с Джором Кантосом и знала, что и ему они доставляют удовольствие и радость. Их взгляды и вкусы во многом сходились: они любили одни и те же книги, одни и те же танцы. Она никогда и не помышляла, что может выйти замуж за другого.

По всей вероятности, именно солнце заставило ее слегка нахмуриться и свести брови, когда она увидела Джора Кантоса, оживленно беседующего с Оливией Мартис, дочерью джеда Гастора. Джор Кантос нарушил этикет, поскольку сразу не подошел поприветствовать Дею Торис и Тару из Гелиума. Он не сделал этого, и дочь Джона Картера вновь нахмурилась. Она пристально посмотрела на Оливию Мартис и как-то по-новому оценила эту девушку: хотя они довольно часто виделись раньше, только теперь Тара заметила, что дочь джеда Гастора выделяется своей красотой даже среди прекрасных женщин Гелиума. Она попыталась понять, что за чувства

охватили ее, но сделать это было трудно, так как Оливия Мартис была ее подругой, и принцесса всегда искренне радовалась ей, как, впрочем, и сейчас. Гневалась ли она на Джора Кантоса? Нет, в конце концов она решила, что не сердится на него. Просто она была очень удивлена: Джор Кантос заинтересовался какой-то другой девушкой больше, чем ею. Она уже собралась сама подойти к ним, как услышала за спиной голос отца:

— Тара из Гелиума! — воскликнул он.

Она обернулась и увидела отца в обществе незнакомца, на доспехах которого были неизвестные ей знаки отличия. Даже среди роскошных украшений гелиумцев и гостей из разных стран украшения чужестранца выделялись варварской пышностью. Доспехи его были обтянуты кожей, покрытой узорами из платиновых пластинок, усыпанных бриллиантами. Воин шел по залитому солнцем саду рядом с принцем Гелиума, а вокруг него, многократно отражаясь в гранях камней, возник ореол света, придавая его гордой фигуре вид некоего божества.

— Тара из Гелиума, я привел к тебе Гохана, джеда Гатолы, — сказал Джон Картер после обычного марсианского приветствия.

— Каор, Гохан, джед Гатолы, — промолвила Тара.

— Мой меч у твоих ног, Тара из Гелиума, — с достоинством ответил молодой вождь.

Джон Картер оставил их, а они, сев на скамью под раскидистой кроной большого дерева, стали беседовать.

— Далекий Гатол, — размышляла девушка, — в моем представлении — это край чудес, романтики и полузабытой древности. Я не могу думать о Гатолы как о современном городе и никогда раньше не встречала ни одного его жителя.

— Виногато огромное расстояние между Гатолом и Гелиумом, а также то, что мой маленький свободный город, который можно легко разместить в уголке могучего Гелиума, не играет столь значительную роль в жизни нации, — добавил Гохан. — Уступая в силе и мощи большим городам, мы более тщеславны, — заметил он, смеясь. — Мы считаем свой город древнейшим на Барсуме. Он один из немногих, сохранивших свободу, и это при наличии богатейших и давно известных алмазных копей, которые неиссякаемы.

— Расскажи мне о Гатолы, — попросила девушка. —

Мне будет очень интересно.— Красивое лицо молодого джеда придало, вероятно, романтический ореол далекому Гатолу.

Гохан, польщенный обществом прекрасной собеседницы, внимательно изучал утонченные черты ее лица, шеи, украшенной драгоценными бусами. Его взгляд скользнул по оголенному плечу и совершенным кистям, увешанным пышными браслетами.

— Из древней истории ты, несомненно, знаешь, что Гатол был построен на острове в Троксеусе. Когда же океан отступил, Гатол постепенно спустился по склонам гор, вершинами которых и были острова в океане. И сейчас Гатол расположен на склоне горы, изрытой шахтами. Город окружен большим соленым болотом, которое служит надежной защитой от вторжения извне, а скалы и расщелины мешают неприятелю использовать воздушные корабли.

— А что же делают ваши храбрые воины? — спросила девушка.

Гохан улыбнулся.— Мы говорим о храбрости только с врагами,— сказал он,— и скорее на языке нашего оружия, нежели на человеческом.

— Но где же могли научиться военному искусству люди, надежно защищенные от нападения природой? — спросила Тара, которой понравился ответ молодого джеда на ее предыдущий вопрос, но ее смущала невероятная пышность его доспехов, говоривших скорее об изнеженности их владельца, чем о его воинской доблести.

— Природные барьеры хоть и защищали нас от бесчисленных нападений, но не сделали из нас неженков,— объяснил он,— ибо так велики богатства Гатола, что осталось еще слишком много желающих ограбить непобедимый город. Нам приходится постоянно отражать нападения врагов. Моя страна протянулась на десять карадов от экватора к северу и на десять карадов к западу до Горца. Она занимает миллионы квадратных хаадов, большая часть которых покрыта пастбищами, где пасутся наши стада.

Наши пастухи — отличные воины, способные достойно защитить свои стада; кроме того, мы постоянно нуждаемся в рабочих для шахт. Гатолианцы — народ-воин, они не приспособлены к работе. Закон, однако, обязывает каждого гатолианца один час в день отработать на благо города. Практически это их единственная обязанность.

А так как наши люди не хотят работать в шахтах, нам нужны рабы. Тебе не нужно объяснять, что без войны рабов не добудешь. Мы продаем рабов на общественных рынках, а доход делится пополам: одна часть идет в государственную казну, а другая — воину, добывшему раба. Если раб за год выполняет норму шести лет, то ему разрешают вернуться на родину.

— Вы так неистово сражаетесь за платину и бриллианты? — лукаво спросила Тара, разглядывая его пышные украшения.

Гохан рассмеялся.

— Да, мы тщеславный народ, — согласился он добродушно, — и действительно слишком большое значение придаем украшениям, соперничая друг с другом в пышности убранства личного снаряжения. В этом мы превзошли всех воинов Барсума. Но мы гордимся и своей физической красотой, особенно красотой наших женщин. Осмелюсь ли я сказать, Тара из Гелиума, что буду счастлив, если ты посетишь Гатол, а мой народ сможет оценить твою красоту?

— Женщины Гелиума не научены доверять языку льстецов, — заметила девушка, но Гохан, джед Гатола, увидел, что она улыбается.

Вновь по саду раздалась легкие удары гонга.

— Танец Барсума! — воскликнул молодой воин. — Позволь мне пригласить тебя, Тара из Гелиума!

Девушка взглянула в сторону скамьи, где видела Джора Кантоса. Его там уже не было. Она склонила голову в знак того, что принимает приглашение.

Между гостями сновали рабы, раздавая маленькие музыкальные инструменты всего лишь с одной струной. Они были изготовлены из дерева, а струны — из кишок животных. Ремешками танцующие крепят их на левой руке.

Гости встали, медленно и грациозно двинулись по алому травяному ковру в один из уголков сада, где было специальное место для танцев. В это время к Таре подошел Джор Кантос.

— Я пришел пригласить тебя, — сказал он, приблизившись к девушке, но она жестом остановила его.

— Поздно, Джор Кантос, — насмешливо воскликнула она. — Не мешкай, а то упустишь и Оливию Мартис, она вряд ли будет долго ждать приглашения на танец.

— Я уже упустил ее,— с сожалением согласился Джор Кантос.

— Ты хочешь сказать, что приглашаешь Тару из Гелиума только лишь потому, что опоздал пригласить Оливию Мартис? — воскликнула девушка, продолжая разгрызывать недовольство.

— О, Тара из Гелиума, ты же все отлично знаешь,— настаивал молодой человек.— Естественно, я думал, что ты ожидаешь моего приглашения, ведь уже так повелось, что ты танцуешь танец Барсума только со мной.

— И поэтому ты сидел, дожидаясь, пока кто-нибудь другой пригласит меня? — спросила она.— Нет, Джор Кантос, Тара из Гелиума уже получила приглашение.— Она улыбнулась и в сопровождении Гохана, джеда Гатола, направилась к танцующим.

Танец Барсума — наиболее торжественный из танцев Марса — можно назвать, скорее маршем, только более сложным и красивым. Марсианская молодежь обязана регулярно совершенствоваться в танцах — танце Барсума, национальном танце и танце своего города. По ходу этих трех танцев пары сами создают музыку, которая никогда не повторяется. Эти танцы унаследованы с незапамятных времен. Все барсумские танцы прекрасны, но танец Барсума — это удивительный сплав движений и гармонии, в нем нет резких движений. Это поистине отражение высочайших идеалов мира, вдохновленных грацией, красотой и целомудрием женщин и силой, достоинством и верностью мужчин.

Начали танец Джон Картер, Владыка Марса, и его жена, прекрасная Дея Торис. С ними соперничала только одна пара — сверкающий доспехами джед Гатола и Тара, принцесса Гелиума. Совершая бесконечный переход из одной позиции танца в другую, юноша ни разу не выпустил из рук изящную ручку принцессы, он касался рукой ее почти обнаженного тела, обнимал ее, и девушка, танцевавшая этот танец тысячу раз, впервые почувствовала мужскую руку на своем совершенном теле. Это так взволновало ее, что она недовольно взглянула на партнера, как будто в этом была его вина. Их глаза встретились, и в них она увидела то, что никогда не видела во взгляде Джора Кантоса. Это был самый конец танца, музыка прекратилась, а они молча стояли, глядя в глаза друг другу. Первым заговорил Гохан из Гатола.

— Тара из Гелиума, я люблю тебя! — сказал он.

Девушка надменно взглянула на него.

— Джед Гатола забывается! — гордо ответила она.

— Джед Гатола может забыть все, только не тебя, Тара из Гелиума, — ответил он, продолжая удерживать ее руку. — Я люблю тебя, Тара из Гелиума, — повторил он. — Почему ты говоришь не то, что говорят мне твои глаза?

— Что это значит? — воскликнула она. — Разве мужчины Гатола так невоспитанны?

— Они воспитанны и не глупы, — спокойно ответил он. — Они знают, когда любят женщину, и когда женщины любят их.

Тара в гневе топнула ногой.

— Я уйду, — сказала она, — чтобы не видеть ссоры моего отца с гостем.

Развернувшись, она ушла прочь.

— Подожди! — окликнул ее Гохан, — еще одно слово!

— Извинение? — спросила она.

— Пророчество, — ответил Гохан.

— Не желаю ничего слышать, — ответила Тара и ушла. Вбежав в свои покои, она бросилась к окну и долго глядела вдаль.

— Я ненавижу его! — вдруг громко воскликнула она.

— Кого? — спросила удивленная Утна.

Тара как капризный ребенок топнула ногой.

— Джеда Гатола, сверкающего грубияна, — ответила она.

Утна подняла тонкие брови.

На топот маленькой ножки из угла вышел большой зверь и остановился перед Тарой, преданно заглядывая ей в лицо. Она погладила его по отвратительной голове.

— Милый старый Вула, — сказала она, — никто не может любить глубже, чем ты. Почему мужчины не следуют твоему примеру?

ГЛАВА II

ВО ВЛАСТИ БУРИ

Тара из Гелиума не вернулась к гостям своего отца, будучи уверенной, что Джор Кантос непременно явится за ней и позовет обратно в сад. Но он не появлялся, а Та-

ра продолжала сердиться. Она ничего не понимала. Из ее прекрасной головки никак не выходила злость на джеда Гагола. Самонадеянный мужлан! Он оскорбил ее, откровенно заявив, что прочел любовь в ее глазах. Еще никто и никогда не оскорблял ее так. О, как она ненавидела его!

Неожиданно разгневанная принцесса приказала Утне:

— Мой костюм для полетов!

— Но ведь во дворце гости! — возразила рабыня. — Ваш отец ожидает вашего возвращения.

— Ему придется разочароваться, — ответила Тара. Рабыня колебалась.

— Ваш отец не одобряет полетов в одиночку, — напомнила она своей хозяйке.

Юная принцесса вскочила на ноги, схватила несчастную рабыню за плечи и начала трясти.

— Ты сегодня невыносима, Утна! — кричала она. — Мое терпение не бесконечно, придется отправить тебя на рынок рабов и продать; возможно, там ты найдешь себе более подходящую хозяйку.

Слезы выступили на глазах рабыни.

— Это награда за мою любовь к вам, принцесса? — коротко сказала она.

Увидев слезы, Тара смягчилась. Она обняла рабыню и поцеловала ее.

— У меня нрав тот, Утна, — сказала она. — Прости меня! Ведь ты знаешь, я люблю тебя, и нет ничего, что бы я ни сделала для тебя. Я не хотела обидеть тебя. Сколько раз я предлагала тебе свободу и предлагаю сейчас.

— Мне не нужна свобода в разлуке с вами, Тара из Гелиума, — ответила Утна. — Я могу быть счастлива только с вами, а без вас я умру.

Девушка поцеловала ее.

— Так вы не полетите одна? — робко спросила девушка.

Тара рассмеялась и ущипнула свою наперсницу.

— Какая же ты настырная, — воскликнула она. — Конечно, полечу! Разве Тара из Гелиума когда-то отступала от своих планов?

Утна укоризненно покачала головой.

— Пожалейте хотя бы вашего отца! Владыка Барсума подобен металлу, но в руках Деи Торис и Тары из Гелиума он напоминает глину.

— Ну, будь умницей, беги и приготовь мой костюм для полетов, — настойчиво велела хозяйка.

Высоко над ярко-оранжевым дном высохших морей Марса, вдали от Гелиума быстро летел воздушный кораблик Тары. Девушка направила его на северо-восток, наслаждаясь высотой полета и удивительной легкостью управления.

Почему она выбрала именно это направление, она не смогла бы объяснить. Вероятно, потому, что именно на северо-востоке лежали малоизвестные области Марса, а значит, там ждали чудеса и приключения. Где-то в той стороне был и далекий Гатол. Но Тара и не задумывалась над этим обстоятельством.

Сидя в воздушном корабле, она все еще вспоминала джеда из отдаленного свободолюбивого города, но чувства, которые она при этом испытывала, были не из приятных. Она ощутила, как краска стыда заливает ее щеки, а гнев наполняет сердце. У нее не было желания вновь встретиться с ним, поскольку она считала, что гнев в ее памяти сохранится навсегда. Все чаще ее мысли стали обращаться к другому мужчине — Джору Кантосу. Думая о нем, она вспоминала и Оливию Мартис из Гастора. Тара решила, что ревнует его к прекрасной Оливии, а это рассердило ее еще больше. Она сердилась на Джора Кантосу и на себя, но совсем не на Оливию Мартис, которую любила и к которой на самом деле не ревновала. Она была обеспокоена происходящим, переставая его понимать. Джор Кантос не прибежал, как обычно, подобно покорному рабу, когда она ожидала его. Гохан, джед Гатола стал невольным свидетелем ее унижения. Он, конечно, видел, что она осталась одна в самом начале праздника, и решил спасти ее, видимо полагая, что ее так никто и не пригласит танцевать.

Все время возвращаясь к этой мысли, Тара чувствовала, как ее бросает то в жар от стыда, то в холод от бешенства и гнева. Она так резко развернула свой корабль, что чуть не вылетела из него. Ее удержали привязные ремни. Она вернулась домой с наступлением темноты.

Гости покидали дворец. Часом позже она встретилась со своими родителями за ужином.

— Ты покинула нас, Тара,— сказал Джон Картер.— Мои гости были удивлены.

— Они пришли не ради меня,— ответила на это Тара.— Не я звала их.

— Тем не менее они и твои гости,— возразил отец.

Девушка встала, подошла к отцу и обняла его за шею.

— Мой милый старый виргинец,— шепнула она ему на ухо, погладив ежик его черных волос.

— В Виргинии тебя бы за этот поступок выпороли,— ответил ей отец, улыбаясь.

Она поцеловала его.

— Ты не любишь меня больше,— заявила она.— Никто не любит меня.— Но выражение ее лица говорило о другом. Все еще пытаюсь состроить печальную гримасу, она рассмеялась.

— Боюсь, что слишком многие любят тебя,— заметил отец.— Еще один появился.

— Вот как? — воскликнула она.— Кто же он?

— Гохан из Гатола просил твоей руки.

Девушка недовольно выгнула спину и потупилась.

— Я не собираюсь выходить замуж за ходячую алмазную шахту,— съязвила она.— Я не выйду за него!

— Я уже объявил ему об этом, поскольку ты помолвлена с другим. Он держался достаточно вежливо, но в то же время дал ясно понять, что привык получать все, чего захочет. Думаю, что это означает еще одну войну. Красота твоей матери стоила Гелиуму многолетней войны. Тара, если бы я был молод, то перевернул бы весь Барсум, чтобы добыть тебя, как это было с твоей божественной матерью.— И он послал улыбку прекраснейшей женщине Марса.

— Не нужно беспокоить нашу маленькую девочку подобными вещами,— сказала Дея Торис.— Ты забываешь, Джон Картер, что имеешь дело не с земным ребенком, продолжительность жизни которого занимает половину срока, за который дочь Барсума достигает лишь зрелости.

— Но разве дочери Барсума не выходят замуж моложе двадцати лет? — настаивал он.

— Да, но они остаются желанными в глазах мужчин и после того, как десятки поколений людей Земли превращаются в прах, поэтому не следует спешить с замужеством. Мы не стареем так быстро, как женщины твоей планеты, о чем я сужу по твоим рассказам. Настанет время, и Тара из Гелиума выйдет замуж за Джора Кантоса, а до тех пор не будем говорить об этом.

— Да,— сказала девушка,— надоело об этом. И я не хочу выходить за Джора Кантоса. Я вообще не хочу замуж!

Отец и мать посмотрели на нее с улыбкой обожания.

— Гохан из Гатола может попытаться похитить тебя,— заметил Владыка Марса.

— Он уже уехал? — спросила девушка.

— Его корабль отправился в Гатол сегодня утром,— ответил Джон Картер.

— Значит, я видела его в последний раз,— заметила Тара со вздохом облегчения.

— Он думает иначе,— промолвил Джон Картер.

Девушка пожала плечами, и разговор перешел на другие темы. Пришло письмо от Тувии из Птары, которая гостила у своего отца, пока Карторис, ее супруг, охотился в Окаре. Получено известие, что тарки и вархуны опять воюют, вернее, отношения между ними вновь ухудшились, поскольку мира никогда между собой они не заключали. Два новых линкора были спущены на воду в Гасторе. Небольшая группа жрецов попыталась восстановить идею древней религии Иссы, оставаясь ее верными сторонниками. Донеслись слухи о войне в Дузаре. Некий ученый объявил об открытии разумной жизни на далекой планете. Какой-то сумасшедший пытался разрушить атмосферную станцию. Семь человек были убиты в Большом Гелиуме за последние десять цодов (а один цод равен одному земному дню).

После ужина Дея Торис и Джон Картер играли в джетан, барсумские шахматы. Два игрока состязаются на доске, из ста квадратов, раскрашенных в черный и оранжевый цвета в шахматном порядке, используя в игре по двадцать фигур таких же цветов с каждой стороны.

Изначально фигуры располагают на двух первых рядах доски со стороны каждого играющего. Слева направо в ближнем к игроку ряду расставляются следующие фигуры: воин, падвар, двар, летчик, вождь, принцесса, летчик, двар, падвар, воин. Следующая линия занята пехотинцами, за исключением двух крайних фигур, которые называются тотами и представляют собой всадников.

Пехотинцы, которые выглядят как воины с одним пером, могут двигаться на одну клетку в любом направлении, только не назад. Тоты, всадники с тремя перьями, двигаются прямо и по диагонали и могут перепрыгивать через фигуры противника. Воины-пехотинцы с двумя перьями двигаются по диагонали на две клетки. Падвар, лейтенант с двумя перьями, движется в любом направ-

лении на две клетки. Двар, капитан с тремя перьями, перемещается на три клетки в любом направлении. Летчики, изображенные в виде пропеллеров с тремя лопастями, могут двигаться на три клетки в любом направлении и перепрыгивать через фигуры противника. Вождь, украшенный короной с десятью бриллиантами, движется в любом направлении, а принцесса в короне с одним бриллиантом, движется так же, как и вождь, и ей позволено перепрыгивать через фигуры.

Игра считается оконченной, когда один из игроков поставит свою фигуру в клетку, где стоит принцесса или вождь противника. Она заканчивается вничью, если на доске остается по три равные фигуры. Таково лишь общее и недостаточно подробное описание правил игры в барсумские шахматы.

Именно в эту игру сели играть Дея Торис и Джон Картер, когда Тара пожелала им доброй ночи и направилась в свои покои.

Проходя мимо них по комнате, она сказала:

— До утра, мои любимые!

Ни она, ни ее родители не думали, что видятся, возможно, в последний раз.

Утро было серым и пасмурным. Грозные тучи, подгоняемые сильным ветром, клочьями неслись к северо-западу. Стоя у окна, Тара наблюдала столь необычную для Барсума картину, так как плотные облака редко затягивали барсумское небо. Был час ее верховой прогулки на маленьком тоте, но она никак не могла оторваться от созерцания облаков. Утна все еще спала, и девушка не стала беспокоить ее. Она тихо оделась и выскользнула на крышу дворца, где находился ангар, в котором стоял и ее личный маленький воздушный кораблик. Она никогда еще не летала в облаках, а ей так хотелось попробовать.

Из-за сильного ветра она с трудом вывела корабль из ангара, но наконец-таки поднялась над Гелиумом. Бешеный ветер подхватил воздушный аппарат и стал трясти его, а девушка, охваченная нервным возбуждением, громко смеялась. Она управляла кораблем как опытный летчик, но даже опытному летчику вряд ли приходилось подниматься в воздух в такой ураган. Она быстро миновала стремительные вихри ветра и оказалась в полосе густого тумана. Здесь ей открылся новый мир, мир хаоса, незнакомого людям. Но это был холодный, сырой и бескрайний мир, что она и ощутила, когда улеглось первое

возбуждение. Неожиданно для себя она почувствовала себя очень маленькой и одинокой. Ей стало холодно, но она упорно поднималась вверх, пока корабль не пересек границу облаков. Тара оказалась в сверкающем солнечном сиянии, превратившем поверхность мрачного мира, покинутого ею, в блестящее серебро. Здесь было по-прежнему холодно, но не сыро, и под сияющими лучами солнца настроение девушки поднялось вместе со стрелкой альтметра. Глядя на облака, оставшиеся теперь далеко внизу, девушке казалось, что она подвешена между небом и землей. Но жужжание пропеллера, оглушительный вой ветра и стрелка спидометра показывали, что она несется вперед на огромной скорости. Тогда она решила повернуть назад.

Первая попытка еще над облаками оказалась безуспешной. К своему удивлению, она обнаружила, что не может увернуться от порыва ветра, который тряс и подбрасывал хрупкий кораблик. Тогда она опустилась в темную и мрачную полосу между несущимися облаками и поверхностью Марса. Здесь она вновь попыталась развернуть нос корабля в сторону Гелиума, но буря подхватила маленький аппарат и безжалостно погнала его вперед, подбрасывая, словно щепку в водовороте.

Никогда раньше не была она так близка к смерти; но дочь Джона Картера не испугалась. Ее спасло хладнокровие и привязные ремни, надежно удерживавшие ее. Удерживая корабль по ветру, она прекратила все маневры, но куда ветер унесет ее? Она представила себе обеспокоенных отца с матерью, когда они не увидят ее за завтраком. Конечно, обнаружат и отсутствие ее корабля и решат, что она где-нибудь уже потерпела крушение. Сотни храбрецов отправятся на ее поиски, рискуя своими жизнями, которые они отдадут во имя ее спасения. Она знала это!

Она должна вернуться! Она должна достичь Гелиума раньше, чем ее безумная страсть к приключениям будет стоить хотя бы одной храброй жизни. Она поняла, что наиболее безопасно вернуться в зону выше облаков, и снова поднялась сквозь холодный и влажный туман. Скорость полета стала ужасающей; ветер, казалось, еще более усилился. Она попыталась постепенно снизить скорость корабля, дав задний ход, но ветер продолжал гнать ее с прежней силой вперед. Тара вдруг разозлилась. Разве до сих пор мир не склонялся перед ее малейшими

желаниями? Кто осмелился перечить ей? Она покажет, что дочь Владыки Марса нельзя принудить к чему-нибудь. Она докажет, что даже силы природы покоряются Таре из Гелиума!

Она вновь включила мотор и повернула руль влево, а ветер тряс маленький кораблик, швырял его и гнал с огромной скоростью. Мотор заглох. Буря ударила с новой силой, руль вырвало из рук, и девушка оказалась беспомощной перед разбушевавшейся стихией, превратившись в ничтожную пылинку, которой играют грозные силы, пренебрегающие ее вызов.

Сначала она удивилась — ей не удалось настоять на своем. Затем она начала беспокоиться, но не за свою жизнь, а из-за бед и хлопот родителей и тех смельчаков, которые отправятся на ее розыски. Она безжалостно обругала себя за эгоизм и безрассудство, но не испугалась. Она знала, что корабль сможет достаточно долго удерживаться в воздухе, но у нее не было ни пищи, ни воды, и ее отнесло в малоизученные районы Барсума. Может быть, лучше приземлиться немедленно и переждать бурю, чем продолжать стремительно удаляться от Гелиума? Но когда она снова спустилась ниже, то обнаружила, что при столь яростном ветре любая попытка приземлиться будет стоить жизни, и опять поднялась выше облаков. Пока она находилась недалеко от поверхности, ей удалось разглядеть беды, нанесенные ураганом. Она увидела вывороченные с корнем огромные деревья, разрушенные дома. Картина беды потрясла ее, и привела к мысли, что Тара из Гелиума — маленькая беспомощная девочка.

К вечеру ураган не утих, но Тара могла ориентироваться по показаниям счетчика о пройденном пути. Цифры казались неправдоподобными, но она поняла, что они верны: за двенадцать часов ветер унес ее на семь тысяч хаадов. Перед наступлением темноты она пролетела над одним из покинутых городов древнего Барсума. Это был Торквас, но она не знала этого. Если бы юная принцесса знала об этом, то потеряла бы всякую надежду на спасение, ибо для народа Гелиума Торквас был так же далек, как для землян северный и южный полюс. Буря, не ослабевая, несла ее все дальше и дальше от родного дома.

Всю ночь она стремительно летела вперед во влажной темноте облаков, иногда поднимаясь выше, в пустоту, залитую светом двух лун Барсума. Она замерзла, хотела

есть и чувствовала себя несчастной, но стойкий дух дочери Марса отказывался признавать положение безнадежным.

* * *

Утром во дворец Владыки Марса пожаловал ранний посетитель. Это был Гохан, джед Гатола.

Он пришел как раз вскоре после того, как обнаружили отсутствие Тары. К нему долго никто не выходил, он стал бродить по коридорам дворца, пока случайно не встретился с Джоном Картером, спешно отправлявшим отряд за отрядом на поиски дочери. Гохан заметил беспокойство на лице Джона Картера.

— Прости мою назойливость, Джон Картер,— сказал он,— но лететь в такую бурю было безумием, поэтому я пришел просить разрешения побыть в Гелиуме еще один день.

— Ты останешься желанным гостем, Гохан, пока сам не захочешь оставить нас,— ответил Владыка Марса,— но прости некоторое невнимание к тебе, пока моя дочь не вернется к нам.

— Твоя дочь! Вернется! Что все это значит? — воскликнул молодой вождь.— Я ничего не знаю.

— Она исчезла вместе со своим воздушным кораблем. Это все, что мы знаем. Я предполагаю, что она, решив полетать перед завтраком, попала в ураган. Ты простишь меня, Гохан, если я оставлю тебя сейчас, поскольку занят подготовкой к поискам.

Но Гохан джед Гатола, уже торопился к выходу. Он сел на поджидавшего его тота и в сопровождении своих воинов направился по улицам Гелиума ко дворцу, предоставленному в его распоряжение.

ГЛАВА III

БЕЗГОЛОВЫЕ ЛЮДИ

На крыше дворца, где разместился джед Гатола со своей свитой, стоял на привязи крейсер «Ванатор». Стоящие снасти говорили о сумасшедшей ярости бури, а озабоченная команда, привязавшись ремнями, постоянно находилась на крыше. На борту крейсера были знаки Гатола, но все флаги и вымпелы унес ветер. Спасая ко-

рабль, экипаж привязал его двенадцатью канатами, возле которых стояли наготове воины с мечами, поскольку, оборвись хоть один из канатов надо сразу же рубить все остальные, иначе корабль будет разбит.

— Клянусь кровью Иссы, они выдержат! — прокричал один воин другому.

— А если не выдержат, то духи наших предков вознаградят добрых воинов «Ванатора», — ответил другой воин с крыши дворца, — ибо немного времени пройдет с того момента, как порвутся канаты, до того, когда экипаж наденет одежды смерти. Однако я верю, Танус, что они выдержат. Хорошо еще, что мы не вылетели до начала урагана, сейчас у нас есть еще шансы спастись.

— Да, — ответил Танус, — не хотел бы я сейчас оказаться в воздухе даже на самом прочном корабле, когда-либо бороздившем небо Барсума!

В этот момент на крыше появился Гохан. С ним были оставшиеся во дворце члены экипажа и двенадцать воинов Гелиума. Молодой вождь обратился к своим воинам:

— Я немедленно отправляюсь на поиски Тары из Гелиума, которая, как полагают, вылетела задолго до начала бури в одноместном кораблике. Нет надобности объяснять, как малы шансы «Ванатора» выдержать удары разбушевавшейся стихии, поэтому я не могу приказывать вам отправиться со мной на верную смерть. Пусть те, кто хочет, останутся, это не будет означать бесчестие. Остальные — за мной. — И он ухватился за веревочную лестницу, извивавшуюся под порывами ветра. Первым за ним последовал Танус, а когда последний поднялся на палубу крейсера, на крыше дворца остались только двенадцать воинов Гелиума с обнаженными мечами, которые сменили на посту у двенадцати канатов воинов Гатола.

Ни один из членов экипажа не остался за бортом «Ванатора».

— Другого я и не ожидал, — гордо сказал Гохан.

Командир «Ванатора» покачал головой. Он любил свой корабль, гордость маленького флота Гатола. И теперь он с горечью представлял его уже разбитым на ярко-оранжевом дне высохшего моря или разграбленным ордой свирепых зеленых людей.

Он посмотрел на Гохана.

— Вы готовы, Сан Тотис? — спросил джед.

— Да, все готово!

— Руби концы!

По сигналу третьего выстрела воины Гелиума должны были перерубить канаты, удерживающие крейсер на привязи. Но действия их требовали тщательной согласованности и четкого исполнения задания: все канаты необходимо было перерубить одновременно, чтобы корабль не разбился.

По третьему выстрелу двенадцать мечей воинов Гелиума разрубили тросы в одно и то же мгновение. «Ванатор» с ревущим пропеллером прыгнул вперед в пасть урагана, который тут же подхватил его как детскую игрушку и принялся подбрасывать и вертеть. Двенадцать воинов с крыши дворца молча наблюдали за безрассудной храбростью экипажа, не будучи в состоянии им чем-нибудь помочь.

Многие горожане видели этот отчаянный прыжок корабля в лапы смерти. Поисковым отрядам было велено приостановить подготовку к полетам, так как бессмысленность этой затеи была очевидна. Их смелость не могла состязаться с бушующей стихией.

Вопреки ожиданиям, «Ванатор» не упал на землю и не разбился, во всяком случае пока находился в пределах видимости. Его швыряло и бросало с боку на бок, временами чуть не переворачивало вверх килем, то вдруг он вставал на нос или корму, повинаясь капризам могучей силы, несшей его вперед. Окруженный клочьями облаков, крейсер улетел вдаль.

Никто на Барсуме и не помнил бури такой силы. Вскоре храбрый поступок джеда Гатола был забыт, поскольку в городе началась паника из-за возникших пожаров. Джон Картер приказал воинам, готовившимся выступить на поиски Тары, направить все силы на спасение города.

На второй день после полудня буря стала стихать; незадолго до захода солнца маленький кораблик, в котором Тара из Гелиума провела столько часов между жизнью и смертью, продолжал медленный полет, повинаясь дыханию слабого ветерка, над холмистой местностью — остатками высоких гор, некогда покрывавших Барсум. Девушка была истощена бессонницей, голодом и жаждой, а также нервным возбуждением, которое поддерживало ее в ужасных испытаниях.

За вершиной одного из холмов она заметила купол крепости и быстро опустилась, чтобы скрыться от взора ее обитателей. Крепость означала для нее жилище людей, и, следовательно, возможность раздобыть воду и

пищу. Даже если в ней никто и не жил, необходимо было соблюдать крайнюю осторожность, так как прежде всего нужно ожидать встречи с врагами так далеко от родного дома.

Тара сознавала, что залетела весьма далеко от Гелиума, но если бы она узнала, в какую даль занесла ее буря, то поняла бы всю безнадёжность своего положения. Емкости с отталкивающими лучами были целы и удерживали машину в воздухе вблизи от поверхности. Девушка направила машину к вершине холма, отделявшего ее от постройки, которую она приняла за крепость. Здесь она опустилась на поверхность подле высоких деревьев и подтащила корабль к одному из них, чтобы укрыть аппарат. Все это она проделала на удивление быстро и ловко. Ее единственным оружием был тонкий кинжал и осторожность. Она медленно поднялась на вершину холма, прячась за камни и прислушиваясь ко всем звукам, и внимательно огляделась в поисках возможных преследователей.

Наконец она оказалась на вершине. Отсюда, укрывшись за кустами, она рассмотрела долину, простиравшуюся внизу. Вся она была застроена крепостями с круглыми куполами. Вокруг каждой крепости были возведены каменные стены, огораживавшие несколько акров земли. Все свидетельство о высоком развитии цивилизации. Прямо у подножия холма, на котором она расположилась, находилась одна из крепостей, во всех отношениях казавшаяся такой же, как и все остальные строения в долине.

Ее окружала высокая оштукатуренная стена, построенная из того же материала. На серой поверхности крепости и стен она увидела незнакомый герб, нарисованный яркими красками. Крепость была примерно сорок футов в диаметре и шестьдесят футов от основания до вершины купола. Землянину они напомнили бы силосные башни, в которых фермеры хранят корм для скота. Однако при более внимательном осмотре она заметила узкие амбразуры и купола странной конструкции, покрытые бесчисленными стеклянными призмами, отражающими лучи солнца. Уходящее солнце так ярко играло на их гранях, что она невольно вспомнила пышные украшения Го-хана из Гатола.

Вспомнив о нем, девушка нахмурилась, тряхнула го-

ловой и осторожно продвинулась вперед, чтобы внимательнее осмотреть ближайшую крепость.

Когда Тара взглядела в огороженное стеной пространство, окружавшее крепость, брови ее поднялись от удивления, а глаза расширились при виде невероятного и ужасного зрелища. Она увидела несколько десятков людских тел, но нагих и безголовых. Затаив дыхание, она смотрела, не в силах поверить в увиденное: эти невероятные создания двигались и жили. Ощупывая все пальцами, они на четвереньках переползали друг через друга, подползали к кормушкам, брали оттуда корм и отправляли его в отверстие, которое у них было на месте шеи.

Среди них были мужчины и женщины, все очень пропорционально сложенные. Кожа их тел оказалась такой же, как и у нее, но более светлой. Вначале ей показалось, что перед ней бойня, а тела только что обезглавлены и движутся под действием мускульной реакции. Затем ей стало ясно, что это их нормальное состояние. Ужасное зрелище захватило девушку, она не могла отвести от него глаз. Существа, лишённые глаз, перемещались на ощупь, их вялые движения указывали на примитивную нервную систему. Девушка поражалась, как они вообще существуют, ибо силы ее воображения не доставало, чтобы представить себе, как они возделывают плодородные поля. По всему было видно, что долина возделывается, так как у этих странных существ есть пища.

Но кто обрабатывал ее? Кто содержал и кормил этих несчастных и с какой целью? Все это оставалось для нее загадкой.

Вид пищи напомнил ей о чувстве голода. Жажда иссушила горло. Там, в ограде, были и пища, и вода, но посмеет ли она войти туда, даже если ей удастся найти вход. Одна мысль о прикосновении ужасных созданий бросала ее в дрожь.

Она вновь принялась разглядывать долину, пока не заметила вдали ручеек — необычное зрелище для Барсума. О, если бы это была вода! Тогда у нее будет надежда на спасение: ночью она сможет собирать пищу на полях, а днем будет скрываться среди холмов, пока однажды — а она была уверена в этом — не появятся воины, посланные на ее поиски. Она твердо знала, что Джон Картер не успокоится, пока каждый квадратный хаад планеты не

будет пройден вдоль и поперек. Она знала своего отца и воинов Гелиума, и если она будет старательно избегать опасности, они в конце концов обязательно придут.

Итак, она дождется темноты, а потом спустится на поле, а пока нужно поискать более или менее безопасное убежище, где она будет прятаться от хищников. Тара собралась отползти от вершины холма, когда увидела две новые фигуры, появившиеся в огороженном пространстве у крепости. Их прекрасные тела были совершенно такими же, как и у безголовых существ, но на плечах были головы, на первый взгляд показавшиеся человеческими, однако, внимательно приглядевшись, девушка поняла, что это не так. Головы показались ей слишком большими, и в лучах уходящего солнца она не смогла их хорошо рассмотреть. Эти двое были одеты в нечто, напоминающее доспехи, к которым подвесили обычное оружие барсумских воинов — длинный и короткий мечи. Вокруг коротких шей были натянуты ошейники или воротники, спускавшиеся на плечи и сужающиеся к нижней части головы. Черты их лиц казались искаженными, нечеткими и гротескными.

Двое головастика держали длинную веревку, к которой через равные промежутки были прикреплены наручники. Воины обходили все ползающие тела и прикрепляли их к левому запястью. Таким образом они собрали всех, потом потянули за свободный конец веревки в сторону крепости и кнутом стали хлестать их по голому телу.

Медленно и вяло создания поднялись на ноги, подтягиваемые спереди и подгоняемые сзади, и кошмарная группа скрылась в крепости. Тара никак не могла прийти в себя. Что это за создания?

Внезапно наступила ночь. Барсумский день кончился как всегда неожиданно, так как на планете не бывает сумерек, а Тара еще не нашла убежища. Возможно, здесь и нет хищных зверей, но все-таки она предпочла бы спрятаться в каком-нибудь помещении, хотя бы крошечном, размером с ее кабину. Корпус корабля был занят воздушными контейнерами. О, у нее есть выход! Странно, как она раньше не подумала об этом. Она ведь может привязать воздушный аппарат к дереву и зависнуть над ним. Ночью его никто не заметит, а утром она спустится на поверхность и снова спрячет корабль под деревом.

Под покровом ночи Тара стала спускаться в долину. Хлорус, дальняя луна, еще только поднимался над гори-

зонтом, начиная свое неторопливое путешествие по небу. Восемь ходов спустя (примерно около девятнадцати часов) он зайдет за горизонт, а за это время Турия, его стремительная супруга, ближняя луна, обойдет Барсум дважды и сделает более половины третьего круга. Теперь же она только что ушла за горизонт. Пройдет не менее трех с половиной часов, прежде чем она поднимется с противоположной стороны линии горизонта и быстро понесется над спящей планетой. За это время Тара надеялась найти пищу и воду и вернуться на свой корабль.

Она двигалась в темноте, старательно обходя крепости, спотыкаясь, так как в длинных тенях, отбрасываемых восходящим Хлорусом, предметы казались причудливо искаженными, а света луны было недостаточно, чтобы помочь ей ориентироваться. Но ей и не нужен был яркий свет. Рызыскивая ручей, она встретила по дороге много фруктовых деревьев, а на поле были посажены технические культуры. Пищу она отыскивала раньше воды. Темнота надежно укрывала ее от чужих глаз, которые могли заметить ее из крепостей. Может быть, следует дожждаться момента, когда с неба исчезнет Хлорус, а Турия еще не взойдет? Однако Тара не смогла больше выносить голод и жажду и решила рискнуть — набрать пищи и напиться.

Благополучно миновав ближайшую крепость, она двинулась вперед, выбирая путь в тени деревьев, посаженных довольно бессистемно. По ходу она осматривала их, находя на каждом третьем дереве спелые плоды. Никогда еще, подумала Тара, не приходилось ей пробовать столь вкусной еды, хотя то, что она отведала, было довольно-таки безвкусным плодом, его обычно варили и приправляли специями.

Это дерево неприхотливо и не требует особенного ухода, поэтому широко распространено на Барсуме. Его плоды составляют основную пищу воинов на Марсе и называются «собракаем», что можно перевести как «картофель войны», или «воюющий картофель».

Девушка была достаточно благоразумна и ела умеренно, но набрала с собой фруктов и продолжила путь.

Миновав еще две крепости, она наконец достигла ручья и здесь опять проявила благоразумие, выпив немного воды, предварительно прополоскав рот и умывшись. Хотя ночь была холодной, как обычно на Марсе,

чувство свежести компенсировало неприятный холод. Надев сандалии, она стала искать посадки с овощами или съедобными клубнями и нашла два-три сорта, которые можно было есть сырыми. Немного поев, она и их набрала в карманы. Несколько раз она возвращалась к ручью, но пила понемногу. Тара все время была настороже, ожидая малейшего сигнала опасности, но ничего тревожного не видела и не слышала. Наконец настало время возвращаться к кораблю, чтобы успеть до появления яркой Турии. Страшно было уходить от воды, она знала, что ей опять предстоит испытать сильную жажду, прежде чем сумеет вернуться к ручью. Если бы у нее был хотя бы небольшой сосуд, она продержалась бы до следующей ночи, но у нее ничего не было, и пришлось ограничиться собранными фруктами и клубнями.

Последний раз глотнув воды, она направилась к холму. Но вдруг неясное опасение шевельнулось в ней. Что это? Она могла поклясться, что видела какое-то движение в тени под деревом почти рядом. Затаив дыхание, она не двигалась. Ее взгляд был по-прежнему прикован к густым теням под деревом, она прислушивалась к каждому шороху. Низкий рев раздался со стороны холма, на котором остался ее кораблик.

Она узнала его. Это был рокочущий голос охотящегося бенса. Огромный хищник стоял прямо на ее пути, а поблизости скрывалось другое существо, она заметила его движение. Кто же это? Больше всего угнетала неизвестность. Если бы знать, какое именно животное скрывается здесь. Она быстро оглядывалась, пытаясь найти выход из создавшегося положения.

Со стороны холма опять послышалось рычание, но на этот раз ближе. Из долины незамедлительно раздалось ответное рычание справа от нее и дважды — слева. Она глазами отыскивала ближайшее дерево и медленно, не отрывая глаз от тени под деревом, где она заметила движение, двинулась к спасательным ветвям, которые надежно укрыли бы ее в случае необходимости. При первом ее шаге с того места, за которым она следила, послышался низкий рев и шум большого движущегося тела. Животное попало в полоску лунного света, и Тара увидела огромного бенса: хвост его был выпрямлен, маленькие уши прижаты к голове, пасть, полная острых и сильных зубов, раскрыта в поисках добычи, десять ног несли его быстрыми прыжками, а из горла хищника раздался грозный рев, парализующий жертву.

Тара бросилась к ближайшему дереву, но бенс разгадал ее намерение и увеличил скорость. Его рев разбудил эхо на холмах и в долине. На самом деле это были ответные крики других бенсов, и девушка поняла, что судьба забросила ее в страну, где во множестве водились эти свирепые твари.

Скорость чудовищного бенса была невероятной, ее счастье что на пути к дереву, куда она бежала, не оказалось препятствий, иначе ее шансы на спасение были бы ничтожны. Она едва успела вскарабкаться на ветки, как бенс мощным ударом лапы сорвал листву с нижних ветвей дерева. Удача и проворство спасли ее. Толстая ветвь обломилась под тяжестью хищника, и он успел оцарапать Тару когтями, прежде чем она взобралась повыше.

Рассерженный бенс издал серию страшных криков, от которых задрожала земля. В ответ раздалось рычание, рев и крики других бенсов, приближавшихся отовсюду. Бенсы спешили сюда в надежде на добычу. Первый зверь, с которым она столкнулась, развернулся к остальным мордой, давая понять, что он надежно защищает свою жертву, а девушка, сжавшись в комочек на ветке, смотрела вниз на длинных рыжих чудовищ, круживших под деревом. Она размышляла о том, как же ей удалось беспрепятственно пройти ночью по долине, не столкнувшись ни с одним зверем. Задумалась она и над тем, как ей теперь вернуться к кораблю. Ночью, конечно, она больше не осмелится спуститься на почву, а днем ее ждут еще большие трудности. Она поняла, что добыть плоды и воду ей вряд ли удастся. Оставалось единственное решение: как-нибудь добраться до корабля и отдаться воле ветра, который перенесет ее в другие земли. Но как вернуться? Бенсы, казалось, не оставляли надежды схватить ее, и даже если они скроются из вида сейчас, рискнет ли она слезть с дерева? Она сомневалась в этом.

Положение ее казалось безнадежным. Оно и в самом деле было безнадежным.

ГЛАВА IV

В ПЛЕНУ

Когда Турия, быстрая ночная бегунья, вновь взошла, картина изменилась. Как по волшебству, появились новые виды в долине. Складывалось впечатление, что ты

перенесся с одной планеты на другую. Это было древнее, но всегда новое чувство: чудо марсианских ночей, удивительное даже для марсиан. Две луны, сверкающие в ночном небе и догоняющие одна другую. Бегущие перекрещивающиеся тени изменили вид холмов. Далекий Хорус, чудесный и малоподвижный, щедро лил свой свет на планету. Турия, большой и сверкающий шар, неслась по черно-синему небу так низко, что, казалось, слегка касается вершин холмов. Величественный парад двух лун как всегда очаровал девушку.

— О Турия, безумная богиня неба! — пробормотала Тара. — Холмы со склоненными перед тобой вершинами проходят чередой, деревья почтительно окружают тебя, травы склоняют свои сплетенные арки — все в движении, легком, волшебном и бесшумном движении, когда проходит Турия.

Девушка вздохнула и вновь обратила взгляд на суровую действительность. В отвратительных бенсах, разгуливающих внизу, не было никакого волшебства. Тот, который первым погнался на ней, голодным взором наблюдал за ней. Большинство остальных ушло прочь в поисках другой добычи, но несколько бенсов остались, надеясь на вкусную добычу.

Ночь продолжалась. Вновь Турия взошла на небо к своему господину, торопясь на встречу с Солнцем над другой половиной Барсума. Но одинокий бенс продолжал терпеливо ждать под деревом, на котором скорчилась Тара из Гелиума. Остальные ушли, но их рев, рычание и вой доносились до нее издалека. Какую добычу находят они на этой маленькой земле? Здесь, должно быть, достаточно корма для них, поэтому их так много. Девушка задумалась: что бы это могло быть?

Как долго тянется ночь! Скованная неподвижностью, замерзшая Тара прижималась к дереву, и отчаяние ее росло. Она боялась потерять силы и упасть. Надежда почти покинула ее маленькое храброе сердце.

Сколько времени она еще выдержит? Она задавала себе этот вопрос и затем, бодро тряхнув головой, пожимала плечами.

— Я еще жива! — сказала она вслух.

В ответ бенс взглянул вверх и зарычал.

Вновь взошла Турия, а вслед за нею и Солнце — пламенный любовник, преследующий свою возлюбленную. А Хлорус, этот холодный муж, продолжал свой путь

так же безмятежно, как и до того, как в его дом вторгся этот горячий соперник. Теперь Солнце и обе луны двигались по небу вместе, возвещая марсианский рассвет.

Тара взглянула на долину, во все стороны простиравшуюся под ней. Она была богатой и красивой, но при одном только воспоминании о существах, населяющих ее, девушка вздрогнула от отвращения. Мерзкие существа днем, а бенсы ночью! Неудивительно, что она так часто вздрагивала!

С восходом Солнца огромный барсумский лев встал на лапы. Он посмотрел голодными глазами на девушку, сидевшую на дереве, издал глухое разочарованное рычание и затрусил к холмам. Она зорко следила за ним и заметила, что он старательно огибает крепости как можно дальше и при этом, проходя мимо, не сводит с них глаз. Очевидно, жители крепостей заставили свирепого хищника уважать себя. Вскоре бенс исчез из виду между холмами, других зверей тоже не было видно. Девушка задумалась: стоит ли рискнуть и попытаться сейчас достичь холма, на котором она оставила корабль? Она боялась, что ее застигнут пришедшие на поля работники, боялась, что вновь придется увидеть эти отвратительные безголовые тела, но ее ужасно интересовало, как могут они работать на полях. Она взглянула по направлению к ближайшей крепости. Там по-прежнему никто не проявлял признаков жизни. Долина оставалась пустынной. Нужно было торопиться, пока путь был свободен. Девушка заставила себя спуститься на землю. Мышцы сводило судорогой, и каждое движение затекшего тела причиняло боль. Сделав небольшую остановку, чтобы напиться, она без промедления направилась к цели. Ей нужно было как можно скорее пройти расстояние до холмов, которые показались ей очень далекими.

Тара не думала даже, что прошла ночью такое расстояние. На самом деле было не так уж далеко, всего три часа пути, но при дневном свете он почему-то казался длиннее.

Вторая крепость лежала прямо на ее пути. Обходной маневр не уменьшал шансов быть обнаруженной, а лишь увеличивал опасный переход, поэтому она пошла к холмам, где был ее корабль, рядом с крепостью. Проходя первую ограду, она услышала какой-то шум внутри, но ворота были закрыты. Она с облегчением перевела дыхание, миновав огороженное место. Вскоре она подошла

к другому огороженному пространству, стену которого она должна была обогнуть, так как та лежала на ее пути. Приблизившись, она различила не только шум, но и голоса. На языке, известном всему Барсуму, кто-то отдавал распоряжения: столько-то будет собирать фрукты, столько-то орошать поля, столько-то возделывать их и так далее, как обычно фермер отдает приказания своим работникам.

Тара как раз поравнялась с воротами во внешней стене. Без предупреждения они стали открываться. Девушка поняла, что еще мгновение, и ее обнаружат. В тот же момент она повернулась и побежала вдоль стены, скрывшись за поворотом, остановилась у противоположной стороны ограды. Здесь, тяжело дыша и вся дрожа от усилий и нервного возбуждения, она спряталась в высокой траве, росшей у подножия стены. Так она лежала, не осмеливаясь даже поднять головы и оглядеться. Никогда раньше не испытывала Тара из Гелиума парализующего чувства страха.

Она была зла на себя. Она, дочь Джона Картера, Владыки Барсума, испытывает страх?! Даже то, что рядом не было ни одного свидетеля, не умаляло ее стыда и гнева, а худшее заключалось в том, что теперь она знала: в подобных обстоятельствах она опять смалодушничала. Это не был страх смерти — она знала это. Нет, одна мысль о том, что здесь, совсем рядом, эти безголовые тела, что она может встретить их, а они захотят дотронуться до нее, протянув свои мерзкие руки,— одна эта мысль заставляла ее содрогаться. Немного успокоившись, она решительно приказала себе поднять голову и оглядеться. К своему ужасу она обнаружила повсюду людей, работавших на полях. Их маленькие группки переходили из одного места в другое. Несколько человек работали всего в ста ярдах от нее. В ближайшей к ней группе было десять человек, мужчин и женщин, с прекрасными телами и причудливо гротескными чертами лица. Их одежда была такой скромной, что практически оставляла тело почти нагим. У каждого был кожаный пояс с подвешенными на нем коротким мечом и кожаной сумкой. Кожа, старая и потертая, свидетельствовала о долгой и трудной службе. Украшения и рисунки отсутствовали, кроме единственного знака над левым плечом. Головы же были в изобилии украшены драгоценными металлами и камнями, так что видны были лишь глаза, нос и рот. Они вы-

глядели чудовищной пародией на человеческие. Широко расставленные глаза сильно выдавались вперед, нос состоял из двух тонких вертикальных щелей над круглым отверстием — ртом. Головы были настолько отвратительны, что девушку поразило столь резкое различие между прекрасными и гармоничными телами и уродливыми шариками, венчающими их.

Тара с трудом отвела взгляд от этих странных созданий. К своему ужасу она заметила, что одно из них, прекратив работу, смотрит прямо на нее. Она не смела пошевелиться, надеясь, что он не видит ее или же только подозревает, что кто-то скрывается в высокой траве. Если она развеет подозрения, оставаясь неподвижной, то, может быть, существо решит, что ошиблось, и вернется к работе. Но увы, она заблуждалась. Она увидела, как оно указывает на нее другим, и пятеро мерзких существ направились прямо к ней.

Скрываться дальше не было смысла. Ее единственная надежда — бегство. Если она ускользнет от них и добегит до корабля, то сумеет спастись. Вскочив на ноги, она побежала изо всех сил вдоль стены, чтобы добраться до противоположной стороны стены крепости.

Существа при ее появлении издали какие-то странные свистящие звуки. Бросив взгляд через плечо, она обнаружила, что они преследуют ее.

Раздались голоса, требующие, чтобы беглянка остановилась. Она не обращала на них внимания. Не обогнув и половины стены, она поняла, что ее шансы на спасение велики. Преследователи намного уступали ей в скорости. Она была уже на пути к спасительным холмам, но тут же ситуация изменилась: между ней и холмами на поле работали сотни таких же созданий, что и ее преследователи. Все они прекратили работу, встревоженные криками и командами. Приказы и распоряжения зазвучали повсюду, в результате чего перед нею широким полукругом встали полуголые люди с отвратительными головами. Она повернула направо, надеясь обогнуть их, но и там с полей подбегали все новые работники. То же самое творилось и слева. Но Тара из Гелиума не пожелала признать свое поражение. Без промедления она побежала прямо в центр преградившей ей дорогу цепочки и на бегу выхватила свой длинный острый кинжал. Следуя примеру своего отца, она предпочла погибнуть в борьбе. В тонкой цепи, преграждавшей ей дорогу, были просветы, к одному из них

она и направилась. Головастики разгадали ее намерения и сомкнули цепь, но это увеличило промежутки в других местах, и, когда казалось, что девушка уже у них в руках, она резко развернулась, пробежала несколько ярдов вправо и вновь устремилась к холмам. Теперь лишь один воин преграждал ей путь к свободе, а остальные бежали к ней из всех сил. Если она сумеет преодолеть его, не задерживаясь, она спасена. Осталась последняя надежда. Воин понял это, ибо двигался хотя и быстро, но осторожно.

Сначала она надеялась увернуться от него, так как думала, что проворнее этих созданий, но вскоре поняла, что потеряла слишком много времени, пытаясь увернуться от его рук, так как еще несколько воинов уже были рядом с нею, делая ее затею почти безнадежной. Тогда она решила броситься прямо на своего противника. Он понял ее намерение и поджидал с мечом в руке, широко расставив руки и ноги и наклонившись вперед. Вдруг прозвучала решительная команда:

— Взять живой! Не пораньте ее!

Воин немедленно вложил меч в ножны, а в следующее мгновение Тара была рядом с ним. Она прыгнула вперед и, когда воин попытался ухватить ее обеими руками, глубоко вонзила острый кинжал в обнаженную грудь. От толчка оба упали, а когда Тара вновь поднялась на ноги, она, к своему ужасу, увидела, что отвратительная голова скатилась с тела и унеслась прочь на шести коротких паучьих ножках. Тело содрогнулось в агонии и замерло. Все это заняло несколько мгновений, но и их оказалось достаточно для того, чтобы два других преследователя оказались рядом с девушкой, а вскоре ее окружили со всех сторон. Лезвие ее кинжала еще раз вонзилось в чью-то грудь, и еще одна голова отбежала прочь. Затем воины одолели ее, окружили и стали тянуть к ней руки. Вначале она подумала, что они хотят разорвать ее на части в отместку за смерть двух своих товарищей, но неожиданно заметила, что ими движет любопытство, а не месть.

— Идем,— сказал один из тех двоих, кто первыми схватили ее. Говоря это, он попытался увести ее к ближайшей крепости.

— Она принадлежит мне! — закричал другой. — Разве не я захватил ее? Она пойдет со мной к крепости Моака.

— Никогда! — настаивал первый. — Она Лууда. Я отведу ее к Лууду, а тот, кто против, испытает остроту моего меча на своей голове! — Последнее слово он выкрикнул особенно громко.

— Пошли, достаточно спорить, — сказал один из стоявших рядом, который, как ей показалось, обладал властью над другими. — Она поймана на полях Лууда и пойдет к Лууду.

— Ее обнаружили на полях Моака, в нескольких шагах от крепости Моака, — продолжал настаивать тот, кто пытался доказать, что она принадлежит Моаку.

— Ты слышал, что сказал Волах? — воскликнул его оппонент. — Будет так, как он сказал!

— Нет, до тех пор, пока у меня в руках меч, — ответил первый. — Лучше я разрублю ее пополам и отнесу свою половину к Моаку, а оставшаяся часть пусть достанется Лууду. — И он угрожающе положил руку на рукоять меча. Но прежде чем он успел вытащить меч, воин Лууда вытащил свой и с силой ударил своего противника по голове. Немедленно большая круглая голова лопнула, как надувной воздушный шарик, и из нее брызнуло сероватое полужидкое вещество. Маленькие глазки, лишенные век, продолжали таращиться, мышцы рта продолжали двигаться, затем голова свалилась с тела на землю. Тело мгновение стояло неподвижно, потом медленно, вяло и бесцельно двинулось прочь, пока двое воинов не схватили его за руки.

Одна из двух голов, отбежавших в сторону, теперь приблизилась.

— Этот рикор принадлежит Лууду — сказала она. — Я из крепости Лууда. Я забираю его. — И без дальнейших рассуждений начала карабкаться вверх по безголовому телу, используя свои шесть коротких паучьих ножек и две крепкие клешни, росшие перед лапами. Они и напоминали клешни земных раков, только росли с одной стороны. Тело в это время абсолютно равнодушно стояло прямо, безвольно свесив руки по сторонам. Голова вскарабкалась на плечи и уселась в кожаный воротник, который скрыл ее клешни и лапы. Тело немедленно проявило признаки разумного оживления. Оно подняло руки и принялось поправлять воротник, затем взяло голову в ладони и устроило ее поудобнее.

Теперь, когда оно двигалось, его движения не казались бесцельными, напротив, шаги стали твердыми и на-

правленными к определенной цели. Девушка следила за этими превращениями с растущим удивлением. Вслед за тем, поскольку никто из людей Моака больше не претендовал на нее, ее повели к ближайшей крепости. Несколько человек сопровождали ее, один из них нес в руках голову, оставшуюся без тела. Голова, которую он нес, разговаривала с той, что сидела у него на плечах. Тара из Гелиума содрогнулась. Как это ужасно! Все, что она видела в этих отвратительных существах, было ужасно! И теперь она пленница и полностью в их власти! О, тень ее первого предка! Чем заслужила принцесса такую судьбу?

У стены, окружавшей крепость, они подождали, пока один из воинов открыл ворота, прошли в них и оказались в огороженном стеной пространстве, заполненном безголовыми телами. Существо, несшее голову, поставило свою ношу на землю. Голова немедленно побежала к ближайшему телу. Несколько таких тел бесцельно ползали взад и вперед, а одно лежало неподвижно. Это было женское тело. Голова взобралась на него, поползла до плеч и уселась между ними. Тело сразу встало. Кто-то подал ему доспехи и кинжал, а также воротник, снятые с тела, которое поразила Тара. Новое тело унаследовало эту одежду, его руки надели и поправили ее. Создание вновь приобрело законченный вид, каким было перед тем, как Тара вонзила свой кинжал ему в грудь. Только теперь оно стало женщиной. Она заметила, что для головы это не имело никакого значения. Еще во время бегства Тара из Гелиума обратила внимание, что преследователи одеты одинаково и в равной степени владеют оружием.

Девушке не пришлось долго разглядывать безголовые существа, так как отвратительный головастик, командовавший остальными, приказал им всем вернуться на поле, а сам повел девушку в крепость. Войдя в нее, они оказались в просторном помещении длиной в двадцать и шириной в десять футов. В одном из углов была лестница, ведущая наверх, в противоположном — другая лестница, но она уходила вниз. Помещение ярко освещалось. Свет проникал сквозь окна и шел из внутреннего двора в центре крепости. Стены внутреннего двора были выложены гладкими белыми изразцами, и все внутреннее помещение было залито ослепительным светом. Вот для чего внешняя поверхность стен была покрыта стеклянными призмами. Лестницы подсказали девушке, что строе-

ние это очень древнее, так как теперь на всем Барсуме для сообщения между этажами сооружают наклонные плоскости.

Существо, сопровождающее Тару из Гелиума, повело ее вниз по лестнице через вереницу комнат, освещенных таким способом. Им все время встречались такие же существа, интересовавшиеся Тарой.

— Я ничего не знаю. Она найдена в полях — там я и схватил ее, причем она убила двух рикоров, а я — воина Моака, теперь я веду ее к Лууду, которому она принадлежит. Дело Лууда решать, что делать с ней, — отвечал он всем любопытным.

Они попали в комнату, из которой шел длинный и круглый туннель, футов семь в диаметре с дорогой, выложенной по его дну. На протяжении ста футов его стены были убраны такими же изразцами, которые отражали свет со двора. Потом пошли стены, сложенные из камней разной формы и качества, составлявшие прекрасную мозаику без определенного рисунка. От главного туннеля отходили боковые коридоры, встречались и отверстия не более фута в диаметре. Эти отверстия всегда располагались на уровне пола. Над каждым таким небольшим ходом были нарисованы различные гербы, тогда как на стенах больших туннелей в местах пересечения были нанесены какие-то иероглифы. Девушка не могла прочесть их, хотя поняла, что это указатели пути. Она старательно вглядывалась в них, но так ничего и не поняла. Это удивило ее, так как у народностей Барсума в письменности встречается много общих знаков и слов.

Она попыталась было разговорить своего конвоира, но он не был склонен к беседе с ней, и Тара прекратила свои попытки. Но она заметила, что он не оскорблял ее и вообще не был с нею груб. То обстоятельство, что она своим кинжалом уничтожила два тела, казалось, не вызвало вражды или жажды мести у этих голов, увенчивающих тела, даже у той, чье тело она убила. Она и не пыталась ничего понять, так как не могла разобраться в странных отношениях между головами и телами. До сих пор их обращение с ней не давало ей повода для опасений. Возможно, что ей повезло и эти странные существа не только не причинят ей вреда, но и помогут добраться до Гелиума.

Она, конечно, не могла забыть, что они отвратительны, но они и не обижают ее, она постарается пре-

одолеть свое отвращение к ним. Надежда на лучшее вернула ей бодрость духа, и она с улыбкой повернулась к своему таинственному спутнику. Тара из Гелиума начала без слов напевать веселую песенку, популярную у нее дома. Сопровождавшее ее существо удивленно взглянуло на нее.

— Что за шум ты издаешь? — спросил он.

— Напеваю, — ответила она.

— Напеваешь? — повторил он. — Я не знаю, что это такое, но продолжай — мне это нравится.

Она запела, на этот раз со словами, а сопровождающий внимательно слушал. По его лицу было не понять, что у него на уме. Оно оставалось таким же бесстрастным, как и морда у паука.

Когда она закончила, он вновь обратился к ней:

— В чем разница? Мне это понравилось больше, чем прежде. Как ты это делаешь?

— Я пою, — ответила Тара. — Разве ты не знаешь, что такое «петь»?

— Нет, — сказал он. — Расскажи, как это делается.

— Это трудно объяснить, так как любое объяснение упирается в твое понимание мелодии и музыки, а по твоим вопросам я вижу, что ты ничего не знаешь об этом.

— Да, — ответил он. — Я не знаю, о чем ты говоришь, но все же расскажи, как ты это делаешь.

— Это всего лишь мелодические модуляции моего голоса, — объяснила она. — Слушай! — И она вновь запела.

— Я не понимаю, — настаивал он, — но мне очень нравится это. Ты можешь научить меня этому?

— Не знаю, но буду рада попробовать.

— Посмотрим, что сделает с тобой Лууд, — мудро заметил он. — Но если он не возьмет тебя, то возьму я, и ты будешь учить меня издавать такие же звуки.

По его просьбе она опять запела, и они продолжали свой путь по туннелю, который теперь был освещен редкими шарами, хорошо знакомыми Таре из Гелиума. Шары повсюду использовались на Барсуме так давно, что время их изобретения терялось в веках. Они состояли из сферической стеклянной чаши, наполненной веществом, которое Джон Картер называл радием, и давали свет бесконечно долго. Шар крепили к металлической плите, которую подвешивали к стене или потолку в зависимости от назначения помещения.

Продвигаясь все дальше, они встречали обитателей

подземных помещений, и девушка заметила, что их доспехи были украшены богаче, чем у работавших на полях. Но головы и тела, однако, у них были такие же. Ни один не причинил ей вреда, и она испытывала чувство облегчения, близкое к счастью, когда ее конвоир внезапно свернул в отверстие в правой стене туннеля, и она оказалась в большой светлой комнате.

ГЛАВА V

СОВЕРШЕННЫЙ МОЗГ

Песенка застыла на устах принцессы, когда она вошла в комнату. Ужасное зрелище предстало ее глазам.

В центре на полу лежало безголовое тело, начавшее разлагаться. По нему и возле него ползали с полдюжины голов на коротких паучьих ножках и клешнями отрывали от женского тела куски мяса, отправляя его в свои отвратительные рты. Они ели человеческое мясо, ели его сырым!

Тара в ужасе отвернулась и закрыла глаза руками.

— Идем! — сказал ей сопровождающий. — Что случилось?

— Они едят мясо женщины, — прошептала она с трепетом.

— А почему бы и нет? — удивился он. — Неужели ты думаешь, что мы используем рикоров только для работы? Нет, когда они хорошо откормлены, они очень вкусны.

— Это отвратительно! — воскликнула она.

Он внимательно посмотрел на нее, но его лишенное выражения чувств лицо ничего не отразило — ни удивления, ни гнева, ни сожаления. Затем он провел ее вдоль комнаты мимо ужасных созданий, от которых девушка отводила глаза. На полу вдоль стены лежало несколько безголовых тел в доспехах. Тара решила, что эти тела временно лишились голов и ждут, когда вновь придет пора нести службу. В стенах комнаты она заметила много маленьких отверстий на уровне пола, подобных тем, что видела раньше в туннеле. Их назначение было непонятно.

Они прошли через коридор и оказались в другой комнате, большей, чем первая, и ярче освещенной. Там они

застали несколько созданий с головами, сидящими на телах, но и здесь вдоль стен были уложены безголовые тела. Здесь конвоир остановил ее и сказал, обращаясь к присутствующим в комнате:

— Я ищу Лууда. Я привел Лууду создание, которое захватил в полях наверху.

Все принялись разглядывать Тару. Один из них при- свистнул, и тогда девушка узнала, для чего предназначены маленькие отверстия в стенах: вслед за свистом из них, как огромные пауки, вывалились десятки отвратительных голов. Каждая подбиралась к лежащему на полу телу и забиралась ему на плечи. Тела немедленно поднимались и проявляли признаки разумной деятельности, руководимые головами. Они вставали, поправляли руками воротники и наводили порядок в одежде, затем подходили к тому месту, где стояла Тара.

Она заметила, что их доспехи и воротники украшены гораздо богаче, чем у всех тех, кого она видела раньше, и следала вывод, что здесь собрались создания, обладающие властью над другими. И не ошиблась. Поведение ее конвоира подтвердило это предположение. Он почтительно обращался к ним.

Некоторые из них сразу попробовали, достаточно ли мягко ее тело, ущипнув пальцами, и девушка, оскорбленная этим, оттолкнула их руки.

— Не трогайте меня! — гневно воскликнула она. На их лицах ничего не отразилось, и она не могла сказать, испытывают ли они гнев или смеются, внушили ли ее действия уважение к ней или презрение. И только один из них заговорил.

— Она не слишком упитанна, — заметил он.

Глаза девушки широко раскрылись ут ужаса. Она повернулась к своему конвоиру.

— Это отвратительное создание съест меня? — воскликнула она.

— Будет так, как скажет Лууд, — ответил он, затем наклонился к ее уху. — Шум, который ты называешь песней, очень понравился мне, и я отплачу тебе советом: не перечь этим калданам. Они очень влиятельны, сам Лууд прислушивается к их мнению. Не называй их отвратительными. Они прекрасны! Взгляни на их дивные украшения, золото, драгоценные камни.

— Спасибо, — ответила она. — Ты назвал их калданами. Что это значит?

— Мы все калданы,— объяснил он.

— И ты тоже? — спросила она, указав пальцем на его грудь.

— Нет, не это,— объяснил он, дотрагиваясь до своего тела,— это рикор. А это,— он указал на голову,— это калдан. Это — мозг, разум, власть, управляющая всем остальным. Рикор,— он опять указал на тело,— ничто и значит не более, чем украшения на доспехах. Рикор носит нас. Конечно, мы испытываем определенные трудности, передвигаясь без него. Но он имеет меньшую значимость, чем доспехи или драгоценные камни, ибо его легче воспроизвести.— И он опять обернулся к собравшимся калданам.— Сообщили ли Лууду, что я здесь?

— Сент уже пошел к Лууду. Он скажет ему об этом,— ответили ему.— Где ты нашел этого рикора со странным калданом, который не может отделиться?

Конвоир вновь рассказал историю ее пленения. Он изложил факты без прикрас, голосом, лишенным выражения, как, впрочем и лицо, а сообщение воспринималось присутствующими так же бесстрастно, как и излагалось. Создания казались полностью лишенными эмоций, возможно, и способностью выражать их. Нельзя было понять, какое впечатление произвел на них рассказ, слышали ли они его. Их маленькие невыразительные глазки все так же, не мигая, смотрели по сторонам, а рты периодически открывались и закрывались. Более близкое знакомство не уменьшило ужаса девушки. Чем больше разглядывала она их, тем более отвратительными они казались. Ее тело все время содрогалось от отвращения, пока она рассматривала калданы, тела производили более приятное впечатление. Но безголовые тела, лежащие на полу, были так же отвратительны, как и с головами, но самое мерзкое впечатление у нее вызывали бегающие на паучьих лапках головы. Тара из Гелиума была уверена, что если одна из них подползет и коснется ее, она потеряет сознание от ужаса. Одна только мысль об этом кошмарном прикосновении вызывала у нее тошноту.

Сент вернулся в комнату.

— Лууд желает видеть тебя и твою добычу. Идем! — приказал он и направился к двери в стене, противоположной той, через которую вошла Тара.— Как тебя зовут? — обратился он к конвоиру.

— Я Чек, третий десятник полей Лууда,— ответил тот.

- А ее?
- Не знаю.
- Неважно. Идем!

Тара высоко подняла свои аристократические брови. Неважно! Она принцесса Гелиума, единственная дочь Владыки Барсума!

— Подожди! — сказала она. — Это очень важно. Если ты хочешь представить меня своему джеду, то объяви, что я принцесса Тара из Гелиума, дочь Джона Картера, Владыки Барсума!

— Попридержи язык! — приказал Сент. — И говори только тогда, когда тебя о чем-то спросят. Идем за мной!

От гнева Тара чуть не задохнулась.

— Идем! — повторил Чек, схватив ее за руку, и Тара послушно поплелась за ним. Что значили теперь ее титул и положение для этих бесчеловечных чудовищ, пленницей которых она была? Они провели ее по короткому коридору в комнату, стены которой были выложены белым изразцовым материалом, отчего комната была ярко освещена. У основания стены она увидела множество небольших круглых отверстий, несколько больших, чем в туннеле. Большая их часть была замурована. Прямо напротив входа была отверстие, отделанное золотом, над ним тем же драгоценным металлом был выложен какой-то герб.

Сент и Чек остановились посреди комнаты, и девушка оказалась между ними. Все трое молча стояли перед отверстием в противоположной стене. На полу у отверстия лежало безголовое мужское тело гигантских размеров, с обеих сторон отверстия стояли вооруженные воины с обнаженными мечами. Они прождали минут пять, когда из отверстия появился калдан огромного размера. Он был наполовину больше тех, кого уже встречала Тара, и гораздо отвратительнее. У всех калданов кожа имела синевато-серый цвет, а у этого калдана она была синей. Глаза его и рот окаймляли ленты белого и алого цветов. Из каждой ноздри-щели выходили по две ленты, белая и алая, и окутывали всю голову.

Никто не говорил и не двигался. Существо взобралось на лежащее тело и удобно устроилось у него на шее. Тело встало и приблизилось к девушке. Лууд взглянул на нее и заговорил с ее спутником.

- Ты третий десятник полей Лууда? — спросил он.
- Да, Лууд. Меня зовут Чек.

— Расскажи, что ты знаешь о ней,— он кивнул на Тару.

Чек повторил свой рассказ в который раз, затем Лууд обратился к девушке.

— Что ты делала в границах Бантума?

— Сильный ураган подхватил мой воздушный корабль и унес в неизвестные земли. Ночью я спустилась в долину за пищей и водой. Появились бенсы, загнавшие меня на дерево. А утром твои люди схватили меня, когда я пыталась выбраться из долины. Я не причинила им вреда. Все, чего я прошу, это разрешения свободно уйти.

— Пришедший в Бантум никогда не уходит из него,— ответил Лууд.

— Но мой народ не воюет с твоим. Я принцесса Гелиума, мой прадед джеддак, мой дед джед, мой отец Владыка Барсума. Ты не имеешь права задерживать меня здесь, я требую свободы.

— Пришедший в Бантум никогда не уходит из него,— бесстрастно повторило существо.— Я ничего не знаю о тех жителях Барсума, о которых говоришь ты. Есть лишь одна высшая раса — раса бантумиан. И вся природа призвана служить лишь им. А ты выступишь свое предназначение, но не теперь, поскольку ты еще слишком худа. Мы откормим ее, Сент. Мне надоел мой рикор. Может, у этого будет более приятный вкус. Странно, что какое-то существо могло пробраться в долину, ведь в ней так много бенсов. Тебя, Чек, я награжу. Я повышаю тебя в звании и перевожу с полей под землю. Отныне ты будешь находиться в подземельях, где место каждого истинного бантумианина. Больше тебе не нужно будет выносить свет ненавистного солнца и смотреть на безобразное небо и другие омерзительные создания природы. Ты должен присматривать за пойманным тобой рикором, следить за его питанием и сном, и больше ничего. Ты понял меня, Чек? Ничего больше!

— Я понял, Лууд,— ответил он.

— Уведите ее! — скомандовало существо.

Чек повернулся и повел Тару из помещения. Девушка была потрясена ужасной судьбой, ожидавшей ее. Казалось, спасения нет и не будет. Было совершенно ясно, что эти создания напрочь лишены каких-либо человеческих чувств, к которым она привыкла. Спасение из под-

земных лабиринтов представлялось ей абсолютно невозможным.

За пределами приемной комнаты их догнал Сент и о чем-то долго говорил с Чеком, затем последний повел ее по запутанной сети подземных коридоров, пока они не достигли небольшого помещения.

— Мы останемся здесь до тех пор, пока Лууд сам не придет за тобой. Если он решит, что ты недостаточно упитанна, он использует тебя для других целей.— Счастье, что девушка не поняла, о чем он говорит.

— Спой мне,— сказал вдруг Чек.

Таре совсем не хотелось петь, но она не хотела упускать возможность установить хорошие отношения со своим зрителем. Из последних сил она запела, а Чек стоял, устремив на нее взгляд.

— Чудесно,— сказал, он, когда она закончила,— я не стал говорить об этом Лууду. Если бы он узнал, то оставил бы тебя при себе и заставлял бы петь, когда ему захочется, а у меня не осталось бы возможности слушать тебя.

— Как ты можешь знать, что ему понравилось бы мое пение? — спросила она.

— Оно бы ему обязательно понравилось,— ответил ей Чек.— Если оно нравится мне, значит, понравится и ему, мы же совершенно одинаково все воспринимаем.

— Людям моего народа нравятся развальные вещи,— заметила девушка.

— Удивительно,— заметил Чек.— Всем калданами нравится и не нравится одно и то же. Если я нахожу что-то новое, что нравится мне, я уверен, что и остальным калданами оно понравится. Вот почему я уверен в том, что Лууду понравилось бы твоё пение. Мы ведь совершенно одинаковы.

— Но ты не похож на Лууда,— сказала девушка.

— Лууд — король,* он больше и богаче украшен. Но в остальном он ничуть не отличается от нас. Разве не Лууд произвел яйцо, из которого я вылупился?

— Что? — удивилась девушка.— Я не поняла тебя.

— Да,— объяснил Чек.— Все мы произошли из яйца

* Я использую слово «король» для обозначения вождя или правителя колданов, так как настоящее бантумианское слово непереводимо и произносится на английском и означает примерно то же, что на Земле выражение «пчелиная матка» (Прим. Джона Картера).

Лууда, так же как рой Моака произошел из яиц Моака.

— О! — понимающе воскликнула Тара.— Ты хочешь сказать, что у Лууда много жен, и что вы все — его потомки?

— Вовсе нет,— ответил Чек.— У Лууда нет жен. Он сам откладывает яйца. Ты не поняла.

Тара согласилась.

— Попытаюсь объяснить,— сказал Чек,— если ты потом споешь для меня.

— Обещаю!

— Мы достигли более высокой ступени развития,— начал он.— Рикоры — существа низшие, подобно тебе, бенсам и всем остальным. У нас нет пола, за исключением короля, который двупол. Он и производит множество яиц, из которых вылупляемся мы, рабочие и воины. В каждой тысяче яиц есть одно, которое содержит зародыш другого короля, из него-то и вылупляется король. Ты обратила внимание на замурованные отверстия в приемном зале Лууда? В каждом из них находится король. Если кто-то из них сумеет выбраться оттуда, ему предстоит борьба с Луудом за право стать королем. Если он победит, то станет новым королем. Но звать его будут тоже Лууд, и все пойдет по-прежнему, разве мы не одинаковы? Лууд живет уже очень долго и произвел множество королей, но только несколько из них живы и являются наследниками, если он умрет. Остальных он убивает.

— А почему он держит несколько наследников? — спросила девушка.

— Бывают несчастные случаи,— ответил Чек,— когда погибают все короли в рое. Тогда мы идем в соседний рой и берем короля у них.

— Значит, все вы — дети Лууда? — спросила она.

— Некоторые из нас произошли из яиц предыдущего короля, которого тоже звали Луудом. Но нынешний король живет уже очень давно, и в живых осталось мало потомков его предшественника.

— Долго ли вы живете? — опять задала вопрос Тара.

— Очень долго.

— А рикоры?

— Нет, рикор живет не более десяти лет,— сказал он,— пока остается сильным и полезным. Когда они не могут больше служить нам, постарев и одряхлев, мы оставляем их на полях, где ночью их съедают бенсы.

— Как ужасно! — воскликнула девушка.

— Ужасно?! — повторил он вслед. — Не вижу в этом ничего ужасного. Рикоры — всего лишь безмозглое мясо. Они не видят, не слышат, не чувствуют. Они могут передвигаться только с нами. Если мы не дадим им пищу, они умрут с голоду. Мыслей у них меньше, чем у наших доспехов. Единственное, что они умеют — достать пищу из кормушки и положить в рот. Но с нами — посмотри, — и он с гордостью указал на прекрасную фигуру, которую он увенчивал, полную жизни, энергии и чувств.

— Как вам это удастся? — спросила Тара из Гелиума. — Я не понимаю.

— Я покажу тебе, — сказал он и лег на пол. Затем отделился от тела, которое стало неподвижным. На своих паучьих лапках он подошел к Таре. — Смотри, видишь это? — И он показал ей пучок щупалец в задней части головы. — Рядом со ртом рикора есть отверстие, в которое выходит позвоночник. Через это отверстие я проникаю в спинной мозг рикора и начинаю контролировать каждую мышцу его тела, оно становится моим телом, я владею им, как ты владеешь своим. Я чувствую то, что чувствовал бы рикор, если бы у него была голова и мозг. Если он ранен, я страдаю с ним, пока связан с ним. Но если рикор ранен или заболел, мы оставляем его и берем другого. Точно так же мы ощущаем и физическое удовольствие. Если твое тело изнурено, ты беспомощна. Если телу больно, тебе тоже больно. Если оно убито, ты умираешь. Ты раба глупой массы мяса, костей, крови. Твое тело мало чем отличается от тела бенса. Только твой мозг делает тебя выше бенса, но твой мозг неразрывно связан с телом. У нас совсем не так. Наш мозг — это все. Он составляет девяносто процентов нашего веса. Мы имеем лишь простейшие жизненные органы, но не нуждаемся в совершенных и сложных системах мышц, нервов, мяса и костей. У нас нет легких, и нам не нужен воздух.

Далеко внизу, куда нет доступа рикорам, раскинулась сеть наших лабиринтов, где сосредоточена истинная жизнь калданов. Там нуждающиеся в воздухе рикоры погибли бы, как погибла бы и ты. Там мы запасаем огромное количество пищи в герметически замурованных помещениях на будущее. Глубоко под землей есть вода, которая сохранится и тогда, когда она исчезнет с поверхности Барсума.

Мы уже теперь готовимся к тому времени, которое обязательно настанет. С поверхности Барсума исчезнут пища и вода, иссякнет воздушная масса, окружающая планету. К тому ужасному времени мы и готовимся, ибо не должно исчезнуть с лица планеты одно из самых удивительнейших ее созданий — совершенный мозг.

— Но чему он будет служить, какой цели, когда придет это время? — спросила девушка.

— Ты не понимаешь, — ответил он, — для твоего разума это слишком трудно, но я постараюсь объяснить. Барсум, его луны, солнце, звезды — все создано с единой целью. С начала времен природа энергично работала над осуществлением этой цели. Сначала появилась жизнь, но она была лишена мозга — разума. Постепенно возникли зачатки нервной системы, она развивалась. Мозг становился все больше и больше. В нас ты видишь высшее достижение природы. Среди нас есть такие, которые верят, что мы разовьемся в сверхрасу, в супермозг. Исчезнут лапы, клешни и прочие жизненные органы. Будущие калданы будут представлять собой сплошной мозг, глухой, немой и слепой, который будет лежать замурованным в подземном склепе, где ничто не помешает его вечным мыслям.

— Вы думаете, что он будет только лежать и думать? — воскликнула Тара.

— Только это! — ответил Чек. — Что может быть чудеснее?

— Да, — ответила девушка, — я могу представить себе множество более чудесных занятий.

ГЛАВА VI

В ОБЪЯТИЯХ УЖАСА

Рассказ Чека дал Таре пищу для размышлений. Она считала, что каждое существо создано с какой-то определенной целью, и попыталась угадать истинное место калданов во всеобщей жизненной схеме. Они напоминали ей немногочисленную группу жителей Гелиума, которые в погоне за знаниями отреклись от жизненных радостей, свысока относились к тем, кого считали не интеллектуалами, себя же относя к высшей расе. Она улыбнулась, вспомнив замечание отца о том, что, если бы кто-нибудь

из них сжег свой эгоизм, дым окуривал бы Гелиум целую неделю. Ее отец любил нормальных людей. Те, что знали слишком мало, и те, что были слишком напичканы знаниями, одинаково не нравились ему. В этом Тара разделяла точку зрения отца.

Помимо угрожавшей ей опасности в этой чужой стране она встретила немало интересного. Рикоры вызывали у нее жалость и массу вопросов. Как и от кого они произошли? Она спросила об этом Чека.

— Спой мне еще, а я расскажу тебе, — сказал он. — Если Лууд отдаст тебя мне, ты никогда не умрешь. Я буду держать тебя при себе, а ты будешь петь.

Девушка удивилась воздействию своего голоса на это существо. Где-то в этом огромном мозгу находился участок, задетый ее пением. Это было единственное связующее звено между нею и его мозгом, когда он был отделен от рикора.

Когда он руководил рикором, у него могли появиться и другие человеческие чувства, но девушка боялась и думать об этом. Спев очередной раз, она ждала, когда Чек заговорит. Он долго молчал, глядя на нее своими выпученными глазами.

— Я думаю, — вдруг сказал он, — что приятно принадлежать к твоей расе. Вы все поете?

— Почти все, — ответила она, — но у нас есть множество других интересных и приносящих радость занятий. Мы танцуем, играем, работаем, любим, а иногда и воюем, так как мы раса воинов.

— Любость! — сказал калдан. — Кажется, я понимаю, что ты имеешь в виду. К счастью, мы лишены чувств, но это пока отделены от рикора. Но когда мы составляем единое целое — это большая разница. Слушая твое пение и глядя на твое прекрасное тело, я начинаю понимать, что такое любовь! Я мог бы полюбить тебя!

Девушка отшатнулась от него.

— Ты обещал рассказать мне о происхождении рикоров, — напомнила она.

— Много веков назад, — начал он, — наши тела были больше, а головы меньше. Наши слабые ноги не позволяли передвигаться долго и далеко. В долине жило глупое существо, передвигавшееся на четырех лапах. Оно жило в земляных норах, куда приносило свою пищу. Мы стали рыть свои ходы в его норе и забирать ее, но еды не хватало на всех, поэтому калданы вынуждены были выходить и

добывать пищу. Это была невыносимо тяжелая работа для наших слабых ног. Тогда мы стали ездить верхом на спинах тех примитивных рикоров. Прошло, несомненно, много веков, когда наконец калданы нашли способ управлять рикорами и полностью подчинили их себе, так что мозг калдана руководил всеми движениями рикора, а мозг последнего все уменьшался и со временем совсем исчез. Исчезли его глаза и уши, так как они были не нужны ему. Калдан видел и слышал за него. Калданы приучили рикоров передвигаться на задних конечностях, так как нужно было видеть как можно дальше. Вместе с мозгом рикора исчезла и голова. Рот был единственным элементом головы, который использовался, поэтому он сохранился. Иногда в руки наших предков попадали представители красной расы. Наши предки, оценив красоту и удобство тел пришельцев, развивали рикоров в этом направлении. Итак, благодаря разумному руководству калданов появился и современный рикор. Он продукт сверхмощного мозга калданов, он тело нашего мозга, с его помощью мы делаем все необходимое, как это делаете вы при помощи рук и ног. Но у нас важное преимущество: мы можем выбирать себе тела и менять их. Разве ты не хотела бы быть калданом?

Тара не знала уже, как долго она находится в подземном лабиринте. Казалось, что прошло очень много времени. Она ела, спала и следила за бесконечным потоком созданий, проходивших мимо входа в ее тюрьму. В одном направлении они шли с грузом — пища, пища, пища! В другом возвращались с пустыми руками. Наблюдая за ними, она знала, что наверху день. Когда они исчезали, она знала, что наступила ночь, и бенсы поедают рикоров, оставленных на полях накануне днем. Она стала худеть и бледнеть. Ей не нравилась их пища, но даже если бы ей давали очень вкусную еду, она не стала бы есть много, боясь потолстеть. Идея полноты имела здесь новый ужасный смысл.

Чек заметил, что она худеет, слабеет и бледнеет. Он сам заговорил с ней об этом, и девушка объяснила, что ей не нравится жизнь под землей, что ей нужен свежий воздух и солнечный свет, или она и дальше будет слабеть и в конце концов умрет. Очевидно, он передал ее слова Лууду, так как вскоре объявил ей, что король распорядился перевести ее в крепость. Даже просто вновь увидеть солнце было счастьем, к тому же у нее вновь появится

надежда на бегство, о чем она и не мечтала раньше, поскольку без посторонней помощи ей было не выбраться из запутанных подземных лабиринтов.

У Тары из Гелиума вновь появилась надежда. Раз она снова увидит холмы, разве не будет возможности достичь их? Ей понадобятся всего лишь десять минут, чтобы добежать до них. Корабль все еще там, она помнила, где спрятала его. Всего десять минут, и она свободна, свободна и далека от этого ужасного места. Но шли дни, а она ни на минуту не оставалась одна. Она постоянно обдумывала план спасения. Если бы не свирепые бенсы, ей удалось бы бежать ночью. Чек ночью всегда отделяется от тела и проводит эти часы в полудреме. Нельзя было точно утверждать, что он спит, так как на его глазах не было век и они всегда оставались открытыми. Ночью он неподвижно лежал в углу. Тара тысячи раз проигрывала в уме сцену спасения. Она подбежит к рикору и выхватит меч, висящий на его доспехах. Она успеет сделать, прежде чем Чек сообразит, что происходит, и раньше, чем он поднимет тревогу, она опустит лезвие меча на эту отвратительную голову. Всего за несколько мгновений она достигнет ограда. Рикоры не остановят ее, у них нет мозга, чтобы понять, что она убегает. Она много раз видела из окна, как открывают и закрывают ворота, выходящие в поле, и знает теперь, как справиться с замком. Она откроет его, выбежит и понесется к холмам. Они так близки, что ее не смогут догнать. Так просто! Было бы просто, если бы не бенсы. Бенсы ночью, а работники на полях днем!

Заключенная в крепости, лишенная движений, девушка не становилась такой, какой ее хотели видеть калданы. Чек спросил ее, почему она не полнеет. Ведь сейчас она выглядит хуже, чем в тот момент, когда ее захватили. Такие вопросы ей задал и Лууд. Они-то и позволили Таре выработать новый план спасения.

— Я привыкла гулять на свежем воздухе при свете солнца,— заявила она Чеку.— Я не могу быть такой, как прежде, сидя взаперти и дыша затхлым воздухом. Разрешите мне выходить ежедневно на поля и гулять там на солнышке. Тогда, я уверена, я вскоре буду толстой и красивой.

— Ты попытаешься убежать,— сказал он.

— Но как я могу убежать, если ты всегда со мной? — спросила она.— И даже если я попробую бежать, куда я

пойду? Я даже не знаю, в каком направлении Гелиум. Наверное, очень далеко. В первую же ночь меня растерзают бенсы, разве не так?

— Ты права,— сказал Чек.— Я спрошу об этом Лууда.

На следующий день он сообщил, что Лууд разрешил ей выйти на поля. Он подождет еще несколько дней и проследит за ее успехами.

— Если ты не станешь толще, он использует тебя для других целей,— сказал Чек,— не как пищу.

Тара содрогнулась.

В этот день и все последующие она выходила из крепости и через ворота попадала на поля. Она постоянно искала возможность убежать, но Чек всегда был рядом.

Но не столько его присутствие удерживало ее от бегства, сколько многочисленные работники, всегда находившиеся между нею и холмами, где стоял ее корабль. Она легко бы избавилась от Чека, но работников было слишком много. Однажды, выходя на поля, Чек сказал ей, что это ее последний выход.

— Вечером ты пойдешь к Лууду,— сказал он.— Мне очень жаль, что я больше не услышу твоего пения.

— Вечером! — Она с трудом перевела дыхание, голос ее задрожал от ужаса.

Она быстро взглянула на холмы. Они были так близко! Однако между нею и ими было не менее двух десятков работников.

— Пойдем туда,— попросила она, указывая в их сторону.— Я хочу посмотреть, что они делают.

— Слишком далеко,— ответил Чек.— Я ненавижу солнце, а здесь, в тени под деревьями, гораздо приятней.

— Хорошо,— согласилась она,— оставайся здесь, а я пойду туда. Это займет не более минуты.

— Нет,— ответил он.— Я пойду с тобой, ты хочешь убежать, но тебе это не удастся.

— Я не могу убежать.

— Я знаю,— согласился он,— но ты можешь попытаться. Я не советую тебе делать этого. Может, лучше вернуться в крепость? Если ты убежишь, мне придется туго.

Тара видела, что теряет последний шанс. Других больше не будет. Она искала хоть какой-нибудь предлог, чтобы приблизиться к холмам.

— Я прошу немного,— сказала она.— Вечером ты

попросишь, чтобы я спела. Это будет в последний раз. Если ты не позволишь мне подойти и посмотреть, что делают эти калданы, я никогда не буду петь для тебя.

Чек колебался.

— Я буду все время держать тебя за руку,— сказал он.

— Пожалуйста, если хочешь,— согласилась она.— Пойдем!

Они двинулись к рабочим, в сторону холмов. Небольшая группа калданов выкапывала клубни из земли. Она заметила, что все они заняты своей работой, их отвратительные глазки были устремлены вниз. Она подвела Чека совсем близко к ним, говоря, что хочет внимательно рассмотреть их работу. Все это время он крепко держал ее за руку.

— Очень интересно,— сказала она со вздохом,— затем вдруг резко обернулась и крикнула, указывая на крепость,— смотри, Чек!

Калдан, державший ее, отвернулся и посмотрел в указанном ею направлении. В тот же миг она с ловкостью бенса ударила его кулаком, вложив в удар всю свою силу. Она ударила прямо в затылок его мягкой головы, как раз над воротником. Удар оказался удачным. Он выбросил калдана из гнезда на плечах рикора на землю. Тут же рука, сжимавшая ее запястье, разжалась, не контролируемая больше. Рикор неуверенным шагом отошел на немного, опустился на колени и лег. Но Тара уже не видела этого. Как только пальцы разжались, она бросилась бежать к холмам. Одновременно с губ Чека сорвался предупредительный свист. Работники распрямились, а один из них оказался как раз на пути Тары. Она удачно увернулась от его раскинутых рук и вновь побежала к холмам, к свободе. Неожиданно она споткнулась об инструмент, вроде мотыги, который лежал немного присыпанный землей. Спотыкаясь, она побежала дальше, пытаясь восстановить равновесие, но ее нога все вязла в грядках, она снова спотыкалась, но бежала дальше. Споткнувшись в очередной раз и упав, она ощутила на себе чье-то тяжело навалившееся тело, еще мгновение — и она окружена. Ее поставили на ноги; оглядевшись, она увидела, как Чек подобрался к своему безвольному рикору и чуть позже подошел к ней...

Отвратительное лицо, не способное выражать чувства, по-прежнему ничего не выражало. Что творилось у него в

мозгу? Был ли это гнев или ненависть? Или жажда мести? Тара не знала, да ее это и не интересовало. Случилось самое худшее. Она попыталась убежать и потерпела неудачу. Другой возможности не будет.

— Идем! — сказал Чек. — Мы возвращаемся в крепость.

Ровный голос его не изменился, это было хуже, чем гнев, ибо полностью скрывало его намерения. Ее ужас перед этим гигантским мозгом, совершенно лишенным человеческих чувств, усилился.

Ее снова отвели в комнату в крепости, и Чек снова заступил на дежурство, сидя на корточках у входа, но теперь он держал в руке обнаженный меч и никогда не оставлял рикора, лишь иногда его сменял другой калдан, когда Чек отдыхал и ел. Девушка сидела и следила за ним. Он не был с ней грубым, но она не чувствовала благодарности, хотя, с другой стороны, у нее не было к нему ненависти. И лишь все возрастающее чувство ужаса жило в ней. Она как-то слышала, как ученые обсуждали будущее красной расы, и вспомнила, что некоторые утверждали, что со временем мозг будет занимать все большее место. Не останется действий, совершаемых по инстинкту, и чувств также не будет, ничего нельзя будет сделать без обдумывания. Напротив, разум будет руководить каждым действием. Сторонники этой теории утверждали, что в этом состоит будущее счастье человечества. Тара из Гелиума от всей души желала, чтобы эти ученые, подобно ей, на себе испытали свою теорию.

Мрачные мысли одолели Тару, когда она ожидала посланцев Лууда, посланцев, которые для нее значили бы только одно — смерть. Она знала, что найдет способ покончить с собой в крайнем случае, но пока все еще цеплялась за надежду и за жизнь. Она не сдастся, пока будет хоть малейшая возможность бороться. Она заставила Чека вздрогнуть, громко и яростно выкрикнув:

— Я еще жива!

— Что это значит? — спросил калдан.

— То, что я сказала, — ответила она. — Я еще жива, и пока я жива, могу найти выход. Смерть, только смерть лишит меня всех надежд.

— Найти выход к чему? — спросил он.

— К жизни, свободе, к другим людям, — пояснила она.

— Вошедший в Бантум, никогда не покидает его,— пробубнил он.

Она не ответила. Немного помолчав, он сказал:

— Спой мне.

Во время пения появились четыре воина, чтобы отвести ее к Лууду. Они сказали Чеку, что он должен остаться здесь.

— Почему? — спросил он.

— Ты разгневал Лууда,— ответил один из них.

— Каким образом? — потребовал объяснения Чек.

— Ты подвергся опасному влиянию. Ты разрешил чувствам воздействовать на тебя, и это свидетельствует о том, что ты дефективный. Ты знаешь, какова судьба дефективных?

— Я знаю судьбу дефективных, но я не дефективный,— возразил Чек.

— Ты позволил странному шуму, исходящему из ее горла, смягчить тебя, прекрасно зная, что чувства находятся вне логики. Само по себе это служит явным доказательством твоей ненормальности. Затем, побуждаемый, несомненно этими чувствами, ты разрешил ей выйти в поля, где она вполне могла бы убежать. Остатки твоего разума должны сказать тебе, что ты уже ненормален. Единственным и разумным выходом является уничтожение. Тебя уничтожат в назидание остальным калдана из роя Лууда. До тех пор ты останешься здесь.

— Вы правы,— спокойно ответил Чек.— Я останусь здесь и буду ждать, пока Лууд не прикажет уничтожить меня наиболее целесообразным путем.

Тара бросила на него удивленный взгляд, когда ее уводили из комнаты. Через плечо она бросила ему:

— Помни, Чек, ты еще жив!

В сопровождении воинов она отправилась по запутанным коридорам туда, где ее ждал Лууд.

Когда ее привели в приемный зал, Лууд сидел в углу, поджав под себя все свои шесть лапок. У противоположной стены лежал его рикор, чье прекрасное тело было одето в сверкающие доспехи — бездушная вещь без руководящего ею калдана. Лууд отослал воинов, которые привели пленницу. Затем принялся молча разглядывать ее своими ужасными глазами. Тара ждала. Она могла только гадать о том, что будет дальше и когда настанет время бороться с ним. Внезапно Лууд заговорил:

— Ты думаешь о спасении,— сказал он своим бес-

чувственным, лишенным всякой интонации, монотонным голосом.— Но ты не спасешься. Ты всего лишь воплощение двух несовершенных начал — несовершенного мозга и несовершенного тела. Эти два начала не могут существовать вместе в совершенстве. Вот совершенное тело,— и он указал на рикора,— оно лишено мозга. А вот здесь,— он указал лапой на свою голову,— совершенный мозг. Он не нуждается в теле для своего функционирования в качестве мозга. Ты пытаешься противопоставить свой слабый разум моему. Даже теперь ты думаешь, как бы уничтожить меня. Сейчас ты на себе испытываешь силу моего мозга. Я — мысли! Ты — материя! Твой мозг слишком мал и слабо развит, чтобы именоваться мозгом. Он не имеет ценности. Ты не сможешь убить меня. И себя не сможешь убить. Тебя убьют, если в этом будет логическая необходимость. Ты не можешь представить себе всех возможностей, заключенных в совершенно развитом мозге. Посмотри на этого рикора. У него нет мозга. По своей воле он может лишь еле двигаться. Врожденный инстинкт, который мы оставили ему, заставляет его класть пищу в рот. Но он не может сам добыть ее. Мы кладем пищу в кормушку всегда в одно и то же время и на одно и то же место. Если мы положим пищу к его ногам и оставим его одного, он умрет с голоду. Теперь посмотри, что может сделать настоящий мозг.

Он повернулся и устремил пристальный взгляд на безголовое тело. Неожиданно оно начало двигаться. Оно медленно встало на ноги и пошло через комнату к Лууду. Наклонившись, оно взяло отвратительную голову в руки и посадило ее себе на плечи.

— Что ты против такой силы? — спросил Лууд.— То, что я сделал с рикором, я могу сделать и с тобой.

Тара не отвечала. Всякий ответ был бесполезен.

— Ты сомневаешься в моих способностях! — заявил Лууд, и это было правдой, хотя девушка ничего не говорила, а только подумала.

Лууд пересек комнату и лег на пол. Затем он отделился от тела и пополз, пока не встал прямо против круглого отверстия, через которое появился в тот день, когда девушка впервые увидела его. Здесь он остановился и устремил на нее свои ужасные глаза. Он молчал, но глаза его, казалось, проникали в самую глубину ее мозга. Она

почувствовала, как какая-то непреодолимая сила тянет ее вперед, к калдану. Она попыталась освободиться, попробовала отвести глаза в сторону, но не смогла.

Тара, как зачарованная, глядела в безвекие глаза огромного мозга. Медленно, с каждым шагом борясь за свое освобождение, она приближалась к ужасному чудовищу. Она пыталась громко крикнуть, надеясь таким образом освободиться от его власти, но ни один звук не слетел с ее уст. Если бы он хоть на мгновение отвел взгляд, она овладела бы своими движениями, но глаза не отрывались от нее. Казалось, они проникают в нее все глубже и глубже, уничтожая последние остатки ее собственной нервной системы.

Когда она приблизилась, Лууд медленно поднялся на своих паучьих лапках. Она заметила, что он медленно водит челюстями и в то же время отступает к круглому отверстию в стене. Неужели она пойдет за ним? Какой новый кошмар скрывается в соседнем помещении? Нет! Она не сделает этого. Тем не менее, приблизившись к стене, она опустилась на колени и поползла к круглому отверстию, из которого на нее глядели жуткие глаза. На пороге у входа в отверстие она сделала последнюю попытку, побороть власть увлекающих ее глаз, но в конце концов вынуждена была сдаться. Со вздохом, перешедшим в рыдание, Тара из Гелиума пробралась сквозь отверстие в следующую комнату.

Отверстие оказалось достаточно широким для нее. Пройдя сквозь него, она попала в маленькую уютную комнату. Перед ней по-прежнему был Лууд. У противоположной стены лежал могучий прекрасный мужчина-рикор. Он был без доспехов и украшений.

— Ты видишь теперь,— сказал Лууд,— бесполезность сопротивления?

Его слова вывели ее из оцепенения. Она быстро ответила взгляд.

— Смотри на меня! — приказал Лууд.

Тара упрямо смотрела в сторону.

Она ощутила прилив новых сил, власть Лууда над ней ослабла. Неужели она раскрыла секрет его власти над ее волей? Она не смела надеяться на это. С отведенным от него взором она повернулась к отверстию, через которое эти зловещие глаза привели ее. Лууд вновь приказал остановиться, но его голос уже не имел власти над нею. Она услышала свист и поняла, что Лууд зовет на помощь. Но

так как она не смела оглянуться, то не видела, что он сосредоточил свой взгляд на большом безголовом теле, лежавшем у дальней стены.

Девушка все еще находилась под влиянием страшного существа. Она не освободилась полностью и не обрела полной самостоятельности. Она двигалась как во сне, вяло, медленно, сгибаясь словно под огромной тяжестью, будто пробиралась сквозь вязкую смесь. Отверстие было близко, совсем рядом, но как трудно до него добраться!

За ней, повинаясь приказам огромного мозга, двинулось огромное безголовое тело. Наконец она достигла отверстия, что-то подсказывало ей, что за ним власть калдана полностью развеется. Она уже почти пробралась в приемный зал, когда почувствовала сильную руку на своей лодыжке. Рикор догнал ее и, хотя она сопротивлялась, втащил обратно в комнату Лууда. Он крепко держал ее, прижимая к себе, и вдруг, к ее ужасу, начал гладить ее.

— Ты слышишь меня? Теперь ты поняла всю бесполезность сопротивления? — услышала она ровный голос Лууда.

Тара пыталась бороться, но ее охватила ужасная слабость. Она все-таки продолжала бороться перед лицом безнадежного ужаса, бороться за честь гордого имени, которое она носила, она, ради которой отдавали жизни прекрасные воины могучих империй, цвет барсумского рыцарства.

ГЛАВА VII

ОТТАЛКИВАЮЩЕЕ ЗРЕЛИЩЕ

Крейсер «Ванатор» раскачивался под ударами бури. То, что он не упал и не разбился на мелкие кусочки, было всего лишь капризом природы. В течение всего шторма он летел безо всякой надежды на спасение, подгоняемый ударами урагана. Но все же корабль и его храбрый экипаж почувствовали, что ураган стихает. Это произошло через час после катастрофы — катастрофы и для экипажа, и для всего государства Гатол.

Воины с момента вылета из Гелиума были без пищи и воды, многие получили ранения, все изнемогали

от усталости. Во время краткого затишья один из членов экипажа попытался добраться до своей каюты, отцепив привязной ремень, который удерживал его на палубе. Он нарушил приказ и на глазах всех членов экипажа поплатился за это. Едва воин отстегнул привязной ремень, как чудовищный шквал ветра развернул корабль, подбросив его в воздухе. При первом же повороте воин полетел за борт.

Вырванные из своих гнезд непрерывными поворотами и рывками ветра, носовые и кормовые снасти корабля висели под килем, образуя огромный клубок веревок и ремней.

В него и угодил воин, и как утопающий хватается за соломинку, так и он ухватился за веревку, задержавшую его падение. Напрягаясь изо всех сил он цеплялся за эту веревку, пытаясь закрепить ноги. С каждым новым порывом ветра руки его слабели, и он знал, что силы его покинут, и он полетит вниз.

Все это и увидел Гохан, когда перегнулся через борт корабля. В одну секунду джед Гатола оценил ситуацию. Рядом с ним один из его людей глядел в глаза смерти.

Не колеблясь ни минуты, он отцепил свой привязной ремень, сбросил за борт веревочную лестницу и стал спускаться по ней. Качаясь как маятник, он отлетал в сторону и возвращался назад, одновременно вращаясь как волчок на высоте трех тысяч футов над поверхностью Барсума. Наконец он дождался момента, на который и рассчитывал.

Он пока еще не достал веревку с уцепившимся за нее воином, силы которого заметно таяли. Просунув ногу в петлю, образовавшуюся в запутанных канатах такелажа, чтобы ухватиться за веревку рядом с воином, он продолжал медленно двигаться по веревочной лестнице, на конце которой был закреплен крючок. Он успел зацепить его за кольцо на поясе воина как раз в тот момент, когда ослабевшие пальцы его выпустили веревку из рук. Убедившись, что его товарищ надежно закрепился, Гохан стал думать о собственном спасении.

Среди спутанных снастей болталось много других крюков. К одному из них он и решил прикрепиться сам и выждать, пока шторм немного утихнет и позволит ему взобраться на палубу, но как только он попытался дотянуться до одного из крюков, тот отошел в сторону под воздействием очередного толчка. В ту же минуту другой

тяжелый металлический крюк, болтавшийся в воздухе, ударил джеда Гатола прямо между глаз.

Оглушенный Гохан разжал пальцы и полетел вниз к поверхности Марса с высоты трех тысяч футов. Крейсер «Ванатор» унесся вдаль, а верные воины джеда, цепляясь за свои ремни, даже не подозревали о судьбе своего любимого вождя.

Лишь час спустя, когда шторм немного утих, они обнаружили, что его нет, и догадались о трагедии. В это время «Ванатор» уже держался горизонтально, но сильный ветер по-прежнему уносил его. Воины смогли отстегнуть свои ремни, офицеры принялись обследовать корабль. Слабый крик привлек всеобщее внимание. За бортом они обнаружили воина, висевшего на веревке под килем. Сильные руки подняли его на палубу, и только тогда экипаж узнал о героической гибели своего джеда. Они могли только предполагать, как далеко их отнесло от места его падения. Корабль не мог тотчас же вернуться и начать поиски. Опечаленный экипаж продолжил свой путь по воле ветра навстречу неминуемой судьбе.

А Гохан, джед Гатола, что же случилось с ним? Подобно свинцовому грузу, пролетел он тысячу футов, потом вдруг шторм подхватил его и понес над землей. Как листок бумаги, летел он, став игрушкой могучих сил природы. То выше, то ниже, то вперед, то назад, но с каждым всплеском энергии ветра он постепенно приближался к поверхности. У таких вихрей случаются странные и необъяснимые капризы. Они с корнем вырывают и крушат гигантские деревья, и в то же время могут пронести многие мили беспомощного ребенка и опустить его невредимым вместе с колыбелью.

Так случилось и с Гоханом из Гатола. Ожидая каждую секунду неминуемую гибель, он вдруг понял, что мягко опустился на ярко-оранжевый мох, толстым слоем устилающий дно мертвого моря. Он был цел и невредим, не считая большой шишки на лбу, полученной от удара металлическим крюком. Едва способный поверить в то, что судьба сжалилась над ним, джед медленно встал, еще наполовину убежденный, что кости его разбиты и раздроблены и не выдержат его веса. Но он ошибся. Тогда он стал оглядываться, чтобы сориентироваться, но напрасно, так как воздух был полон пыли и летящих обломков. Солнца вообще не было видно. Совсем рядом

мог быть большой город, но он не увидел бы даже его куполов.

Не было смысла двигаться с места, пока пыль не уляжется и видимость не улучшится. Он сел на мох и принялся ждать, размышляя о судьбе своих воинов и корабля, но мало беспокоясь о своей собственной будущности. К его доспехам были прикреплены два меча, пистолет и кинжал. В походной сумке — небольшой запас пищи, обычной для воинов Барсума. Все это вместе с тренированными мускулами, храбростью и силой духа должно спасти его от тех опасностей, которые подстерегают его на пути в Гатол, хотя он и не представлял теперь, в каком направлении находится его родной дом.

Ветер постепенно ослабел, пыль медленно осела. Но воздух не просветлел до самой ночи, и раздосадованный Гохан был вынужден ждать наступления нового дня на том самом месте, куда занесла его буря. С восходом солнца воздух прояснился, и он увидел волнистую равнину, расстилавшуюся во всех направлениях. К северо-западу еле различались очертания невысоких холмов. К юго-востоку от Гатола располагалась подобная страна, и Гохан решил, что шторм отнес его именно в этот район. Он посчитал, что Гатол лежит за этими холмами, тогда как в действительности его родина была далеко на северо-востоке.

Двумя днями позже Гохан пересек равнину и взобрался на вершину холма, ожидая увидеть свою страну, но его ждало разочарование. Перед ним вновь открылась равнина, но еще большая, чем та, которую он пересек, а вдали опять виднелись холмы. Решив, однако, что Гатол лежит в том направлении, Гохан вступил в долину и направился к северо-западу.

Уже несколько недель Гохан из Гатола пересекал долины и холмы в поисках какого-нибудь знакомого ориентира, указавшего бы ему верное направление, но с вершины очередного холма по-прежнему открывался незнакомый мир. Он встречал мало животных и не встретил ни одного человека, пока не решил, что оказался в сказочных областях древнего Барсума — в богатой и обильной стране, жители которой отличались гордостью и высокомерием, за что были осуждены древними богами Марса на уничтожение.

Наконец однажды он взобрался на высокий холм и увидел долину, в которой росли плодовые деревья, возде-

ланные поля, участки земли, окруженные каменными стенами, в центре которых возвышались необычные круглые крепости. Он увидел людей, работавших на полях, но не торопился встретиться с ними. Прежде следовало выяснить, друзья они или враги. Под прикрытием густого кустарника он пробрался к краю холма и занял удобное для наблюдения место, откуда следил, лежа на животе, за ближайшими к нему работниками. Хотя расстояние до них было слишком большим, но он заметил в их фигурах что-то странное и необычное. Головы казались непропорционально большими по отношению к телам.

Долго лежал он так, наблюдая, и постепенно в нем крепло убеждение, что они отличаются от него и что было бы слишком опрометчиво показываться им на глаза. Вдруг он заметил небольшую группу, вышедшую из ближайшей крепости и направившуюся к тем людям, которые работали у его холма.

Гохан отметил, что один из вновь появившихся чем-то отличается от других. Даже на таком большом расстоянии было видно, что голова у него меньше. Когда они подошли ближе, Гохан разглядел, что и доспехи его отличались от доспехов, надетых на остальных. Эти двое часто останавливались, очевидно, споря: один хотел идти в направлении холмов, другой возражал. Но меньший победил в споре, и они подошли к работникам, возделывающим поля между крепостью, из которой они вышли, и холмами, где залег Гохан.

Внезапно меньший ударил своего спутника по голове. Гохан в ужасе увидел, как голова слетела с туловища, а тело вяло опустилось на землю. Гохан немного приподнялся из своего убежища, чтобы лучше разглядеть происходящее внизу. Человек, ударивший своего спутника, быстро побежал к холмам и увернулся от одного из работников, пытавшихся задержать его. Гохан надеялся, что тому удастся убежать, ему показалось, что этот человек принадлежит к его расе. Но затем он увидел, что беглец споткнулся и упал, его сразу окружили. Взгляд Гохана вернулся к телу, лишенному головы.

Что стало с его глазами? Какой ужас предстал перед ним! Невозможно, чтобы это было реальностью: голова медленно поползла к упавшему телу, взобралась на свое место между плечами, и тело встало. Существо, казалось, нисколько не пострадало, напротив, оно быстро на-

правились к тому месту, где его товарищи держали за руки несчастного пленника.

Гохан из Гатола наблюдал, как подошедший схватил пленника за руку и повел обратно в крепость, и даже через разделявшее их расстояние он ощутил уныние и отчаяние, охватившее пленника. Гохану показалось, что это женщина, причем принадлежащая к красной расе. Если бы он был в этом уверен, он, возможно, попытался бы освободить ее, хотя обычаи его страны обязывали его вступаться лишь за своих соотечественников. Но он не был уверен, что она не из враждебной ему страны, поэтому поборол искушение вступить и попасть в очередную переделку и отвернулся от долины, которую решил не пересекать, а пройти по ее краю, продолжив поиски Гатола.

Когда Гохан из Гатола направился вдоль склонов холмов, что ограждали Бантум с юга и запада, его внимание привлекла большая группа деревьев справа от него. Низкое солнце отбрасывало от них недлинные тени. Скоро ночь. Деревья были в стороне от его пути, и он решил не осматривать их. Но, взглянув на них вновь, он заколебался. Что-то странное скрывалось среди ветвей. Гохан остановился и пристально посмотрел на то, что привлекло его внимание.

Вероятно, косые лучи солнца ввели его в заблуждение. Он отвернулся и продолжил свой путь. По пути он решил все-таки обернуться, и увидел, что лучи явно отражаются от какого-то предмета, скрытого в ветвях.

Он покачал головой и отправился к деревьям. Теперь он отчетливо видел среди листвы сверкающий предмет. Его глаза широко раскрылись от удивления, когда он обнаружил маленький воздушный корабль, а сверкающим предметом оказался герб на носу, украшенный драгоценными камнями. Взяв в руки короткий меч, Гохан медленно подошел к нему. Корабль был пуст. Тогда он принялся разглядывать герб. Когда до его сознания дошло, что он видит, лицо его побледнело, а сердце забилось сильнее. Он узнал герб Владыки Барсума. Перед ним всплыла фигура пленника, понуро бредущего в крепость. Тара из Гелиума! Он был так близко и не помог ей!

Холодный пот выступил у него на лбу. Быстрый осмотр покинутого корабля раскрыл молодому джеду трагическую историю его возлюбленной. Та же буря, что выбросила его за борт, унесла и Тару из Гелиума в эту

отдаленную страну. Здесь она, несомненно, приземлилась, чтобы отыскать пищу и воду. Корабль показался ему неповрежденным, отсутствовал только пропеллер, а то, что он был тщательно укрыт, свидетельствовало о намерении девушки вернуться к нему. Пыль и листья на палубе говорили о многих днях и даже неделях его пребывания здесь. Все говорило о том, что Тара из Гелиума стала пленницей, а ее безуспешную попытку к бегству он сегодня наблюдал.

Один за другим он придумывал планы ее освобождения. Что он знал? Лишь то, что ее отвели в крепость, а кто ее похитители, сколько их, где ее прячут ему было неизвестно. Но это не слишком заботило его — ради нее он был готов воевать со всем миром!

Один из планов, пришедших ему на ум, сулил наибольший успех, если ему удастся разыскать ее. Решение, которое он принял, вновь обратило его внимание на корабль. Ухватившись за привязные ремни, он выволок его из-под деревьев, взобрался на палубу и осмотрел приборы управления. Мотор включился сразу и мягко заурчал, контейнеры с отталкивающими лучами были целы, и корабль легко мог набрать высоту. Необходим только пропеллер, но где же его найдешь? Даже без пропеллера он вполне подходил для его плана. Похитители Тары из Гелиума, по-видимому, не знали никаких воздушных аппаратов. Об этом свидетельствовала архитектура их крепостей и устройство стен вокруг них.

Как всегда барсумская ночь спустилась внезапно. Хлорус торжественно поплыл в небе. Громкий рев бенса раздался на холмах. Гохан из Гатола оставил корабль в нескольких футах над поверхностью, затем ухватился за носовой конец и потащил его за собой. Тащить на буксире маленький кораблик было легко, и пока Гохан спускался в долину Бантума, он плыл за ним, как лебедь по озеру. Он сразу направился в сторону крепости, едва различимой в темноте. Уже совсем близко от него послышался рев вышедшего на охоту бенса. Он подумал: охотится ли зверь за ним или выслеживает кого-то другого? Ему не хотелось сейчас встретиться с хищником, так как это мешало его планам освобождения Тары. Он ускорил ход. Все ближе и ближе раздавалось ужасное рычание огромного хищника, и вот на склоне холма за собой он услышал мягкие кошачьи шаги. Оглянувшись, он увидел зверя, который преследовал его. Его рука опустилась на рукоять

меча, но доставать его Гохан не стал. Он понял бесполезность этой затеи, так как за первым бенсом двигалось не менее дюжины других. Оставался единственный путь к спасению.

Подпрыгнув, он вскарабкался по веревке на борт корабля. Его вес заставил суденышко опуститься ниже, и в тот момент, когда Гохан взобрался на него, первый бенс вспрыгнул на корму. Гохан вскочил на ноги, двинулся к зверю, надеясь столкнуть его вниз, прежде чем тот вскарабкается на палубу. Он увидел, что остальные бенсы собираются последовать примеру своего вожака. Если им это удастся, он погиб. Оставалась единственная надежда. Подскочив к рулю высоты, Гохан резко переключил его. Одновременно с этим трем бенсам удалось-таки вскочить на корабль. Корабль медленно поднимался. Гохан почувствовал легкий толчок под килем, сопровождаемый глухими звуками упавших на землю бенсов. На палубе остался только первый бенс. Он стоял на корме, разинув пасть. Гохан выхватил меч.

Зверь, видимо, озадаченный необычной обстановкой, не двигался. Наконец он медленно пополз к желанной добыче. Корабль продолжал подниматься, но Гохан поставил ногу на руль высоты и приостановил его. Он не хотел, чтобы ветер, дующий вверху, унес его прочь. Кораблик двигался прямо к крепости, увлекаемый туда толчками тяжелого тела бенса.

Человек следил за медленным приближением чудовища, видел слюну, стекавшую с его клыков, дьявольское выражение морды. А зверь, убедившись в том, что палуба прочна, пытался подойти к нему. Тогда человек внезапно прыгнул к самому борту, и корабль резко накренился. Бенс припал к палубе и вцепился в нее когтями.

Гохан подскочил к нему с обнаженным мечом. Зверь яростно зарычал и попытался схватить этого ничтожного смертного, мешавшего ему насладиться законной добычей, и человек отпрыгнул на другой конец палубы. Бенс последовал за ним и на мгновение повернулся боком. Огромные когти просвистели у самой головы Гохана, и в тот момент его меч пронзил сердце зверя. Воин вынул свой меч и столкнул бенса за борт.

Быстро оглядевшись, молодой джед обнаружил, что корабль движется к крепости. В следующее мгновение он будет как раз над ней. Гохан подскочил к приборам и заставил корабль опуститься на поверхность. Но оказаться

за пределами ограды, где бенсы все еще поджидали свою добычу, означало верную смерть, а внутри ограды он увидел множество сгрудившихся спящих фигур.

Корабль висел в нескольких футах над землей. Нужно было либо рискнуть и опуститься внутри ограды, либо продолжить движение вперед без малейшей надежды вернуться когда-либо в эту населенную бенсами долину, где отовсюду теперь доносилось рычание этих могучих бар-сумских львов.

Вцепившись в борт, Гохан сбросил якорь и закрепил его за вершину стены, куда сам и спустился. Прочно укрепив якорь, он принялся рассматривать людей за оградой.

Спящие по-прежнему не двигались. Казалось, что они мертвы. Слабый свет падал из отверстий в крепости. Не слышны были и посторонние звуки, вызывающие тревогу. Уцепившись за веревку, Гохан спустился со стены и тут внимательно осмотрел фигуры, которые он принял за спящих людей. С приглушенным криком ужаса он отвернулся от безголовых рикоров. Вначале он решил, что это люди, подобные ему, но обезглавленные, затем заметил, что они движутся, и понял, что они живые. От этого открытия его ужас и отвращение только усилились.

Однако здесь скрывалось объяснение события, свидетелем которого он стал днем, когда Тара сбросила голову своего спутника, и Гохан видел, как эта голова вернулась к своему телу. Подумать только — жемчужина Гелиума во власти этих отвратительных созданий!

Гохан вновь вздрогнул, но затем взял себя в руки. Взобравшись на палубу, он опустил аэроплан на землю. Затем двинулся к воротам крепости, пробираясь среди лежащих рикоров. Миновав их, он вошел в крепость.

ГЛАВА VIII

В КРЕПОСТИ

Чек, в недавнем прошлом третий десятник полей Лу-уда, сидел, переживая свой гнев и унижение. Неожиданно в нем проснулось нечто, о существовании чего он и не подозревал. Было его беспокойство и неудовольствие влиянием странной пленницы? Он не знал. Он подумал о смягчающем влиянии шума, который она называла пе-

нием. Могут ли существовать более приятные и ценные вещи, чем холодная логика и бесчувственная сила ума? Может ли быть сбалансированное и уравновешенное совершенство предпочтительнее предельного развития единственной характеристики?

Он думал о всеобъемлющем мозге, о котором мечтали все калданы. Этот мозг был бы глухим, слепым и немым. Тысячи прекрасных незнакомок могли бы петь и танцевать перед ним, но он не почувствовал бы удовольствия, так как не обладал бы необходимыми органами чувств для восприятия всего этого. Калданы сами отреклись от самых больших удовольствий, доставляемых чувствами. Чек подумал, как же далеко они зашли в этом процессе. Вслед за тем он стал размышлять над самой основой их теории. В конце концов, возможно, девушка права: для какой цели служил бы этот огромный мозг, замурованный в своей подземной норе?

Из-за этой теории он, Чек, должен был умереть. Так приказал Лууд. Несправедливость этого приказа наполнила его гневом. Но положение его безвыходное. Спасения нет. За оградой его встретят бенсы, а внутри крепости — безжалостные и жестокие калданы. Такие понятия, как любовь, верность, дружба, не были им знакомы. Он может умертвить Лууда, но какой в этом прок? Другой король освободится из замурованной норы, а Чек будет убит. Чек не испытал бы даже радости мщения, ибо не был способен на такие чувства.

Чек, взобравшись на своего рикора, шагал по комнате, в которой ему приказали оставаться. Обычно он принимал распоряжения Лууда с полной невозмутимостью, так как они всегда были строго логичны. Но теперь ему казалось, что это неверно. Его очаровала пленница. В жизни, оказывается, есть удовольствия, и их немало. Мечта о совершенном покрылась дымкой и отступила в самую глубину его сознания.

В это время в дверях показался красный воин с обнаженным мечом. Это был мужчина-двойник пленницы, чей мягкий голос победил холодный и расчетливый мозг калдана.

— Молчать! — приказал вошедший, размахивая мечом перед глазами калдана. — Я ищу женщину, Тару из Гелиума. Где она? Если тебе дорога жизнь, говори быстрее и только правду!

Если он ценит свою жизнь! Именно об этом думал

только что Чек. Он быстро соображал. В конце концов совершенный мозг сам по себе бесполезен. Возможно, он найдет путь к спасению от власти Лууда.

— Ты один из воинов ее народа? — спросил он, — и пришел освободить ее?

— Да!

— Тогда слушай. Я подружился с ней и поэтому должен умереть. Если я помогу тебе освободить ее, ты возьмешь меня с собой?

Гохан из Гатола оглядел странное создание с головы до пят: совершенное тело, гротескная голова, лишенное выражения лицо. И среди таких существ столько времени томилась в плену прекрасная дочь Гелиума?!

— Если она жива и не ранена, — ответил он, — я возьму тебя с нами.

— Когда ее увели от меня, она была жива и невредима, — ответил Чек. — Я не знаю, что случилось с ней после этого. За ней послал Лууд.

— Кто такой Лууд? Где он? Веди меня к нему!

Гохан говорил быстро и властно.

— Идем, — сказал Чек и направился из комнаты в коридор, ведущий в подземные норы калданов. — Лууд — это мой король. Я отведу тебя туда, где он находится.

— Быстрее! — настаивал Гохан.

— Спрячь меч в ножны, — посоветовал ему Чек. — Мы будем проходить мимо калданов, и я скажу им, что ты новый пленник. Они поверят мне.

Гохан послушался совета Чека, но предупредил, что его рука на рукояти кинжала.

— Ты не должен ждать от меня вероломства, — сказал Чек. — В вас заключена моя единственная надежда на жизнь.

— Но если ты обманешь меня, — предупредил его Гохан, — тебя ждет смерть, такая же верная, как и по приказу твоего короля.

Чек ничего не ответил, он продолжал быстро идти по спускающимся подземным коридорам, пока наконец Гохан не сообразил, что он теперь полностью зависит от своего помощника. Даже если он и обманет его, Гохан не убьет его, так как без его помощи не найдет обратного пути к крепости и свободе.

Дважды их встречали и расспрашивали калданы, но каждый раз разъяснения Чека о том, что он ведет Лууду

нового пленника, рассеивали подозрения, и они достигли приемной короля.

— Здесь, красный человек, тебе придется сражаться,— прошептал Чек.— Войди туда.— И он указал на дверь перед ним.

— А ты? — спросил Гохан, все еще опасаясь предательства.

— Мой рикор полон сил,— ответил калдан.— Я тоже войду и буду сражаться на твоей стороне. Лучше умереть сейчас в борьбе, чем потом по приказу Лууда. Идем же!

Но Гохан уже пересек комнату и входил в соседнюю. У противоположной стены комнаты было круглое отверстие, охраняемое двумя воинами. В отверстии он увидел две фигуры, боровшиеся на полу, и взгляд на одну из них наполнил его силой десяти воинов и яростью голодного бенса.

Это была Тара из Гелиума, боровшаяся за свою честь или жизнь... Воины, пораженные внезапным появлением красного человека, стояли в оцепенении. В тот же момент Гохан поразил одного из них прямо в сердце.

— Бей в голову! — услышал Гохан шепот Чека и увидел, что голова упавшего человека быстро ползет к отверстию, ведущему в соседнюю комнату. Меч Чека сбросил калдан оставшегося воина, а Гохан погрузил свой меч в отвратительную голову.

Красный воин и Чек бросились к отверстию.

— Не смотри Лууду в глаза,— предупредил Чек.— Иначе погибнешь!

В комнате Гохан увидел Тару в объятиях могучего безголового тела, а у противоположной стены находился отвратительный Лууд. Король сразу понял, какая опасность ему грозит, и стал искать взгляд Гохана. При этом он ослабил внимание, направленное на рикора, с которым боролась Тара. Девушка сразу почувствовала, что руки его ослабели и освободилась от него.

Поднявшись на ноги, она увидела того, кто расстроил планы Лууда. Красный воин! Ее сердце дрогнуло от радости и благодарности. Что за чудо привело его к ней? Она не узнала его, перед ней был странствующий воин в простых доспехах без единого драгоценного камня. Разве могла она подумать, что это тот самый увешанный платиной и бриллиантами вождь, с которым она провела около часа, беседа в саду своего отца?

Лууд увидел Чека, входящего вслед за чужим воином в комнату.

— Убей его, Чек! — приказал король. — Убей незнакомца, и ты спасешь свою жизнь!

Гохан взглянул в лицо отвратительного короля.

— Не смотри ему в глаза! — воскликнула Тара, но было уже слишком поздно.

Ужасным гипнотизирующим взглядом король калданов уставился прямо в глаза Гохана. Красный воин остановился и медленно опустил меч. Тара посмотрела на Чека. Калдан пристально глядел своими лишенными выражения глазами на широкую спину незнакомца. Рука рикора Чека опустилась на рукоять кинжала. И тогда Тара из Гелиума запела прекрасную марсианскую песню «Песнь любви».

Чек выхватил кинжал из ножен. Его глаза устремились на поющую девушку. Глаза Лууда тоже оторвались от глаз воина и обратились к Таре. Гохан вздрогнул и с трудом освободился от власти отвратительной головы Лууда. Чек поднял кинжал над головой, сделал быстрый шаг вперед и взмахнул рукой.

Песнь девушки оборвалась, она в ужасе замерла, но тут же поняла, что ошиблась. Кинжал, вылетев из руки Чека, пролетел над плечом Гохана и по рукоять погрузился в мягкую голову Лууда.

— Идем! — закричал убийца. — Нельзя терять времени, — и двинулся к отверстию, через которое они попали в комнату. Вдруг он остановился и стал рассматривать могучее тело рикора, лежащее на полу. Королевский рикор — лучшее, прекраснейшее произведение природы Марса. Чек сообразил, что убегая, он сможет взять с собой лишь одного единственного рикора, и ничто в Бантуме не сослужит ему лучшую службу, чем гигант, лежащий здесь. Он спешно перебрался на плечи большому рикору, распростертому на полу, и тот немедленно поднялся, четко выполняя его команды.

— Теперь, — сказал калдан, — мы готовы. Пусть только кто-нибудь попробует помешать мне. — Говоря это, он уже был в соседнем помещении, а Гохан, держа Тару за руку, следовал за ним. Девушка впервые внимательно взглянула на него.

— Боги моего народа добры, — сказала она взволнованно. — Ты пришел вовремя. К благодарности Тары из

Гелиума добавится благодарность Владыки Барсума и его народа. Он выполнит любое твоё желание.

Гохан из Гатола понял, что она не узнала его, и подавил горячее приветствие, готовое сорваться с губ.

— Тара из Гелиума, неважно — ты или другая женщина, — сказал он, — мой долг — помочь любой женщине красной расы Барсума.

Они покинули приемный зал Лууда, и вскоре все трое уже шли по длинным подземным коридорам к крепости.

Чек все время торопил их, но красным воинам Барсума не пристало бегством спасаться от врага, поэтому Гохан и Тара шли медленнее калдана.

— Никто не помешает нашему возвращению, — сказал Гохан, — зачем же истощать силы принцессы чрезмерной поспешностью?

— Я не боюсь тех, кто впереди, так как здесь еще никто не знает, что случилось с Луудом, но калдан одного из воинов, стоявших на страже перед комнатой Лууда, спасся, и можешь поверить, он не станет терять времени. То, что никто не пришел на помощь королю, можно объяснить только стремительно развернувшимися событиями. Но калдан успеет организовать погоню задолго до того, как мы попадем в крепость и выберемся наружу.

Очень скоро они услышали подтверждение слов Чека: звон оружия, топот ног и свист калданов, поднявших тревогу.

— Крепость уже очень близко, — крикнул Чек. — Торопитесь, если бы мы смогли продержаться в крепости до восхода солнца, то, может быть, и спаслись бы.

— Нам не нужна крепость, мы не задержимся там долго, — ответил Гохан, ускорив шаг, так как совсем рядом услышал топот преследователей.

— Но ведь ночью мы не сможем выйти из крепости, — настаивал Чек, — за стеной нас ожидают бенсы и неминуемая смерть.

Гохан улыбнулся.

— Не бойтесь бенсов, — сказал он, — если мы достигнем стены раньше преследователей, нам больше нечего бояться в этой проклятой долине.

Чек ничего не ответил, и его бесстрастное лицо ни о чем не сказало. Девушка же вопросительно посмотрела на воина. Она не понимала.

— Твой корабль, — сказал Гохан, — он привязан к стене.

Ее лицо прояснилось.

— Ты нашел его? — воскликнула она. — Это судьба!

— Действительно, судьба, — ответил он. — Но не она рассказала мне о пленнице, а спасла меня от бенсов, когда я пробирался к крепости, увидев днем твою безуспешную попытку к бегству.

— Как ты узнал, что это я? — спросила девушка. На ее лице отразилось воспоминание о тех ужасных минутах.

— Кто же не знает об исчезновении принцессы Тары из Гелиума, — ответил он. — А когда я увидел герб на корабле, то понял, что это ты. До того, как я нашел его, я уже видел тебя, бегущей по полю, но расстояние было велико, и я не разглядел даже, мужчина то был или женщина. Если бы случайно не раскрылось место, где был спрятан твой корабль, я пошел бы своим путем, Тара из Гелиума. Я содрогаюсь при мысли об этом. Не заметь я солнечного лучика, играющего на драгоценных камнях вашего фамильного герба, я прошел бы мимо.

Девушка вздрогнула.

— Тебя послали боги, — прошептала она.

— Да, меня послали боги, Тара из Гелиума, — улыбаясь, ответил он.

— Но я не знаю тебя, — сказала она. — Я пыталась вспомнить тебя, но не смогла. Как это странно, не правда ли?

— В этом нет ничего странного. Великая принцесса не может помнить всех простых воинов Барсума, — ответил он, опять улыбаясь.

— Но как тебя зовут?

— Зови меня Тураном, — ответил воин. Он вдруг подумал, что если бы Тара узнала в нем Гохана из Гатола, чье пылкое признание в любви разгневало ее в саду отца на празднике, их отношения могли бы осложниться. Оставаясь в ее глазах простым воином, он сможет завоевать ее уважение своей верностью и храбростью быстрее, чем сверкающий нарядами джед Гатола.

Они уже достигли крепости, но, оглянувшись, увидели в подземном коридоре передовой отряд отвратительных калданов, восседающих на могучих и полных сил рикорах. Не мешкая, они начали стремительно подниматься по лестницам, ведущим на верхний этаж, но слуги Лууда бежали еще быстрее. Чек был впереди, держа Тару за руку и помогая ей подниматься, а Гохан из Га-

тола шел за ними, отстав на несколько шагов, с обнаженным мечом, так как понял, что преследователи настигнут их раньше, чем они доберутся до корабля.

— Пусть Чек идет рядом с тобой,— сказала Тара,— и поможет тебе.

— В этих узких коридорах можно развернуться только одному воину,— ответил он ей.— Поторопитесь и взбирайтесь на палубу корабля. Держи руку на руле управления, и когда я ухвачусь за лестницу, сразу же начинай подъем, а я взберусь по лестнице. Но если кто-нибудь из них появится у стены раньше меня, знайте, что я никогда уже не приду. Тогда быстро поднимайтесь, и пусть боги наших предков пошлют вам попутный ветер и унесут к более гостеприимному народу.

Тара из Гелиума покачала головой.

— Мы не покинем тебя, воин,— сказала она.

Гохан, не обращая внимания на ее ответ, отдавал распоряжения Чеку.

— Отведи ее во двор крепости. Это последняя надежда. Один я смогу пробиться к кораблю, но если я не задержу погоню, у нас не останется шансов на спасение. Делай, как я сказал!

Он говорил властно и решительно, как человек, привыкший командовать другими с рождения. Тара была раздосадована, поскольку не привыкла исполнять чужие приказы. Вспышка гнева прошла, и она оценила его жертву во имя ее спасения. Может, он не особенно искусен в обращении, но у него правдивое, храброе и верное сердце, и она тут же простила ему невежливый тон. Но что за тон! Конечно, рядовые воины — грубые люди. Они привыкли выполнять чужие команды, а в голосе этого воина были властные нотки. И они показались ей очень знакомыми. Она слышала их в голосе своего прадеда Тардоса Морса, джеддака Гелиума, когда он отдавал команды, и в голосе своего деда Морса Каяка, джеда Гелиума. И в голосе своего отца, Владыки Марса, великого Джона Картера, когда он обращался к своим воинам.

Но теперь не время размышлять обо всем этом, так как позади послышался звон оружия, и она догадалась, что Туран скрестил свой меч с оружием калданов. Оглянувшись, она увидела его ловкие прыжки и обманные движения, которым специально обучены лучшие воины красной расы. Она отметила неуклюжую атаку калдана и быстрый уверенный ответный выпад воина. Увидев его

могучее тело, игру его мускулов, ловкость и проворство, она поняла, что к чувству благодарности у нее примешивается восхищение, которое испытывает женщина при виде мужской силы и красоты.

Трижды меч воина менял свое положение: в первый раз он отразил атаку, во второй — сделал ложный выпад, а в третий — ударил. Безжизненный калдан упал со своего рикора а Туран быстро повернулся к следующему. Затем Чек увел Тару наверх, и поворот лестницы скрыл от них Турана, схватившегося с калданами. Ее сердце рвалось к нему, но рассудок говорил, что она больше поможет ему, если будет уже у приборов корабля.

ГЛАВА IX

НАД ЧУЖИМИ ЗЕМЛЯМИ ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Вскоре Чек остановился у открытой двери, и Тара увидела за ней залитый лунным светом огороженный стенами двор с безголовыми рикорами, лежащими возле кормушек. Она увидела мужские тела, мускулистые, как у лучших воинов ее отца, и женские, чьим фигурам позавидовали бы лучшие красавицы Гелиума. Ах, если бы она могла наделить их способностью к действию!

Тогда она была бы уверена в спасении воина. Но она не в силах вдохнуть жизнь в бессмысленные существа, которые будут лежать здесь, пока их не призовет к действию холодный и бессердечный мозг калдана. Девушка каждый раз вздрагивала с отвращением, задевая неподвижные тела, лежавшие на ее пути.

Они с Чеком быстро взобрались на борт воздушного корабля, как только Чек освободил якорь. Тара несколько раз подняла и опустила аппарат, проверяя работу приборов. Корабль слушался руля, и немного успокоившись, она опустила его на поверхность и принялась ждать. Все ближе и ближе из открытой двери доносились звуки боя. Девушка, воочию убедившись в воинском искусстве своего спасителя, уже не так опасалась за его жизнь. Рядом с ним калданы были неуклюжими и малоподвижными. Они превосходили его лишь числом, но пока не могли окружить в узком коридоре.

Девушка задумалась. Если бы она могла видеть его сейчас, то волнение вновь бы охватило ее. Он сражался

спокойно, часто забывая отступать во двор крепости. Он вновь и вновь отбрасывал тела поверженных противников и выступал навстречу новому. Казалось, он не защищается, а ведет равный бой с врагом. Ни калдан, ни девушка, ожидавшие его на корабле, не знали, что он не просто борется за свою свободу, Гохан из Гатола мстил за оскорбление любимой женщины. Наконец он понял, что дальнейшая задержка может быть опасной для принцессы. Повергнув наземь очередного калдана, он развернулся и бросился наверх по лестнице, выходящей во двор. Калданы было бросились за ним вслед, но путь им преградили рикоры, безмолвной массой валявшиеся на ступеньках.

Гохан сумел оторваться от них шагов на двадцать и побежал к кораблю.

— Вверх! — крикнул он девушке. — Я поднимусь по веревочной лестнице.

Первый из преследователей выбежал из крепости во двор в тот момент, когда Гохан ухватился за Веревочный трап.

— Быстрее! — крикнул он девушке, — или же они стянут нас вниз!

Кораблик, казалось, едва двигался, хотя на самом деле, приняв на борт трех человек вместо одного, поднимался с максимальной скоростью. Гохан уже поднялся до уровня вершины стены, но свободный конец якорного каната все еще был на земле. Калданы высыпали во двор крепости. Их предводитель ухватился за канат.

— Скорее! — крикнул он. — Хватайтесь все, и мы стащим их вниз!

Всего лишь несколько рикоров повисли на канате, а корабль приостановил подъем, а затем они почувствовали, что он медленно снижается. Гохан, держась рукой за веревочную лестницу, ударом меча рассек мягкую голову калдана у себя под ногами. Девушка услышала пронзительный свист врагов и в то же время поняла, что корабль опять поднимается. Вскоре корабль был недостижим для врагов, а мгновение спустя на палубе появился Туран. Впервые за много недель сердце девушки наполнилось радостью и благодарностью, но первая ее мысль была о другом.

— Ты не ранен? — спросила она.

— Нет, Тара из Гелиума, — ответил он. — Они были бессильны против моего меча, мне нечего было опасаться.

— Они могли легко одолеть тебя,— заметил Чек.— Ведь их мозг так велик и развит, что благодаря логике они могли бы предугадывать все твои действия, парируя все твои удары.

— Но они не сделали этого, Чек,— возразил ему Гохан.— Их теория развития неверна, и они, без сомнения, уступают хорошо развитому человеку. Вы развили мозг и пренебрегли телом, но нельзя руками другого проделать то же, что и своими. Мои руки привыкли к мечу, каждая моя мышца немедленно отзывается на приказ, и я отражаю удары так быстро и легко, как если бы мой меч имел глаза и разум. Вы с вашим мозгом калдана и телом рикора никогда не достигнете такого совершенства. Развитие одного только мозга не есть путь к совершенству. Счастливы те, у кого достаточно развито и тело, и мозг: а абсолютное совершенство означает конец всякого развития и смерть. В природе должны быть контрасты: в ней есть свет и тени, счастье и горе, правда и ложь, добродетель и грех.

— Я всегда думал иначе,— ответил Чек,— но с тех пор, как я узнал эту женщину и тебя, представителей другой расы, я понял, что возможны другие идеалы жизни, отличные от тех, что известны калданами. Я много думал о том состоянии, что вы называете счастьем, и понял, что вы правы, хотя я сам не могу ощутить его, как не могу смеяться или улыбаться. Но я испытываю удовольствие от пения женщины, что дает мне надежду понять красоту и радость ваших чувств, которые страшно далеки от холодных радостей совершенного мозга. Я хотел бы родиться в твоём народе.

Подгоняемый слабым ветерком, их кораблик медленно летел к северо-востоку над долиной Бантума. Они миновали возделанные поля, одну за другой крепости Лууда, Моака, Нолаха и других королей колданных роев, населявших эту странную и ужасную землю. Каждую крепость окружало огороженное пространство, заполненное рикорами — неподвижными безголовыми существами; прекрасными, но отвратительными.

— Это урок,— заметил Гохан, глядя на рикоров во дворе крепости, над которой они пролетали,— той, к счастью, небольшой части нашего народа, которая преклоняется перед мясом и превращает еду в культ. Ты знаешь их, Тара из Гелиума. Они подробно опишут тебе завтрак двухнедельной давности, а также расскажут, как

приготовить филе из тотта, и какое вино следует подавать к мясу зитидара.

Тара рассмеялась.

— Но ни один из них не назовет художника, чьи произведения решением Совета джеджаков приняты в этом году во Дворец красоты,— сказала она.— Их развитие подобно развитию рикоров, оно несбалансировано.

— Счастливы те, в ком есть и хорошее, и плохое, кто способен и на радость, и на ненависть, те, кто терпимо относится к другим людям. Кто лишен эгоизма, а не те, чей мозг непомерно развит и перевешивает все остальное.

Когда Гохан закончил говорить, Чек издал звук, как человек, желающий привлечь к себе внимание.

— Ты говоришь как человек, много размышлявший. Разве вам, людям красной расы, мысль доставляет удовольствие? Разве вы находите радость в размышлении? Разве разум и логика играют какую-то роль в вашей жизни?

— Конечно,— ответил Гохан,— но размышления не занимают все наше время. Ты, Чек, например, являешь собой образец эгоизма, о котором я говорил. Так как ты и твой народ преклоняетесь только перед разумом, то вы не представляете, что другие люди тоже могут мыслить. Но мы не так глупы, как вы считаете. Мы думаем и заботимся и о многом другом. Если бы не красные люди, даже калданы давно бы исчезли с лица Барсума, ведь вы не можете жить без воздуха, которого на Барсуме давно уже не было бы, если бы не красные люди. Они построили огромные атмосферные фабрики, которые дали новую жизнь умирающему миру. Чего стоят все дела калданов в сравнении с этим одним только изобретением красной расы?

Чек был поставлен в тупик. Будучи калданом, он знал, что мозг имеет огромную силу, но никогда не задумывался, что эту силу можно использовать и в практических целях. Он отвернулся и стал смотреть вниз, на землю своих предков, над которой он медленно пролетал. В какие неведомые дали? Он был настоящим богом среди безвольных рикоров, но эти двое из другой расы поставили под вопрос его превосходство. Даже несмотря на свой чрезмерный эгоизм, он начал подозревать, что эти двое покровительствуют ему, может, даже жалеют его. Он удивился происходившей с ним перемене. Больше у

него не будет множества рикоров, готовых выполнить его повеления. С ним один-единственный рикор, и когда он погибнет, другого не будет. Когда рикор устанет, Чек вынужден будет беспомощно ждать, пока тот отдохнет. Он пожалел, что встретил эту красную женщину. Она принесла ему одни неприятности. Внезапно Тара начала петь, и Чек почувствовал от этого огромное удовольствие.

Спокойно плыли они при свете двух барсумских лун среди таинственных ночных теней. До них доходило рычание бенсов, но вот корабль пересек границу Бантума, оставив позади странную и несчастную землю. Куда же их несет?

Девушка поглядела на мужчину, сидевшего, скрестив ноги, на палубе крошечного судна и погруженного в глубокие думы.

— Где мы? — спросила она. — Куда нас относит ветер?

Туран пожал широкими плечами.

— Звезды указывают, что мы движемся на северо-восток, — ответил он, — но где мы с куда нас пригонит ветер, я не могу предугадать.. Должен сознаться, что не знаю, что лежит в миле от нас в любом направлении. Тара из Гелиума, мы заблудились, и это все, что я могу тебе сказать.

Он улыбнулся, и девушка подарила ему ответную улыбку. Какое-то знакомое выражение промелькнуло на его лице и в его улыбке.

— Из какой ты страны, Туран? — спросила вдруг она.

— Разве ты не знаешь, Тара из Гелиума, что у странствующего воина нет родины? Сегодня он сражается под знаменами одного хозяина, завтра — другого.

— Но когда ты не воюешь, ты сохраняешь верность какой-то одной стране, — настаивала она. — Какому флагу служишь ты теперь?

Он встал и низко поклонился ей.

— У меня очень приятная служба. Я служу под знаменем дочери Владыки Барсума... теперь и навсегда!

Она тоже поднялась и взяла его руку своей маленькой изящной ручкой.

— Я принимаю твою службу, — сказала она, — и обещаю, что, когда мы достигнем Гелиума, любое желание твоего сердца будет выполнено.

— Я буду служить верно, надеясь на награду, —

сказал он, но Тара не поняла истинного смысла его слов, думая, что он рассчитывает на деньги. Могла ли она, гордая дочь Джона Картера, подумать, что простой воин-наемник мечтает о ее руке и сердце?

На рассвете они снова летели над незнакомой местностью. Ночью ветер усилился и далеко унес их от Бантума. Страна под ними показалась суровой и негостеприимной. На поверхности, усеянной глубокими ущельями, не было видно ни воды, ни какой-либо растительности. Никаких признаков жизни. Они остались без воды и пищи. Чек, по совету Турана, слез со своего рикора, уложив его в безопасном месте на палубе. Чем меньше его расходовать, тем больше он прослужит. Чек как гигантский паук ползал по всему кораблю.

Туран стоял впереди на носу, пытаясь разглядеть внизу воду, или одну из фабрик, производящих ее. Но здесь не было следов ни того, ни другого. Наступила третья ночь. Девушка не жаловалась, но Гохан знал, что она страдает, и у него было тяжело на сердце.

Чек меньше всех страдал от голода и жажды. Он объяснил это тем, что калданы могут долгое время обходиться без воды и пищи. Туран проклинал Чека, глядя на Тару, с трудом передвигающуюся по палубе, тогда как калдан казался по-прежнему полным сил.

— Бывают обстоятельства, — заметил Чек, — когда большое и сильное тело нужно меньше, чем высокоразвитый мозг.

Туран поглядел на него, но ничего не сказал. Тара слабо улыбнулась.

— Не стоит упрекать его, — сказала она. — Разве мы не затронули его гордость рассказами о своем превосходстве? — и добавила, — когда наши желудки были полны...

Наступивший день принес им маленькую надежду. Туран, указывая вдаль, воскликнул:

— Посмотри, Тара из Гелиума! — воскликнул он радостно. — Город! Не будь я Го... не будь я Тураном, это город!

Далеко в свете восходящего солнца были видны купола, стены и крепости города. Воин быстро повернул руль, и корабль опустил за вершину ближайшего холма.

Туран знал, что им не следует показываться, пока они не выяснят, друзья или враги населяют этот город,

Они забрались очень далеко и вряд ли встретят здесь друзей, поэтому воин соблюдал максимальную осторожность. Но это был город, значит, они найдут здесь воду. Если в нем живут люди, то и пищу.

Для красного воина пища и вода, даже во вражеском городе, означали воду и еду для Тары. Он попросит еду и воду у друзей или добудет их у врагов.

Мягко посадив корабль на поверхность в небольшом овраге у подножия холма, они прочно привязали его к дереву. Затем они обсудили свое положение — ждать ли темноты и под покровом ночи проникнуть в город, или же подойти к нему сейчас и выяснить, кто же в нем живет?

Принят был план Турана. Они подойдут к городу на безопасное расстояние. Может, им повезет, и они найдут воду вне города? Если нет, то они дождутся темноты, и тогда Туран отправится в город на поиски воды и пищи.

Пробираясь вверх по оврагу, они достигли вершины холма, с которого открылся прекрасный вид на ближние к ним кварталы города. Устроившись на дереве, они стали рассматривать его. В городе жили люди, так как на флагштоках висели знамена и вымпелы. Высокие белые городские стены охраняли часовые, а у ворот они заметили перемещения отдельных групп воинов. На крышах высоких зданий сновали женщины, вынесшие на просушку постели — меха и шелк. Туран некоторое время молча разглядывал город.

— Я не знаю их,— сказал он наконец,— и не могу сказать, что это за город, но он очень древний. Его люди не знают ни воздушных кораблей, ни огнестрельного оружия.

— Откуда тебе это известно? — спросила девушка.

— Посмотри на крыши, на них не видно причальных мачт. Простой беглый взгляд на Гелиум обнаружил бы их сотни, а их укрепления предназначены для защиты от копий и стрел, а не от огнестрельного оружия. Это древние люди.

— Если они древние, возможно, они дружелюбны,— предположила девушка.— Разве, будучи детьми, мы не учили, что в прошлом Барсум населяла единая миролюбивая раса?

— Боюсь, что они не настолько древние,— со смехом

ответил Туран.— Прошло много веков с того времени, когда люди Барсума любили мир.

— Мой отец любит мир,— ответила девушка.

— Однако он все время воюет,— сказал мужчина.

Она засмеялась.

— Но он говорит, что любит мир.

— Мы все любим мир,— согласился он,— но честный мир, а наши соседи не оставляют нас в мире, поэтому мы вынуждены сражаться.

— А чтобы сражаться хорошо, мужчина должен любить воевать,— добавила она.

— Если любишь военное искусство, нужно постоянно совершенствовать его, иначе другой воин обойдет тебя и тогда... Поэтому войны будут всегда, и люди всегда будут сражаться,— заключил он.— И всегда люди с горячей кровью будут упражняться в искусстве войны.

— Мы обсуждаем важный вопрос,— заметила девушка с улыбкой,— но наши животы все еще пусты.

— Твой верный воин помнит о своей обязанности, принцесса,— ответил Туран,— но как может быть иначе, когда лучшая награда всегда перед его глазами.

Она опять не поняла истинного смысла его слов.

— Я пойду вниз,— продолжил он,— и отберу пищу и воду у древних.

— Нет! — воскликнула она, положа на его руку свою.— погоди! Они убьют тебя или возьмут в плен. Ты храбрый и могучий воин, но в одиночку ты не можешь победить целый город.

Она улыбнулась ему, ее рука все еще лежала на его руке. Он почувствовал, как горячая кровь бежит по жилам. Он мог бы схватить ее в объятия и прижать к себе. Здесь был только калдан Чек, но что-то более сильное, сильнее его самого, остановило воина. Кто определит, что это было, может, рыцарское чувство, которое побуждает настоящего мужчину стать защитником женщины?

Из своего укрытия они увидели отряд всадников, выехавших из ворот и направившихся по хорошо укатанной дороге к подножию холма, с которого они наблюдали за городом. Воины были красные, как и они сами, и сидели верхом на небольших оседланных тоттах. Их одежда отличалась варварским великолепием, а в головных уборах было множество перьев, что являлось обычным элементом одежды древних людей. Они были вооружены мечами и длинными копьями, полуодеты, а их кожа

разукрашена синей и белой красками. Они насчитали их не менее двух десятков. Дикое и прекрасное зрелище!

— У них вид настоящих воинов,— сказал Туран.— Мне очень хочется пойти в город и попытать счастья.

Тара покачала головой.

— Подожди! Что я буду делать, если тебя возьмут в плен? Тогда и ты не сможешь получить свою награду.

— Я спасусь,— сказал он.— Во всяком случае, стоит попробовать.— И он начал спускаться с холма.

— Ты не пойдешь! — властным голосом сказала девушка.

Воин вопросительно посмотрел на нее.

— Ты ведь поступил на службу ко мне и должен повиноваться!

Туран с улыбкой на лице вернулся и сел рядом с ней.

— Слушаюсь, принцесса,— покорно сказал он.

День тянулся медленно. Чек, не любивший солнца, взобрался на рикора и лег в тени деревьев. Они ждали возвращения отряда, но он не вернулся. Небольшое стадо зитидаров прогнали в ворота города, затем появился обоз из множества повозок. Он также скрылся в городе, пройдя через ворота. Наступила темнота, и Тара позволила своему воину отправиться на поиски воды и пищи. Уходя, он наклонился и поцеловал ей руку, как воин целует руку своей королевы.

ГЛАВА X

В ЛОВУШКЕ

Под покровом темноты Туран приближался к незнакомому городу. Если ему не удастся встретить перед городской стеной возделанные поля и оросительные каналы, то он попытается проникнуть в город, чтобы достать воду и пищу, так необходимые его принцессе, силы которой таяли на глазах. Он заметил, что стена охраняется плохо, но она очень высока, и все его попытки перелезть через нее обречены на неудачу.

Скрываясь за деревьями и в кустах, Туран постарался добраться до подножия холма незамеченным. Бесшумно двинулся он на север мимо входа в город, который был закрыт массивными воротами, не позволявшими бросить взгляда внутрь. Он шел вдоль бесконечной стены, пытаясь отыскать лазейку, но безуспешно.

За ним давно уже следили проницательные глаза. Молчаливый наблюдатель некоторое время смотрел на него с вершины стены. Потом он спустился с нее на городскую мостовую и быстро обогнал чужеземца, шедшего в том же направлении, но по другую ее сторону.

Наблюдатель прошел в маленькую калитку, за которой находилось низкое строение, перед входом в него стоял часовой. Подошедший воин сказал несколько слов часовому и вошел в здание, но вскоре вернулся в сопровождении четырех десятков воинов. Осторожно открыв ворота, предводитель пристально посмотрел вдоль стены, туда, откуда только что пришел. Потом он отдал короткую команду окружающим его воинам, после чего половина вместе с предводителем потихоньку выскользнула через ворота из города. Воины залегли в кустах, оставив ворота приоткрытыми.

Наступила полная тишина, но им не пришлось долго ждать. Появился Туран, осторожно пробиравшийся вдоль стены. Он подошел к самым воротам и, заметив, что они отворены, замер, прислушиваясь. Затем он заглянул внутрь и, убедившись, что никто не собирается его задерживать, вступил через них в город.

Он оказался на узкой улице, проложенной параллельно стене. Его удивила незнакомая архитектура зданий, вплотную стоящих друг к другу. Среди них не было двух одинаковых, их фронтоны были самой разнообразной формы, размера и цвета. На фоне ночного неба были видны очертания шпилей, куполов и минаретов, высоких стройных башен, а над мостовой нависали причудливой формы балконы. В мягком свете Хлоруса, дальней луны, он обнаружил, что балконы заполнены людьми. Прямо напротив него на балконе, облокотившись о перила, сидели две женщины и несколько мужчин и глядели на Гохана. Если они и видели его, никто не придал этому значения, никто не выказал никакого интереса к появлению воина.

Туран немного замешкался, а затем, решив, что его приняли за горожанина, уверенно двинулся по улице. Не имея представления, в каком направлении идти, и не желая, чтобы дальнейшие колебания выдали его, он повернул налево и быстро пошел по мостовой, намереваясь как можно дальше уйти от непрошенных глаз. Он знал, что ночь будет долгой, но удивился при виде людей, сидящих на балконах, потом решил, что это гости, задержавшиеся

на каком-нибудь празднике. Но почти в каждом доме кто-то не спал, а просто сидел на балконе.

Затем улица свернула направо. Обогнув здание, пристроенное к городской стене, он оказался лицом к лицу с двумя воинами, стоявшими на посту перед входом в него. Странно, что они не заметили его, хотя он был уверен в этом.

Он постоял с минуту в ожидании их действий, но они не шевельнулись и не окликнули его. Может, и они приняли его за горожанина? Другого объяснения не нашлось.

Когда Туран вошел в ворота и начал свой путь по улицам города, двадцать воинов вошли в город и закрыли ворота, затем один из них взобрался на стену и поджидал Турана, если тот надумает вернуться. Другой пошел за ним по улице, третий пересек улицу и вошел в здание на противоположной стороне.

Остальные, за исключением часового, оставшегося у входа, вернулись в здание, из которого их вызвали. Это были хорошо сложенные люди, вымазанные краской. Они посмеивались между собой над чужестранцем, с такой легкостью обманутым ими. Продолжая переговариваться, они улеглись в свои постели, чтобы продолжить прерванный отдых.

Было ясно, что это охрана ворот, у которых они спали. Было ясно также, что город охраняется гораздо лучше, чем предполагал Туран; джед Гатола был бы огорчен, узнай он о той легкости, с которой его обманули.

Проходя по улице, Туран встретил и других часовых у входа, но никто не обратил на него никакого внимания. Туран не мог предположить, что проходит много раз мимо одних и тех же воинов; как только он поворачивал за угол, неподвижный часовой внезапно оживал, пересекал улицу, входил в узкий проход в стене, и выходил из нее перед Тураном. Там он снова занимал пост, становясь неподвижным. Туран не знал также, что второй воин, скрываясь в тени зданий, следует за ним, а третий следит с вершины стены.

Так Туран шел по улицам незнакомого города в поисках воды и пищи для любимой женщины. Мужчины и женщины смотрели на него с темных балконов, но никто не проронил ни слова. Внезапно из глубины улицы, куда он направлялся, послышался знакомый звон оружия. Несомненно, это сигнал о приближении какого-то отряда.

Туран огляделся и заметил справа от себя открытую дверь и тусклый свет за ней. Это была единственная возможность спрятаться, хотя часовые и не обращали на него никакого внимания. Караульный отряд наверняка уж заинтересуется им.

За дверью шел коридор, по нему он свернул сначала направо, а потом налево. Никого не было видно, и он осторожно пошел дальше, чтобы надежнее спрятаться от проходивших по улице воинов.

И вновь за поворотом перед ним был длинный, слабо освещенный коридор. Замерев, он прислушался. Отряд вошел в здание, кто-то прошел по коридору, затем дверь, в которую он вошел, захлопнулась. Он взялся за меч, ожидая услышать шаги преследователей, но никого не было. Он повернулся и выглянул: коридор, вплоть до запертой двери, был пустым. Тот, кто закрыл дверь, остался снаружи.

Туран ждал, прислушиваясь. Не было слышно ни звука. Он подошел к двери и приложил к ней ухо. Улица снаружи молчала. Возможно, дверь закрыл сквозняк, а может, это сделал патруль. Отряд прошел, и он может вернуться на улицу. Где-нибудь здесь должен быть фонтан, где он наберет воды, а на еду пойдут связки сушеных овощей и мяса у входа в дома бедняков. Таков обычай был у низших слоев населения всего Барсума. Именно такой район он и разыскивал, поэтому и стремился уйти подальше от ворот, где ему не могли встретиться дома бедняков.

Он попытался открыть дверь, но напрасно. Она была заперта снаружи. Туран почесал затылок.

— Счастье отвернулось от меня, — пробормотал он.

А за дверью, в обличии разрисованного воина, стояла насмешливо улыбающаяся судьба. Как ловко был обманут неосторожный чужестранец! Освещенная дверь, звенящий оружием патруль — все это заранее продумал третий воин, следивший за Тураном, и ничего удивительного в его улыбке не было.

Выход закрыт! Туран вернулся в коридор. Он молча и осторожно шел по нему. Время от времени попадались двери, но все они были заперты. Чем дальше он шел, тем более странным становился коридор. Закрытая дверь преградила ему путь в конце коридора, но дверь справа оказалась открытой, и он вошел в тускло освещенную комнату, в которую выходили три другие двери. Одна из

них оказалась открытой. За ней была винтовая лестница, ведущая вниз. Спускаясь, Туран не мог видеть, что творится наверху. Дверь в коридор осталась открытой, и в нее вошел третий воин и последовал за Тураном. Усмешка не покидала его губ.

Туран вынул короткий меч и начал осторожно спускаться. В конце оказался короткий коридор, который подвел его к очередной двери. Приложив ухо и ничего не услышав, он открыл ее и оказался в широкой комнате с грязным полом. В стенах ее были еще несколько дверей, но все они оказались заперты. Пока Туран осматривался, третий воин спустился по винтовой лестнице за ним. Туран услышал за спиной приглушенный шум. Он вернулся с мечом в руке к выходу, но дверь оказалась запертой. Ее заперли только что, он ясно слышал это.

С проклятием он обошел комнату, попытавшись открыть хоть какую-нибудь дверь, напрасно! Он больше не скрывался, понимая, что обнаружен.

Всем телом он налег на дверь, но она была достаточно прочной. Из-за двери послышался низкий смех.

Он огляделся. В комнате были стол и скамья, по стенам на толстых кольцах висели проржавленные цепи — ясное доказательство предназначения комнаты. В грязном полу у стен он увидел два или три отверстия, похожие на выходы из нор. Несомненно, жилища гигантской барсумской крысы. Туран все еще продолжал осматриваться, когда внезапно погас тусклый свет, и он остался в темноте и неизвестности. Нашупав стол и скамью, он сел, держа наготове длинный меч. Он не сдастся без борьбы!

Некоторое время он сидел в напряженном ожидании, перебирая в уме события ночи. Открытые и неохраемые ворота, освещенная дверь, единственная на всей улице, появление патруля как раз в тот момент, когда он поравнялся с дверью. Коридоры и комнаты, приведшие его в эту подземную тюрьму!

— Клянусь духом первого предка! — воскликнул он. — Какой же я глупец! Они просто провели меня и захватили безо всякой борьбы. Но с какой целью?

Затем его мысли вернулись к девушке. Она ждет его за городом, а он не придет. Он был хорошо знаком с древними обычаями Барсума. Нет, он никогда не вернется. Он улыбнулся при теплом воспоминании ее команды, слетев-

шей с ее прекрасных уст. Он послушался и теперь лишился своей награды навсегда.

Но что будет с ней? Неужели ей придется умирать от голода перед стенами враждебного города в обществе мерзкого калдана. Другая и ужасная мысль пришла ему в голову. Девушка рассказывала ему об ужасном зрелище, виденном ею в норах калданов. Он знал, что калданы едят человеческое мясо. Чек голоден. Если он съест своего рикора, то станет беспомощным, но ведь у него была и другая пища для них обоих — для калдана и для рикора! Туран проклинал себя за тупость. Зачем он оставил ее? Лучше было остаться и умереть вместе с ней, всегда будучи готовым защитить ее, чем оставлять на милость этого отвратительного существа.

Вдруг Туран ощутил в комнате тяжелый запах. Его охватила слабость. Он пытался бороться с этим чувством, но не смог встать на ноги. Пальцы, державшие меч, разжались, и он склонился над столом, положив голову на руки.

* * *

Близился рассвет, а Туран не возвращался. Тара все больше и больше беспокоилась. Когда наступило утро, она поняла, что с воином что-то случилось; нечто большее, чем опасение за свою судьбу, вызвало у нее печаль, беспокойство и чувство одиночества. Она поняла, что нуждалась не только в его защите, но и в обществе храброго воина. Она потеряла его, а потеряв, поняла, что он значил для нее больше, нежели просто наемный солдат. Такое чувство испытываешь, когда теряешь старого и верного друга. Она поднялась со своего места, чтобы получше разглядеть город.

У-Дор, двар восьмого утана О-Тара, джеддака Манатора, возвращался этим ранним утром из небольшой поездки в соседнее поселение. Когда он проезжал мимо холмов с южной стороны города, его внимание привлекло слабое движение в кустах на вершине ближайшего холма. Он остановился и внимательно присмотрелся. В кустах он заметил человека, разглядывавшего Манатор.

— За мной! — скомандовал он своим воинам и быстрым галопом поскакал к цели. За ним последовали его двадцать воинов. Тара слышала звон оружия и огляну-

лась. Она увидела, что к ней приближаются два десятка воинов с копьями наперевес.

Она взглянула на Чека. Что он предпримет? Чек взобрался на своего рикора, тот встал, его прекрасное тело вновь было полно жизни. Она решила, что калдан готовится к бегству. Что ж, для нее это не имело значения. Да и вряд ли единственный неопытный боец сумеет защитить ее.

— Чек,— сказала девушка, видя, что он намерен сразиться с воинами,— что можно сделать одним мечом против целого отряда?

— Можно умереть в бою,— ответил калдан.— Ты и твой воин спасли меня от Лууда, и я думаю, что Туран стал бы грудью на твою защиту!

— Это смелый, но бесполезный поступок,— ответила она.— Спрячь свой меч, может, они не собираются причинять нам вред?

Чек опустил меч, но не спрятал его в ножны. Так они стояли в ожидании, пока двар У-Дор не остановил перед ними своего тотта, а двадцать воинов окружили их кольцом.

Несколько долгих минут У-Дор молчал, внимательно разглядывая Тару, а потом ее спутника.

— Что вы за люди? — спросил вдруг он.— И что вы делаете перед воротами Манатора?

— Мы из далекой страны,— ответила девушка,— мы заблудились и страшно голодны. Мы просим только пищи, отдыха и возможности продолжить поиски пути домой.

У-Дор свирепо ухмыльнулся.

— Манатор не знает никаких других стран в мире,— сказал он.— В истории Манатора не было случаев, чтобы незнакомцы, пришедшие сюда, покидали наш город.

— Но я принцесса! — надменно воскликнула Тара.— Моя страна не воюет с твоей. Ты должен помочь мне и моим товарищам вернуться домой. Таков закон Барсума.

— Манатор знает только законы Манатора! — ответил У-Дор.— Идем же! Ты пойдешь с нами в город. Ты прекрасна, и тебе ничего не будет. Я сам защищу тебя, если позволит О-Тар. Что же касается твоего спутника, то... Постой! Ты сказала «товарищи», где же остальные?

— Ты сам не видишь,— надменно ответила Тара.

— Пусть будет так,— сказал У-Дор,— если есть другие, они не спасутся, но вот если твой спутник искусен в битвах, он будет жить. О-Тар справедлив, а справедливость — закон Манатора. Пойдем!

Чек колебался.

— Бесполезно,— сказала Тара, видя, что он все еще намерен сразиться с ними.— Пойдем, зачем напрасно проливать кровь? Мы можем спастись, разве твой мозг не придумает выхода? — быстрым шепотом говорила она.

— Ты права, Тара из Гелиума,— ответил он и спрятал меч в ножны.

И они пошли вниз по холму к воротам Манатора в сопровождении суровых раскрашенных воинов У-Дора, двара восьмого утана О-Тара, джеджака Манатора.

ГЛАВА XI

ВЫБОР ТАРЫ

Внезапно появившееся солнце Барсума окружило Манатор сверкающим ореолом, когда девушка в сопровождении воинов входила в город через Ворота Врагов. Здесь стена была в пятьдесят футов толщиной, а по ее торцам, на которых крепились створки ворот, в нишах были устроены широкие полки от земли до вершины стены. На них ряд за рядом стояли маленькие фигурки, похожие на крошечных уродливых людей, их длинные черные волосы спускались до пят, достигая иногда нижней полки. Фигурки были не более фута в высоту и напоминали мумии человеческих тел. Девушка видела, как проходя мимо, воины подняли вверх копьа в знак приветствия. Затем они направились по улице прямо к центру города.

По сторонам возвышались большие причудливо расписанные здания. Древние фрески покрывали стены. Повсюду бурлила жизнь проснувшегося города. Женщины, украшенные бриллиантами, воины с перьями на голове и яркими красками на лицах и телах — все спешили по своим делам. Большой зитидар, запряженный в роскошную упряжь, провез карету по каменной мостовой в Ворота Врагов. Жизнь, яркие краски, красота — все это наполнило Тару удивлением и восхищением. Именно такими, в ее представлении, и были города прародителей ее

расы до того, как Тро Ксеус, величайших из океанов, исчез с лица планеты. С балконов домов на утреннюю суету молчаливо взирали неподвижные мужчины и женщины.

Горожане проявили живой интерес к пленникам, задали массу вопросов, особенно Чеку, но группы людей на балконах молчали, даже не повернув головы. На каждом здании она заметила сидящих на балконах богато одетых мужчин и женщин, а кое-где и детей. Но и дети сохраняли неподвижность и молчание.

Дойдя до центра города, девушка увидела, что даже на крышах разместились молчаливые зрители, богато и пестро одетые, как будто собрались на веселый праздник. Но смех не слетал с их губ, не слышна была музыка, хотя у многих в руках, украшенных драгоценностями, были видны музыкальные инструменты.

Улица привела их на огромную площадь, среди домов которой выделялось высокое белое мраморное здание. Перед ним был разбит великолепный газон с алыми цветами и кустиками. К этому зданию У-Дор и привел пленников. Перед входом их встретили пятьдесят всадников, командир которых, узнав У-Дора, отдал приказ, и они расступились, образовав широкий проход к арке, от которой ко входу шел широкий пандус. У-Дор провел свой отряд на второй этаж, а потом повел по длинному коридору. Проходя мимо открытых дверей, девушка увидела в просторных комнатах много всадников, встречались они и по пути.

Они не повстречали ни одного пешего воина, однако на третьем этаже, куда привел их У-Дор, было много расседланных тоттов, а их хозяева упражнялись в фехтовании и играли в джетан. Затем их провели в длинный широкий зал, убранство которого поразило даже принцессу Гелиума, ничего подобного не видевшую прежде. Он был хорошо освещен чашами с радием. Мощные арки из белого мрамора простирались от стены к стене, посередине зала стояла массивная колонна. Потолок и арки украшали росписи и драгоценные камни. Блеск, яркие краски и роскошь заполонили весь зал.

Стены были убраны шпалерами из золотых пластин, достигающих семи футов в высоту, а поверху стен свисали пышные драпировки. Мраморный пол был также инкрустирован золотым орнаментом. Один этот зал вместил больше сокровищ, чем все дворцы города.

Но больше, чем роскошь украшений, девушку поразили ряды великолепно вооруженных воинов, восседавших верхом на тотых, неподвижно стоящих с обеих сторон от центрального входа. Когда отряд проходил между ними, девушка не заметила даже мигания глаз или подрагивания ушей у тотов.

— Зал Вождей,— прошептал один из воинов, заметив ее интерес. В его голосе прозвучали нотки гордости и благоговения. Сквозь этот зал они прошли в другой, где их встретил отряд из десятков пятнадцати вооруженных всадников.

Когда У-Дор и его отряд вошли в зал, воины образовали линию перед дверью в противоположной от вошедших стене. Падвар, командовавший ими, поприветствовал У-Дора, остановившегося перед отрядом охраны.

— Извести О-Тара, что У-Дор привел двух пленников. Одну — за исключительную красоту, другого — за исключительное безобразие.

— О-Тар советуется с вождями,— ответил лейтенант,— но слова двара передадут О-Тару,— и он отдал приказание одному из воинов.

— Что за странный мужчина? — недоуменно спросил он У-Дора.— Не может быть, чтобы эти двое принадлежали к одной расе.

— Мы нашли их на холмах к югу от города,— объяснил У-Дор,— и она сказала, что они заблудились, устали и голодны.

— Женщина прекрасна,— заметил падвар. — Ей недолго придется ждать убежища в Манаторе,— и они стали болтать о других делах: о строительстве дворца, об экспедиции У-Дора, пока не вернулся воин, сообщивший приказ О-Тара — привести пленников к нему.

Через массивную дверь они прошли в Большой Зал Советов О-Тара, повелителя Манатора. По обеим сторонам у стен располагались ряды кресел из твердого дерева изумительной красоты, образуя широкий проход к мраморным ступеням подиума, где на большом троне восседал человек.

Войдя в зал, У-Дор спешил и в сопровождении четырех воинов повел пленников к подножию трона. Когда они остановились у мраморных ступеней, Тара из Гелиума гордым взглядом осмотрела человека, сидящего на троне. Царственная осанка, присущая вождям Барсу-

ма, большой рост, красивые черты лица его несколько портили холодные глаза и узкие жестокие губы.

Одного взгляда хватило, чтобы понять, что перед ней повелитель, могучий джеддак, перед которым преклоняются, но не испытывают огромного чувства любви. Это был О-Тар, джеддак Манатора, и когда Тара впервые увидела его, она не могла сдержать восхищения перед человеком, казавшимся воплощением самого древнего бога войны.

У-Дор и джеддак обменялись приветствиями, принятыми на всем Барсуме, а потом двар подробно рассказал, как были обнаружены и схвачены пленники. Во время рассказа О-Тар пристально рассматривал их обоих, причем его лицо осталось непроницаемым. Когда офицер закончил речь, джеддак обратился к Чеку.

— Из какого ты народа? — спросил он. — Из какой страны? Почему ты пришел в Манатор?

— Я калдан, — ответил Чек, — высшее достижение разума на Барсуме. Я мозг, а вы все — материя. Я пришел из Бантума сюда только потому, что мы заблудились.

— А ты? — О-Тар внезапно повернулся к Таре. — Ты тоже калдан?

— Я принцесса Гелиума, — ответила девушка. — Я была пленницей в Бантуме. Вот этот калдан и воин моей расы освободили меня. Воин ушел на поиски пищи и воды. Несомненно, он попал в руки твоих людей. Я прошу освободить его, дать нам воды и пищи и возможность продолжить наш путь на родину. Я внучка джеддака, дочь джеддака джеддаков, Владыки Барсума. Я прошу лишь того, что мой народ дал бы тебе и твоим людям, окажись они на моем месте.

— Гелиум, — повторил О-Тар. — Я ничего не знаю о Гелиуме. И не джеддак Гелиума правит Манатором. О-Тар — джеддак Манатора. Ты никогда не видела людей Манатора в плену в твоей стране. Почему же я должен заботиться о людях другого джеддака? Это его обязанность. Коли он не может сделать этого, то, значит, он слаб, а его люди должны перейти под власть более сильного. Я, О-Тар, силен. Я беру вас. Этот, — он указал на Чека, — он может сражаться?

— Он храбр, — ответила Тара, — но не так искусен в обращении с оружием, как воин моего народа.

— Больше никто не может сражаться за тебя? — спросил О-Тар. — Мы справедливый народ, — продолжил

он, не выслушав ответа,— и если кто-нибудь сразится за тебя, он может выиграть свободу для себя и тебя.

— Но У-Дор сказал, что еще ни один чужестранец не покинул Манатора,— ответила она.

О-Тар пожал плечами.

— Это не умаляет справедливости законов Манатора,— ответил он,— а свидетельствует о непобедимости его воинов. Если кто-нибудь сумеет победить наших воинов, он заслужит полную свободу.

— Если вы велите привести моего воина,— надменно сказала Тара,— вы увидите, как мастерски он владеет мечом. Такого никогда не видели ветхие стены вашего умирающего города. И если ты не лжешь, мы скоро будем свободны.

О-Тар улыбнулся. У-Дор, вожди и воины смеялись и подталкивали друг друга локтями, перешептываясь.

Тара поняла, что в уповании на справедливость законов Манатора кроется какая-то хитрость. Положение ее казалось безнадежным, но она не теряла надежды. Разве не была она дочерью Джона Картера, Владыки Барсума? Его девиз «Я еще жив!» всегда был с ней в самых отчаянных ситуациях. При мысли об отце подбородок Тары из Гелиума вздернулся еще выше. О, если бы он только знал, где его дочь, у нее не было бы причин бояться! Воины Гелиума были бы уже у ворот Манатора. Огромные зеленые воины, дикие союзники Джона Картера, пришли бы со дна мертвого моря за богатой добычей в этом городе, а корабли Гелиума уже разгуливали бы над беззащитными куполами и башнями Манатора.

Но Джон Картер ничего не знал! Здесь был только один человек, на которого она могла надеяться,— Туран, ее воин. Но где же он? Она видела его меч в бою и поняла, что им управляет искусная рука. А кто мог знать боевое искусство лучше Тары, которая обучалась ему под руководством самого Джона Картера? Приемы, которые она знала, могли защитить ее от самого сильного противника, а способы атаки вызвали бы зависть у самого опытного бойца. Однако мысли ее обратились к Турану не только потому, что она надеялась найти у него защиту. С тех пор, как он оставил ее, отправившись на поиски воды и пищи, она поняла, что между ними возникла дружба. Она сломала все преграды, стоявшие между принцессой и простым воином. Потеряв его, она поняла, что он для нее

не просто воин, а верный товарищ. Она вновь обратилась к О-Тару.

— Где Туран, мой воин? — спросила она.

— Ты не будешь испытывать недостатка в воинах, — ответил с улыбкой джеддак, — многие захотят сразиться за твою красоту. Может, и сам джеддак Манатора защитит тебя. Ты нравишься мне, женщина. Что ты скажешь, если я окажу тебе такую честь?

Прищурившись, принцесса Гелиума презрительно оглядела джеддака Манатора от украшенной перьями головы до сандалий на ногах, затем снова с ног до головы.

— Честь?! И я нравлюсь тебе? Знай, самовлюбленный нахал, что мне ты не нравишься! Дочь Джона Картера не для таких, как ты!

Напряженная тишина воцарилась в Зале Совета. Кровь медленно отхлынула с сурового лица О-Тара, джеддака Манатора, затем он покраснел от гнева. Его глаза превратились в две щелки, а губы изогнулись в кривой усмешке. В тронном зале долго стояла гробовая мертвая тишина. Затем джеддак повернулся к У-Дору.

— Уведи ее, — сказал он ровным голосом, подавив свой гнев. — И на ближайших играх пленники и простые воины разыграют ее в джетан.

— А этого? — спросил У-Дор, указывая на Чека.

— В темницу до следующих игр, — ответил О-Тар.

— Так вот цена твоей справедливости? — воскликнула Тара. — Два чужестранца, не причинившие тебе никакого вреда, осуждены без суда, и одна из них — женщина. Нахалы Манатора столь же справедливы, сколь и храбры!

— Прочь! — выкрикнул взбешенный О-Тар, и по его знаку воины окружили пленников и вывели их из зала.

За пределами дворца Чека и Тару разлучили. Девушку по длинной улице привели в небольшое здание с очень высокой башней. Здесь ее передали воину со знаками различия двара, или капитана.

— По приказу О-Тара, — обратился к нему У-Дор, — мы оставляем ее здесь до ближайших игр, когда пленники и простые воины разыграют ее. Если бы не ее язык тот, она была бы желанным призом и для нашей гордой стали, — и У-Дор вздохнул, — может, даже я выиграл бы ее. Жаль, что такая красота достанется какому-нибудь грубому воину. Я бы возвысил ее до себя.

— Если я пленница, то отведите меня в тюрьму,— заявила девушка,— я не желаю выслушивать каждого грубияна.

— Видишь, А-Кор,— воскликнул У-Дор,— какой у этой девушки язык? Примерно так же она говорила и с О-Тором, нашим джеддаком.

— Вижу,— ответил А-Кор, с трудом сдерживающий улыбку,— пойдем со мной, женщина, и мы найдем безопасное место в крепости Джетан. Но что с тобой?

Тара пошатнулась и упала бы, если бы он не подхватил ее на руки. Она попыталась освободиться и стоять без поддержки. А-Кор взглянул на У-Дора.

— Ты знал, что эта женщина больна? — поинтересовался он.

— Возможно, это от голода,— ответил тот.— Она ведь говорила, что они не ели несколько дней.

— Храбры воины О-Тара,— усмехнулся А-Кор и добавил,— велико их гостеприимство. У-Дор, чьи богатства неисчислимы, и доблестный О-Тар, тоты которого едят из золотых кормушек, не нашли сухой корки для голодной девушки!

У-Дор нахмурился.

— Твой язык может стоить тебе головы, сын рабыни! — воскликнул он.— Слишком часто ты испытываешь терпение справедливого О-Тара! Закрой свой рот так же, как и свою крепость!

— Не думай, что напоминая мне о происхождении моей матери, ты насмехаешься надо мной,— сказал А-Кор.— Кровь рабыни наполняет меня гордостью, и мой позор единственно в том, что я сын джеддака.

— И О-Тар слышал это? — спросил У-Дор.

— О-Тар часто слышал это из моих собственных уст,— ответил А-Кор,— это, и не только это.

Он повернулся и повел девушку в крепость Джетан, любезно поддерживая ее, а У-Дор галопом погнал своего тота ко дворцу.

У главного входа в крепость Джетан сидело несколько воинов. К одному из них и обратился А-Кор, хранитель крепости.

— Сходи за Лан-О, девушкой-рабыней, и прикажи ей принести еду и воду на верхний этаж.

Затем он повел Тару, повисшую у него на руках, по винтовой лестнице наверх. По дороге Тара потеряла сознание. Придя в себя, она увидела, что оказалась в

большой круглой комнате, в каменных стенах которой было несколько окон, расположенных в равном расстоянии друг от друга. Она лежала на гряде меха и щелка, а над ней склонилась молодая женщина, пытавшаяся влить ей в рот какой-то холодный напиток. Тара привсталла, оперлась на локоть и огляделась. В первое мгновение она вдруг забыла обо всех событиях последних недель, и ей показалось, что она проснулась во дворце отца в Гелиуме. Ее недоуменный взгляд остановился на склоненном над нею незнакомом лице.

— Кто ты? — спросила она. — А где Утна?

— Я Лан-О, рабыня, — ответила девушка. — Я не знаю, кого зовут Утной.

Тара выпрямилась и еще раз огляделась. Грубые каменные стены ничем не напоминали мрамор ее покоев.

— Где я?

— В крепости Джетан, — ответила девушка и пояснила, видя, что Тара не понимает ее. — Ты пленница в крепости Джетан в Манаторе. А-Кор, двар этой крепости, принес тебя сюда без сознания. Он послал меня к тебе с едой и водой. У А-Кора доброе сердце.

— Теперь я вспомнила, — медленно сказала Тара, — я все вспомнила. Но где же Туран, мой воин? Они говорили что-нибудь о нем?

— Я ничего не слышала о нем, — ответила Лан-О, — только тебя одну привели в крепость. Ты должна быть счастлива, ибо нет в Манаторе человека добрее А-Кора. Это кровь матери сделала его таким. Она была рабыней из Гатола.

— Гатол! — воскликнула Тара из Гелиума. — Гатол близко от Манатора?

— Не очень, но это ближайшая к нему страна, — ответила Лан-О. — Она лежит в двадцати градусах к востоку.

— Гатол! — пробормотала Тара. — Далекий Гатол!

— Но ты сама не из Гатола, — заметила рабыня. — Они носят другую одежду.

— Я из Гелиума, — ответила ей Тара.

— Гелиум очень далеко от Гатола, — сказала рабыня, — но я помню, нам рассказывали о могучем Гелиуме.

— Ты из Гатола? — догадалась Тара.

— Большинство рабов Манатора родом из Гатола, — ответила девушка-рабыня. — Гатол — ближайшая стра-

на, и воины Манатора добывают там рабов. Примерно раз в пять лет они собираются огромными отрядами и перекрывают все дороги, ведущие в Гатол, перехватывают караваны, идущие из Гатола. Никто еще ни разу не вернулся домой и не рассказал о нашей судьбе джеду Гатола Гохану.

Тара из Гелиума медленно ела, слушая девушку. Ее слова пробудили в ней воспоминания о последних часах, проведенных во дворце отца, о большом празднике, на котором она встретила Гохана из Гатола. Даже теперь она вспыхнула, вспомнив его дерзкие слова.

Пока она сидела, задумавшись, дверь отворилась и вошел толстый воин — неповоротливый мужчина с толстыми губами на злом и хитром лице. Рабыня вскочила на ноги, глядя на него.

— Что это значит, Э-Мед? — воскликнула она. — Разве А-Кор не приказал, чтобы эту женщину не беспокоили?

— А-Кор приказал! — он зло рассмеялся. — Приказы А-Кора теперь не имеют силы в крепости Джетан и где-либо еще, потому что сам А-Кор в тюрьме О-Тара, а двар этой крепости теперь Э-Мед.

Тара увидела побледневшее лицо рабыни и ужас в ее глазах.

ГЛАВА XII

ЧЕК СМЕЕТСЯ

Когда Тару из Гелиума увели в крепость Джетан, Чека конвой отвел в тюрьму под дворцом, где его упрятали в слабо освещенной комнате. У стены стояла скамья и рядом стол. Со стен свисали короткие ремни, укрепленные на кольцах, вбитых в стены. В грязном полу у основания стен было несколько отверстий. Они-то и заинтересовали его больше всего. Свет неожиданно погас. Чек обязательно рассмеялся, если бы умел это делать, так как в темноте он видел даже лучше, нежели при свете. Он продолжал внимательно следить за отверстиями у стены и ждать. Вдруг он ощутил, что воздух в комнате стал тяжелее и приобрел странный запах. И вновь Чек мог бы улыбнуться. Даже если выкачают весь воздух из комнаты, ему все равно. Калдан не имел легких и не

нуждался в воздухе. Другое дело рикор. Лишенный воздуха, он умрет. Но если сохранить хоть немного воздуха, это не повлияет на безголовое, лишенное мозга существо. Рикор будет испытывать лишь некоторое торможение жизнедеятельности, но немедленно вернется к активным действиям, пробужденный мозгом калдана. Чек заставил рикора сесть и опереться спиной о стену. В такой позе он может сидеть без управления калданом. Затем Чек убрал свои клешни, перестав управлять рикором, но оставаясь на его плечах. Чек напряженно ждал, а ждать пришлось недолго. Свет вновь зажегся, одна из дверей отворилась, в комнату вошли пять воинов. Сначала они сняли с него все оружие, надели кандалы на ноги рикора и приковали его к цепи, свисавшей со стены. Затем они перетащили длинный стол на другое место и привинтили его к полу, так что один конец стола оказался прямо перед пленником. На стол перед ним они поставили пищу и воду, а на противоположный конец стола положили ключ от кандалов, затем раскрыли все двери и ушли.

* * *

Придя в себя, Туран ощутил острую боль в руке. Действие газа прекратилось так же быстро, как и началось. Открыв глаза, он уже полностью владел своими чувствами. Лампы вновь горели, и в их свете он увидел на столе гигантскую марсианскую крысу, грызущую его руку. Отдернув руку, он потянулся за коротким мечом, а она опять попыталась укусить его. И тут Туран обнаружил, что все его оружие исчезло: и короткий меч, и длинный, и кинжал, и пистолет. Крыса прыгнула на него, и Туран быстро отступил назад, чтобы избежать ее клыков. Что-то внезапно потянуло его за правую ногу. Пытаясь удержать равновесие, он попытался переступить с ноги на ногу, наступил при этом на туго натянутую цепь и тяжело упал на пол. Крыса прыгнула ему на грудь, пытаясь добраться до горла.

Марсианская крыса — свирепый и кровожадный зверь. У нее множество лап и совсем нет волос. Ее отвратительная шкура напоминает шкуру новорожденного мышонка. По размерам и морде ее можно сравнить с большим земным эрдельтерьером. Ее главное оружие — крепкие челюсти, выдающиеся вперед на несколько

дюймов. Сверху и снизу в них по пять острых в форме лопаты клыков. Они придают морде хищника выражение свирепой ухмылки.

Именно это животное прыгнуло на грудь воину, пытаясь перегрызть ему горло. Дважды Туран сбрасывал ее, пытаясь встать на ноги. Главным и единственным оружием у крысы были челюсти. Своими выступающими клыками крыса роет подземные ходы и норы, а широкими лапами отбрасывает землю назад. Турану удалось-таки ухватить крысу за горло и задушить ее. Потом он встал на ноги, окончательно пришел в себя и стал рассматривать комнату. Он с трудом сообразил, что же произошло. Его усыпили и отобрали оружие, а когда он встал, то понял, что за ногу прикован цепью к стене. Он увидел, что все двери распахнуты. Это была изощренная пытка.

Увидев на столе еду и воду, он вспомнил о пустом желудке. За едой он шарил глазами по комнате и вдруг заметил на противоположном от него конце стола ключ. Осмотрев замок на кандалах, он понял, что этот ключ, конечно, от них. Беспечный воин забыл его здесь. Надежда вновь вспыхнула в груди Гохана из Гатола. Он украдкой взглянул в открытые двери. Никого не было. О, если бы он вырвался на свободу! Он сумел бы уйти из города, вернуться к Таре и никогда больше не расставаться с принцессой, защищая ее от всех бед, а если понадобится, отдать за нее жизнь.

Он встал и осторожно двинулся к желанному ключу. Нога, прикованная к цепи, остановила его. Он потянулся через стол к желанной цели. Еще немного — и он схватит его. Он тянулся изо всех сил, но ключ был недостижим. Он продолжал свои попытки, пока кандалы не врезались ему в ногу. Все было напрасно! Тогда он понял, что ключ — это часть хорошо продуманного плана его тюремщиков. Посылая проклятия на головы своих врагов, Гохан вернулся к прерванной еде. В конце концов он не станет показывать, как раздосадован он своей неудачей. Осмотревшись, он решил попробовать пододвинуть стол к себе, но обнаружил, что они успели привинтить его к полу. Гохан усмехнулся, пожав плечами, и принялся за еду.

* * *

Когда воины вышли из камеры Чека, калдан сполз с плеч рикора и перебрался на стол. Поев немного, он на-

правил руки рикора к еде, и безголовое существо с жадностью набросилось на нее. А Чек тем временем как паук прополз к противоположному концу стола, где лежал ключ от кандалов. Взяв его в зубы, он спустился на пол и быстро пополз к одному из отверстий в полу. Осмотрев его, он подумал, что это вполне удобное место для ключа. Кроме того, здесь, видимо, было логово зверя, которым мог насладиться калдан, отведав мяса и крови. Чек никогда не видел ульсио, так как эта гигантская марсианская крыса давно исчезла в землях Бантума, потому что на нее усиленно охотились калданы, но Чек унаследовал, не отдавая себе в этом отчета, воспоминания каждого из своих предков, поэтому он знал, что ульсио живут в таких норах, как они выглядят и каковы их повадки, а также то, что они годятся в пищу, хотя никогда не видел ни ее самое, ни ее изображения. Когда мы разводим животных, мы стараемся выработать у них нужные нам свойства. Точно также, развивая свой мозг, калданы передали по наследству свои знания и опыт потомкам. Несомненно, и в нашем сознании заложены знания наших далеких предков. Они спят в нашем сознании, и у нас возникает смутное представление о какой-то там прошлой жизни. О, если бы мы могли оживить эти воспоминания!

Чек углубился в нору и по крутому спуску прошел футов десять. Здесь он оказался в своей стихии — восхитительной прекрасно устроенной сети подземных ходов. Калдан приободрился. Здесь была настоящая жизнь! Он быстро и бесстрастно двигался к своей цели, которая лежала в углублении в стене в одном из проходов. Здесь в гнезде из обрывков меха и ткани лежали шесть детенышей ульсио. Когда их мать вернулась, там было только пять детенышей и существо, похожее на большого паука. Она немедленно бросилась в атаку на пришельца и была встречена челюстями, которые перехватили ее так, что крыса не могла шевельнуться. Челюсти медленно подтянули горло зверя к отвратительному рту калдана, и через мгновение крыса была мертва. Чек мог бы долго оставаться в гнезде, так как ему хватило бы еды на много дней, но он не стал делать этого, а принялся исследовать норы. Он проник во множество остроумно устроенных ловушек, нашел отравленную пищу и другие признаки постоянной и безуспешной борьбы, которую вели жители Манатора с этими отвратитель-

ными созданиями, населявшими подвалы их домов и общественных зданий. Подземные ходы пронизывали все районы города, и большинство из них были очень-очень древними.

Тонны и тонны выбранной почвы должны были вынести те, кто рыл ходы. Он долгое время недоумевал, куда же она подевалась, пока один широкий длинный коридор не привел его к месту, откуда был слышен рокот подземного водопада. Вскоре он вышел на берег большой подземной реки, уходящей далеко к центру планеты, где она, несомненно, впадала в подземный океан Омеан. В эту стремительную реку бесчисленные поколения ульсио сбрасывали землю, выкопанную во время строительства обширных лабиринтов. Лишь ненадолго задержался Чек у подземной реки. Его, на первый взгляд, бессмысленные поиски на самом деле имели определенную цель, на поиск которой он направил всю свою силу и энергию. Он исследовал множество ходов, кончавшихся в подземных камерах и других помещениях, осматривал их из глубины нор, пока не убеждался в очередной раз, что того, что он ищет, здесь нет. Он быстро передвигался на своих паучьих лапах и за короткое время покрыл значительное расстояние.

Его поиски не увенчались успехом, и он решил вернуться в тюрьму к своему прикованному рикору и посмотреть, не нужна ли ему помощь. Дойдя до конца прохода, кончавшегося в его камере, он замедлил шаги у самого выхода из норы. Отсюда он в полной безопасности мог посмотреть, что делается в ней. Он увидел, что в раскрытой двери появилась фигура воина. Рикор сидел, навалившись на стол, его руки медленно двигались в поисках пищи. Чек видел, как воин взглянул на рикора, его глаза широко раскрылись, и пепельная бледность сменила бронзовый цвет кожи. Воин отступил назад, как будто его ударили в лицо. Парализованный страхом, он стоял так несколько мгновений, затем приглушенно вскрикнул, повернулся и побежал. Как жаль, что калдан Чек не мог смеяться!

Быстро войдя в камеру, он подполз к столу, взобрался на плечи рикора и принялся ждать. Можно было подумать, что у Чека, не умевшего даже улыбаться, появилось чувство юмора. Около получаса просидел он так, затем до него донесся звук шагов, приближавшихся по каменному полу коридора. Он услышал звон оружия, и

понял, что эти люди торопятся. Перед входом в его камеру они остановились и пошли медленнее. Впереди был офицер, а за ним, по-прежнему широко раскрыв глаза, шел ошеломленный воин, который выбежал в жуткой панике. Войдя в комнату, они остановились, и офицер взглянул на воина, пальцем указав на Чека.

— Вот он сидит! Неужели ты солгал своему двару?

— Клянусь,— воскликнул воин,— я сказал правду! Это существо сидело без головы, наклонясь над столом. Пусть первый предок убьет меня на месте, если это неправда!

Офицер был в недоумении. Марсиане очень редко лгут. Он почесал затылок. Затем обратился к Чеку.

— Долго ли ты находишься здесь?

— Кто может знать это лучше вас, ведь вы сами поместили меня сюда, приковав к стене? — вопросом на вопрос ответил Чек.

— Видел ли ты этого воина несколько минут тому назад?

— Да, я видел его,— ответил Чек.

— И ты сидел там же, где сидишь теперь?

— Посмотри на эту цепь и скажи, где еще я мог сидеть? — воскликнул Чек.— Разве люди твоего города так глупы?

Три остальных воина подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть пленника. Они улыбались неудаче, постигшей их товарища. Офицер же пригрозил Чеку.

— Твой язык так же ядовит, как и язык львицы, которую отвели в крепость Джетан по приказу О-Тара.

— Ты говоришь о молодой женщине, взятой в плен вместе со мной? — спросил Чек. Его монотонный голос и лишенное выражения лицо не выдали его заинтересованности.

— Да, я говорю о ней,— ответил двар и повернулся к воину, вызвавшему его.— Возвращайся в казарму и оставайся там до следующих игр. Может, за это время твои глаза перестанут обманывать тебя.

Воин бросил яростный взгляд на Чека и отвернулся. Офицер покачал головой.

— Не понимаю,— пробормотал он.— У-Ван всегда был честным и надежным воином. Возможно ли это? — Он внимательно взглянул на Чека.— Твоя голова не соответствует твоему телу, парень! — воскликнул он.— В на-

ших легендах говорится о древних существах, которые могли вызывать галлюцинации у людей. Если ты из их числа, может, У-Ван пострадал из-за твоей силы? Если это так, то О-Тар знал бы, что делать с тобой,— он повернулся и приказал своим воинам следовать за собой.

— Подождите! — крикнул Чек. — Я голоден. Принесите мне еды.

— У тебя была еда, — ответил воин.

— Я не могу есть один раз в день, — заявил Чек. — Мне необходимо есть чаще, пришлите же мне еды.

— Тебе все принесут, — ответил офицер, — никто не смеет сказать, что пленники Манатора голодают. Законы Манатора справедливы, — с этими словами он удалился.

Как только смолк звук их шагов, Чек сполз с плеч рикора и пробрался в нору, где спрятал ключ. Открыв им замок, он снял кандалы с ноги рикора и вновь спрятал его на прежнее место. Затем он вновь устроился на плечах безмозглого существа.

Вскоре послышались шаги, он встал вышел в соседний коридор. Здесь Чек спрятался и стал прислушиваться. Он слышал, как человек вошел в комнату и остановился, потом последовало приглушенное восклицание и звон металлического подноса, поставленного на стол. Затем вновь раздались быстрые шаги, замершие в глубине коридора. Чек, не теряя времени, вернулся в камеру, достал ключ и вновь приковал рикора. Опять спрятав ключ, он взобрался на стол и направил руки рикора на еду. Пока тот ел, Чек прислушивался к звукам в коридоре.

Заслышав топот ног и звон оружия, он взобрался на плечи рикора. Вновь вошел офицер с тремя воинами. Один из них был, очевидно, тот, который принес ему пищу, так как он удивленно глядел на Чека, сидящего за столом. Воин выглядел очень глупо, когда двар строго взглянул на него.

— Было так, как я сказал, — воскликнул воин. — Его здесь не было, когда я принес пищу.

— Но ведь сейчас он здесь, — строго сказал офицер, — кандалы у него на ноге. Посмотри! Они замкнуты, но... где же ключ? Он должен быть на этом конце стола! Где ключ? — крикнул он Чеку.

— Как я, пленник, могу знать, где ключ от моих кандалов? — возразил Чек.

— Но он лежал здесь! — воскликнул офицер, указывая на противоположный от Чека конец стола.

— Ты видел его? — спросил Чек.

Офицер колебался.

— Нет, но он должен быть здесь,— упрямо утвердил он.

— Ты видел здесь ключ? — спросил Чек у другого воина.

Тот отрицательно покачал головой.

— А ты? — продолжал спрашивать у воинов калдан, обращаясь к ним поочередно.

Все признались, что не видели ключа.

— Разве мог бы я взять его, даже если бы он был здесь? — продолжал он.

— Нет, он не мог бы дотянуться,— сообразил офицер,— но больше подобное не повторится. И-Зав, ты останешься здесь и будешь охранять пленника, пока тебя не сменят.

И-Зав ничего не ответил, но подозрительно посмотрел на Чека, а в это время офицер и остальные воины покинули камеру.

ГЛАВА XIII

ОТЧАЯННЫЙ ПОСТУПОК

Э-Мед пересек комнату и приблизился к Таре и девушке-рабыне Лан-О. Он грубо схватил Тару за плечо.

— Вставай! — приказал он.

Тара, отбросив руку, встала и отвернулась.

— Не трогай своей грязной рукой принцессу Гелиума, животное! — резко сказала она.

Э-Мед засмеялся.

— Ты думаешь, я собираюсь шутить с тобой, ты, за которую будут играть? Иди сюда!

Девушка выпрямилась во весь рост, прижала руки к груди, и Э-Мед не заметил, что тонкие пальцы ее правой руки скрылись за широким кожаным ремнем, опоясывающим ее фигуру, начиная с левого плеча.

— Если О-Тар узнает об этом, ты пожалеешь, Э-Мед,— воскликнула рабыня.— В Манаторе нет закона, отдающего девушку до того, как за нее сражались.

— Что за дело О-Тару до ее судьбы? — ответил Э-Мед.— Разве я не слышал? Разве не насмеялась она над великим джеддаком? Клянусь моим первым

предком, О-Тар сделает джедом того, кто сумеет покорить ее.

— Подожди! — сказала Тара ровным низким голосом. — Возможно, ты не понимаешь, что делаешь. Женщина Гелиума священна для людей Гелиума. За честь беднейшей из них сам великий джедак обнажает свой меч. Великие народы Барсума пережили много войн, которые велись за Дею Торис, мою мать. Мы можем умереть, но нас нельзя унижить. Ты можешь играть в джетан за принцессу Гелиума, но даже если выиграешь, награду не получишь никогда, ты выиграешь лишь мертвое тело. Знай, житель Манатора, что кровь Владыки Барсума не зря течет в жилах Тары из Гелиума!

— Я ничего не знаю о Гелиуме. О-Тар — наш владыка, — ответил Э-Мед. — Но я знаю, что испытаю приз, за который буду играть. Я попробую вкус губ той, что станет моей рабыней после ближайших игр; не серди меня, женщина, — глаза его сузились, и лицо приобрело выражение рычащего зверя. — Если ты сомневаешься в истинности моих слов, то спроси рабыню Лан-О.

— Он говорит правду, о женщина из Гелиума, — подтвердила Лан-О. — Не серди Э-Меда, если тебе дорога твоя жизнь!

Но Тара не ответила. Она уже все сказала. Она молча глядела в лицо приближающемуся к ней дородному воину. Он подошел ближе, внезапно схватил ее в объятия и пригнул, стараясь прижать свои губы к ее губам.

Лан-О видела, как женщина из Гелиума быстрым движением выхватила из-под ремня длинный тонкий кинжал. Губы воина были совсем близко от нее, но им не суждено было коснуться ее уст! Внезапно мужчина выпрямился, вскрикнул, съежился, подобно пустой шкуре, и упал на пол. Тара нагнулась и вытерла свой кинжал о его одежду. Лан-О в ужасе смотрела на лежащее тело.

— Мы умрем за это обе, — сказала она.

— Разве лучше быть рабыней в Манаторе? — спросила Тара.

— Я не так храбра, как ты, — ответила ей рабыня, — а жизнь хороша, и всегда остается надежда.

— Жизнь хороша, — согласилась Тара, — но честь свята. Не бойся, когда они придут, я скажу им правду, что ты не виновата в этом и не имела возможности защитить его.

Некоторое время рабыня размышляла, вдруг лицо ее просветлело.

— Я нашла способ, снять с нас подозрение, — сказала она. — У него был с собой ключ от нашей комнаты. Давай вынесем его и попытаемся где-нибудь спрятать.

— Хорошо! — согласилась Тара, и девушки принялись осуществлять предложение Лан-О. Они быстро отыскали ключ, открыли дверь и выволокли тяжеленное тело Э-Меда вниз по лестнице на следующий этаж, где, как сказала Лан-О, были свободные помещения. Первая же дверь, которую они попытались открыть, подалась, и они попали в маленькую комнатку, освещаемую единственным окном. Это, очевидно, была жилая комната, а не тюремная камера, поскольку поражала роскошь убранства. Стены были украшены деревянными панелями, а выше их и на потолке они увидели яркие фрески. Глаза Тары быстро оглядели комнату. Ее привлекла часть панели, слегка отошедшая от стены. Подойдя ближе, она обнаружила зазор в полдюйма между этой панелью и следующей. Вероятно, что здесь какой-то тайник. Девушка ухватила за край панели и потянула к себе. Та медленно отошла, открыв темное отверстие в стене.

— Смотри, Лан-О! — воскликнула она. — Посмотри, что я нашла. Здесь отверстие под панелью, в котором удастся спрятать тело.

Лан-О присоединилась к ней, и они вдвоем, обследовав отверстие, обнаружили за ним небольшую площадку и узкую лестницу, ведущую вниз в потайную комнату. Толстый ковер покрывал ступени лестницы, и было видно, что по нему давно уже не ступала нога человека. Вероятно, тайный ход был давно забыт жителями Манатора. Сюда они втащили тело Э-Меда, оставив его на площадке. Когда они вошли обратно в комнату, Лан-О хотела поставить панель на место, но Тара не разрешила.

— Подожди! — сказала она и стала разглядывать резьбу на ней.

— Быстрее! — прошептала рабыня. — Если нас здесь застанут, мы погибли.

— Нам не мешает знать, как открывается это убежище, — ответила Тара. Она нажала на один из элементов украшения, и панель сдвинулась с места. — Ах! — вздохнула она, и в ее голосе прозвучало удовлетворение.

— Идем! — она быстро вернула панель на место и двинулась к выходу из комнаты.

Без приключений достигли они своей темницы. Тара закрыла дверь изнутри и спрятала ключ в потайной карман.

— Теперь пусть приходят,— сказала она,— и спрашивают сколько угодно! Что могут знать две бедные пленницы о судьбе своего тюремщика? Я спрашиваю тебя, Лан-О, что они могут знать?

— Ничего! — согласилась Лан-О и улыбнулась Таре.

— Расскажи мне о людях Манатора,— попросила Тара.— Любят ли они Э-Меда или некоторым из них нравятся такие, как А-Кор, который показался мне человеком храбрым и вежливым?

— Они не любят чужестранцев,— ответила Лан-О.— Среди них есть и хорошие, и плохие. Они замечательные и храбрые воины, наделенные рыцарским началом. Но с чужеземцами они признают лишь один закон — закон силы. Слабость и беды других народов вызывают в них чувство презрения. Они вымещают все худшее, что есть в их характерах на нас, рабах.

А-Кор утверждает, что это происходит оттого, что их страна никогда не попадала во власть врагов, их набеги всегда заканчивались удачей, так как никогда еще они не сталкивались с более сильным противником, поэтому Манатор уверовал в собственную непобедимость и стал относиться к другим народам как к существам низшим.

— Но А-Кор тоже один из них,— заметила Тара.

— Он сын О-Тара, джеджака Манатора,— ответила ей Лан-О,— но его мать была знатной гатолианкой, которую О-Тар захватил в плен и сделал своей рабыней. А-Кор гордится кровью своей матери, и он действительно не такой, как остальные. Он отличается рыцарством и вежливостью, хотя никто и никогда не ставил под сомнение его храбрость и воинскую доблесть.

— Как ты думаешь, что с ним будет? — поинтересовалась Тара.

— Он приговорен к играм,— ответила Лан-О,— если О-Тар не очень разгневан на него, то приговорит его всего к одной игре, в этом случае он может остаться в живых. Если О-Тар действительно захочет избавиться от него, А-Кору суждено будет играть десять игр, а ни один воин еще не оставался жив после такого приговора.

— Не понимаю, что это за игра? — спросила Тара.— Я знаю игру в джетан, мы часто играем в нее дома, но в наших правилах нет приговоров к смерти.

— Они играют в нее на арене Манатора,— ответила Лан-О.— Посмотри в окно.

Тара увидела перед собой большое поле, окруженное низкими зданиями. Башня, в которой они находились, была единственным высоким сооружением. Вокруг арены были сооружены скамьи для зрителей. На поле лежала гигантская доска для игры в джетан, разделенная на оранжевые и черные квадраты.

— Здесь играют в джетан фигурами, делая высокие ставки. Обычно, это женщины-рабыни исключительной красоты. О-Тар сам мог бы сыграть за тебя, если бы ты не разгневала его, но теперь тебя разыграют в открытой игре с участием рабов и преступников. Ты достанешься выигравшей стороне — не одному, а всем, кто выигрывает.

Глаза Тары вспыхнули, но она ничего не сказала.

— Те, кто руководит игрой, сидят у противоположных концов доски, передвигая свои фигуры с клетки на клетку. Когда воина передвигают на клетку, занятую фигурой другой стороны, оба воина сражаются до смерти за право занять клетку. Каждый воин одет в соответствующие своему полю цвета, специальные знаки различия указывают кто он — раб, воин, исполняющий приказ, или же доброволец. Если он исполняет приказ, то заранее определено, сколько игр он проведет на поле. Каждый игрок знает, какими фигурами можно рискнуть, а какие надо приберечь. Более того, шансы каждого воина определяются позицией, которую он занимает в начале игры. Тех, кого желают уничтожить, обычно назначают пехотинцами, так как у них практически нет шансов спастись.

— Могут ли те, кто руководит фигурами, участвовать в игре на поле? — спросила Тара.

— Конечно,— сказала Лан-О.— Очень часто, когда два воина, даже из высших классов, поссорятся друг с другом, О-Тар велит им решить свой спор на арене. Тогда они принимают активное участие в игре и руководят ею с позиции, занимаемой вождем. Для выяснения споров, они используют своих собственных игроков, воинов или рабов, если богаты, иногда в качестве фигур выступают их друзья, добровольно решившие принять участие в игре. Наконец, для игры могут дать пленников из тюрьмы. Тогда игры наиболее удаются: часто сам великий вождь бывает убит.

— Значит, суд в Манаторе вершится на этой арене? — спросила Тара.

— Да, почти всегда, — ответила Лан-О.

— На каких условиях пленник может получить свободу? — продолжала задавать вопросы девушка из Гелиума.

— Если воин останется жив после десяти игр, его освобождают, — ответила Лан-О.

— И все принимают участие в играх? А как же женщины? — расспрашивала Тара.

— Еще ни один чужеземец в Манаторе не выдержал десяти игр, — ответила рабыня. — Но они имеют право остаться рабами на всю жизнь, если не выберут борьбу на поле джетан. Конечно, и в этом случае их могут заставить играть, но остается больше шансов выжить, так как их все-таки берегут, ибо при выигрыше их все равно ждет участь рабов.

— Но женщины, — настаивала Тара, — как они могут заслужить свободу?

Лан-О засмеялась.

— Очень просто, — воскликнула она. — Женщина находит воина, который будет сражаться за нее в десяти играх, и если он останется жив, она свободна.

— Да, справедливы законы Манатора, — с презрением заметила Тара.

Она услышала шаги, ключ повернулся в замке, и дверь открылась. В нее заглянул воин.

— Двар Э-Мед был ли здесь? — спросил он.

— Да, — ответила Тара, — совсем недавно.

Воин быстро оглядел комнату, потом вопросительно посмотрел на Тару, затем на рабыню. На лице у него появилось растерянное выражение. Он почесал затылок.

— Странно, — сказал он, — два десятка людей видели, как он поднялся в крепость и в ней один-единственный хорошо охраняемый выход, но никто не видел, как он вышел.

Тара из Гелиума лениво зевнула.

— Принцесса Гелиума голодна, парень, — заявила она. — Скажи своему начальнику, что я хочу есть.

Только через час воин принес еду, его сопровождали офицер и еще четыре воина. Офицер внимательно осмотрел комнату, но в ней не осталось ни одного следа недавних событий, ни одной капли крови.

— Женщина, — сказал офицер, поворачиваясь к Та-

ре,— ты последней видела двара Э-Меда. Отвечай мне, говори только правду. Видела ли ты, как он вышел из комнаты?

— Да,— ответила Тара.

— Куда он пошел?

— Откуда мне знать? Не думаешь ли ты, что я вижу сквозь закрытую дверь? — ответила она с явной издевкой в голосе.

— Мы не знаем,— ответил офицер,— но довольно странные вещи происходят в камере твоего товарища в тюрьме Манатора. Может быть, ты легко проходишь сквозь закрытые двери?

— О ком ты говоришь? — воскликнула девушка.— О Туране, моем воине? Он жив? Скажи мне, он здесь, в Манаторе? Он не ранен?

— Я говорю о том, который называет себя Чеком, калданом,— ответил ей офицер.

— Но Туран! Скажи мне, падвар, слышал ли ты что-нибудь о нем? — настойчиво вопрошала Тара.

Но офицер ничего не ответил ей. Да и что ему интересоваться судьбой какого-то раба?

— Люди не исчезают в воздухе,— сказал он,— и если Э-Мед не будет найден, этим делом займется сам О-Тар. Предупреждаю тебя, женщина, если ты принадлежишь к тем ужасным корфалам, которые вызывали духов мертвых гигантов и заставляли их выполнять свою волю, а мы думаем, что Чек из их числа, лучше верни Э-Меда, и О-Тар будет милостив к тебе.

— Что за глупости! — воскликнула девушка.— Я принцесса Гелиума! Даже если эти сказочные корфалы и существуют, но сейчас уже никто не верит в них, то предания говорят, что они вселяются только в тела преступников и людей из низших классов. Человек из Манатора, ты глуп, и твой джеддак — глупец, как, впрочем, и весь твой глупый народ!

Девушка презрительно повернулась к нему спиной и принялась рассматривать поле для игры в джетан, крыши Манатора и низкие холмы за городом, где была свобода.

— Но если ты так хорошо осведомлена о корфалах,— воскликнул он,— то знаешь, что ни один простой воин не может коснуться их! Они могут быть убиты безнаказанно только рукой джеддака!

Девушка ничего не ответила, но из разговора с офи-

цером поняла, что никто не посмеет причинить ей вреда, кроме самого О-Тара. Падвар вышел в окружении своих воинов, а она долго еще глядела из окна на город, размышляя, какие еще превратности принесет ей судьба.

Вдруг снизу до нее донеслись звуки варварской музыки — глубокий мелодичный звук военной трубы, лязг оружия. Девушка подняла голову и прислушалась. Лан-О, стоявшая у другого окна, знаком подозвала к себе Тару. Отсюда были видны Ворота Врагов, через которые в город входили войска.

— Прибыл Великий джед,— сказала Лан-О,— никто другой не осмелился бы войти в город под звуки военной музыки. Это У-Тор, джед Манатоса, второго по величине города этой страны. Его называют великим вождем повсюду в Манаторе. Народ любит его, а О-Тар ненавидит. Знающие люди говорят, что достаточно малейшего повода, чтобы между ними вспыхнула война. Никто не может знать, чем она закончится. Люди Манатора преклоняются перед О-Таром, но они любят и У-Тора, хотя он и не джеддак.

— У-Тор справедливый человек? — спросила Тара.

— Да,— ответила Лан-О.— В Манатосе для игры в джетан используют только преступников, приговоренных к казни, да и у тех есть шансы получить свободу. Добровольцы могут играть, но их передвижения не связаны со смертельным риском. Раненые или просто уставшие могут покинуть поле. Они считают джетан спортом, здесь же это — бойня. У-Тор против походов за рабами и против политики самоизоляции Манатора от других народов Барсума. Но У-Тор не джеддак, поэтому ничего не может изменить.

Девушка смотрела на колонну, вошедшую в Ворота Врагов, и двинувшуюся по широкой улице ко дворцу О-Тара. Это была великолепная процессия варварски раскрашенных воинов в драгоценных доспехах и разноцветных перьях, восседающих на визжащих тотях, убранных богатой сбруей. Высоко над головами всадников на длинных пиках развевались флаги и вымпелы. Пехотинцы легко шли по каменной мостовой, поскольку их сандалии из шкуры зитидара не производили шума. В тылу каждого утана шли зитидары, запряженные в боевые колесницы. Утан за утаном входили войска У-Тора в город, и даже когда голова колонны достигла дворца О-Тара, они еще не все вошли в город.

— Я здесь уже много лет,— сказала Лан-О принцесса,— но никогда не видела, чтобы великий джед приводил в Манатор с собой столько воинов.

Полузакрыв глаза, Тара смотрела на идущих по широкой улице воинов, стараясь представить себе, что это воины ее родного Гелиума, пришедшие освободить свою принцессу. Девушка горько вздохнула и обратила внимание на то, что горожане не приветствуют входящие войска, а молча взирают на них с балконов.

— Люди, кажется, не очень рады воинам Манато-са,— заметила она, обращаясь к Лан-О.— Я не заметила оживления на балконах дворцов.

Девушка-рабыня удивленно посмотрела на нее.

— Не может быть, чтобы ты не знала,— воскликнула она.— Ведь это...— но она не успела закончить фразу. Дверь распахнулась, и перед ними появился офицер.

— Рабыня Тара, тебя вызывает О-Тар, джеддак Манатора! — заявил он.

ГЛАВА XIV

ПО КОМАНДЕ ЧЕКА

Турана все больше раздражали кандалы. Медленно тянулось время. Молчание и отсутствие событий превращали минуты в часы. Его мучила неизвестность о судьбе женщины, которую он любил. Он вслушивался в тишину, надеясь услышать хоть чьи-либо шаги.

После долгих часов мучительного ожидания и неизвестности он услышал наконец лязг оружия. Идут люди! Он ждал, затаив дыхание. Может, это его палачи, но он все равно ждал их появления. Он попытается узнать у них о принцессе, но если им ничего неизвестно о ней, ни за что не выдаст место, в котором оставил ее. И они пришли: офицер в сопровождении полдюжины воинов. Они привели пленника, приковали его к стене цепью. Туран засыпал офицера вопросами.

— Скажи,— потребовал он,— почему меня держат здесь как пленника? Попали ли в ваши руки другие чужестранцы, кроме меня?

— О ком ты спрашиваешь?

— Меня интересует судьба женщины и мужчины с необычной головой,— ответил Туран.

— Как их зовут? — опять спросил офицер.

— Женщину зовут Тара, принцесса Гелиума, а мужчину — Чек, он калдан из Бантума.

— Это твои друзья? — спросил офицер.

— Да, — ответил Туран.

— Это все, что я хотел узнать, — сказал ему в ответ офицер, и по его команде воины вышли из камеры.

— Скажи мне о Таре из Гелиума, она жива? — кричал им вслед Туран.

Но офицер так ничего и не ответил, и звуки их шагов вскоре смолкли.

— Тара из Гелиума была жива совсем недавно, — сказал пленник, прикованный к стене рядом с Тураном.

Воин повернулся к нему и разглядел человека большого роста, с красивыми чертами лица и несомненно благородного происхождения.

— Ты видел ее? — спросил он. — Она в опасности?

— Ее заключили в крепость Джетан и назначили в качестве приза за следующие игры, — ответил незнакомец.

— А ты кто? — поинтересовался Туран. — Почему тебя заточили в тюрьму?

— Я А-Кор, двар, хранитель крепости Джетан, — ответил тот. — А здесь я потому, что осмелился сказать правду о джеддаке Манатора одному из офицеров.

— И что тебя ждет?

— Не знаю. О-Тар, наш джеддак, еще не вынес приговора. Конечно, меня приговорят к играм, может быть, к десяти. О-Тар не любит своего сына А-Кора.

— Ты сын джеддака? — удивился Туран.

— Я сын О-Тара и его рабыни Гайи из Гатола, которая была принцессой у себя на родине.

Туран с интересом посмотрел на пленника. Сын Гайи из Гатола! Сын сестры его матери! Следовательно, его двоюродный брат! Гохан хорошо помнил удивительное и таинственное исчезновение принцессы Гайи и ее личной охраны. Она не вернулась из поездки, исчезли также все сопровождавшие ее воины и свита. Неужели он узнал тайну ее исчезновения? В истории Гатола было слишком много подобных потерь. Туран внимательно рассматривал своего соседа, все больше находя в нем сходство с сестрой своей матери. А-Кор, должно быть, несколько моложе его, но небольшая разница в возрасте

едва ли заметна у людей, которые не старятся и чья жизнь длится долгую тысячу лет.

— А где расположен Гатол? — спросил Туран.

— Точно на восток от Манатора.

— Очень далеко?

— До столицы Гатола около двадцати одного градуса, — ответил А-Кор, — а до границы между государствами отсюда немного меньше десяти градусов. Между Гатолом и Манатором лежит горная страна с глубокими ущельями и острыми скалами.

Гохан хорошо знал эти места, которые упомянул О-Кар. Даже воздушные корабли избегали залетать туда из-за предательских потоков, идущих из глубоких пропастей, и отсутствия там жизни. Теперь он знал, где расположен Манатор, и впервые за несколько недель долгого пути домой знал, где его родина.

Ему повезло, он встретил человека, в чьих жилах текла кровь их предков. Он вырос в Манаторе, знает обычаи и город, несомненно, он поможет ему вырвать Тару из плена.

Но как рискнуть и начать разговор об этом с А-Кором?

— Ты думаешь, О-Тар приговорит тебя к смерти? — спросил он. — Но за что?

— Он правит своим народом железной рукой, — ответил А-Кор, — и преданность его людей безгранична. Он очень завистливый тиран и коварный властолюбец, который находит массу способов расправиться с претендентами на трон. Поскольку я сын рабыни, он не опасался меня, пока довольно значительная часть воинов не стала откровенно выказывать мне свое расположение. Решив, что это очередной заговор, способный лишить его трона, он давно искал повод избавиться от меня. Теперь же, под предлогом защиты принцессы Тары, он заставит меня принять участие в играх, и я вскоре расстанусь с этим миром.

— Но почему ты не бежал в Гатол? — спросил Туран.

— Я много думал об этом, но чем бы мне там было лучше? Гатолианцы относились бы ко мне как к чужеземцу, ведь я знаю, как в Манаторе относятся к таким людям.

— Если бы ты заявил, что являешься сыном принцессы Гайи, то тебя бы хорошо приняли, — сказал Ту-

ран. — В конце концов ты мог бы заработать свободу и право стать гражданином Гатола на алмазных шахтах.

— Откуда ты знаешь об этом? — удивился А-Кор. — Я считал тебя родом из Гелиума.

— Я наемник, — ответил Туран, — и служил во многих странах, в том числе и в Гатоле.

— То же самое мне говорила моя мать, и советовали рабы из Гатола, — задумчиво сказал А-Кор. — Она имела большое влияние и власть среди рабов из Гатола, которых в Манаторе свыше миллиона. За это он отправил ее в Манатос.

— А что, ведь при случае эти рабы могут составить большую силу? — спросил Туран.

А-Кор долго смотрел ему в глаза, потом сказал:

— Ты кажешься мне человеком чести, я вижу это по твоему лицу и редко ошибаюсь в людях, но... — тут он наклонился поближе и прошептал, — даже у стен бывают уши.

Туран понял его ответ.

Поздно вечером пришли воины и сняли кандалы с ног Турана. Потом они увели его во дворец джедака О-Тара, и пока джед Гатола в сопровождении охраны шествовал по улочкам Манатора, на него безмолвно взирали с балконов горожане.

А во дворце жизнь кипела вовсю. Сновали всадники, в больших залах расседланные тоты жевали корм, а их хозяева играли в джетан маленькими фигурками, вырезанными из дерева. Турана поразило богатое убранство залов и великолепные колонны при входе, являвшиеся точной копией фигур для игры в джетан. Его повели тем же путем, что и Тару, и его сразила замершая группа всадников, восседавших на тотях, в Зале Вождей. Ни один мускул не дрогнул на их лицах, даже тоты стояли, не мигая и не шевеля хвостами. Склонив копья к полу, они молча созерцали на проходившую мимо группу воинов с Тураном посередине. У большой двери они остановились, ожидая, когда пленника призовут к правителю Манатора.

* * *

Когда Тару из Гелиума ввели в тронный зал О-Тара, У-Тор, джед Манатоса, сидел уже на почетном месте чуть ниже трона джедака, который сурово смотрел на нее с высоты трона.

— Законы Манатора справедливы,— сказал он, обращаясь к ней,— поэтому ты здесь, тебя будут судить. Что ты можешь сказать в свою защиту?

Тара едва сдержала смех, отвечая на нелепое обвинение в колдовстве.

— Культура моего народа очень высока,— сказала она,— и вы напрасно обвиняете меня в принадлежности к существам, жившим некогда в примитивном и суеверном воображении первобытных людей прошлого. Для тех же, кто настолько простодушен, что верит в существование корфалов, не может быть доказательств, которые убедили бы их в обратном. Лишь долгие века развития культуры помогут вам освободиться от рабства невежества. Я сказала!

— Но ты не отрицаешь обвинения,— заметил О-Тар.

— Чувство собственного достоинства не позволяет мне этого,— высокомерно ответила девушка.

— Тем не менее,— послышался низкий голос со стороны,— я советую тебе отвергнуть обвинение.

Тара встретила глазами с У-Тором, великим джедом Манатоса, и они не показались ей холодными и жестокими. О-Тар в гневе стукнул кулаком по трону.

— У-Тор забывает,— воскликнул он,— что я джедак!

— У-Тор помнит,— ответил джед Манатоса,— что закон Манатора позволяет подсудимому получать советы перед судом.

Тара из Гелиума поняла, что по каким-то неизвестным ей причинам этот человек хочет помочь ей, и последовала его совету.

— Я отрицаю обвинение! — воскликнула она громко.— Я не корфал!

— А это мы увидим,— огрызнулся О-Тар.— У-Дор, где свидетели волшебной силы этой женщины?

И У-Дор привел в зал нескольких воинов. Один из них рассказал то немногое, что было известно об исчезновении Э-Меда. Другие расписали необыкновенные чудеса, творящиеся в камере Чека. Поскольку Чек и Тара были захвачены в плен вместе, то все решили, что они обладают одинаковой волшебной силой, и обвинение, предъявляемое одному, распространяется и на другую. Затем О-Тар вызвал Чека. Воины, приведшие калдана, не скрывали своего страха перед ним.

— Ты,— сказал О-Тар холодным тоном.— Мне достаточно рассказали о тебе, чтобы я пронзил твое сердце кинжалом джеддака. Скажи, как ты овладел мозгом воина У-Вана и внушил ему, что он видит твое безголовое тело? Как ты заставил другого воина поверить, что тебя нет в камере?

— О-Тар, это еще не самое страшное! — воскликнул молодой падвар, под началом которого находились воины, охранявшие калдана.— То, что он проделал с И-Завом, полностью подтверждает его вину.

— Так что же он сделал с воином И-Завом? — потребовал ответа О-Тар.— Пусть говорит И-Зав.

Могучий воин И-Зав, человек высокого роста, приблизился к трону джеддака. Он был бледен и дрожал, потрясенный случившимся.

— Пусть мой первый предок будет свидетелем, что я говорю правду, о великий О-Тар,— начал он.— Я был поставлен сторожить этого пленника, который сидел на скамье, прикованный цепью к стене. Он не мог дотянуться до меня, так как я все время стоял у открытой двери в противоположном углу комнаты. Пусть поразит меня дух Иссы, но О-Тар, он подтащил меня к себе как беспомощного цыпленка. Он тащил меня, величайший из джеддаков, своими глазами! Он устремил свои глаза в мои и потащил меня к себе, а потом заставил положить на стол меч и кинжал и отойти в угол. Продолжая удерживать меня глазами, он отделил свою голову от тела, и она на шести коротких лапах сползла на пол и забралась в нору ульсио, но недалеко, так что его глаза все время удерживали меня на месте. Потом голова выползла оттуда с ключом от кандалов и вновь взобралась на плечи. Пленник снял с себя кандалы, притянул меня к себе, заставил сесть на скамью, где сидел сам, и надел мне на ногу кандалы. Я ничего не мог поделать, а он взял мои два меча и кинжал. Затем его голова снова исчезла с ключом в норе ульсио. Вернувшись, она взобралась на тело, и он занял место, на котором прежде стоял я, охраняя его. Потом пришел падвар со сменой караула.

— Достаточно! — сурово сказал О-Тар.— Оба испробуют меч джеддака.

Встав с трона, он выхватил свой длинный меч и начал спускаться по ступенькам вниз к пленникам, которых сильные воины держали за руки.

— Подожди, справедливый О-Тар! — воскликнул

У-Дор.— Ведь есть еще один подсудимый, прикажи позвать пленника, который называет себя Тураном. Пусть он предстанет перед судом вместе с ними.

— Хорошо! — согласился О-Тар, останавливаясь на полпути.— Позвать раба Турана!

Ввели Турана и поставили слева от Тары, чуть ближе к трону. О-Тар грозно посмотрел на него.

— Туран, ты товарищ этих двоих?

Воин готов был ответить, но его опередила Тара.

— Я не знаю этого человека,— сказала она.— Кто смеет утверждать, что он товарищ Тары, принцессы Гелиума?

Ошеломленный Туран ничего не понял из ее слов, кроме того, что любимая женщина отрекается от него. Его сердце не подсказало ему, что она пытается спасти его. О-Тар внимательно посмотрел сначала на Турана, потом на Тару. Они оба молчали.

— Разве их не вместе схватили? — спросил О-Тар у У-Дора.

— Нет,— ответил двар.— Тот, кто называет себя Тураном, один пришел в город в поисках еды и питья, а мы заманили его в тюрьму. На следующее утро я обнаружил этих двоих на холмах к югу от Ворот Врагов.

— Но они друзья и попутчики,— сказал молодой падвар.— Туран сам расспрашивал меня об этих двоих, называя их по именам и утверждая, что они его товарищи.

— Достаточно! — остановил его О-Тар.— Все трое должны умереть,— говоря это, он сделал еще один шаг вниз по ступенькам.

— Но за что мы умрем? — спросил Чек.— Ваши люди гордятся справедливыми законами Манатора. Разве справедливо убивать чужеземцев, не сказав им, в чем заключается их вина?

— Он прав,— слышался низкий голос.

Это говорил У-Тор, великий джед Манатоса. О-Тар поглядел на него и нахмурился. Но он услышал и другие голоса, потребовавшие судебного разбирательства.

— Ну, что же! Вы все равно умрете, все трое! — воскликнул О-Тар.— Вы обвиняетесь в корфализме, а так как без вреда для себя вас может убить только джеддак, вам будет оказана великая честь: вы будете убиты мечом самого джеддака Манатора О-Тара!

— Глупости! — воскликнул Туран.— Разве вы не знаете, что в жилах этой женщины течет кровь десяти

тысяч джедаков? Это Тара из Гелиума, дочь Джона Картера, Владыки Барсума. Она не может быть корфалом, как, впрочем и мы с Чеком. И знайте, что я имею право быть выслушанным вами. Пусть мне позволят поговорить с прицессой Гайей из Гатола, чей сын находится в тюрьме О-Тара, его отца!

У-Тор встал и посмотрел на О-Тара.

— Что это значит? — спросил он. — Этот человек говорит правду? Разве сын Гайи отправлен в твою тюрьму, О-Тар?

— А какое дело джеду Манатоса до заключенных в тюрьмах джедака? — гневно спросил О-Тар.

— А вот какое, — ответил У-Тор таким низким голосом, что он походил на шепот, однако был слышен во всех уголках огромного тронного зала О-Тара, джедака Манатора. — Ты отдал мне рабыню Гайю, бывшую принцессу Гатола, так как боялся ее влияния на рабов из Гатола. Я сделал ее свободной и возвысил ее, женившись на ней. Теперь она принцесса Манатоса. Ее сын — это и мой сын, О-Тар. И хотя ты мой джедак, я заявляю тебе, что за малейший вред, причиненный А-Кору ты будешь отвечать перед У-Тором из Манатоса.

О-Тар долго смотрел на У-Тора, но ничего не сказал. Затем он вновь обратился к Турану.

— Если один из вас корфал, то все остальные тоже. А мы хорошо знаем, что проделывал этот; — и он указал на Чека. — Он корфал, ибо ни один смертный не обладает такими способностями. Поскольку вы все корфалы, то вы умрете.

Он начал спускаться к пленникам, когда заговорил Чек.

— Эти двое не обладают такой силой, как я, — сказал он. — Они обычные безмозглые существа, подобные тебе самому. Да, я проделал все то, о чем рассказали тебе твои невежественные воины. Но это лишний раз доказывает, что я существо высшего порядка по сравнению с вами. Я калдан, а не корфал. Ничего сверхъестественного и чудесного во мне нет. Для вас все необъяснимое является чудесами. Я мог бы давно уже убежать от твоих воинов и спастись из тюрьмы, но я остался в надежде помочь этим двум бедным глупым созданиям, которые не спасутся без помощи моего разума. Они подружались со мной и спасли мне жизнь. Я должен вернуть им свой долг. Не убивай их! Убей меня, если хочешь. Я пред-

лагаю свою жизнь, если она утолит твой гнев. Я не могу вернуться в Бантум и все равно умру. Мне тяжело жить среди неразумных созданий, населяющих мир за пределами долины Бантума.

— Отвратительный эгоист! — закричал О-Тар. — Приготовься к смерти и не смей приказывать джеддаку О-Тару. Он вынес приговор, и вы все трое испытаете остроту меча джеддака. Я сказал!

Он сделал еще один шаг вниз по лестнице, и вдруг случилась странная перемена. Он остановился, устремив взгляд в глаза Чека, на месте, покачиваясь назад и вперед. Джед встал и хотел подойти к нему, но Чек остановил его.

— Стой, — властно сказал он. — Жизнь твоего джеддака в моих руках. Ведь вы верите, что я корфал, значит, только его меч может убить меня. Ваше оружие не опасно для меня. Посмейте только причинить нам вред или приблизиться к джеддаку, пока я не разрешу, и он мертвый падет на этот белый мрамор. Отпустите моих товарищей, пусть они подойдут ко мне — я должен поговорить с ними. Быстро! Делайте, как я сказал, иначе ваш джеддак умрет!

Стража отступила, освободив Тару и Турана.

— Делайте, что я скажу, и побыстрее, — прошептал калдан. — Я не смогу долго удерживать его, тем более убить. Очень много глаз направлено на меня, скоро я буду вынужден выпустить О-Тара из-под своей власти. Для вас это единственная возможность, и ее нужно использовать. Под гобеленом, висящим за тронем, есть потайной ход. По нему вы доберетесь до тюрьмы дворца, где есть кладовые с едой и напитками. Из тюрьмы другие тайные ходы ведут во все части города. Вы пойдете тем, что ведет на запад, и он выведет вас к Воротам Врагов. Тогда вы будете свободны. Больше я ничего не смогу сделать для вас. Торопитесь. Силы покидают меня. Я ведь не Лууд. Он бы смог удержать этого парня очень долго. Быстрее! Быстрее! Идите!

ГЛАВА XV

СТАРИК ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

— Я не оставлю тебя, Чек, — просто сказала Тара.

— Идите, идите! — шептал калдан. — Вы мне не можете. Идите, или все мои усилия будут напрасны!

Тара покачала головой.

— Не могу,— сказала она.

— Ее убьют,— сказал Чек Турану.

Воин мновение колебался между чувством товарищеского долга к этому созданию, отдававшему за них свою жизнь, и любовью к женщине, которой грозила смертельная опасность. Затем он схватил Тару за руку и вместе с ней побегал к трону О-Тара. За тронном он откинул гобелен и нашел потайной ход, отворил дверь и побегал по узкому коридору, увлекая за собой принцессу. Он остановился только тогда, когда они добежали до подземной тюрьмы дворца О-Тара. Здесь был целый лабиринт переходов и помещений, где вполне можно было укрыться в случае погони.

Когда Туран бросился с Тарой к трону, два десятка воинов двинулись было к ним.

— Стойте! — приказал им Чек,— или ваш джеддак умрет.

Они остановились, подчинившись воле этого странного существа. Вдруг Чек отвел глаза от глаз О-Тара, и джеддак вздрогнул, как человек, пришедший в себя после кошмарного сна и все еще не до конца проснувшийся.

— Смотрите,— сказал Чек,— я оставил вашего джеддака в живых и никому не причинил вреда, хотя вы были все в моей власти. Ни я, ни мои друзья не причинили никакого вреда Манатору. Почему же вы преследуете нас? Верните нам свободу!

О-Тар, овладевший своими чувствами и волей, наклонился и поднял меч. В зале стояла напряженная тишина. Все ждали ответа джеддака.

— Законы Манатора справедливы,— сказал он наконец.— Возможно, чужеземец говорит правду. Верните его обратно в тюрьму, догоните беглецов и водворите их в камеру. По милости О-Тара они будут сражаться за свою жизнь на поле джетана на ближайших играх.

Когда Чека уводили из тронного зала, лицо джеддака было еще пепельно-серым, и он выглядел как человек, вернувшийся из загробного мира. В глазах его стоял страх. В тронном зале нашлись и такие, кто понял, что казнь пленников отложена, и вершить ее будут другие. У-Тор презрительно скривил губы, выразительно посмотрев на своего джеддака, который предпочел унижение смерти. Все свидетели этой сцены поняли, что О-Тар

утратил былой авторитет и уважение своих воинов. Гнетущая тишина, наступившая в зале, подтверждала это. О-Тар быстро огляделся и заметил суровые взгляды своих подданных. Впав в ярость, он искал повод выместить злобу на ком-нибудь.

— Воля джедака О-Тара — закон для Манатора! А закон Манатора справедлив, ошибки быть не может. У-Дор, распорядись, чтобы беглецов обязательно разыскали. А теперь о тебе, У-Тор из Манатоса! Ты воображаешь, что можешь безнаказанно угрожать своему джедаку, ставя под сомнение его право наказывать предателей и подстрекателей? Как могу я доверять тому, кто взял в жены женщину, высланную мною из дворца за непрерывные интриги против ее джедака? Но О-Тар справедлив, мы выслушаем твои объяснения.

— У-Тору нечего объяснять, — ответил джед Манатоса, — он не воюет со своим джедаком. Но у него есть право, как и у каждого воина, требовать правосудия от джедака, если он считает, что кого-либо преследуют несправедливо. Со все возрастающей злобой ты преследовал рабов из Гатола с тех пор, как взял к себе неуступчивую принцессу Гайю. Чего иного ты ожидал от гордых и храбрых людей из Гатола, кроме мыслей о мести и свободе? Я много раз предупреждал тебя, О-Тар, чтобы ты был справедливее к рабам, которые у себя на родине обладали большой властью и уважением. Но джедак Манатора высокомерно отвергал мои предложения. Пришло время, О-Тар, всем джедам Манатора потребовать от своего джедака уважения к себе. Знай же, О-Тар, что я требую немедленно освободить А-Кора или представить его высшему суду Манатора. Я сказал!

— Ты сказал хорошо и вовремя, У-Тор, — ответил О-Тар. — Я давно подозревал о твоей неверности, теперь ты сам раскрылся перед нами. А-Кора уже судил и приговорил высший суд Манатора — его джедак О-Тар, и ты тоже получишь мой справедливый приговор: ты арестован! В тюрьму его! В тюрьму У-Тора, этого лживого джеда!

Он хлопнул в ладоши, призывая своих воинов исполнить его приказание. Два десятка воинов джедака двинулись к У-Тору. Но воины У-Тора, которых было много в зале, бросились на защиту своего джеда. У подножия трона завязалась схватка. О-Тар, обнажив свой меч, намеревался броситься в бой.

Из других частей огромного дворца подошла помощь, и защитники У-Тора оказались в меньшинстве. Джед Манатоса, окруженный своими воинами, медленно отступал по коридорам дворца, пока не оказался на улице. Здесь его встретили войска, которые он привел с собой в Манатор. Отбиваясь от воинов джеддака, они пробились к Воротам Врагов под неусыпным взором молчаливых зрителей, сидящих на балконах, вышли за пределы города и встали лагерем вблизи городской стены.

* * *

В полутемном помещении под дворцом О-Тара Туран выпустил Тару из рук и взглянул ей в лицо.

— Прости меня, принцесса, — сказал он, — что я не выполнил твоего приказа и оставил Чека, но другого выхода не было. Если бы не он, то на его месте остался бы я. Скажи, что ты прощаешь меня.

— Разве я могу не простить? — мягко ответила она. — Но мне кажется, что нехорошо оставлять друга в беде.

— Будь нас трое воинов, то мы все остались бы и умерли в бою. Но ты ведь знаешь, Тара из Гелиума, что мы не можем рисковать твоей жизнью, даже несмотря на риск прослыть бесчестными.

— Я знаю это, Туран, — сказала она. — И никто не может обвинить тебя в бесчестье, зная твою храбрость и преданность.

Он слушал ее с удивлением, ибо это были ее первые слова, адресованные ему как равному ей, а не простому наемнику. Но как связать их с ее отказом от него в зале джеддака Манатора. Поэтому он задал ей вопрос, все время мучивший его.

— Тара из Гелиума, — сказал он, — твои слова льют бальзам на рану, полученную мною в тронном зале. Скажи мне, принцесса, почему ты отказалась от меня?

Она с упреком взглянула на него своими большими глазами.

— Ты не знаешь, — сказала она, — что это говорили мои губы, а не сердце. О-Тар должен был убить меня за то, что я товарищ Чека, а не за какую-то мою очевидную вину. И я знала, что на тебя попадет его гнев, если выяснится, что мы шли все вместе.

— Значит, ты хотела спасти меня? — воскликнул он с внезапно просветлевшим лицом.

— Ну конечно, я хотела спасти моего храброго воина,— ласково сказала она.

— Тара из Гелиума,— сказал он, опустившись на одно колено,— твои слова глубоко запали в мое сердце,— и он нежно поцеловал ее изящные пальчики. Тара подняла его.

— Не надо коленопреклонения,— сказала она мягко.

Он все еще держал ее руки в своих, они были так близки друг к другу, он весь дрожал от прикосновения к ее телу, пока нес девушку из тронного зала О-Тара. Он ощутил, как горячая кровь стремительно бежит по его жилам, а сердце разрывается в его груди, когда он смотрит на ее прекрасное лицо с устремленными вниз глазами и полураскрытыми губами, за обладание которыми он отдал бы власть над королевством. Он прижал ее к своей груди, и губы их на какое-то мгновение встретились. Подобно тигрице, девушка вырвалась и ударила его, отступив назад с высоко поднятой головой и сверкающими глазами.

— Как ты смеешь? — воскликнула она.

Его глаза встретили ее яростный взгляд, в них не было стыда или раскаяния.

— Да, я смею,— сказал он.— Я осмелился полюбить Тару из Гелиума, но я не осмелился бы оскорбить Тару из Гелиума или любую другую женщину своим поцелуем, не будучи уверенным в ее любви.— Он подошел к ней и положил руку на ее плечо.— Посмотри мне в глаза, дочь Джона Картера, Владыки Марса,— сказал он,— и скажи мне, что ты не желаешь любви Турана, наемника.

— Я не желаю твоей любви! — воскликнула она, отступая назад.— Я ненавижу тебя! — и, отвернувшись, она закрыла лицо руками и заплакала.

Мужчина шагнул к ней, но вдруг услышал за спиной смех и покашливание. Повернувшись, они увидели в дверях фигуру незнакомого человека. Это была странная фигура для всего Барсума — старик, доживший до глубокой старости. Сгорбленный и сморщенный, он походил на мумию, нежели на живого человека.

— Любовь в подземельях О-Тара! — воскликнул он, и снова его смех нарушил тишину подземелья.— Странное место вы нашли! Когда я был молод, мы бродили в садах под великолепными деревьями и прятали наши поцелуи в тених стремительной Турии. И мы не забивались в мрачные подземелья, чтобы поговорить о любви.

Но времена меняются, и обычаи, видно, тоже. О, скольких женщин я целовал! А если они отказывали? Что ж, я целовал их еще и еще! Как давно это было! — Старик вновь закашлялся. — О, если вспомнить всех, кого я целовал... Но первая... первую я помню. Она была красивой девушкой и хотела ударить меня кинжалом, когда я осмелился поцеловать ее. Она умерла больше тысячи лет назад, но никогда мне уже не пришлось испытать вкуса ее губ ни при жизни, ни после ее смерти. А за нею были и другие... — Туран, предвидя новые воспоминания о поцелуях тысячелетней давности, прервал его:

— Скажи мне, старик, не о своих возлюбленных, а о себе самом. Кто ты? Что ты здесь делаешь, в подземельях О-Тара?

— Я могу спросить тебя о том же, молодой человек, — ответил старик. — Мало кто приходит в эти подземелья — только мертвецы и мои ученики. Я понял, вы мои новые ученики. Хорошо! Никогда раньше не присылали женщин учиться великому мастерству у величайшего мастера. Но времена меняются. Они жили лишь для поцелуев и любви. О, какие это были женщины! Я помню одну пленницу на юге... О, это был дьявол, но как она любила! У нее были мраморные груди и огненное сердце. Она...

— Да, да, — прервал его Туран, — мы твои новые ученики и желаем поскорее приступить к работе. Веди нас, а мы последуем за тобой.

— О да! Идемте! Все торопятся и спешат, как будто их не ждет долгая жизнь! Две тысячи лет прошло с тех пор, как я разбил свою скорлупу, и все всегда спешили, спешили! Манатор остался прежним, за исключением девушек. О, какие у нас были девушки! Я выиграл одну на поле для игры в джетан. Она была...

— Веди нас! — воскликнул Туран. — Потом расскажешь нам о ней.

— О да, — согласился старик и начал спускаться куда-то вниз по полутемному проходу. — Идите за мной!

— Мы пойдем за ним? — спросила Тара.

— Конечно, — ответил Туран. — Мы не знаем с тобой выходов из подземелья, где восток и где запад, но он, несомненно, все это знает. Если мы будем действовать умно, то все разузнаем у него. В конце концов нельзя вызывать у него подозрений.

И они пошли за стариком по длинным коридорам и вереницам комнат, пока не добрались до комнаты, где на возвышении стояли три мраморные плиты, на каждой из которых лежало человеческое тело.

— Мы пришли,— объяснил старик.— Эти свежие, и мы будем скоро обрабатывать их. Сейчас я работаю над одним для Ворот Врагов. Он убил многих наших воинов. Ему по справедливости отвели место в Воротах. Пойдемте посмотрим на него.

Он привел их в соседнее помещение, где на полу оказалось много свежих человеческих костей, а на мраморной плите лежала масса бесформенного мяса.

— Это вы изучите позже,— продолжал старик,— но не скоро появится случай посмотреть на подготовленное тело для Ворот Врагов. Сначала я извлекаю все кости, стараясь как можно меньше повредить кожу. Труднее всего извлечь череп, но и это под силу опытному мастеру. Я делаю лишь одно отверстие, которое потом зашиваю. Когда дело сделано, я подвешиваю тело таким образом,— и он привязал веревку к волосам трупа и подвесил его к кольцу в потолке. Прямо под ним в полу был круглый люк, из которого старик извлек мешок, наполненный красноватой жидкостью.

— Поместим его в мешок,— продолжал он,— а состав этой драгоценной жидкости вы узнаете позже. Теперь опустим его обратно в люк. Через год он будет готов. Но помните, его нужно постоянно осматривать и следить за тем, чтобы жидкость полностью покрывала тело. Когда он будет готов, он будет прекрасен. На ваше счастье, здесь есть уже один готовый.— Он направился в противоположный конец комнаты и вытянул из пола мешок с телом. Он извлек оттуда удивительную фигуру, съежившуюся под воздействием жидкости и превратившуюся в статуэтку в фут высоты.

— О, разве он не прекрасен? — воскликнул старик.— Завтра он займет свое место в Воротах Врагов,— говорил он, заботливо обтирая тело кусочками ткани и аккуратно укладывая его в корзину.— Может, хотите посмотреть на мою живую работу? — спросил он и, не ожидая ответа, повел их в другую комнату, в которой было сорок или пятьдесят человек. Все они сидели или стояли у стен, за исключением мощного воина, сидевшего верхом на большом тоте по центру комнаты.

Все были совершенно неподвижны. Тара и Туран сразу вспомнили ряды молчаливых людей на балконах и всадников в Зале Вождей. Они не посмели задать ни одного вопроса, опасаясь выдать себя перед стариком.

— Это удивительно,— сказал Туран,— и требует большого искусства, терпения и времени.

— Верно,— ответил старик,— но я занимаюсь этим уже давно и весьма преуспел. Я работаю намного быстрее других, и мои фигуры всегда естественны. Никто, даже жена этого воина, не посмеет сказать, что он не живой,— и он указал на всадника на тоте.

— Многих из них приносят сюда испорченными и изувеченными, и мне приходится их подновлять. Это требует большого мастерства, так как все хотят видеть своих мертвецов такими, какими они были при жизни. Но вы научитесь этому. Будете набивать чучела, раскрашивать их, превращать безобразных в красивцев. Это большое удовольствие — набивать чучела, особенно чучела своих близких. Уже пятнадцать столетий никто не набивает чучела наших мертвецов, кроме меня.

Все балконы заполнены ими. Но своих жен я держу в большой комнате. Они все здесь, начиная с самой первой. Все свои вечера я провожу среди них. Это мои лучшие часы! А как приятно возиться с ними и делать их прекраснее, чем они были при жизни. Это возмещает мне горечь утраты. Каждую новую жену я привожу в эту комнату и сравниваю со старыми. Я люблю гармонию.

— Это ты делал всех воинов для Зала Вождей? — спросил Туран.

— Да, их делал я, я же их и чиню,— ответил старик.— О-Тар доверяет их тела только мне. И сейчас у меня в работе два воина, которых повредили. О-Тар не любит, когда их долго нет. В зале два тота остались без всадников, но скоро они будут готовы. Он хотел бы, чтобы живые воины вели себя так же, как и эти. О-Тар называет их мудрецами, приобретшими мудрость после смерти. Он мечтает превратить Совет из живых вождей в такой же безмолвный и послушный, как и эти воины, тогда бы не было ни разногласий, ни ссор. Пора браться за работу, следуйте за мной в соседнюю комнату, и я начну учить вас.

Он вновь повел их в помещение, где на мраморных плитах лежали человеческие тела и, подойдя к шкафу

с выдвинутыми ящиками, достал оттуда уродливые очки и выбрал несколько скальпелей.

— Теперь я могу взглянуть на вас,— сказал он,— мои глаза уже не те, что были раньше. Теперь для работы мне нужны сильные стекла.

Он взглянул на них. Туран затаил дыхание. Он понял, что сейчас старик обнаружит, что на их одежде нет герба Манатора. Он и раньше удивлялся что старик не замечает этого. Полуслепой старик внимательно разглядывал их, его взгляд задержался на прекрасном лице Тары, затем перешел на их одежду. Туран внимательно следил за выражением лица старика, но тот ничем не выдал себя.

— Иди с И-Госом,— сказал он Турану,— в соседней комнате материалы для работы, поможешь принести их. Оставайся здесь, женщина, мы сейчас вернемся.

Он прошел через одну из многих дверей, выходящих в комнату, и вошел в соседнюю впереди Турана. У двери он остановился и указал на связку мехов, лежащих у противоположной стены. Туран пересек комнату и уже хотел было поднять связку, когда услышал щелчок замка за собой. Обернувшись, он обнаружил, что остался один в комнате, а дверь заперта. Подбежав к ней, он попытался открыть ее, но не смог.

Закрыв дверь, И-Гос вернулся к Таре.

— Одежда выдала вас,— сказал он ей, смеясь и покашливая.— Вы хотели обмануть старого И-Госа, но он слаб глазами, но не умом. Не бойся, тебе будет хорошо со мной. Ты прекрасна, а И-Гос любит красивых женщин. У меня нет власти в Манаторе, но это наверху, здесь же никто не смеет отказать И-Госу. Сюда приходит мало людей, приносят мертвеца и торопятся обратно. Никто и не узнает, что прекрасная женщина закрыта вместе с мертвецами. Я не стану задавать тебе вопросов и не хочу знать, кому ты принадлежала. Но когда ты умрешь, я помещу тебя в комнату моих жен.— Он подошел к онемевшей от ужаса девушке.— Идем! — воскликнул он, схватив ее за руку.

ПОД НОВЫМ ИМЕНЕМ

Туран напрасно бился о дверь, пытаясь разбить толстую доску и пробиться к Таре, которой угрожала опасность, но дверь не поддавалась, и он лишь ушиб себе плечи. Наконец он прекратил бесполезную трату сил и огляделся. В комнате были собраны доспехи, украшения, одежда и даже спальные меха. Были тут мечи, копья и большие боевые топоры. Схватив один из них, он с новыми силами набросился на дверь. Он ожидал услышать возмущенный голос И-Госа, но из-за двери не доносилось ни звука. Куски дерева отлетали с каждым новым ударом топора, но работа продвигалась не так быстро, как ему хотелось бы. Изнурительная работа потребовала отдыха, и так он трудился долгие часы, разбивая дверь и давая отдых уставшему телу. Наконец он сумел прорубить в двери небольшую щель, но в нее ничего не было видно, так как И-Гос чем-то завесил дверь. Ему удалось расширить отверстие, и он сумел выбраться из комнаты, прихватив длинный меч.

Отбросив занавес и держа меч в руке, он приготовился бороться за Тару из Гелиума, но ее нигде не было. В центре комнаты на полу лежал мертвый И-Гос.

Туран призадумался. Очевидно, Тара убила старика, но не подумала даже освободить его. Тогда он вспомнил ее последние слова: «Я не желаю твоей любви! Я ненавижу тебя!» — и решил, что она воспользовалась первой же представившейся возможностью, чтобы избавиться от него.

Опечаленный, Туран призадумался. Что же ему теперь делать? Ответ был только один: пока он жив, он будет сражаться за нее, спасет и поможет ей вернуться в Гелиум. Но как? Как найти выход из этого лабиринта? Где искать Тару? Он подошел к ближайшей двери, которая вела в комнату, где чучела мертвецов ждали отправки на балконы города. Его взгляд остановился на огромном раскрашенном воине, сидящем верхом на тоте, и пока он разглядывал его великолепную фигуру и оружие, новая мысль возникла в его мозгу. Подойдя к мертвому воину, он снял с него одежду и доспехи, быстро разделся и надел на себя убранство мертвеца. Затем он вернулся в комнату, в которой старик запер его, и

нашел в шкафу тюбики с краской, которой старый мастер раскрашивал лица мертвых воинов.

Завершив свой маскарадный костюм, Гохан из Гатола покинул комнату, ничем — ни доспехами, ни оружием, ни украшениями — не отличаясь от воинов Манатора. Теперь он смело мог разгуливать по городу, не привлекая внимания горожан и отрядов охраны.

Поиски Тары в бесконечном полутемном подземелье О-Тара ему показались бесполезным занятием, и он решил выбраться на улицу и постараться разузнать что-нибудь наверху. Ведь он всегда мог вернуться в подземелье, чтобы продолжить поиски девушки.

Туран преодолел бесконечное число комнат и коридоров, однако не сумел найти выхода из них наружу. Почти во всех комнатах он обнаружил препарированных мертвецов Манатора, сложенных ярусами, как складывают дрова. Туран заметил над каждой дверью и ответвлениями коридоров своеобразные иероглифы и понял, что это указатели. Тот, кто понимает их язык, может легко и быстро выбрать нужное направление, но ему они были неизвестны. Хотя все народы Барсума говорят на одном языке, их письменность различается. Она своя у каждого народа. Он понял одно, что на протяжении каждого коридора встречаются одни и те же знаки.

Блуждая по нескончаемым коридорам, Туран понял, что подземелья дворца составляют часть обширной системы подземных ходов, пронизывающих, вероятно, весь город. По иероглифам он заметил, что вышел за пределы дворца. Время от времени менялись убранство и архитектура коридоров и комнат, но все они были освещены тусклыми радиевыми шарами. Долгое время он не встречал никаких признаков жизни, кроме следов пребывания ульсио, но в одном из переходов он столкнулся лицом к лицу с воином. Тот посмотрел на него, кивнул и прошел мимо. Туран вздохнул с облегчением — его наряд надежно защитил его. Вдруг воин остановился и окликнул Турана. Туран прикинул, что место глухое, а у него в руках длинный меч.

— Ты слышал что-нибудь о другом? — спросил его воин.

— Нет, — ответил Туран наугад, не зная, о чем его спрашивают.

— Ему некуда деться, — продолжал воин, — женщи-

на прибежала прямо в наши руки, но она клянется, что не знает, где ее товарищ.

— Ее отвели обратно к О-Тару? — спросил Туран, который сразу понял, о ком идет речь.

— Нет, ее отвели обратно в крепость Джетан — ответил воин, — завтра начинаются игры, и ее, несомненно, разыграют, хотя я не верю, чтобы кто-нибудь сражался за нее, несмотря на ее красоту. Она не боится даже О-Тара. Клянусь Хлорусом, это будет непокорная рабыня, настоящая самка бенса. Нет, друг, это не по мне, — и он продолжил свой путь, качая головой.

Туран же вновь принялся искать выход из лабиринта в надежде выйти на улицу, как вдруг увидел открытую дверь. За ней в небольшой камере находился человек, прикованный к стене. Туран издал возглас удивления, признав в пленнике А-Кора. В этой камере он и сам был заточен. А-Кор вопросительно посмотрел на него. Было ясно, что он не узнает своего товарища по несчастью. Туран подошел к скамье и сел рядом с А-Кором.

— Я Туран, — прошептал он, — тебя приковали рядом со мной.

А-Кор внимательно посмотрел на него.

— Даже родная мать не узнала бы тебя! — сказал он. — Расскажи же, что случилось после того, как тебя увели!

Туран сообщил ему о своих приключениях в тронном зале О-Тара и в подземелье.

— Теперь, — продолжал он, — я должен отыскать крепость Джетан и найти там принцессу Тару из Гелиума.

А-Кор покачал головой.

— Я долгое время был дваром этой крепости, — сказал он, — и ручаюсь, чужеземец, что легче безоружному завладеть Манатором, чем проникнуть в крепость Джетан.

— Но я должен попытаться помочь ей, — ответил Туран.

— Ты хорошо владеешь мечом? — спросил вдруг А-Кор.

— Думаю, что да, — ответил Туран.

— Тогда есть... Тсс! — он вдруг замолчал и указал на отверстие в полу у стены.

Туран посмотрел в указанном направлении и увидел,

как из норы ульсио показались две мощные челюсти и пара маленьких глаз.

— Чек! — воскликнул он, и тут же из норы выполз калдан и резво подбежал к столу. А-Кор отпрянул, не скрывая своего отвращения.

— Не бойся, — сказал ему Туран, — это мой друг, тот, что остался во дворце и удерживал О-Тара.

Чек взобрался тем временем на стол и устроился между воинами.

— Можешь быть уверен, — сказал он А-Кору, — что во всем Манаторе никто не сравнится с Тураном в искусстве владения мечом. Я слышал вашу беседу, продолжайте.

— Раз ты его друг, я без опаски могу объяснить суть единственно возможного способа освободить принцессу Гелиума. Она будет ставкой в одной из игр, и ее, по желанию О-Тара, будут разыгрывать рабы и простые воины, так как она оскорбила его. Таково его наказание непокорной. Но она достанется не одному мужчине, а все выжившие по окончании партии имеют право обладать ею. За деньги, однако, кто-то один может выкупить ее у остальных. Это сделаешь ты, если твоя партия выиграет и ты выживешь. Тогда она станет твоей рабыней.

— Но как чужеземец сможет принять участие в игре? — спросил Туран.

— Никто не узнает тебя. Завтра пойдешь к двару крепости и запишешься для участия в игре, где ставкой будет девушка. Скажешь ему, что ты из Манатая, самого дальнего города государства Манатор. Если он спросит, можешь сказать, что ты видел ее, когда пленников вели по городу во дворец. Если ты останешься жив и выиграешь ее, то в моем дворце получишь оседланных тоттов и все необходимое. Я сообщу пароль, по которому тебе все это дадут.

— Но как я подкуплю других участников игры без денег? — спросил Туран.

А-Кор раскрыл потайной карман и достал четыре мешочка с монетами Манатора.

— Здесь достаточно, чтобы купить их дважды, — сказал он, протягивая деньги Турану.

— Скажи, почему ты делаешь это для чужеземцев? — спросил воин.

— Моя мать была здесь рабыней, — ответил А-Кор. —

Я не желаю, чтобы принцессу Гелиума постигла та же участь.

— А-Кор, от имени принцессы Тары я принимаю твой великодушный дар,— сказал Туран,— и надеюсь, что когда-нибудь отплачу тебе тем же.

— Теперь ты должен идти,— посоветовал А-Кор.— В любую минуту может явиться стража и обнаружить тебя здесь. Иди прямо на улицу, которая начинается у Ворот Врагов и проходит вдоль всей стены. Там ты найдешь дома для приезжих, над дверями которых нарисованы головы тотот. Скажешь, что приехал из Манатая посмотреть игры. Возьмешь себе имя У-Кал, оно не вызовет подозрений. Постарайся поменьше вступать в разговоры. Рано утром разыщешь хранителя крепости Джетан. Пусть сила и удача всех наших предков сопутствуют тебе!

Провожаемый добрыми пожеланиями Чека и А-Кора, Туран пошел по направлению, указанному А-Кором, и вскоре вышел на улицу, не встретив на пути никаких препятствий. По дороге ему попадались воины, но те даже не окликнули его. Он отыскал дом, где уже собрались гости из других городов Манатора. Получив место для ночлега, он улегся на кучу шелка и меха, чтобы получше выспаться и послужить на следующий день Таре из Гелиума.

Когда он проснулся, было уже утро. Заплатив за еду и ночлег, он направился прямо в крепость Джетан, которую нашел без труда по толпе, спешащей на игры. Новый двар крепости, сменивший пропавшего Э-Меда, был занят, так как в крепость привели рабов и пленников для участия в играх. Были тут и воины-добровольцы. Двар спешно записывал их имена и позиции в игре. Тут же готовилась замена тем игрокам, кто будет играть всего лишь одну игру, и тем, кто уже не сумеет ее продолжить.

— Твое имя? — спросил двар, производивший запись, когда Туран подошел к нему.

— У-Кал,— ответил воин.

— Из какого города?

— Из Манатая.

Воин, стоявший рядом с дваром, взглянул на Турана.

— Издалека же ты пришел, чтобы участвовать в играх,— заметил он.— Люди из Манатая редко посещают игры, от силы раз в десять лет. Расскажи мне об

О-Заре. Приедет ли он на следующий раз? О, какой это боец! Если ты вполонину так искусен, как О-Зар, слава Манатая прогремит сегодня. Расскажи же мне об О-Заре.

— Он здоров,— ответил Туран,— и шлет приветы своим друзьям в Манаторе.

— Отлично! — воскликнул двар крепости.— В какой же игре ты примешь участие?

— Я буду играть за принцессу Гелиума Тару,— ответил Туран.

— Но, дружище, она ведь ставка в игре для рабов и преступников! Ты не можешь стать добровольцем в этой игре!

— Однако придется,— ответил Туран.— Я видел ее, когда девушку вели по городу, и решил завладеть ею.

— Но тебе придется разделить ее с другими игроками, даже если твой цвет выиграет,— заметил двар крепости.

— С ними-то я договорюсь,— настаивал воин.

— Кроме того, ты вызовешь гнев О-Тара, который невзлюбил эту дерзкую принцессу,— объяснил двар крепости.

— Если я ее выиграю, О-Тар будет доволен ее поведением,— сказал Туран.

— Ты поступаешь опрометчиво,— сказал двар крепости, качая головой.— Мой долг — отговорить друга моего друга О-Зара от подобной глупости.

— Хочешь ли ты помочь другу О-Зара? — спросил вдруг Туран.

— Конечно! — воскликнул он.— Но чем?

— Назначь меня вождем черных и дай мне в качестве фигур рабов из Гатола. Я слышал, что они отличные воины.

— Странная просьба,— сказал хранитель,— но для своего друга О-Зара я сделаю даже больше,— он заколебался,— хотя ты, конечно, знаешь, что, по обычаю, тот, кто хочет стать вождем, должен заплатить за это.

— Конечно,— успокоил его Туран,— я не забыл об этом. Я как раз хотел спросить тебя, сколько нужно денег?

— Для друга моего друга цена будет невысокой,— ответил хранитель и назвал сумму, которую Гохан, джед Гатола, счел крайне низкой.

— Скажи мне,— спросил он, протягивая деньги,— когда же состоится игра за принцессу?

— Сегодня она будет второй по порядку, а теперь пойдем со мной, выберешь себе фигуры.

Туран последовал за хранителем в большой двор, который был между крепостью и полем для игры. Здесь были собраны сотни воинов. Вожди игр этого дня выбирали среди них свои фигуры и отводили им позиции на поле, хотя главные участники были расписаны много недель назад. Турана провели в ту часть двора, где расположились фигуры, одетые в черный цвет.

— Выбирай среди них фигуры,— сказал двар крепости,— а когда закончишь, отведешь свой отряд к полю. Там офицер укажет тебе место, где ты со своими фигурами будешь ждать начала второй игры. Желаю тебе удачи, У-Кал, хотя было бы лучше, если бы ты отказался играть за эту рабыню из Гелиума.

Когда хранитель ушел, Туран подошел к рабам.

— Я ищу хороших бойцов для второй игры,— объявил он.— Люди из Гатола, я слышал, что вы хорошие бойцы.

Один из рабов встал и подошел к нему.

— Мне все равно, в какой игре умереть,— сказал он.— Я буду сражаться на твоей стороне в этой игре.

Подошел второй раб.

— Я не из Гатола,— заявил он,— я из Гелиума, и буду сражаться за честь принцессы Гелиума.

— Хорошо! — воскликнул Туран.— Ты известен как искусный боец в Гелиуме?

— Я был дваром у Джона Картера и сражался вместе с ним во многих битвах от Золотых Гор до Гниющих пещер, меня зовут Вал Дор. Кто знает Гелиум, знает и мою отвагу.

Его имя действительно было знакомо Гохану. Во время последнего его посещения Гелиума многие сокрушались по поводу исчезновения отважного бойца.

— Как я могу знать что-либо о Гелиуме? — спросил Туран.— Но если ты действительно хороший боец, то для тебя не выбрать лучшей позиции, чем позиция летчика. Что скажешь?

В глазах Вал Дора вспыхнуло крайнее удивление. Он внимательно заглянул Турану в лицо, потом осмотрел его доспехи. Подойдя ближе, чтобы никто не услышал их разговор, он сказал:

— Мне кажется, ты о Гелиуме знаешь больше, нежели о Манаторе.

— Что это? — потребовал объяснения Туран, ломая голову над своим каким-то промахом, выдавшим его.

— Это значит, — ответил Вал Дор, — что ты не из Манатора. Ты и говоришь не так как здешние жители. Они не называют эту фигуру летчиком. В Манаторе нет воздушных кораблей, и эта фигура у них называется иначе. Тот, кто стоит рядом с вождем или принцессой, называется у них одвар. Фигура имеет те же ходы и силу, что и летчик в джетане других народов Барсума. Помни об этом, а также знай, что Вал Дор из Гелиума умеет хранить тайны.

Туран ничего не ответил и продолжил отбор фигур. Вал Дор из Гелиума и Флоран, доброволец из Гатола, помогали ему, так как знали рабов, среди которых он отбирал игроков. Когда все фигуры были выбраны, Туран отвел их к полю джетана, где они должны были дожидаться своей очереди, и обратился к ним с речью, заявив, что ставкой в игре будет не только принцесса из Гелиума.

— Не могу ничего обещать вам, — объявил он, — но скажу, что мы будем бороться не только за принцессу, но и за свою свободу.

Рабы окружили его и засыпали вопросами.

— Говорите потише! Флоран и Вал Дор поручились за вас, поэтому я скажу вам правду. Слушайте! Моя жизнь теперь в ваших руках, но вы должны знать, что сегодня каждому из вас предстоит величайшая битва в жизни — битва за честь и свободу прекраснейшей принцессы Барсума и за свободу каждого из вас!

Теперь о моей тайне. Я не из Манатора, а такой же пленник, как и вы. Мое подлинное имя пока должно оставаться в тайне. Я тоже буду бороться за свободу. А теперь послушайте, о чем я узнал. У-Тор, великий джед Манатоса, поссорился вчера с О-Таром, их воины сражались вчера во дворце джеддака друг с другом, потом У-Тор покинул со своими воинами город и стоит за городской стеной. В любой момент ситуация может обостриться. Думаю, что У-Тор послал в Манатос за подкреплением. Недавно У-Тор взял в жены принцессу Гайю из Гатола, которая была рабыней О-Тара. Ее сын А-Кор был дваром крепости Джетан. Сердце Гайи осталось верно Гатолу. Узнав о том, что А-Кор в темнице, У-Тор потребовал у О-Тара освободить сына его жены. Это-то и послужило поводом для ссоры.

Если вы поможете мне освободить принцессу Тару из Гелиума, то я помогу вам обрести свободу. Подойдите поближе, рабы О-Тара, чтобы никакой враг не мог слышать мои слова,— и Гохан из Гатола прошептал им чуть слышно составленный им план.

— Теперь,— потребовал он, закончив говорить,— пусть те, кто не хочет участвовать в игре, скажет.— Все молчали.

— Клянусь до конца сражаться рядом с тобой и не предать тебя! — прошептал один из рабов дрожащим от волнения голосом.

— Ия! И я! И я! — прошептали все остальные.

ГЛАВА XVII

ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Ясный и зычный голос трубы разнесся над полем Джетан. Из высокой крепости ее пронзительный голос летел над столицей Манатора, над горожанами, собравшимися вокруг поля. Труба вызвала на поле игроков первой игры. Одновременно на всех шпилях башен города и высоких зданиях взвились яркие знамена и выпелы сражающихся сегодня вождей Манатора. Это означало открытие Игр Джетана, наиболее значимых в году и вторых по значению после больших Игр, проходящих раз в десять лет.

Гохан из Гатола внимательно следил за игрой. Решался небольшой спор между вождями, партия разыгрывалась профессиональными игроками в джетан. Никто не был убит, и пролилось лишь немного крови. Игра длилась около часа, и, по предложению одного из вождей, ее прекратили. Победителя определил жребий.

Вновь прозвучала труба, объявляя о начале второй игры. И эта игра тоже не представляла для зрителей особого интереса. Наиболее интересные встречи были назначены на четвертый и пятый день игр. Эта партия должна была доставить зрителям удовольствие, поскольку это была игра со смертью.

Разница между партией, разыгрываемой живыми людьми, и партией, разыгрываемой неодушевленными фигурами, заключалась в том, что если деревянную фигурку просто снимают с доски, а другая занимает

ее место, то два живых бойца, претендующие на одну клетку на поле, бьются между собой за право занять ее. Здесь важно не только умение играть в джетан, но и отвага, храбрость, воинское искусство каждой живой фигуры, так что вожди, расставляя фигуры, должны знать достоинства и недостатки как своих воинов, так и воинов противника.

У Гохана было определенное преимущество, так как его фигуры, зная друг друга, сами распределили между позиции на поле. Оранжевые фигуры противника уже заняли свои клетки, но их вождь еще не появлялся. Вал Дор повернулся к Гохану и сказал:

— Это все преступники из тюрьмы Манатора. Среди них нет ни одного раба. Нам не придется бороться против соотечественников, и каждая жизнь, которую мы возьмем, будет жизнью врага.

— Это хорошо,— сказал Гохан,— но где же их вождь, где обе принцессы?

— Они идут, видишь? — и Вал Дор указал на дальний конец поля, где в сопровождении стражи показались две женские фигуры.

Когда они приблизились, Гохан узнал в одной из них Тару из Гелиума. Другая была ему не знакома. Женщин провели в центр поля между двумя сторонами, и здесь они ждали появления вождя оранжевых.

Флоран издал возглас удивления, узнав его.

— Клянусь моими предками, это один из их больших вождей,— сказал он,— а ведь нам говорили, что сражаться будут только рабы и преступники.

В этот момент раздался голос двара крепости Джетан, который на играх судил поединки.

— Начинается вторая партия первого дня Игр Джетана в 433 году правления О-Тара, джеддака Манатора. Принцессы обеих сторон служат единственной ставкой, и выжившие фигуры победившей стороны получают право обладать обеими принцессами. Оранжевая принцесса — рабыня Лан-О из Гатола, черная принцесса — рабыня Тара, принцесса Гелиума. Черный вождь — У-Кал из Маната, доброволец. Оранжевый вождь — двар У-Дор из восьмого утана джеддака Манатора, тоже доброволец. Исход битвы решит только смерть.

Начальный ход был выигран У-Дором. Вожди отвели своих принцесс на предназначенные им клетки. Впервые с тех пор, как они появились на поле, Гохан оказался

рядом с Тарой. Он видел, что она внимательно разглядывает его, и подумал, что она узнала своего воина. Но даже если и узнала, то виду не подала. Он опять вспомнил ее последние слова: «Я ненавижу тебя». Припомнил он и то, что она оставила его запертым в мастерской И-Госа, поэтому он не спешил открыться ей. Он будет сражаться за нее, умрет, если потребуется, но если не умрет, то будет добиваться ее любви. Она уже дважды отвергла его. В первый раз как джеда Гатола, во второй — как наемника Турана. Но он не терял надежды завоевать ее любовь.

Пройдя между рядами игроков своей партии, принцессы заняли свои места. Слева от Тары располагался вождь черных Гохан из Гатола, права от нее — одвар принцессы Вал Дор из Гелиума. Каждый из них знал, что должен выиграть или умереть, то же знали все черные фигуры. Когда Тара заняла свое место, Вал Дор низко поклонился ей.

— Мой меч у твоих ног, Тара из Гелиума, — сказал он.

Она взглянула на него и удивленно вскрикнула:

— Одвар Вал Дор! Вал Дор из Гелиума, один из лучших капитанов моего отца! Возможно ли такое, или мои глаза обманывают меня?

— Да, принцесса Тара, это я, — ответил ей воин, — и я умру за тебя, если понадобится, как и каждый игрок черных на поле Джетан в этой игре. Знай, принцесса, — прошептал он, — что среди нас нет ни одного воина из Манатора. Мы все его враги.

Тара бросила быстрый и осторожный взгляд на Гохана.

— А как же он? — прошептала она, затем прижала руки к груди от удивления. — Клянусь тенью первого джедака, — воскликнула она, — ведь я не узнала его в этом маскараде.

— Ты веришь ему? — спросил Вал Дор. — Я не знаю его, но он хорошо говорил и показался нам храбрым воином. Мы поверили ему.

— И вы не ошиблись, — ответила Тара. — Я ручаюсь за него своей жизнью и душой. Вы можете ему верить.

Как счастлив был бы Гохан из Гатола, услышь он эти слова! Но судьба распорядилась иначе.

Партия началась. У-Дор двинул одвара принцессы на три поля по диагонали направо, где он занял место

против одвара черного вождя. Ход показал, что У-Дор рассчитывает на кровавую схватку, а не на искусное маневрирование, а также выказал презрение вождя оранжевых к его противнику.

Гохан ответил ходом пантана со стороны одвара на одно поле вперед. Это был искусный ход, открывавший линию вождю черных. Этот ход означал, что вождь черных намерен сам участвовать в схватке, когда обстоятельства игры потребуют этого. Ход вызвал взрыв аплодисментов с той стороны стадиона, где сидели простые воины и их жены. Они подбодрили черные фигуры и показали, что У-Дор не пользуется популярностью среди простых воинов.

Вождь может, как часто и бывает, провести всю игру, не покидая своего поля, откуда, сидя на тот, он видит все поле и руководит движением фигур. Если он выберет такой план, никто не упрекнет его в отсутствии храбрости. Если вождь будет убит или ранен, его партия лишается всех преимуществ, добытых искусной игрой и мужеством бойцов. На личный поединок может решиться лишь очень храбрый и искусный боец, и именно на эти качества своего вождя надеялись черные фигуры, поняв что их вождь решил принять участие в схватке.

Следующим ходом У-Дор передвинул одвара Лан-О к одвару Тары, напав тем самым на принцессу. Еще один ход — и положение черных могло резко ухудшиться, нужно было либо уничтожить одвара оранжевых, либо переместить принцессу в поисках безопасного места. Но передвинуть Тару, означало признать превосходство оранжевых. Сам Гохан не мог передвинуться на три поля и напасть на одвара оранжевых. Лишь одна фигура могла противостоять одвару оранжевых — это был одвар вождя, стоявший слева от Гохана.

Гохан повернулся и внимательно посмотрел на него. Это был молодой красивый воин, одетый в роскошный наряд одвара, с пятью перьями, усыпанными бриллиантами, торчавшими из его густых черных волос и означавшими занимаемую им позицию. Как и все игроки на поле, а также и все зрители, он знал, о чем думает вождь. Он не смел говорить, поскольку не мог советовать вождю, но глаза говорили за него: «Я сумею защитить честь черных и безопасность принцессы!»

Гохан больше не колебался.

— Одвар вождя — вперед на одвара принцессы! —

скомандовал он. Это был смелый ход. Вождь черных бросил перчатку своему противнику.

Воин прошел вперед и вступил на поле, занятое фигурой У-Дора. Это была первая схватка на поле в этой игре. Зрители подались вперед и замерли. Наступила полная тишина. Если фигура черных потерпит поражение, У-Дор двинет свою победившую фигуру на поле, занятое Тарой, и игра будет окончена — окончена в четыре хода и проиграна Гоханом из Гатола. Если же потерпит поражение фигура оранжевых, У-Дор потеряет одну из наиболее важных фигур и утратит все преимущество, полученное при первом ходе.

По сложению и силе противники были примерно одинаковы, каждый боролся за свою жизнь, но по первым выпадам стало ясно, что черный одвар более искусный боец. Гохан знал, у его одвара было еще одно преимущество перед противником. Оранжевый боролся только за свою жизнь, а черный воин защищал честь принцессы и отвоевывал свою свободу.

Эта дуэль держала зрителей в напряженном молчании. Клинки сверкали на солнце, сталь звенела. Оранжевый одвар, вынужденный защищаться, отчаянно боролся за свою жизнь. Черный хладнокровно теснил его и заставлял шаг за шагом отступать в угол поля — из этой позиции для него не было спасения. Если оранжевый покинет квадрат, это означает победу черного одвара и немедленную позорную смерть оранжевого воина на виду у всех зрителей. Движимый безнадежностью своего положения, оранжевый одвар перешел от защиты к яростному наступлению и вынудил черного одвара отступить на несколько шагов. Затем фигура У-Дора задела плечо противника, пролилась первая кровь. Зловещий сдавленный крик торжества вырвался из глоток людей У-Дора. Оранжевый одвар, ободренный этим успехом, решил в быстрой атаке добить своего противника. Его меч мелькал так быстро, что зрители не успевали уследить за ним, но все же черный одвар сумел заметить единственную ошибку своего противника. Отразив очередной удар, он внезапно прыгнул вперед и пронзил сердце оранжевого одвара, погрузив меч в его тело по самую рукоять.

Крик восторга раздался с трубун. Это была прекрасная схватка, и победил в ней более сильный и искусный

боец. Черные фигуры вздохнули с облегчением, сбросив напряжение последних минут.

Не стоит подробно описывать все детали игры. Через четыре хода после победы, одержанной черным одваром, Гохан был рядом с У-Дором. Справа по горизонтали от него поле занимал оранжевый пантан. Он был единственной фигурой, преграждавшей Гохану путь к вождю противника.

По предыдущим ходам игрокам и зрителям стало ясно, что Гохан движется прямо в расположение вражеских фигур и ищет схватки с оранжевым вождем, поставив все на предстоящий поединок и рассчитывая на свое боевое искусство. Схватка вождей, по правилам, решала исход встречи. У-Дор мог двинуться вперед и напасть на Гохана, но мог воспользоваться фигурой пантана своей принцессы и передвинуть его на поле, занятое Гоханом, в надежде, что пантан победит вождя черных и выиграет всю встречу.

У-Дор переместил свою принцессу на четыре поля к востоку от Гохана, так как ее позиция была угрожающей, и надеялся вслед за ней избежать встречи с черным вождем, но тут он потерпел неудачу. Он увидел, что теперь только его одвар может сразиться с Гоханом, но он уже потерял одного одвара и боялся рисковать второй фигурой. Его позиция была трудной. Он стремился избежать схватки с вождем противника, но вероятность того, что ему удастся это, была мала. Единственная надежда заключалась в пантане принцессы, поэтому без дальнейших колебаний он приказал этой фигуре вступить на поле, занятое черным вождем.

Симпатии зрителей были на стороне Гохана. Если он потерпит поражение, игру отложат. Если он победит, это означает, что состоится схватка вождей, которую все надеялись увидеть. Вообще зрители предпочитали игры со многими схватками.

Зрители осудили У-Дора, обвиняя его в недостатке храбрости. Он был великим вождем и решил овладеть Тарой. Ему не делало чести сражение с рабами, преступниками или неизвестным воином из Манатая. Ставка в игре не оправдывала такого риска. Но уж если обстоятельства игры требовали его участия в схватке, избегать ее не следовало.

Но вот началась схватка между Гоханом и оранжевым пантаном. Впервые жители Манатора увидели боевое

искусство Гохана из Гатола, но Тара из Гелиума знала, что он мастерски владеет мечом. Если бы он видел, какой гордостью сверкали ее глаза, когда он ранил оранжевого воина. Вождь черных удивился бы, так как запомнил в этих самых глазах огонь ненависти, когда он впервые поцеловал ее в подземелье дворца О-Тара. Глядя на него, Тара невольно сравнивала его со своим отцом, Джоном Картером из Виргинии, принцем Гелиума, Владыкой Барсума. И она поняла, что боевое искусство черного вождя ничуть не уступает мастерству великого бойца двух миров.

Схватка была короткой. Зрители приготовились следить за обычным ходом дуэли, но вдруг увидели, как черный вождь отступил и опустил меч острием вниз, а его противник выронил меч, схватился за грудь и затем упал.

Тогда Гохан из Гатола взглянул прямо на У-Дора из Манатора. Тот был от него на расстоянии трех полей. Три поля вождь может преодолеть одним ходом и в любом направлении. Зрители поняли намерение Гохана. Все встали со своих мест, когда он двинулся к полю, занятому оранжевым вождем.

О-Тар, сидя в ложе джеджака, нахмурился при виде этой сцены. О-Тар был разгневан. Он сердился на У-Дора, который решил принять участие в игре за обладание рабыней, в то время как О-Тар хотел, чтобы ее разыграли рабы и преступники. Он сердился на воина из Маната, который так легко победил жителя Манатора. Он сердился на зрителей, которые проявляли открытую враждебность к одному из тех людей, которые много лет грелись в лучах милости джеджака. О-Тар не радовался завтрашнему дню. Окружавшие его придворные тоже хмурились, они тоже были недовольны игрой, игроками и зрителями. Среди них был морщинистый, согбенный старик, глядевший своими слабыми водянистыми глазами на поле и игроков.

Когда Гохан вступил на его поле, У-Дор прыгнул к нему с обнаженным мечом с такой яростью, которая подавила бы менее искусного и сильного бойца. Через мгновение закипела жестокая схватка, превзошедшая по напряжению все предыдущие. Встретились действительно два великолепных бойца. Не прошло и нескольких минут, как многие стали предрекать, что они являются свидетелями дуэли, которая со временем войдет в историю

джетана в Манаторе. Все возможные приемы и удары, прыжки и атаки, уловки и выпады использовали воины. Время от времени они касались друг друга остриями своих мечей, и на медной коже обоих появилась кровь. Вскоре оба получили по несколько небольших ран, но казалось, ни один из них не в состоянии нанести решающий удар.

Со своей позиции на противоположной стороне поля Тара следила за схваткой. Ей все время казалось, что когда черный вождь защищается или вынуждает противника отступать, он пренебрегает тысячами возможностей для нанесения решающего удара. Она прекрасно видела это. Он ни разу не оказался в настоящей опасности и в то же время ни разу не хотел нанести удара, принесшего бы ему победу.

Дуэль продолжалась. День уже клонился к концу. Приближался внезапный переход от дневного света к ночной тьме. Неужели же схватка так и не закончится? Неужели после всего этого игру отложат? Что случилось с вождем черных?

Тара никак не могла понять, в чем деле, так как ей было ясно, что ее Туран сражается не в полную силу. Она не думала, что страх делает его руку менее уверенной. Но было ясно, что что-то удерживает Турана от последнего удара. Тут она заметила, что Туран бросил быстрый взгляд на уходящее солнце. Через тридцать минут наступит темнота. А затем и она, и все зрители увидели необычайную перемену в ходе боя. Все предыдущие часы схватки черный вождь играл с великим У-Дором. Он продолжал играть с ним и сейчас, но была в этой игре большая разница. Он играл с ним теперь, как хищник играет с добычей, прежде чем убить ее. Оранжевый вождь был теперь совершенно беспомощным перед вождем черных, который превосходил его своим искусством. Люди смотрели с раскрытыми от удивления глазами и ртами, как Гохан из Гатола ударил своего противника по ребрам, а затем мощным ударом рассек его голову до подбородка.

Через двадцать минут солнце сядет.

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

Громкие аплодисменты разнеслись над всем полем Джетан в Манаторе, когда двар крепости Джетан вызвал двух принцесс и вождя-победителя на центр поля. Здесь вождю черных вручили плоды его победы, и затем, как требовал обычай, победившие игроки, возглавляемые Гоханом и двумя принцессами, образовали процессию. Двар крепости провел их к месту для победителей перед ложей джеддака, где они должны были услышать слова благодарности от самого джеддака.

Перед ложей джеддака всадники спешили и отдали своих тотов рабам. Прямо перед ними начинался туннель, который проходил под трибунами и кончался за полем. Рядом со входом в него и остановился отряд Гохана. Впереди черных фигур шли Вал Дор и Флоран, которые под покровом темноты сумели незаметно открыть ворота в туннель.

Двар крепости Джетан обратился к О-Тару, представляя победителей.

— О великий джеддак Манатора О-Тар! Перед тобой победитель У-Кал из Манатая, вождь черных во второй Игре 433 года правления О-Тара, а с ним завоеванные им рабыни Тара и Лан-О!

Пока он говорил, маленький сморщенный старик, наклонившись над бортиком ложи джеддака, всматривался в воина и двух рабынь, стоящих рядом с ним.

— У-Кал из Манатая, — сказал О-Тар, — ты выиграл ставку. Не часто приходится видеть такое искусство владения мечом. Если ты оставишь свой город, для тебя всегда найдется место в столице Манатора в личной охране джеддака.

Пока джеддак говорил, старик безуспешно разглядывал черты лица вождя черных фигур. Вдруг он вытащил из кармана очки с толстыми стеклами и надел их на нос. Какое-то время он продолжал разглядывать Гохана, а затем, указав на него пальцем, повернулся к О-Тару. Когда он встал, Тара схватила черного вождя за руку.

— Туран! — прошептала она. — Это И-Гос, я думала, что убила его в подземельях О-Тара. Это И-Гос, он узнал тебя!

И тут же И-Гос, срываясь на фальцет, закричал:

— Это раб Туран, который похитил рабыню Тару из твоего тронного зала, О-Тар. Он осквернил покойного вождя И-Мала и надел его доспехи.

Мгновенно все превратилось в ад. Воины выхватили свои мечи и вскочили на ноги. Черные фигуры Гохана двинулись вперед, сбив с ног хранителя крепости. Вал Дор и Флоран проникли через ворота в ложу джеддака и открыли проход в туннель. Гохан, окруженный своими людьми, повел туда же Тару и Лан-О, и весь его отряд быстро двинулся следом за ним, пока преследователи не разобрались, в чем дело. Они выполнили задуманное, и когда вышли в город, солнце село и все вокруг освещалось древними фонарями, бросавшими слабый отблеск на затемненные улицы.

Только теперь Тара догадалась, почему черный вождь затягивал дуэль с У-Дором, когда в любой момент мог убить его. Она разгадала план Гохана, который решил выбраться из города через Ворота Врагов и предложить свою службу У-Тору, великому джеду Манатоса. Гохан знал место, где содержится в тюрьме А-Кор, сын жены У-Тора, что придавало надежду на согласие У-Тора. Но даже если У-Тор откажет им, они любой ценой пробьются сквозь все заслоны и завоюют свободу.

Преодолев значительную часть города, беглецы услышали бряцание оружия. Это приближались преследователи. Их нагнала дюжина всадников на тотых из гвардии джеддака. Улицу наполнили звон мечей, топот тотых и крики сражающихся.

В первой стычке с обеих сторон пролилась кровь. Двое из людей Гохана упали, противник потерял троих всадников.

Гохан сражался с воином, который, казалось, искал только его. Он подскочил прямо к нему, не обращая внимания на остальных, попытавшихся остановить его. Гохан попытался зайти сзади всадника, но тот разгадал его план и развернул тоту мордой к Гохану.

Пока они примеривались друг к другу, мимо быстро проскакал какой-то всадник. Гохан услышал резкие выкрики.

— Туран! Они схватили меня! — донесся до него голос Тары.

Оглянувшись, он увидел ее на холке тоты, уносившегося прочь. С яростью демона Гохан из Гатола прыгнул на своего противника, стащил на землю и

одним ударом расколол ему голову своим коротким мечом. Стремительно Гохан вскочил на тот и галопом поскакал вслед за похитителем Тары.

Звуки уличного боя замерли вдалеке, а Туран мчался по улице, ведущей от Ворот Врагов ко дворцу О-Тара. Тот Гохана, несший лишь одного всадника, скакал быстрее, чем тот воин из Манатора. Когда последний уже достиг ворот дворца, Гохан был всего в ста ярдах от него. К своему ужасу, Гохан увидел, что похититель нырнул в ворота дворца, где его на несколько секунд задержала стража, а затем резко проскакал во дворец. Гохан уже почти нагнал его, но тут стража преградила ему путь.

Джед Гатола сообразил, что похититель не заметил погони и не предупредил о ней воинов охраны. Гохан, одетый в доспехи воинов Манатора тоже сумеет пройти через ворота.

— Именем О-Тара! — на полном скаку закричал он стражникам.

Воины стояли в недоумении.

— Прочь! — крикнул Гохан. — Кто смеет препятствовать посланнику джеддака?

— К кому ты направляешься? — спросил офицер.

— Разве вы не видели того, кто только что проскакал здесь? — воскликнул Гохан и, не дожидаясь ответа, пустил своего тоту прямо во дворец.

Гохан направил своего тоту по мраморным коридорам прямо в тронный зал О-Тара. На втором этаже ему повстречался раб.

— Куда проскакал всадник с женщиной? — спросил он.

Раб указал на ближайший пандус, уходящий на третий этаж, и Гохан продолжил преследование. В это же самое время еще один всадник подскочил ко входу во дворец.

— Вы видели всадника, преследовавшего воина с женщиной? — крикнул он стражникам.

— Он только что проскакал, — ответил офицер. — Он сказал нам, что послан О-Таром.

— Он лгал! — воскликнул вновь прибывший. — Это был Туран, раб, похитивший два дня назад женщину из тронного зала. Объявите тревогу. Он должен быть схвачен и желательно живым. Таков приказ О-Тара.

Охрана дворца немедленно принялась разыскивать

дерзкого раба. Поскольку большинство воинов личной охраны отправились на игры, во дворце было сравнительно мало людей, но офицеру охраны удалось собрать не менее пятидесяти воинов для поисков Турана, которые разбежались по многочисленным коридорам и комнатам дворца.

Когда Гохан поднялся на третий этаж, то заметил мелькнувшую фигуру похитителя Тары, который успел скрыться за поворотом. Подгоняя тот, он поскакал вперед, но завернув за угол, никого не обнаружил. Он добрался до четвертого этажа и попал в коридор, в котором вновь увидел воина с Тарой. Последний остановился перед одной из дверей, спешил и потащил девушку в комнату. В этот момент Гохан услышал за спиной звон оружия, оглянулся и увидел трех воинов, спешащих к нему. Соскочив с тот, Гохан вбежал в комнату вслед за воином и Тарой, захлопнул дверь и закрыл массивную задвижку. Воин Манатора, увидев Гохана, приставил острие короткого меча к груди Тары и громко закричал:

— Стой! Эта женщина умрет, но не попадет в твои руки! Таков приказ О-Тара.

Гохан остановился. Всего несколько шагов отделяло его от Тары и ее похитителя, но он был бессилен. Воин медленно пятился к небольшой двери позади него, увлекая Тару за собой. Она пыталась вырваться, но безуспешно.

— Освободи меня, Туран! — кричала она. — Не допусти, чтобы меня постигла более страшная участь, нежели сама смерть. Пусть лучше я умру сейчас, когда мои глаза видят верного друга, чем потом, сражаясь с врагами за свою честь!

Туран сделал шаг вперед. Воин угрожающе коснулся острием меча смуглой кожи принцессы, и Гохан остановился.

— Я не могу, Тара! — воскликнул он. — Не суди меня за эту слабость, но я не могу видеть твою смерть! Слишком велика моя любовь к тебе, дочь Гелиума!

Воин из Манатора с презрительной ухмылкой продолжал пятиться к двери. Он уже почти вошел к ней, как из-за его спины вышел другой воин. Он неслышно подошел к нему сзади, сжимая в руке длинный меч.

— Двое против одного, — прошептал Гохан и угрожающе улыбнулся, ибо не сомневался, что если один воин

не захотел вступать с ним в бой, то двое обязательно нападут на него. Ну, что же, если он не спасет свою принцессу, то по крайней мере умрет за нее.

И вдруг в глазах Гохана появилось крайнее удивление. Он видел, как большой меч вошедшего воина описал в воздухе большой круг и нанес быстрый удар, расколов голову похитителя пополам.

Воин осел, и Тара отпрыгнула из объятий смерти к Гохану. Левой рукой он обхватил ее и приготовился к атаке воина. Между тем воин, освободивший девушку, вытер меч о волосы своей жертвы и вложил его в ножны. На нем была одежда гвардейца джеджа, и Гохан со спасенной принцессой удивленно посмотрели на него.

— Когда человек, стараясь скрыть свое подлинное имя, принимает другое,— сказал он, глядя прямо в глаза Гохану,— плох тот друг, который, проникнув в эту тайну, разгласит ее.

Он замолчал, как бы ожидая ответа.

— Твои благородство и честность видны по твоему лицу,— ответил Гохан, мучительно размышляя, как воин из Манатора мог узнать его.

— Да, я могу открыто сказать тебе правду. Здесь я известен под именем А-Сор, но мое подлинное имя Тасор,— он замолчал, ожидая реакции на свои слова.

И он увидел на лице Гохана то, чего ждал. Джед Гатола узнал его!

Тасор! Друг его юности! Сын видного придворного Гатола, отдавшего свою жизнь в героической, хотя и напрасной попытке защитить отца Гохана от кинжалов убийц. Тасор в гвардии О-Тара, джеджа Манатора! Это невероятно, но факт!

— Тасор,— громко повторил Гохан,— но это не манаторианское имя.

Утверждение его прозвучало как полувопрос. Гохан был крайне удивлен и хотел знать, как его друг и верный помощник стал гражданином Манатора. Много лет прошло с тех пор, как исчез Тасор. Это был период таинственного исчезновения принцессы Гайи и многих других жителей Гатола. Джед Гатола долгое время считал его мертвым.

— Да,— ответил Тасор,— это не манаторианское имя. Пойдем, я подыщу для вас укромную комнату в нежилой части дворца, а потом расскажу тебе, как Тасор из Гатола стал А-Сором из Манатора.

Случилось так, что я ехал вдоль восточной границы Гатола с дюжиной моих воинов в поисках зитидаров, отбившихся от моего стада. Нас окружил большой отряд воинов из Манатора. Половина моих воинов погибла, остальных взяли в плен. Так я стал пленником в Манатае, в дальнем городе Манатора, где меня продали в рабство. Меня купила принцесса Манатая, чьи богатства и положение не имели себе равных в этом городе. Она полюбила меня, и когда ее муж прознал об этом, принцесса попыталась уговорить меня убить ее мужа. Я отказался, а она наняла убийцу. После этого она вышла за меня замуж, но с ней никто больше не захотел знаться, так как все подозревали ее в убийстве мужа. Мы уехали из Манатая в Манатор в сопровождении большого каравана дорогих вещей, драгоценностей и золота. По пути она распустила слух, что мы погибли. Прибыв в Манатор, она взяла новое имя, а я стал называться А-Сором, чтобы нас не могли отыскать по старым именам. Благодаря своему богатству, она купила мне место в гвардии джедака, и теперь уже никто не знает, что я не манаторианин, так как моя жена умерла. О, она была прекрасна, но сущий дьявол!

— И ты никогда не пытался вернуться на родину? — спросил Гохан.

— Никогда меня не покидала надежда, — ответил Тасор. — Я мечтал об этом днем и ночью, но никак не представлялось удобного случая. Я знал, что смогу попасть в Гатол только с одним из отрядов, направлявшихся туда за рабами. А там, в пределах моего государства, я сумел бы затеряться и отстать от него.

— Кажется, сегодня тебе предоставится такая возможность, — сказал Гохан, — если в тебе сохранилась преданность твоему..., если ты сохранил верность и преданность своему джеду за годы службы в гвардии джедака Манатора.

Тасор понял его, и его ответ прозвучал честно и открыто:

— Если бы мой джед стоял передо мной, — воскликнул Тасор, — я сложил бы свой меч у его ног и просил бы о высшей милости — умереть за него, как мой отец умер за его отца.

Гохан больше не сомневался, что Тасор узнал его. Джед Гатола улыбнулся.

— Если бы твой джед стоял перед тобой, то, не-

сомненно, он приказал бы тебе использовать все возможности и отвагу для спасения принцессы Тары из Гелиума,— сказал он многозначительно.— И еще, он сказал бы тебе: «Иди, Тасор, в тюрьму, где томится А-Кор, сын принцессы Гайи из Гатола, освободи его, подними рабов из Гатола и отправляйся к У-Тору из Манатоса, мужу Гайи из Гатола. Сообщи ему, что настало время сбросить с трона джеддака О-Тара, освободить принцессу Тару и вернуть свободу рабам из Гатола». Именно так, Тасор из Гатола, приказал бы тебе Гохан, твой джед.

— Обещаю тебе, раб Туран, что приложу все силы, чтобы исполнить все это, но сначала давай подыщем надежное убежище для Тары из Гелиума и ее воина-наемника,— ответил Тасор.

Гохан взглядом поблагодарил Тасора. Они оба понимали, что только смерть может остановить Тасора. Любимый вождь доверил ему не только свою жизнь и жизнь Тары, но и судьбу самого Гатола. Тасор спешно повел их по забытым коридорам старого дворца, где на мраморных плитах лежала нетронутая пыль веков. Они пытались открыть многие двери, но им попалась всего одна незапертая дверь. Открыв ее, он ввел их в серую от пыли комнату.

На стенах висело древнее оружие, фрески на потолке поблекли от времени, а у стен лежали груды истлевших мехов и шелка.

— Здесь вы будете в безопасности, так как сюда никто не придет. Я сам никогда не бывал здесь раньше, но сумею снова вас найти и принесу еду и питье. Когда-то эту часть дворца занимал джеддак О-Май, это было за пять тысяч лет до вступления на трон О-Тара. В одной из этих комнат он был найден мертвым, но его лицо было так искажено от страха, что все, кто видел его, сходили с ума. На теле не нашли следов насилия. С тех пор никто не занимал эти покои, так как общеизвестно, что духи корфалов преследуют здесь дух убитого джеддака. По ночам здесь раздаются стоны и скрежет, но,— добавил он, улыбаясь,— вряд ли воин из Гатола и принцесса Гелиума признают подобные сказки.

Гохан засмеялся в ответ.

— Если все, кто видел его, сходили с ума, то как же сумели подготовить его тело к погребению?

— Никак, его оставили там, где нашли, и до сих пор

его кости лежат в одной из этих заброшенных комнат.

Тасор оставил их, сказав, что постарается сегодня же добраться до А-Кора, а завтра принесет им еду и воду.

Тасор ушел, и они остались вдвоем. Тара подошла к Гохану и взяла его за руку.

— Я не сразу узнала тебя на поле Джетан в костюме воина Манатора, а потом у меня не было случая поблагодарить тебя за отвагу и преданность. Я еще раз хочу напомнить тебе, что я у тебя в долгу, но обещаю, что ты непременно получишь награду от моего отца Джона Картера, когда мы доберемся до Гелиума.

— Мне не нужна иная награда,— ответил он,— кроме счастья знать, что женщина, которую я люблю, счастлива.

В момент глаза Тары загорелись прежним высокомерием, но оно сразу исчезло, в них осталась лишь печаль.

— Я не хочу упрекать тебя, Туран,— сказала она,— ты верный и храбрый друг, но ты не должен произносить слова, которые мои уши не должны слушать.

— Ты хочешь сказать,— спросил он,— что уши принцессы не могут слышать слова любви простого наемника?

— Нет, Туран,— ответила она,— но честь и долг не позволяют мне слушать слова любви ни от кого, кроме человека, с которым я помолвлена. Это Джор Кантос из Гелиума.

— Значит ли это, Тара из Гелиума,— вскричал он,— что если бы ты не была помолвлена...

— Остановись! — приказала она.— Ты не смеешь добиваться большего, чем услышал теперь от меня.

— Как часто глаза говорят яснее твоих уст, Тара,— ответил он,— а в них я прочел, что ты никогда не испытывала ненависти и презрения к пантану Турану. Мое сердце говорит мне, что твои уста солгали, когда ты в гневе закричала: «Я ненавижу тебя!»

— Туран, я не испытываю ненависти к тебе, но не могу любить,— просто ответила девушка.

— Когда я выбрался из комнаты И-Госа, то был готов поверить, что ты и в самом деле ненавидишь меня,— сказал он.— Только так я мог объяснить твой уход. Но теперь сердце и рассудок говорят мне, что Тара из Гелиума не оставила бы товарища в беде. Скажи, как все случилось тогда?

— Едва И-Гос упал от удара моего кинжала,— сказала девушка,— как я услышала, что приближаются вои-

ны. Я бросилась бежать, пытаюсь укрыться и переждать. Я, конечно, намеревалась вернуться за тобой, но угодила прямо в руки воинов из другого отряда. Они спросили меня о тебе, но я ответила, что ты уже ушел вперед, а я сама ищу тебя. Мне удалось увести их от тебя.

— Теперь мне все понятно,— сказал Гохан, но его сердце наполнилось огромной радостью, как это бывает с человеком, услышавшим от любимой слова любви и верности.

Пока они беседовали в полутемной комнате, по пыльным коридорам брел согбенный старик в мощных очках, внимательно разглядывавший следы, оставленные в пыли.

ГЛАВА XIX

СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА

Ночь только началась, когда какой-то странный человек подошел ко входу в зал, где О-Тар из Манатора делил трапезу со своими вождями. Этот человек совершенно свободно прошел мимо стражи, явно пользуясь особым правом. Он подошел прямо к большому столу, и О-Тар заметил его.

— Здравствуй, старик! — крикнул он. — Что привело тебя сегодня к нам из твоих любимых благоухающих нор? Мы думали, что насмотревшись на живых людей на играх, ты поспешишь к своим мертвецам.

Покашливание и смех И-Госа были ответом на остроту джеддака.

— Да, да, О-Тар,— проскрипел старик. — С большим удовольствием вернулся бы И-Гос в свою любимое подземелье, но мертвецов И-Госа посмели безнаказанно оскорбить. Я требую мщения!

— Ты имеешь в виду раба Турана? — спросил О-Тар.

— Турана, да... и рабыню Тару, которая ударила меня кинжалом. Дюйм в сторону, О-Тар, и сейчас бы старое слабое тело И-Госа было в руках какого-нибудь начинающего чучельника.

— Но им снова удалось скрыться от нас! — воскликнул О-Тар. — Даже во дворце великого джеддака они дважды убегали от этих тупых ножей, которые называют-

ся гвардией джеддака. — Он встал, сопроводив свои гневные слова ударами кулака по столу, уставленному золотыми кубками.

— Да, О-Тар, они скрылись от твоей гвардии, но не от старого мудрого И-Госа.

— Что это значит? Говори! — приказал О-Тар.

— Я знаю, где они скрываются, — сказал старый мастер. — Следы в пыльных заброшенных коридорах выдали их.

— Ты шел за ними? Ты видел их?

— Я шел за ними и слышал их разговор за закрытой дверью, — ответил И-Гос, — но не видел их.

— Где же эта дверь? — спросил О-Тар. — Я пошлю туда воинов и велю схватить их. — Он посмотрел на сидящих за столом вождей, как бы решая, кого послать с этим поручением. Они все вскочили на ноги, взявшись за мечи.

— Я проследил их до комнат джеддака О-Мая, — прокричал И-Гос, — вы найдете их там, где стонущие корфалы преследуют дух О-Мая! — и он перевел взгляд с О-Тара на воинов, которые, услышав его слова, торопливо сели на место.

Покашливание И-Госа нарушило воцарившуюся тишину. Вожди смущенно разглядывали еду, а О-Тар в нетерпении сжимал кулаки.

— Неужели среди вождей Манатора одни трусы? — воскликнул он. — Дважды эти дерзкие рабы оскорбили вашего джеддака! Могу ли я приказать привести их сюда?

Один из вождей медленно встал, за ним еще двое.

— Ага, — обрадовался О-Тар, — значит, вы не трусы. Отправляйтесь втроем и возьмите столько воинов, сколько захотите.

— Но не вызывайте добровольцев, — перебил его И-Гос, — а то вам придется идти одним.

Трое вождей покинули зал и медленно двинулись навстречу судьбе как приговоренные к казни.

Туран и Тара все еще были в комнате, в которую привел их Тасор. Страхнув пыль с дивана, они удобно расположились на нем. Меха и шелк рассыпались от первого прикосновения, поэтому не из чего было устроить постель для девушки. Они сидели и тихо вспоминали события последних дней, размышляли о будущем, строили планы побега и надеялись на скорое возвращение

Тасора. В конце концов они затронули в беседе Гатол, и Тара спросила Турана:

— Ты служил там?

— Да,— ответил он.

— Я вдруг вспомнила Гохана, джеда Гатола,— сказала она.— За день до того, как буря унесла меня из Гелиума, я встретила его в саду на приеме моего отца. О, какой самонадеянный нахал, увешанный бриллиантами и золотом. Никогда в жизни не видела я таких великолепных украшений, как на нем. Наверное, все богатство и роскошь Барсума сосредоточены при дворе Гатола. Но я не могу себе представить этого разряженного джеда в смертельном бою. Мне кажется, что джед Гатола некудышный боец.

В полутемной комнате Тара и не заметила, как изменилось лицо ее собеседника.

— А потом, скажи, ты не вспоминала и не думала о Гохане? — спросил Туран.

— Ни тогда, ни сейчас,— ответила она, смеясь.— Как было бы задето его самолюбие, узнай он о том, что бедному пантану удалось завоевать уважение Тары из Гелиума,— и она положила руку ему на колено.

Он схватил ее руку и прижал пальцы к своим губам.

— О Тара! — воскликнул он.— Не думаешь ли ты, что я сделан из камня?

Одной рукой он обнял девушку за плечи и нежно привлек к себе ее податливое тело.

— Пусть первый предок простит мне мою слабость! — воскликнула она и, обвив его шею руками, прижалась к его губам. Надолго застыли они в первом поцелуе, а затем она мягко отстранила его.

— Я люблю тебя, Туран,— сказала она и разрыдалась.— Я так люблю тебя! Прощение мне я вижу только в том, что никогда не любила Джора Кантоса. И если ты действительно любишь меня, Туран, рыцарь мой, ты избавишь меня от большего бесчестия, ведь я точно глина в твоих руках.

Он снова прижал ее к себе, а потом вдруг отстранил и принялся мерить комнату шагами, пытаясь укротить свои чувства, идущие из глубины его души и сердца. Торжественным гимном звучали у него в сердце ее слова: «Я люблю тебя, Туран! Я так люблю тебя!» И это случилось так неожиданно для него. Он все время думал, что она испытывает к нему лишь чувство благодар-

ности за верность, и вот все преграды рухнули, она больше не принцесса, наоборот... Но тут эти счастливые минуты прервали звуки, донесшиеся из-за запертой двери. Бесшумно он подошел к ней и прислушался — откуда-то издалека доносился лязг металла. Несомненно, верный признак приближающихся воинов.

Несколько мгновений Гохан внимательно прислушивался, пока у него не осталось никаких сомнений в том, что сюда могут прийти лишь в поисках Тары и его самого. Тара, понявшая все без слов, встала и тихо подошла к нему. Гохан взял ее за руку и повел к двери, ведущей в соседнюю комнату, которая оказалась незапертой. За ней оказалась полуосвященная комната, на пороге которой они застыли в замешательстве и быстро отступили назад. За столом сидели четыре воина и играли в джетан.

Они были так увлечены игрой, что не заметили молодых людей. Осторожно прикрыв дверь, беглецы молча двинулись к следующей, но она была закрыта, как, впрочем и две других, выходящих в комнату, где они спрятались.

Если воины, ищущие их, точно знают, где искать, они погибли. Положение казалось безвыходным. Гохан повел Тару к двери, за которой расположились игроки в джетан. Выхватив меч, он ждал, прислушиваясь. Шаги в коридоре звучали все отчетливее и уже совсем близко. Сколько их? За дверью всего четыре воина, к тому же не ожидающих нападения.

Оставался только один выход, и Гохан резко распахнул дверь, в соседнюю комнату, держа Тару за руку. Игроки по-прежнему не замечали их появления. Один из них, собираясь сделать ход, занес руку над фигурой, стоящей на доске. Остальные трое ждали его решения. Еще мгновение Гохан смотрел на игроков, устроившихся в забытых покоях дворца, потом улыбнулся и сказал:

— Идем! — сказал он Таре. — Их нечего бояться. Они сидят здесь уже более пяти тысячелетий. Это работа какого-то древнего мастера.

Подойдя поближе, они увидели толстый слой пыли на их лицах, но они хорошо сохранились. Потом они услышали, как отворилась дверь, из которой они только что вышли, и в нее вошли воины. Из комнаты с игроками в джетан они проникли в коридор, который привел их в большую спальню. В центре ее стояло большое ложе со множеством мехов и шелка, стены и потолок спальни

были богато отделаны драгоценностями. На постели лежал человек, ноги которого свешивались на пол. Других дверей, кроме той, через которую они вошли, не было видно, хотя было ясно, что под гобеленами могут быть и другие двери.

Гохан, наслышавшись легенд, подошел к помосту, чтобы рассмотреть фигуру, лежащую на нем. Он увидел сморщенный, ссохшийся от времени труп мужчины, лежащего на спине с вытянутыми и широко расставленными пальцами. Одна нога у него подогнулась, а вторая была вытянута поверх мехов и шелка на постели. После пяти тысячелетий его высохшее лицо и пустые глазницы наводили такой ужас, что Гохан понял, что перед ним тело джеддака О-Мая.

Вдруг Тара, стоявшая рядом, схватила воина за руку и указала в дальний угол комнаты. Гохан взглянул туда и почувствовал, что волосы встают дыбом. Обхватив левой рукой девушку, правой он вытащил меч и стоял так между нею и занавесями, на которые смотрел. Потом медленно стал пятиться. В комнате, где уже пять тысяч лет не ступала нога человека, ни одно дыхание не колебало воздуха, в углу задвигались тяжелые занавеси. Но они зашевелились не от сквозняка, которого здесь и не могло быть. Они вдруг стали выпячиваться вперед, как будто кто-то пытался пробиться сквозь них. Гохан продолжал пятиться к противоположному от движущихся занавесей углу, пока они не прижались спинами к гобелену. Тут они услышали приближение преследователей. Тогда Гохан спрятал за гобелен Тару и сам последовал за ней. Найдя щель между отдельными частями полотна, он мог наблюдать за комнатой и дверью.

Трое вождей и дюжина воинов без труда шли по следам беглецов, оставленным на пыльном полу коридоров и комнат. Тем не менее посещение этой части дворца потребовало от них крайней храбрости, а когда они зашли в покои самого О-Мая, их нервы были крайне напряжены. Все люди Манатора были суеверными. Войдя в комнату, они медленно продвигались вперед с обнаженными мечами, и было видно, что ни один из них не стремится выделиться. Двенадцать воинов, не скрывая страха, держались позади, а трое вождей, подгоняемые страхом перед О-Таром, старались подбадривать друг друга. Медленно они прошли во вторую полутемную комнату.

Идя по следам Гохана и Тары, они наткнулись на

игроков в джетан и от неожиданности чуть не бросились бежать, так как хорошо знали, что в этих покоях можно встретить лишь духов мертвых. Собрав все свое мужество, они миновали игроков и прошли в спальню джеддака О-Мая. Они и не знали, что эта ужасная комната прямо перед ними, иначе вряд ли осмелились бы двинуться дальше. Но они разглядели следы тех, кого преследовали, и пошли по ним. У входа в спальню они остановились, пока глаза привыкали к тусклому свету. Вдруг один из них указал пальцем на фигуру, лежащую на постели.

— Смотрите! — крикнул он. — Это тело О-Мая! Предки предков! Мы в проклятой комнате!

Одновременно с этими словами из-за занавесей в углу комнаты раздался глухой стон, сопровождаемый пронзительным воплем. Ткань зашевелилась и стала вытягиваться на их глазах вперед.

Как по команде, вошедшие повернулись и бросились к дверям. В дверях они столкнулись, крича от ужаса и отталкивая друг друга, побросали мечи и стали цепляться друг за друга. Кто-то упал, другие, ничего не видя, топтались по упавшим. Наконец, им удалось протиснуться в дверь, и во главе с самым быстрым из них они в мгновение ока пробежали обе соседние комнаты и оказались в пустом коридоре. Не останавливаясь и не задерживаясь ни на минуту, бледные и дрожащие, они добежали до зала, где их ждал О-Тар. Завидев их, воины, сидевшие в зале, повскакали со своих мест и обнажили мечи, решив, что за тремя вождями гонится множество врагов. Но никто не появился, и трое вождей предстали перед О-Таром с опущенными головами и дрожащими коленками.

— Ну?! — гневно сказал джеддак. — Что случилось? Говорите!

— О-Тар! — воскликнул один из них, совладав с дрожащим голосом. — Разве мы отступали в сражениях или в личных поединках? Разве наши мечи не вставали на защиту твоей безопасности и чести?

— Но я и не отрицаю этого!

— Выслушай нас, о джеддак, и рассуди великодушно. Мы прошли по следам двух рабов в покои короля О-Мая, вошли в проклятые комнаты и не дрогнули. Наконец мы оказались в ужасной комнате, куда уже пять тысяч лет не ступала нога человека. И тут мы уви-

дели тело О-Мая, лежащего так, как его нашли. Мы вошли в эту жуткую комнату и были готовы идти дальше. Вдруг раздался страшный стон, и в этом мертвом воздухе задвигались занавеси. О-Тар, это было выше человеческих сил. Мы повернулись и побежали. Мы бросились из комнаты, потеряли мечи и дрались друг с другом, чтобы первыми выбраться оттуда. С печалью, но без стыда я рассказываю тебе это, ибо нет человека в Манаторе, который не сделал бы то же самое. Если эти рабы корфалы, они сейчас в безопасности среди духов. Если они не корфалы, то уже мертвы, и их нужно оставить в комнате О-Мая. Я не вернусь в это проклятое место, даже если в награду за это меня будут ждать доспехи джеддака и пол-Барсума впридачу. Я сказал!

О-Тар сдвинул брови.

— Неужели все мои вожди трусы? — спросил он презрительно.

Один из тех, кто оставался в зале, встал и повернулся к О-Тару.

— Джеддак знает,— сказал он,— что в Манаторе джеддак всегда был самым храбрым из всех воинов. Я пойду туда, куда поведет меня мой джеддак, но он не имеет права называть меня трусом, если посылает туда, куда не идет сам. Я сказал!

Когда он сел, наступила мертвая тишина.

Все поняли, что выступивший вождь бросил вызов О-Тару, джеддаку Манатора, и ждали его ответа. У всех была одна и та же мысль: О-Тар должен повести их в комнату О-Мая, иначе он прослышет трусом, а трусу не место на троне Манатора.

О-Тар заколебался, глядя в лица тех, кто собрался в зале. Но на них он прочел лишь угрюмые усмешки. Ни следа снисходительности не нашел он на этих лицах. Вдруг его взгляд остановился на маленькой двери в одной из стен зала. С чувством облегчения он закричал:

— Смотрите! Смотрите, кто пришел!

ГЛАВА XX

ОБВИНЕНИЕ В ТРУСОСТИ

Гохан, спрятавшись между занавесями и стеной, наблюдал паническое бегство своих преследователей.

Угрюмая усмешка появилась на его губах, когда он смотрел на драку между воинами за право первым выбраться из жуткой комнаты. Когда они наконец убрались, он, улыбаясь, повернулся к Таре. Его улыбка тотчас же исчезла — рядом с ним никого не было!

— Тара! — громко позвал он. Ему теперь некого было опасаться, так как он был уверен, что воины не вернутся. Ответа не последовало, только откуда-то издалека донесся слабый кашель. Осмотревшись, он обнаружил за занавесями несколько дверей, одна из которых была приоткрыта. Через эту дверь он проник в соседнюю комнату, ярко освещенную в этот момент прямыми лучами стремительной Турии, совершающей свой круг в небе Барсума. Он успел разглядеть следы сандалий на пыльном полу. Они прошли здесь — Тара и то существо, которое ее похитило.

Но кто же это мог быть? Гохан, выросший среди людей высокой культуры и разума, не был суеверным. И его словесные обращения к духам предков были не более, чем дань уважения к традициям Барсума. Он не ожидал никакого материального проявления их существования после смерти. Он вообще не верил в материализацию духов. Поэтому никак не мог понять, какая сила похитила Тару так внезапно из комнаты, в которой человек не появлялся уже почти пять тысяч лет.

В темноте он не мог уже разглядеть, были ли здесь иные следы, кроме следов сандалий Тары, но было заметно, что пыль чем-то тронута. Выйдя в коридор, он окончательно потерял ее след. Покои О-Мая, по которым он ходил, оказались настоящим лабиринтом из переходов, коридоров и комнат.

Ему встретился древний бассейн, несомненно, купальня самого джеддака, затем он прошел через комнату, где на столе стояла посуда с едой, вероятно, нетронутый завтрак О-Мая. Убранство комнат и обилие драгоценных камней и металлов удивили даже джеда Гатола, чьи богатства не имели себе равных на всем Барсуме.

Покои О-Мая закончились небольшим кабинетом, в полу которого был люк, а в нем виднелась винтовая лестница, ведущая вниз в непроглядную темноту. Он обнаружил следы у люка, поэтому решил искать Тару, спустившись вниз по лестнице. Он спускался крайне

медленно, ощупывая каждую ступеньку и ожидая ловушки в заброшенной части дворца джедака.

Он спустился уже, как ему показалось, этажа на три, как вдруг услышал приближающиеся снизу шарканье и скрежет. Он остановился и вытащил из ножен меч, стараясь не шуметь. Кромешная тьма не позволяла разглядеть приближающееся существо, к тому же он случайно задел мечом стену, пустой лестничный колодец снизу отозвался эхом.

Приблизившийся скрежет смолк. Гохан выждал некоторое время, а затем, отбросив осторожность, продолжил спуск по винтовой лестнице. Существо, кем бы оно ни было, не издавало больше ни звука, и Гохан не мог определить, где оно. В любой момент оно могло оказаться рядом, поэтому он держал меч наготове.

Лестница уводила его все дальше вниз. Темнота и могильная тишина окружали его. Кто-то, кого он не мог ни видеть, ни слышать, скрывался рядом, в этом он был уверен. Возможно, это существо, которое похитило Тару. Возможно, сама Тара, застывшая от ужаса и беспомощная, стоит совсем рядом с ним.

Он пошел быстрее, почти бежал по ступенькам, подгоняемый мыслями об опасности, угрожающей любимой женщине. Гохан прямо с лестницы ткнулся в деревянную дверь, которая широко распахнулась от толчка. За ней был освещенный коридор, в который выходило множество дверей. Приглядевшись, он понял, что попал в подземелья дворца. Мгновением позже он вновь услышал за собой скрежет, который привлек его внимание на лестнице. Повернувшись он увидел источник этих звуков, появившийся из-за двери.

Это был калдан Чек!

— Чек! — воскликнул Гохан. — Это был ты? Ты видел Тару?

— Да, на винтовой лестнице был я, — ответил калдан, — но я не видел девушку и тоже ищу ее, где она?

— Не знаю, — ответил Гохан. — Мы должны найти ее и выбраться отсюда.

— Да, мы должны найти ее, — согласился Чек, — но сомневаюсь, что сможем выбраться отсюда. Покинуть Манатор гораздо труднее, чем войти в него. Я могу пробраться куда угодно по древним ходам ульсио, но вы слишком велики для такого путешествия, и вашим легким необходим воздух, которого слишком мало в глубоких ходах.

— Ты что-нибудь знаешь об У-Торе? — спросил его Гохан.

— Да, я кое-что слышал о нем, — ответил Чек. — Он разбил лагерь у Ворот Врагов. Его воины окружили Ворота, но попытка ворваться в город ему не удалась. Час назад ты мог бы свободно присоединиться к нему, но теперь каждая улица охраняется, так как О-Тар узнал, что бежал А-Кор и присоединился к У-Тору. Это произошло час назад. Я был у него, когда пришел воин, назвавшийся Тасором, и передал твое поручение. Мы решили, что Тасор поможет А-Кору пробраться в лагерь У-Тора, великого джеда Манатоса, и передаст ему твои слова. Тасор должен был вернуться назад за тобой и принцессой Гелиума. Я тоже пошел с ними. Мы легко разыскали У-Тора, который согласился исполнить твою просьбу, но когда Тасор хотел было вернуться во дворец, путь был перекрыт воинами О-Тара. Поэтому я взялся найти вас, а также сообщить рабам план, разработанный У-Тором и Тасором.

— Что же это за план?

— У-Тор послал за подкреплением гонцов в Манатос и в другие районы. Потребуется месяц, чтобы собрать подкрепление, а тем временем рабы в городе раздобудут оружие, чтобы подготовиться к подходу основных сил. Войска У-Тора предпримут штурм, а рабы захватят дворец. О-Тару придется бросить часть воинов на защиту дворца, поэтому у Ворот Врагов останется не так много войск.

— Возможно, их ждет успех, — сказал Гохан, — но у О-Тара достаточно воинов, при том они будут защищать свои дома и своего джеда. О Чек, если бы здесь были воздушные корабли Гатола или Гелиума, то штурм Манатора прошел бы намного успешнее. — Он замолчал и задумался. — Что случилось с отрядом рабов, бежавших со мной с поля Джетан, ты что-нибудь знаешь о них?

— Десять из них прорвались к У-Тору через Ворота Врагов и были хорошо приняты. Восемь погибли в схватках по пути. Вал Дор и Флоран живы, я видел их в окружении У-Тора.

— Хорошо! — воскликнул Гохан. — Тогда отправляйся по ходам ульсио к Воротам Врагов и передай Флорану записку, которую я напишу на известном ему языке.

В ближайшей комнате они обнаружили скамью и стол. Гохан сел и принялся писать странными иероглифами марсианского письма записку Флорану из Гатола.

— Почему же,— спросил он, закончив писать,— ты искал Тару на винтовой лестнице, где мы встретились с тобой?

— Тасор рассказал мне, где вы скрываетесь. Так как я, пользуясь ходами ульсио, исследовал большую часть дворца, я приблизительно знал, где вас искать. Эта потайная лестница поднимается из подземелья к крыше высочайшей башни дворца, и имеет выходы на каждый этаж. Но я думаю, что ни один живой горожанин не знает о ее существовании. Я ни разу никого не встретил, хотя много раз пользовался этим ходом. Трижды побывал я в комнате, где лежит О-Май, но ничего не знал о нем и его судьбе, пока Тасор не рассказал мне его историю в лагере У-Тора.

— Ты хорошо знаешь весь дворец? — прервал его Гохан.

— Даже лучше, чем сам О-Тар или кто-нибудь из его слуг.

— Отлично! Чек, ты послужишь еще принцессе Таре из Гелиума! И лучшей службой будет, если ты доставишь Флорану мою записку и будешь следовать его указаниям. Я все напишу, ибо и стены имеют уши. Прочесть ее сможет только гатолианин. Он переведет ее тебе. Могу ли я верить тебе?

— Я никогда не вернусь в Бантум,— ответил Чек.— У меня во всем Барсуме остались лишь два друга. Что же мне остается, как не верная служба им? Ты можешь верить мне, воин. Ты и эта женщина доказали мне, что неразумное сердце бывает совершеннее высокоразвитого мозга. Я иду.

* * *

Когда О-Тар указал на маленькую дверь в стене, все взгляды обратились туда. Велико же было удивление собравшихся, когда они узнали двоих, вошедших в зал. Это был И-Гос, тащивший за собой связанную Тару. В напряженной тишине зала раздался кашель И-Госа.

— Да, да! — прокрипел он.— То, что не смогли сделать молодые воины О-Тара, сделал И-Гос, и сделал один!

— Только корфал может пленить корфала! — крик-

нул один из вождей, побывавших по приказу О-Тара в комнате О-Мая.

И-Гос засмеялся.

— Ужас затмил ваш разум,— ответил он,— и склонил ваши уста к клевете. Она не корфал, а всего лишь женщина из Гелиума. Ее товарищ — воин, который может сразиться с любым из вас и проткнуть ваши гнилые трусливые сердца. Не так было в дни молодости И-Госа. О, какие тогда были люди в Манаторе! Я хорошо помню тот день, когда...

— Замолчи, слабоумный дурак,— приказал О-Тар.— Где воин, сопровождавший ее?

— Там, где я нашел женщину — в комнате О-Мая. Пусть твои мудрые и храбрые вожди пойдут и приведут его оттуда. Я старый человек и мог справиться лишь с ней.

— Ты хорошо сделал, И-Гос,— поблагодарил О-Тар старика. Узнав, что раб Туран все еще скрывается в проклятых покоях О-Мая, он не хотел вызвать гнев И-Госа, хорошо зная едкий язык и раздражительный характер старика.— Ты думаешь, И-Гос, что она не корфал? — спросил он.

— Не больше, чем ты,— ответил старый мастер.

О-Тар долго и внимательно разглядывал Тару. Ее красота, казалось, овладела всем его сознанием. Богатые доспехи черной принцессы, все еще одетые на ней, подчеркивали совершенство ее форм. Никогда раньше джеддак О-Тар не видел такого прекрасного лица и чудесных глаз, как у этой рабыни.

— Она не корфал! — пробормотал он про себя.— Она не корфал, а принцесса — принцесса Гелиума. И, клянусь золотыми волосами святого хеккадора, она прекрасна... Развяжите ей руки,— громко приказал он,— и приготовьте комнату для принцессы Тары из Гелиума в покоях О-Тара. Она будет обедать, как подобает принцессе.

Рабы исполнили приказание О-Тара, и Тара, сверкая глазами, уже стояла у предложенного ей кресла.

— Садись! — приказал ей О-Тар.

Девушка опустилась в кресло.

— Я сажусь за стол как пленница,— заявила она,— а не как гость моего врага О-Тара из Манатора.

О-Тар приказал всем удалиться.

— Я буду говорить с принцессой Гелиума наедине,— сказал он.

Вожди и рабы вышли, а джедак Манатора обратился к девушке.

— О-Тар из Манатора — твой друг,— заявил он ей.

Тара сидела, прижав руки к груди, глаза ее сверкали, губы были чуть сжаты. Она даже не соизволила ответить. О-Тар приблизился к ней. Он вдруг вспомнил свой первый разговор с ней. Она самка бенса, но она прекрасна. Она намного превосходит красотой самых красивых женщин, которых когда-либо доводилось видеть О-Тару, и он захотел обладать ею.

— Я мог бы взять тебя как рабыню, но хочу сделать тебя своей женой. Ты будешь женой джедака Манатора. Даю тебе семь дней для подготовки к той великой чести, которую оказывает тебе О-Тар. В этот же самый час через семь дней ты станешь женой О-Тара в тронном зале джедаков Манатора,— и он ударил в гонг, стоявший рядом с ним на столе. Вошедшему в зал рабу он приказал позвать всех в зал.

Вожди медленно заняли свои места за столом. Их лица были хмуры, они не забыли проявленной им трусости. Их непоколебимая вера в храбрость своего джедака пошатнулась.

О-Тар встал.

— Через семь дней,— объявил он,— состоится большой праздник в честь новой жены джедака Манатора,— и он указал рукой на Тару.— Церемония состоится в начале седьмого цода в тронном зале. Эти дни до свадьбы принцесса Гелиума проведет в женских покоях дворца. Проведи ее туда, Э-Тас, и проследи, чтобы ее окружали рабы и воины, соответствующие ее будущему положению.

Э-Тас понял подлинное значение слов джедака: он должен под сильной охраной отвести пленницу в женские покои дворца и стеречь ее там семь дней, чтобы предотвратить возможный побег или попытку к ее освобождению.

Когда Тара в сопровождении Э-Таса и охраны собралась покинуть зал, О-Тар наклонился к ней и прошептал:

— Подумай о высокой чести, которую тебе предлагает О-Тар. Другого выхода у тебя нет!

Девушка как будто не слышала его слов. С гордо поднятой головой она покинула проклятое место.

После ухода Чека Гохан долго бродил по подземельям и древним коридорам нежилой части дворца, надеясь найти следы Тары. Он исследовал всю винтовую лестницу, изучил каждую ее ступеньку от подземелья до самой башни. Теперь он знал все выходы на все этажи, а также устройство замков на всех дверях. Пищу он добывал в забытых подземных кладовых, а спать ложился на кровать О-Мая в запретной комнате.

А во дворце царило смятение, Воины и вожди, забыв о своих обязанностях, собирались группами повсюду, хмуро и сердито обсуждая тему, которая ни у кого не выходила из ума. На четвертый день заточения Тары Э-Тас и еще один приближенный О-Тара посетили джеддака в одной из небольших комнат его личных покоев. Когда Э-Тас сообщил О-Тару суть дела, по которому пришел, и собрался удалиться, О-Тар знаком приказал ему остаться.

— Из простого воина, Э-Тас, я сделал тебя вождем. В пределах дворца твои приказы имеют почти такую же силу, как и мои. Поэтому тебя не любят, Э-Тас, а если другой джеддак займет трон Манатора, что будет с тобой? Ведь твои враги в Манаторе очень сильны.

— Не говори так, О-Тар,— попросил его Э-Тас.— Я много думал об этом в последнее время и постарался задобрить своих врагов. Я был с ними любезен и снисходителен.

— Ты тоже уловил немую угрозу, витающую во дворце? — потребовал ответа джеддака.

Э-Тас почувствовал себя неловко и ничего не ответил.

— Почему ты не пришел ко мне со своими опасениями? — продолжал О-Тар.— Вот какова цена твоей верности!

— Я боялся, о могучий джеддак! — воскликнул Э-Тас.— Я боялся, что ты не поймешь меня и прогневаешься.

— Что ты знаешь? Говори правду! — приказал О-Тар.

— Среди вождей и воинов большая смута,— ответил Э-Тас.— Даже твои друзья боятся власти тех, кто выступает против тебя.

— Что же они говорят?

— Они говорят, что ты побоялся войти в покои О-Мая в поисках раба Турана. О, не сердись на меня, джеддак, я повторяю лишь то, что говорят они. Я, твой верный Э-Тас, не верю в подобную глупость.

— Нет, нет, чего мне бояться? — спросил О-Тар. — Мы не знаем, там ли он еще. Разве мои вожди не были там и не увидели ничего?

— Но они говорят, что ты не захотел идти туда, — продолжал Э-Тас, — и что они не желают видеть труса на троне Манатора.

— Это измена! — вскричал О-Тар.

— Они говорили не только это, великий джеддак, — сказал Э-Тас. — Они утверждают, что ты не только боишься войти в покои О-Мая, но что ты просто боишься раба Турана. Они бранят тебя за то, что ты наказал А-Кора. Они уверены, что А-Кор убит по твоему приказу. Многие из них громко заявляют, что А-Кор был бы прекрасным джеддаком.

— Как они смеют? Как смеют они прочить на трон О-Тара сына рабыни?

— Он твой сын, — напомнил ему Э-Тас, — и в Манаторе нет более любимого воинами человека. Я передаю тебе лишь факты, которыми нельзя пренебрегать. Я говорю так лишь потому, что только зная правду, ты можешь противостоять тем, кто угрожает твоему трону.

О-Тар тяжело опустился на скамью. Он вдруг почувствовал себя усталым и старым.

— Будь проклят тот день, — воскликнул он громко, — когда эти трое чужестранцев появились в столице Манатора! Мы не потеряли бы У-Дора. Он был силен, мои враги боялись его, но он погиб, пал от руки проклятого раба Турана, пусть настигнет его проклятие Иссы!

— Мой джеддак, что же нам делать? — спросил Э-Тас. — Посылая проклятия на головы этих рабов, ты не решишь проблемы.

— Но через три дня большой праздник и свадьба, — ответил О-Тар. — Состоится торжественный прием. Все воины, вожди знают об этом, таков обычай. В этот день обычно раздают награды, подарки, титулы. Скажи мне, кто больше всех настроен против меня? Ты пойдешь к ним и скажешь, что я щедро награжу их за прошлую верную службу трону. Мы сделаем вождей джедами, а воинов вождями, подарим им дворцы и рабов. А, Э-Тас?

Тот покачал головой.

— Не поможет, О-Тар! Они не примут твоих подарков. Они говорили об этом.

— Чего же они хотят?

— Они хотят, чтобы их джеддак был храбрейшим из храбрых,— ответил он, хотя у него самого отчаянно дрожали колени.

— Они думают, что я трус? — воскликнул джеддак.

— Они говорят, что ты испугался пойти в покои О-Мая.

О-Тар долго сидел, свесив голову на грудь и глядя в пол.

— Скажи им,— сказал он наконец усталым голосом, не похожим на голос великого джеддака,— скажи им, что я пойду в покои О-Мая и буду искать там раба Турана.

ГЛАВА XXI

РИСК ВО ИМЯ ЛЮБВИ

— Да, да, и этот трус назвал меня слабоумным дураком!

Говорил это И-Гос, обращаясь к группе вождей в одной из комнат дворца О-Тара, джеддака Манатора.

— Если бы А-Кор был жив, какой бы это был джеддак!

— Кто говорит, что А-Кор умер? — спросил один из вождей.

— Где же он тогда? — спросил И-Гос.— А куда подевались и многие другие вожди, близкие к трону?

Вождь покачал головой.

— Если ты прав, то я присоединюсь к У-Тору у Ворот Врагов.

— Тсс! — предупредил один из них.— Идет лизоблюд,— и все повернулись к подходившему к ним Э-Тасу.

— Каор, друзья! — воскликнул он, но его дружеское приветствие было встречено лишь несколькими угрюмыми кивками.— Слышали новость? — продолжал он, не смущаясь оказанным ему приемом.

— Неужели О-Тар увидел ульсио и упал в обморок? — едко спросил И-Гос.

— Люди умирают и за меньшее, старик,— предупредил его Э-Тас.

— Я жив,— возразил И-Гос,— потому что я не замечательный, храбрый и любимый народом сын джеддака Манатора.

Это был открытый вызов, но Э-Тас сделал вид, что

пропустил его мимо ушей. Не обращая внимания на старика, он заявил:

— Этой ночью О-Тар отправляется в покои О-Мая на поиски раба Турана,— сказал он.— Он сожалеет, что у его воинов не хватает храбрости выполнить эту обязанность, и их джеддак вынужден сам искать простого раба,— и Э-Тас отправился дальше по дворцу разносить эту новость. Последние его слова смутили вождей.

И-Гос окликнул его:

— В котором часу О-Тар отправится в покои О-Мая?

— В конце восьмого цода,— ответил Э-Тас и ушел.

— Посмотрим,— пробормотал И-Гос.

— Что мы сможем увидеть? — спросил его воин.

— Увидим, на самом ли деле О-Тар посетит комнату О-Мая.

— Но как?

— Я сам там буду, и если я увижу его, то буду знать, что он там был.

— Есть ли там что-либо, что наполнило бы сердце человека ужасом? — поинтересовался вождь.— Что ты там видел?

— Я видел немного, и кое-что слышал,— ответил И-Гос.

— Расскажи же нам!

— Я видел мертвого О-Мая,— сказал И-Гос собравшимся. Все вздрогнули.

— И ты не сошел с ума? — спросили они.

— Разве я сумасшедший? — в свою очередь спросил И-Гос.

— И ты снова пойдешь туда?

— Да!

— Ты на самом деле сумасшедший! — воскликнули они.

— Ты видел мертвого О-Мая, но что ты слышал? — шепотом спросил один из вождей.

— Я видел мертвого О-Мая на полу его спальни, одна его нога запуталась в мехах и шелках на постели. А слышал я ужасные стон и вопли.

— И ты не боишься идти туда снова?

— Мертвец не может причинить мне зло,— сказал И-Гос.— Он лежит там уже более пяти тысяч лет. Вопли и стон тоже ничего не сделают мне. Если я слышал их уже раз и остался жив, то послушаю их еще раз.

Эти звуки доносились из-за занавесей, где я стоял и следил за рабом Тураном.

— И-Гос, ты очень храбрый человек, — сказал вождь.

— О-Тар назвал меня слабоумным дураком, но я пойду навстречу большей опасности, чем та, что лежит в комнате О-Мая, чтобы узнать, на самом ли деле он побывает там...

Наступила ночь. Наконец наступило время, когда джеддак Манатора О-Тар должен был отправиться в покои О-Мая на поиски раба Турана. Джеддак был сильным мужчиной, отличным воином, но теперь он дрожал, проходя по коридорам дворца к заброшенным pokojам О-Мая. И когда он оказался перед дверью, ведущей непосредственно в спальню О-Мая, он был весь объят смертельным ужасом. Он пришел сюда один по двум причинам. Во-первых, никто не увидит его страха, не будет свидетелей, если в последний момент он повернет назад. Во-вторых, он заставит замолчать вождей, разуверившихся в его храбрости.

Хотя он шел один, О-Тар знал, что кто-нибудь обязательно следит за ним. Вожди захотят сами убедиться в его храбрости и честности. Он не верил, что найдет раба Турана, да и не стремился к встрече с ним. О-Тар видел боевое искусство Турана на поле Джетан, когда тот, играючи, расправился с У-Дором, и понял, что в бою ему нет равных.

Так и стоял О-Тар, положив руку на дверь, — он боялся войти, боялся и отступить. Наконец страх перед собственными воинами оказался сильнее, чем страх перед неизвестностью, ожидавшей его за дверью. Он толкнул тяжелую дверь и вошел. От своих воинов он знал путь, который ему предстояло преодолеть до спальни О-Мая. Тишина, полумрак и пыть столетий покрывали комнату, в которую он попал. Он миновал ее, прошел мимо игроков в джетан и оказался в коридоре, ведущем к проклятой комнате. Обнаженный меч дрожал в его руке. После каждого шага он останавливался и прислушивался. Сердце джеддака замирало, а тело покрылось холодным потом. И вот он у роковой двери.

Тут из спальни О-Мая до него донеслось приглушенное дыхание. О-Тар был близок к паническому бегству от безымянного ужаса, которого он еще не видел, но который ждал его впереди. Но гнев и презрение воинов и вождей снова толкали его вперед. Они сместят его и

убьют. Он хорошо знал обычаи Барсума и свою судьбу, если не сумеет преодолеть себя.

И он двинулся вперед. Комната была менее освещена, чем коридор, поэтому он несколько минут ничего не мог разглядеть. Потом он разглядел по центру комнаты ложе джеддака и какое-то пятно на нем. Он сделал шаг вперед, задев ногами за каменную стену. Раздался громкий скрежет. К своему ужасу, он увидел, что шелк и меха на постели зашевелились, и с нее медленно стала подниматься какая-то фигура. Колени его задрожали, но он собрал все свое мужество и крепче сжал меч в дрожащей руке, приготовившись к бою. Тут раздался протяжный и дьявольский стон, и О-Тар без чувств свалился на пол.

Гохан, улыбаясь, встал с постели О-Мая, но его внимание привлек какой-то шум в углу. Оглянувшись, он увидел между раздвинувшимися занавесями согбенную фигуру. Это был И-Гос.

— Спрячь меч, Туран, — заявил старик. — Тебе нечего опасаться И-Госа.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Гохан.

— Я пришел, чтобы убедиться, что этот большой трус не обманет нас. Подумать только, он назвал меня слабым дураком. Взгляни на него! Упал, лишившись чувств. Да, но тот, кто слышал издаваемые тобой звуки, поймет его. Они чуть не поколебали мою храбрость. Значит, это ты стонал и скрипел перед воинами в тот день, когда я похитил у тебя Тару?

— Так это ты, старый негодяй? — Гохан двинулся к И-Госу.

— Подожди, — увещевал его старик. — Да, тогда я был твоим врагом, но теперь я не враг тебе. Обстоятельства переменялись.

— Что случилось? — спросил Гохан.

— Тогда я еще не знал, что наш джеддак — трус. Я старик, и я пришел из прошлых времен, но я ценю и уважаю храбрость. Меня возмутило нападение девушки, но затем я оценил ее мужество, которое вызвало мое восхищение, как, впрочем, и все ее поступки. Она не боится О-Тара, она не боится меня и всех воинов Манатора. А ты! Кровь миллионов отцов! Как ты сражался! Я сожалею, что выдал вас на поле Джетан. Я жалею, что вернул Тару джеддаку, но я исправлю свою ошибку. Я ваш друг. Мой меч — у твоих ног, — он положил свое оружие на пол перед Гоханом.

Гохан знал, что отказ был бы величайшим оскорблением, поэтому шагнул вперед, поднял меч и протянул его И-Госу, принимая его дружбу.

— Где принцесса Тара из Гелиума? — спросил Гохан. — Она в опасности?

— Ее содержат в женских покоях дворца джеддака, поскольку через семь дней О-Тар назначил свадьбу, — ответил И-Гос.

— Этот трус хотел сделать Тару своей женой? — нахмурился Гохан. — Я прикончу его, если он еще не умер от испуга, — и он подошел к лежащему на полу О-Тару, собираясь пронзить его сердце.

— Нет! — воскликнул И-Гос, — не убивай его! Молись, чтобы он не умер, иначе ты потеряешь принцессу! — Как?

— Как только известие о смерти О-Тара дойдет до женских покоев, принцесса Тара умрет. Женщины знают о намерении О-Тара сделать ее своей женой, и можешь быть уверен, люто ненавидят ее, как только могут ненавидеть ревнивицы. Только власть О-Тара защищает ее от смерти. Если О-Тар умрет, ее отдадут воинам и рабам, и никто не защитит ее.

Гохан вложил меч в ножны.

— Ты вовремя все объяснил, но что же делать с ним?

— Пусть лежит здесь, — сказал ему И-Гос. — Он жив, придя в себя, возвратится в свои покои и расскажет сказку о своей храбрости. И никто не сможет разоблачить его! Никто, кроме меня, И-Госа. Идем! Он может прийти в себя в любую минуту и не должен видеть нас здесь.

И-Гос подошел к телу джеддака, на мгновение склонился над ним и вернулся к постели.

Вдвоем они покинули спальню О-Мая и направились к винтовой лестнице. По ней И-Гос вывел Гохана на крышу дворца и указал на высокую башню рядом.

— Здесь, — сказал он, — находится принцесса Гелиума и пробудет в ней до самой церемонии.

— Возможно, она в безопасности от рук врагов, но не от своих собственных, — сказал Гохан. — Она никогда не станет женой джеддака Манатора, скорее убьет себя.

— Неужели она сделает это? — спросил И-Гос.

— Сделает, если ты не сумеешь передать ей, что я жив и что есть еще надежда, — ответил Гохан.

— Я не смогу передать ей твои слова, — сказал

И-Гос,— потому что женские покои О-Тара строго охраняются. Здесь его самые преданные воины и рабы, среди них множество шпионов. Даже тень не упадет в этих помещениях без того, чтобы ее не заметили сотни глаз.

Гохан стоял, пристально глядя на освещенные окна башни, на верхнем этаже которой была спрятана Тара.

— Я найду себе дорогу, И-Гос,— сказал Гохан.

— Но туда дороги нет,— ответил старик.

Они стояли еще некоторое время на крыше под ночным небом Барсума, обсуждая планы на тот случай, когда Тару поведут из высокой башни в тронный зал О-Тара. Гохан поведал И-Госу о предстоящем взятии города У-Тором. Он убедил старика, что они сумеют добиться победы именно в день свадьбы джеддака на принцессе Гелиума.

— Тогда придет твое время, И-Гос,— уверенно заявил ему Гохан.— Ты и твои друзья дождутся того момента, когда О-Тара низвергнут с трона Манатора. Скажи, где я смогу найти тебя и когда? Сейчас я хочу увидеть Тару и поговорить с ней.

— Мне нравится твоя решительность,— сказал И-Гос,— но ты ничего не добьешься. Ты не сможешь говорить с принцессой Гелиума, хотя, несомненно, кровь многих наших воинов прольется в женских покоях, прежде чем они смогут убить тебя.

Гохан улыбнулся.

— Меня не убьют. Где и когда мы встретимся? Ты сможешь найти меня ночью в комнате О-Мая. Кажется, это самое безопасное место для врагов джеддака Манатора, к тому же во дворце самого джеддака. Я иду!

— Пусть духи наших предков окружают тебя,— сказал И-Гос.

Старик ушел, а Гохан по крыше подошел к высокой башне. Она была сложена из камня, а по поверхности ее древние мастера нанесли рисунок, вырубленный достаточно глубоко. Века не тронули стены башни. Самый отчаянный храбрец не решился бы на подъем по ней, но Гохана толкнула на это любовь к женщине, жизнь которой зависела от успеха задуманного им рискованного плана.

Сняв сандалии, доспехи и все оружие, кроме кожаного пояса и кинжала, висящего на нем, джед Гатола начал

игру со смертью. Цепляясь за углубление руками и ногами, он медленно поднимался, избегая окон и держась теневой стороны башни, чтобы свет двух лун Барсума не выдал его.

Башня на пятьдесят футов возвышалась над крышей дворца, в ней было пять этажей, множество окон и балконов. Он бесшумно скользил по стене и добрался до окон верхнего этажа. Они, как и все остальные, были забраны решетками, так что проникнуть в комнату он не мог. Окно оказалось темным, и он подобрался ко второму окну, за которым увидел спящего на полу охранника и лестницу, уходящую вниз. Двигаясь вдоль стены, Гохан добрался до следующего окна. Теперь под ним уже не было крыши дворца; в ста футах внизу был мощный двор. Стремительная Турия, ближняя луна Барсума, вот-вот появится на ночном небе, и его обнаружит охрана. Нужно было торопиться.

Прижавшись к решеткам окна, он разглядел небольшую слабо освещенную комнату, а в центре ее — спальный помост, на нем под шелками и мехами лежал человек. Обнаженная рука откинулась на шкуру, и Гохан узнал браслет своей любимой. Внимательно оглядев всю комнату, он больше никого не обнаружил. Гохан прислушался и прошептал дорогое имя. Девушка вздрогнула, но не проснулась. Он вновь позвал ее, на этот раз громче. Тара села на постели и взглянула на него. В ту же минуту показался огромный воин, лежавший, видимо, на полу с недоступной взору Гохана стороны. Серебристый свет Турии залил все вокруг, осветив молодого джеда, висящего снаружи.

Тара и воин вскочили на ноги. Последний выхватил меч и подбежал к окну. Совершенно беспомощный, Гохан представлял легкую добычу — от малейшего толчка он сорвался бы вниз и разбился о камни. Но Тара ухватила за своего охранника и потащила его назад. Выхватив тонкий кинжал, она вонзила его прямо в сердце воина. Без звука он свалился на пол. Тара подбежала к окну.

— Туран, мой вождь! — воскликнула она. — Это безумие, искать меня здесь, где даже ты бессилен!

— Не говори так, сердце моего сердца, — ответил он. — Хотя я принес своей любимой лишь слова, они предвещают дела. Я боялся, что ты убьешь себя, Тара из Гелиума, спасаясь от бесчестья. И я хочу дать тебе новую надежду и просить, чтобы ты жила для меня, что

бы не случилось. Знай, что если наш план удастся, мы будем свободны. Следи за мной в тронном зале О-Тара, когда начнется церемония. Но что же нам делать с ним? — и он указал на мертвого воина, лежащего на полу.

— Не стоит беспокоиться, — сказала девушка. — Никто не посмеет причинить мне зло из страха перед гневом О-Тара. Иначе я давно была бы мертва: женщины ненавидят меня. О-Тар надежно защищает меня, а что для него жизнь какого-то воина? Нет, не стоит бояться!

Его руки, пройдя сквозь решетку окна, сплелись с нежными руками принцессы Тары, которая была совсем близко от Гохана.

— Один поцелуй, — сказал он, — прежде чем я уйду, моя принцесса!

И гордая дочь Деи Торис, принцессы Гелиума, и Джона Картера, Владыки Барсума, прошептала: «Мой вождь!» и прижалась своими губами к губам Турана, простого пантана.

ГЛАВА XXII

СВАДЬБА ДЖЕДДАКА

Могильная тишина стояла вокруг, когда О-Тар, джеддак Манатора, открыл глаза в спальне О-Мая. В его сознании всплыло воспоминание об ужасном видении. Он прислушался, но ничего не услышал. Он медленно поднял голову и огляделся. На полу рядом с постелью лежал какой-то предмет, который привлек его внимание и привел в ужас, когда он разобрался, что это. Иссохшийся труп не двигался и не говорил. О-Тар встал на ноги. Весь дрожа, он осмотрел постель. Там, где поднимался призрак, ничего не было.

О-Тар стал медленно пятиться из комнаты. Наконец он выбрался в коридор. Там было пусто. О-Тар не знал, что коридор мгновенно опустел, когда стон, соединившись с криком самого О-Тара, достиг ушей воинов, посланных следить за ним. Он взглянул на часы на массивном золотом браслете, надетом на левую руку. Прошла половина девятого цода. Около часа О-Тар пролежал без сознания. Он провел целый час в комнате О-Мая и не умер! Смотрел ему в лицо — и не сошел с ума! О-Тар вздрогнул и улыбнулся.

Постепенно он овладел собой и, подойдя к своим покоем, уже полностью пришел в себя. Он с важным видом, высоко задрав подбородок, направился прямо в трапезный зал, где его наверняка ждали собравшиеся вожди.

Когда он вошел туда, все встали со своих мест. На лицах многих он заметил выражение недоверия и даже смущения, так как они не ожидали вновь увидеть джеддака О-Тара после того, как воины, следившие за джеддаком, рассказали об ужасных звуках, донесшихся из спальни О-Мая.

Как счастлив был О-Тар, что один пошел в эту комнату ужаса. Теперь никто не усомнится в его рассказе!

Э-Тас вышел навстречу джеддаку, заметив на ходу враждебные взгляды вождей.

— О храбрый и славный джеддак! — воскликнул Э-Тас. — Мы радуемся твоему благополучному возвращению и ждем рассказа о твоих приключениях.

— Ничего не было! — воскликнул О-Тар. — Я внимательно обыскал комнату и, спрятавшись на случай, если он на время вышел, стал поджидать возвращения раба Турана, но он не пришел. Его там нет, и сомневаюсь, был ли он там когда-нибудь. Вряд ли кто-нибудь добровольно захочет оставаться в таком ужасном месте.

— На тебя никто не нападал? — спросил Э-Тас. — Ты не слышал стонов и криков?

— Я слышал ужасные звуки и видел призраков, но они разбежались при моем приближении, я смотрел в лицо О-Мая и не сошел с ума. Я даже отдохнул в комнате возле его трупа...

В дальнем углу зала сгорбленный старик спрятал улыбку за золотым кубком с крепким пивом.

— Пойдем! Будем пить! — воскликнул О-Тар и хотел извлечь кинжал, рукоятью которого обычно ударял в гонг, вызывая рабов, но кинжала в ножнах не оказалось. О-Тар удивился. Он хорошо помнил, что перед уходом в покои О-Мая проверил оружие. Кинжал был у него с собой. Он схватил со стола кубок и ударил в гонг, а когда явились рабы, приказал принести самого крепкого пива для О-Тара и его вождей. Много восторженных слов было сказано за пивом, все восхищались храбростью своего джеддака, однако некоторые вожди сидели с угрюмыми лицами.

Настал день, когда О-Тар должен был взять в жены принцессу Тару из Гелиума. Несколько часов готовили к церемонии упрямую невесту. Семь благоухающих ванн заняли три долгих часа, затем ее тело растер маслом из листьев пималии раб из далекого Дузара. Ее одежда была специально сшита к торжеству из кожи больших белых обезьян и увешана множеством украшений и бриллиантами. Тяжелые блестящие черные волосы уложили в высокую прическу, которую скрепили алмазными булавками. Они сверкали как звезды в безлунную ночь.

Но непокорная невеста осталась угрюмой и неприветливой. Наконец ее повели из высокой башни в тронный зал О-Тара. Коридоры дворца по приказу джеддака, заполнили рабы, воины, женщины из дворца и города. Вся знать Манатора была сегодня во дворце джеддака.

Тара, окруженная сильной охраной, медленно двигалась по мраморным коридорам мимо бесчисленных зевак. У входа в Зал Вождей ее встретил Э-Тас. Зал был пуст, если не считать безмолвных мумий вождей и чучел тотов. По этому длинному залу в сопровождении Э-Таса она прошла в тронный зал, который тоже был пуст.

По законам Манатора, здесь невеста должна была ждать жениха на ступеньках трона. Гости вошли вслед за ней и заняли свои места, оставив широкий проход от Зала Вождей к трону. По этому проходу к своей невесте пройдет О-Тар, задержавшись ненадолго в Зале Вождей для беседы с духами мертвых. Таков обычай!

Когда гости прошли через Зал Вождей, обе двери, выходящие в него, закрыли. Вскоре одна из них открылась, и вошел О-Тар. Его черные доспехи были украшены рубинами и золотом, лицо покрыто маской из драгоценного металла, а в ней проделаны две узкие щели для глаз. Голову джеддака венчала корона, поверху которой шла лента, удерживающая перья из того же металла, что и маска. Его наряд до мельчайших деталей соответствовал требованиям и обычаям брачной церемонии Манатора. Оказавшись один в Зале Вождей, он просил теперь у них благословения.

Ни один смертный не мог присутствовать в священной комнате в этот момент. Прошло минут пять. Не-

веста молча стояла на ступеньках трона. Гости шепотом переговаривались между собой, и вскоре зал наполнился гулом множества голосов. Наконец дверь из Зала Вождей открылась, и в дверном проеме на мгновение застыл великолепный жених. Наступила тишина. Размеренной и гордой походкой шествовал жених к невесте. Тара почувствовала, как по мере его приближения, у нее сжимается сердце.

Когда же Туран подаст знак? Где он? И чем он теперь поможет ей? Окруженная могучей охраной воинов Манатора, Тара, казалось, потеряла всякую надежду на спасение.

«Я еще жива!» — прошептала она про себя, пытаясь побороть ужасную безнадежность, овладевшую ею. Ее пальцы нащупали рукоятку кинжала, который она сумела незаметно перепрятать из своей одежды в свадебный наряд. Жених был уже рядом. Взяв Тару за руку, он повел ее по ступенькам к трону. Там они остановились и, стоя, глядели на собравшихся.

Из боковой двери вышла целая процессия, возглавляемая верховным жрецом, который должен был объявить их мужем и женой. Следом за ним юноша в богатых одеждах нес шелковую подушку, на которой лежали золотые браслеты, соединенные золотой цепочкой. Во время церемонии жрец оденет на их запястья браслеты, символизирующие прочность брачных уз.

Неужели обещанная Тураном помощь придет слишком поздно? Тара почти не слушала длинную речь жреца, который витиевато превозносил достоинства О-Тара и красоту невесты. Страшный момент приближался, а Турана все не было. Но что он сделает, пробравшись в зал? Надежда совсем покинула ее.

Жрец взял с подушки золотые браслеты, расстегнул их и протянул руку к божественной ручке принцессы. Вот и настало время! Дальше так продолжаться не может, ибо, живая или мертвая, она, по всем законам Барсума, становится женой О-Тара из Манатора в тот момент, когда браслеты замкнутся на их руках. Даже если придет освобождение, она никогда не сможет разорвать эти цепи, и Туран будет потерян для нее навсегда.

Ее рука сжалась на рукояти кинжала, но жених перехватил ее и заставил выпустить кинжал. Казалось, он предвидел ее намерение. Сквозь прорези на маске

она увидела его глаза: они смеялись. Несколько мгновений они стояли молча. Стоявшие внизу придворные затаили дыхание — происшествие не осталось незамеченным.

В этот драматический момент брачной церемонии раздался грохот, и дверь из Зала Вождей распахнулась. Все обернулись на шум, и увидели полуодетого и растрепанного О-Тара, джеддака Манатора.

— Стойте! — завопил он и прыгнул в проход, ведущий к трону. — Хватайте самозванца!

Теперь все взоры были обращены на жениха у трона. Он поднял руку и снял с лица золотую маску. Тара из Гелиума широко раскрыла глаза и недоуменно смотрела в лицо пантана Турана.

— Раб Туран! — раздался крики в зале.

— Смерть ему! Смерть!

— Подождите! — крикнул Туран, выхватывая меч, так как дюжина воинов выступила вперед.

— Подождите! — раздался другой голос, старческий и дрожащий. Древний мастер-чучельник И-Гос вышел вперед из толпы гостей и поднялся по ступеням, ведущим к трону, между расступившимися воинами.

При виде старика воины остановились, так как старость уважаема на Барсуме. Один О-Тар не обратил на него никакого внимания и продолжал стремительно продвигаться вперед.

— Стой, трус! — воскликнул И-Гос.

Собравшиеся изумленно глядели на старика.

— Люди Манатора! — прокричал он своим тонким и пронзительным голосом. — Разве может править нами трус и лжец?

— Тащите его вниз! — крикнул О-Тар.

— Нет, я имею право говорить до конца, — возразил И-Гос. — Поэтому я требую, чтобы вы выслушали меня. Это мое право!

— Это его право! — как эхо отозвались голоса в зале.

— Я докажу вам, что О-Тар — трус и лжец! — упрямо твердил И-Гос. — Он заявил, что смело глядел в лицо ужасам в комнате О-Мая и не нашел там раба Турана. Я был там и видел все, спрятавшись за занавесями. Туран скрывался в этой комнате — он лежал в постели О-Мая, когда О-Тар, дрожа от страха, вошел в нее. Туран, проснувшись, сел в постели, и в это время раздался жуткий крик. О-Тар вскрикнул и потерял сознание.

— Это ложь! — заявил О-Тар.

— Я докажу, что это не ложь! — возразил И-Гос.— Все видели, что, вернувшись из покоев О-Мая и хвастая своими подвигами, О-Тар хотел как всегда ударом кинжала в гонг вызвать рабов. А был ли у него кинжал? О-Тар, где кинжал, который ты брал с собой в комнату О-Мая? Не знаешь? А я знаю! Пока ты лежал без памяти от страха, я вытащил его из ножен и спрятал среди шелков на постели О-Мая. Он и сейчас там, а если кто-то сомневается, давайте пошлем людей. Они найдут кинжал, и все мы убедимся, что наш джеддак — лжец!

— Но что делать с этим самозванцем? — напомнил один из вождей.— Он так и будет безнаказанно стоять у трона Манатора, пока мы ведем спор о своем джеддаке?

— Отважный воин Туран открыл нам правду о трусливом джеддаке! Мы должны быть благодарны ему за это, — сказал И-Гос.— С его помощью у нас будет лучший джеддак!

— Мы сами выберем себе джеддака! Схватить и убить раба! — раздались крики из разных концов зала.

Гохан между тем к чему-то прислушивался. Воины Манатора кинулись к трону, где с обнаженным мечом стоял джед Гатола, прижимая к себе принцессу Тару. Если его план не удастся, это означает смерть и гибель Тары. Неужели все его усилия были напрасны?

Часть воинов настаивала на том, чтобы отправить гонцов за кинжалом О-Тара в покои О-Мая, ведь только найденное там оружие джеддака докажет его трусость. Трое вождей согласились пойти туда.

— Не бойтесь, — сказал им И-Гос.— Там нечего опасаться. Я часто бывал в этой комнате, а Туран спал там много ночей. Стоны и крики, испугавшие вас и О-Тара, издавал сам Туран, чтобы отпугнуть всех от своего убежища.

Пристыженные вожди отправились на поиски кинжала О-Тара.

Теперь вновь все взоры собравшихся обратились к Гохану. Воины с обнаженными мечами медленно приближались к нему, хорошо помня боевое искусство раба, продемонстрированное им на поле Джетан. Они подошли уже к ступенькам, ведущим к трону, как откуда-то издали донесся сильный гул, нарастающий с каждой минутой. Туран улыбнулся, вздохнув с облегчением. Возможно, помощь и придет вовремя. Толпа, собравшихся

в зале, тоже услышала его. К гулу присоединились ружейные выстрелы и страшный грохот на крыше дворца.

— Что? — недоуменно все спрашивали друг друга.

— Большая буря пришла в Манатор, — предположил кто-то.

— Что же вы мешкаете, хватайте его и убейте! — продолжал бесноваться О-Тар. — Презренный раб стоит у трона вашего джеддака!

Но в это время занавеси за тронем раздвинулись, и из-за них появился могучий воин. Возглас удивления и страха вырвался из уст воинов О-Тара.

— У-Тор! — закричали они. — Измена!

— Это не измена, — ответил им У-Тор низким голосом. — Я привел вам нового джеддака всего Манатора. Не лживого труса, а человека храброго и гордого, который любим народом.

И перед удивленными гостями О-Тара предстал другой воин. Это был А-Кор. По залу прокатилась волна удивления, восторга и гнева. Всем стало ясно, что У-Тору удалось совершить переворот. Вслед за А-Кором появились другие воины, заполонившие зал. Это были воины из Манатоса.

О-Тар, опомнившись, призвал своих воинов в атаку, но в этот момент окровавленный офицер охраны вбежал в зал.

— Город пал! — громко крикнул он. — Войска из Манатоса ворвались через Ворота Врагов. Рабы из Гатола обезоружили дворцовую охрану и захватили дворец джеддака. Большие воздушные корабли высаживают воинов на крыше дворца и на поле Джетан. Люди Гелиума и Гатола захватили Манатор. Они разгуливают по улицам города, выкрикивая имя принцессы Гелиума, и клянутся превратить Манатор в погребальный костер. Небо черно от воздушных кораблей, и они все подлетают и подлетают.

В дверях Зала Вождей вдруг появился мощный белокожий мужчина с черными волосами и серыми сверкающими глазами. За ним в тронный зал хлынули воины в доспехах далеких стран. Сердце Тары из Гелиума забилося от счастья.

Это был Джон Картер, Владыка Барсума. Он сам возглавил свои победоносные войска, отправившиеся освобождать принцессу. Рядом с ним был Джор Кан-

тос, ее жених. Джон Картер оглядел зал и заговорил:

— Сложите оружие, воины Манатора. Я вижу, моя дочь жива, ей не причинили вреда, поэтому кровь не прольется. Ваш город полон людей У-Тора, воинов Гатола и Гелиума. Дворец — в руках рабов из Гатола, и около тысячи моих воинов сейчас в коридорах и комнатах рядом с этим залом. Я пришел, чтобы освободить свою дочь и рабов из Гатола. Я сказал! — и не ожидая ответа, будто в зале не было врагов, он направился прямо к Таре.

Вожди Манатора, ошеломленные случившимся, смотрели на беспомощного О-Тара, безучастно наблюдавшего, как враги окружают его трон. В зале появился офицер из Гелиума.

— Мы задержали трех вождей, — доложил он Джону Картеру, — они просят, чтобы их допустили в тронный зал. У них важное сообщение, которое должно решить судьбу Манатора.

— Приведите их, — сказал Владыка Барсума.

Трое вождей, окруженные охраной из воинов Гелиума, подошли к ступенькам трона. Один, обращаясь к воинам Манатора, высоко поднял в правой руке кинжал, украшенный драгоценными камнями.

— Мы нашли его, — сказал он, — там, где указал И-Гос, — и он многозначительно посмотрел на О-Тара.

— А-Кор — джеддак Манатора! — прокатилась по залу волна голосов.

— В Манаторе может быть только один вождь и джеддак, — сказал вождь, державший кинжал. Его глаза по-прежнему были устремлены на О-Тара. Он подошел к нему и протянул кинжал низвергнутому джеддаку. — В Манаторе может быть лишь один джеддак, — повторил он, глядя прямо в глаза О-Тара.

О-Тар взял протянутый ему кинжал и вонзил его себе в грудь по самую рукоятку, одним-единственным поступком вернув себе уважение своего народа и заняв вечное место в Зале Вождей.

Когда он упал, в огромном зале наступила тишина. Ее прервал голос У-Тора.

— О-Тар умер! — воскликнул он. — Пусть А-Кор правит нами до тех пор, пока вожди всего Манатора соберутся на выборы нового джеддака. Каков ваш ответ?

— Пусть правит А-Кор! А-Кор — джеддак Манатора! — подобные возгласы заполнили зал. И никто не сказал слова против.

А-Кор поднял меч, призывая к тишине.

— По воле А-Кора, нового правителя Манатора, по воле великого джеда Манатоса У-Тора и Владыки Барсума могучего Джона Картера, да будет мир в Манаторе! Жители Манатора должны встретить воинов, пришедших к нам из далеких стран, как друзей. Я сказал!

У-Тор и Джон Картер в сопровождении своих воинов смешались с горожанами.

Когда зал опустел, Джор Кантос подошел к Таре из Гелиума. Лицо ее омрачилось при виде человека, которого она так жестоко обманула. Ее огорчало предстоящее объяснение с ним. Джор Кантос, опустившись на одно колено, поцеловал ей руку.

— Прекрасная дочь Гелиума, — сказал он ей, — как осмелюсь я рассказать тебе о том бесчестье, которое я, не желая того, нанес тебе? Я отдаю себя на твой суд, и если ты велишь, последую за О-Таром.

— Что все это значит? — спросила Тара. — О чем ты говоришь, почему ты задаешь загадки той, чье сердце разбито?

— Ее сердце разбито! — молодой офицер, ничего не понимая, готов был умереть на месте, чем произнести те слова, которые должен был ей сказать. — О, Тара из Гелиума! Мы все считали, что ты погибла. Меня долго не было в Гелиуме. Я искренне оплакивал тебя с моим народом, а совсем недавно женился на Оливии Мартис, — говоря все это, он опускал все ниже и ниже голову, готовясь к самому суровому ее решению.

— О, какой же ты глупый! — радостно воскликнула Тара. — Ничего лучшего ты и не мог сказать. Джор Кантос, я должна поцеловать тебя!

— Не думаю, чтобы Оливия Мартис выразила протест, — ответил он, улыбаясь принцессе.

Пока они говорили, в тронный зал вошла группа воинов и приблизилась к ним. Это были высокие могучие воины в простых доспехах, лишенных всяких украшений. Тара позвала к себе Гохана.

— Джор Кантос, — сказала она. — Это пантан Туран, его верность и храбрость завоевали мою любовь.

Джон Картер, возглавлявший вошедших, лукаво

посмотрел на троицу, стоящую у трона, и обратился к принцессе Гелиума:

— Пантан Туран! — воскликнул он. — Знаешь ли ты, дочь моя, что тот, кого ты называешь пантаном, Гохан, джед Гатола?

Мгновение Тара казалась удивленной, затем пожала плечами и повернулась к Гохану.

— Джед или пантан, какая разница для той, кто стала рабыней? — и она шаловливо засмеялась, глядя в улыбающееся лицо любимого.

* * *

Закончив свой рассказ, Джон Картер встал со стула и потянулся всем телом как большой лев.

— Ты уже уходишь? — воскликнул я, не заметив, как пролетела ночь. Казалось, он только что пришел.

— Небо за этими прекрасными холмами покраснело, — ответил он, — скоро день.

— Только один вопрос, — попросил я.

— Ну что ж, — добродушно согласился Джон Картер.

— Как Гохан смог появиться в тронном зале в одежде О-Тара? — спросил я.

— Очень просто... разумеется, для Гохана из Гатола, — ответил Владыка Марса. — С помощью И-Госа он пробрался в Зал Вождей перед церемонией, когда тронный зал и Зал Вождей были пусты перед приходом невесты. Он прошел из подземелий по ходам, приведшим его в тронный зал. В Зале Вождей он устроился на спине одного из тотов, чей всадник был в починке у старого мастера. Когда О-Тар поравнялся с ним, проходя по Залу, Гохан прыгнул на него и ударил рукояткой длинного меча. Гохан думал, что убил джеддака, и весьма удивился его появлению в тронном зале.

— А Чек? Что стало с ним?

— Чек отвел Вала Дора и Флорана к воздушному кораблю Тары, они подремонтировали его и улетели вместе с Чеком в Гатол. Оттуда было послано известие ко мне в Гелиум. Вернувшись, Чек провел большой отряд воинов во главе с А-Кором и У-Тором по тайной винтовой лестнице в тронный зал. Мы забрали его с собой в Гелиум, где он и поныне живет со своим единственным рикором, тщательно оберегая его. Уже поздно, пойдем. Не надо больше никаких вопросов.

Я проводил его на восточную веранду, куда сквозь ажурные арки пробивался розовый рассвет.

— Прощай! — сказал он.

— Я с трудом верю, что это ты, — воскликнул я. — Завтра мне будет казаться, что это был сон.

Он засмеялся и провел своим мечом отметину на каменной стене моего дома.

— Если завтра усомнишься, — сказал он, — посмотри на нее.

Через мгновение он исчез.

ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

ПИСЬМО

Гелиум, 8 июня 1925 года

Дорогой мистер Берроуз!

Впервые я познакомился с Джоном Картером, Владыкой Барсума, на страницах вашего романа «Принцесса Марса» в 1917 году в офицерском учебном лагере. Он произвел на меня большое впечатление, и, несмотря на здравый смысл, подсказывавший, что это лишь весьма талантливая фантастика, мысль об истинности всего этого настолько завладела моим сознанием, что я обнаружил, что думаю о Марсе, Джоне Картере, Дее Торис, Тарсе Таркасе и Вуле как о реально существующих в жизни, а не героях ваших фантастических романов.

Правда, в те дни напряженной учебы было мало времени для грез, но короткие минуты перед сном были моими. Я мечтал. Всегда о Марсе! И как!

Во время бессонных ночей глаза мои поневоле искали в вышине красную планету, если она была над горизонтом. Я смотрел на нее, пытаюсь найти решение загадок, поистине непостижимых, которые она задавала людям в течение многих столетий.

Однажды, пересекая океан на большом транспорте, ночью я лежал на палубе и нашел глазами на небосводе Марс. Я смотрел на красного бога войны — моего бога — и страстно желал перенестись, как Джон Картер, через огромные пространства космического вакуума к гавани моей мечты.

А затем настали ужасные дни и ночи в окопах — крысы, вши, грязь! Как чудесны были паузы в этом монотонном ожидании, когда мы ходили в атаку. Как я любил разрывы снарядов, хаос стрельбы громоподобных пушек, но прелести окопной жизни! О боже! Как я ненавидел их! Простите за такие подробности, но я решил

написать вам всю правду о себе. Думаю, что вы поймете меня. Поймете и то, что случилось со мной позже.

Наконец со мной произошло то, что происходило со многими на кровавых полях сражений. Я как раз получил первое повышение — чин капитана, чем очень гордился, но меня окрыляло сознание огромной ответственности не только перед своей страной, но и солдатами, моими подчиненными. Увы, юность кончилась!

Выдвинувшись вперед на два километра с небольшим отрядом, мы удерживали самую близкую к врагу позицию, когда я получил приказ к отступлению на новую линию обороны. Это последнее, что я помню. Сознание вернулось ко мне после наступления темноты. Должно быть, рядом со мной разорвался снаряд. Когда я очнулся, было холодно и очень темно. Сознание постепенно вернулось ко мне, и тогда я почувствовал боль. Она росла и росла, пока не стала невыносимой! Болели ноги. Я потянулся, пытаюсь дотронуться до них, но то, что я обнаружил, заставило меня отдернуть руку. Когда же я попытался пошевелить ногами, то понял, что парализован ниже пояса. Потом из-за облаков появилась луна, и я увидел, что лежу в воронке от снаряда, а вокруг меня мои мертвые солдаты.

Прошло много времени, прежде чем я нашел в себе силы приподняться и осмотреть свои раны. Мне хватило одного взгляда — ноги мои были напрочь снесены до самых бедер. Я понял, что потерял огромное количество крови, и каждый миг продолжаю терять ее. Мучаясь от боли, я молил бога, чтобы он избавил меня от страданий прежде, чем меня найдут. Сама мысль о будущей увечной жизни была более невыносима, чем мысль о скорой смерти. Мои глаза остановились вдруг на ярко-красном Марсе, и надежда вспыхнула во мне. Я простер руки к Марсу и стал страстно молиться богу моей мечты, чтобы он помог мне. Я знал, что так и будет, поскольку вера моя была крепка. Я продолжал молить его об освобождении от страшных оков искалеченного тела, как вдруг почувствовал внезапный приступ тошноты, затем резкий щелчок, будто перерезали стальную проволоку, и вот я уже стоял на двух здоровых ногах, глядя на лежащий на земле окровавленный обрубок — все, что осталось от меня. Какой-то миг я продолжал стоять так, а потом поднял глаза вверх, к звезде моей судьбы, и с простертыми руками замер в ожидании... Вдруг я почувствовал,

что со скоростью мысли мчусь сквозь нехоженные пустыни межпланетного пространства. Было страшно холодно, и царил беспросветный мрак. Затем...

Остальное — в рукописи, которую я смог передать вам с помощью того, кто более велик, чем любой из нас. Вы и кое-кто еще поверите в это, до остальных же мне нет дела. Настанет час, и вы расскажете людям эту историю.

Я благодарю счастливую возможность, которая позволила мне познакомить землян с обычаями и образом жизни Барсума до того, как они смогут преодолеть пространство так же легко, как Джон Картер, и посещать места, описанными им с вашей помощью.

И я делаю то же, что и он,— пишу!

*Ваш искренний друг Улисс Пакстон,
бывший капитан от инфантерии
Соединенных Штатов Америки*

ГЛАВА I

ДОМ МЕРТВЫХ

Должно быть, я невольно закрыл глаза, когда переносился на Марс, потому что, открыв их, обнаружил, что лежу на спине, глядя в ослепительное небо, а рядом, в нескольких шагах, стоит и озабоченно смотрит на меня самый странный человек, какого я только видел. Это был древний старик, испещренный морщинами и невероятно высохший. Ребра отчетливо проступали сквозь кожу, а члены его иссохлись. Большой хорошо развитый череп в сочетании с такими тощими конечностями производил впечатление неустойчивости, голова явно не соответствовала пропорциям тела. Уверен, что тут было что-то не так!

Приведенный в замешательство пристальным взглядом сквозь очки с толстыми линзами, я все же сумел рассмотреть его. Пяти с половиной футов ростом, в молодости он, несомненно, был выше, так как сейчас сильно горбился. На обнаженном теле висели доспехи из кожи, к которым были прикреплены оружие и небольшая сумка. На шее старика висело единственное украшение — ожерелье из драгоценных камней, которому бы позавидовала любая королева.

Чем больше он смотрел на меня, тем больше возрастало его недоумение. Он зажал подбородок большим и указательным пальцами левой руки, а правой с задумчивым видом поскреб голову. Затем он обратился ко мне на неизвестном для меня языке.

При первых же его словах я приподнялся и покачал головой. Затем огляделся. Я сидел на темно-красном газоне внутри высокой ограды, стены которой напоминали старинный феодальный замок. Фасад здания, представшего моему взору, был богато украшен резьбой и хаотическими узорами. Внутри ограды росли многочисленные деревья и кусты, все сверхъестественно странные, усыпанные цветами. Среди них были проложены

аллеи, вымощенные цветными камнями, переливающимися в лучах солнца. Камни были редкой красоты и показались мне драгоценными.

Старик снова обратился ко мне, на этот раз повелительным тоном, повторяя проигнорированную мною команду, но я опять покачал головой. Тогда он красноречиво положил руку на один из своих мечей, но не вытащил его. Я вскочил на ноги, причем результат моих усилий был настолько примечательным, что я не могу даже сказать, кто из нас двоих больше удивился. Я поднялся на двадцать футов вверх и приземлился в десяти футах от того места, где сидел. Теперь-то я был твердо уверен, что нахожусь на *Marcel*! Об этом говорили мне меньшая сила тяжести, цвет газона, оттенок кожи красного марсианина, словом, все, о чем я читал в рукописях Джона Картера. Нечего было больше сомневаться. Я стоял на поверхности красной планеты. Я пришел в мир моей мечты — Барсум!

Старик, испуганный моим проворством, сильно вздрогнул, в результате чего очки его упали с носа на газон, и я понял, что старый жалкий бедняга абсолютно слеп без них. Он быстро упал на колени и стал ощупывать траву в поисках потерянных очков, словно сама жизнь его зависела от того, насколько быстро он их найдет. Возможно, он думал, что я воспользуюсь его беспомощностью и убью его. Огромные очки лежали у самых его ног, но он не мог их найти. Его руки в отчаянии метались по траве.

В тот самый момент, когда я стоял, наблюдая его тщетные попытки и раздумывая, целесообразно ли возвращать ему их, ибо с их помощью он успешно найдет острием своего меча мое сердце, я почувствовал, что кто-то вошел в ограду. Посмотрев в сторону здания, я увидел, что к старику бежит большой красный человек. Он был совершенно голым и в руке держал дубинку. Выражение его лица, несомненно, сулило беду совершенно беспомощному старику, ползавшему в поисках потерянных очков.

Первым моим побуждением было сохранить нейтралитет в деле, которое меня ничуть не касалось, поскольку у меня не было никаких оснований брать чью-либо сторону. Но когда я еще раз взглянул на лицо человека с дубинкой, у меня возник вопрос: а может, это касается меня?

В выражении лица этого человека было нечто, означающее или врожденное бессердечие и жестокость, или маниакальный склад ума. Человек этот может обратить на меня свое убийственное внимание после того, как отправит на тот свет более слабую жертву, в то время, как первый мой знакомый, по крайней мере по внешнему виду, был здравомыслящим и относительно безвредным существом. Правда, намерение старика обратить против меня меч не было показателем дружеского расположения, но за отсутствием большого выбора, он показался мне меньшим из двух зол.

Он все еще искал свои очки. Красный человек был уже почти рядом с нами, и я принял решение разделить судьбу со стариком. Я был в двадцати футах от него, голый и безоружный, но покрыть это расстояние с моими земными мускулами было делом одного мгновения, а меч старика лежал возле него. И так вышло, что я смело встретил атакующего в тот момент, когда он приблизился на расстояние удара к своей жертве. Удар, предназначавшийся другому, нанесли мне. Я уклонился от него, и мне стало ясно, что проворство моих земных мускулов — это и достоинство, и недостаток. Мне пришлось учиться ходить, когда нужно было сражаться новым для меня оружием против вооруженного маньяка (он проявлял столько ярости, и у него было такое странное выражение лица, что не удивительно, если я называю его маньяком).

Я спотыкался и падал, пытаюсь приспособиться к новым условиям, понимая, что не только не оказываю серьезного сопротивления противнику, но и сам попал в затруднительное положение. Часто теряя равновесие, я падал на газон. Дуэль превратилась в погоню: противник пытался догнать меня и сокрушить огромной дубиной, а я всю дорогу уклонялся и увертывался. Однако так не могло продолжаться долго, потому что ввиду чрезвычайной ситуации я быстро научился управлять своими земными мускулами и после этого уже твердо удерживал позицию, и когда он нанес мне мощный удар, я увернулся и задел его острием меча. Появилась кровь, раздался дикий крик моего врага. Он стал более осторожен. Воспользовавшись преимуществами изменившейся ситуации, я стал наседать на него, и он отступил. Первый успех придал мне новые силы: я колол и рубил его, пока не пустил кровь во многих местах его тела, но не забывал

при этом избегать могучих ударов его дубинки, каждый из которых мог бы повалить и быка.

Уклоняясь от ударов, я значительно переместился уже за ограду, удалившись от места нашей первой встречи. Я стоял лицом к зданию, когда старик отыскал свои очки и быстро надел их. Он завертел головой, пока не обнаружил нас, после чего взволнованно что-то закричал и устремился к нам, вытаскивая на ходу меч. Красный человек вновь стал теснить меня, а я, предвидя в скором времени двух противников, надел на него с повышенной энергией. Его дубинка прошла в доле дюйма от моего виска, волосы шевельнулись от рассеянного ею воздуха. Он оказался открытым, и я пронзил мечом его сердце. По крайней мере, я так подумал, забыв о том, что Джон Картер в своих рукописях упоминал об ином расположении внутренних органов у марсиан. Так или иначе, я поразил красного человека, и в этот момент ко мне подбежал старик. Он не стал размахивать передо мной оружием, а наоборот, пытался жестами объяснить мне, что не желает причинять мне зла. Он был возбужден и страшно раздражен тем, что я не понимаю его пронзительных и странных выкриков, похожих на властные команды, неистовую ругань и бессильный гнев. Но гораздо большее впечатление, чем его болтовня, на меня произвел тот факт, что он вложил меч в ножны. Когда он перестал кричать и перешел на язык жестов, я понял, что он предлагает мне мир, поэтому я тоже положил меч и поклонился. Это единственное, что мне пришло в голову, способное убедить его в моем дружеском расположении к нему.

По-видимому, он был удовлетворен и сразу занялся лежавшим красным человеком. Он послушал сердце у него и пощупал пульс, затем, кивнув головой, встал, достал из сумки свисток и громко засвистел. Из дверей ближайшего здания появились десятка два красных людей, бросившихся в нашу сторону. Ни у кого из них оружия не было. Получив от старика короткий, отрывистый приказ, они подняли и унесли пораженного мною человека. Старик направился к зданию, приглашая меня жестом следовать за ним. Я покорно повиновался его приказу.

Где бы я ни был на Марсе, шансы очутиться среди врагов, а не друзей, всегда перевешивали, так что врагами я был обеспечен как здесь, так и в любом другом месте,

поэтому отныне моя жизнь зависела только от собственной находчивости, ловкости и проворства.

Только так я мог уцелеть на Марсе. Старик привел меня в маленькую комнатку, и моему взору предстала самая отвратительная картина, которую я когда-либо видел.

Ряды столов, выстроенные параллельными линиями, заполняли все помещение. Почти на каждом столе было одно и то же: частично расчлененные или искалеченные каким-либо другим способом человеческие тела. Над каждым столом висела полка с сосудами разной формы и величины, а с нижней части полки свешивались разнообразные хирургические инструменты, из чего я заключил, что нахожусь в марсианском медицинском институте.

Те, что несли марсианина, положили его, по указанию старика, на стол и удалились. Тогда мой хозяин, если можно было так его назвать, так как в плен он меня пока еще не взял, — указал мне на него пальцем. При этом он успел сделать на теле моего убитого соперника два надреза: один, как я понял, в вене, другой — в артерии. В надрезы он ловко вставил концы двух трубочек, одну из которых подсоединил к пустой стеклянной реторте, а другую — к такой же реторте, но заполненной бесцветной прозрачной жидкостью, по виду похожей на чистую воду. Соединив тело с этой системой, старый джентльмен нажал на кнопку, приведшую в действие маленький моторчик. После этого кровь жертвы стала поступать в пустой сосуд, а содержимое другого сосуда полилось в опустевшие вены и артерии.

Слова и жесты, с которыми старик обращался ко мне, как мне показалось, содержали подробные указания метода и цели происходящего, но, поскольку я не понимал ни слова, то и по окончании лекции я остался так же темен, как и до ее начала, хотя было бы разумным предположить, что я стал свидетелем процесса бальзамирования трупа барсумца. Убрав трубки, старик закрыл надрезы кусочками ткани, напоминающей толстый пластырь. Затем жестом приказал мне следовать за ним. Мы шли из комнаты в комнату, в каждой из которых были все те же странные экспонаты. Около некоторых тел старик останавливался, производя краткий осмотр и делая запись на листках, похожих на описание больного и висевших на крючках над каждым столом.

Из последних комнат, осмотренных нами, мой хозяин провел меня на второй этаж, где были комнаты со столами, но на них лежали в основном целые тела, залатанные кусками пластыря. Пока мы шли между рядами тел, вошла барсумская девушка, которая, как мне показалось, была служанкой или рабыней. Она что-то сказала старику, после чего он снова просигналил мне, и мы спустились с ним по переходу на первый этаж уже другого здания.

Здесь, в большой и богато убранной комнате, нас ждала пожилая красная женщина. Она выглядела старухой, ее лицо было обезображено шрамом от удара или ушиба. Парадный костюм ее был изумительно красив. Ее окружали десятка два женщин и вооруженные охранники, и у меня мелькнула мысль, что она является особой немалого значения, но старикашка обращался с ней довольно грубо.

Разговор их был долгим. По окончании его из ее свиты вышел мужчина, открыл сумку и вытащил оттуда, как я понял, марсианские деньги. Не считая их, он вручил пачку старику, после чего тот кивнул женщине, предлагая следовать за ним. Охрана было двинулась за ней, но старик властно предложил им удалиться, после чего вспыхнул горячий спор между женщиной и одним из ее телохранителей с одной стороны и стариком — с другой. Спор окончился тем, что старик протянул деньги обратно женщине, и это охладило спорщиков. Женщина не приняла их, а что-то сказала своим людям и пошла вместе со стариком и со мной.

Мы вошли в комнату, в которой я еще не был. Она ничем не отличалась от других, но на столах лежали тела молодых женщин, причем очень красивых. Следуя по пятам за стариком, женщина рассматривала ужасные экспонаты очень внимательно. Трижды она обошла все столы, критически осматривая эту необычную выставку. И каждый раз подолгу стояла возле одного тела — прекраснейшего создания из когда-либо виденных мною женщин, затем вернулась к нему в четвертый раз, долго и серьезно глядя на мертвое лицо. При этом она разговаривала со стариком, засыпая его бесчисленными вопросами, на которые он отвечал быстро и коротко. Затем она жестом указала на тело и кивнула в знак согласия с хозяином этого ужасного экспоната.

Старикашка тут же дунул в свисток, на который яви-

лось множество слуг. Он отдал им приказания, а затем повел нас в другую комнату, где было несколько пустых столов. Две рабыни, бывшие там, по первому слову хозяина сняли пышное одеяние со старухи, распустили ей волосы и помогли лечь на один из пустых столов, где ее тщательно опрыскали, как я полагал, антисептическим раствором, осторожно и тщательно высушили и перенесли на другой стол. На расстоянии двадцати футов от него параллельно стоял еще один.

Тотчас же двери распахнулись, и появились двое слуг, несших тело прекрасной девушки, которое мы видели в соседней комнате. Они положили его на стол, где только что лежала старуха, и точно также обработали. Старикашка сделал на теле старухи два надреза, как и у сраженного мною красного человека, и заменил ее кровь на прозрачную жидкость.

Жизнь покинула старую женщину. Теперь она лежала неподвижно, как и бедное прекрасное создание.

Старик сдвинул свои доспехи к талии и тщательно опрыскался, после чего выбрал среди инструментов на полках острый нож и снял со старухи скальп по линии волос. Затем, таким же образом, он снял скальп с трупа молодой женщины, взял крошечную циркульную пилу, прикрепленную к гибкому вращающемуся валу, распилил черепа обеих женщин по линии снятия скальпа. Все было исполнено настолько искусно, что превзошло все мои ожидания. В течение четырех часов он переносил мозг каждой из женщин в черепную коробку другой, ловко соединяя нервы, ганглии и сосуды. После этого он скрепил черепную коробку и скальп пластырем, который оказывал не только антисептическое, но и анестезирующее воздействие.

Старик подогрел кровь, выкачанную из тела старой женщины, добавил несколько капель прозрачного раствора, выкачал жидкость из сосудов прекрасного трупа и заменил ее на кровь старухи, произведя одновременно подкожную инъекцию.

Во время операции он не сказал ни слова, но окончив ее, кратко проинструктировал ассистентов в своей отрывистой резкой манере и жестом предложил мне следовать за ним.

Он повел меня в дальнюю часть здания. Мы шли долго, пока не достигли роскошных апартаментов. Он открыл дверь, предложил войти, показав на вход в ванную

и удалился, оставив меня на попечении отлично вышколенных слуг. Придя в себя и отдохнув, я вышел из ванной и обнаружил в соседней комнате доспехи и одежду, предназначенные мне. Они были сделаны из хорошего материала, но оружия при них не было.

Вполне естественно, что я все время думал о странных событиях, свидетелем которых стал, но больше всего меня озадачила непонятная затея старухи, заплатившей моему хозяину значительную сумму за то, что он убил ее и перенес мозг из ее черепа в череп молодого трупа. Был ли это результат отвратительного религиозного фанатизма, или объяснение этого факта вообще недоступно земному разуму?

Я так и не пришел ни к какому выводу, когда был вызван рабом и последовал за ним в расположенные неподалеку покои. В комнате, куда меня привели, я увидел хозяина, сидящего у стола с восхитительными яствами. Но разве мог я судить о еде после долгого поста и еще более долгого пребывания на грубом армейском пайке?

Во время еды мой хозяин попытался объяснитьсь со мной, но безрезультатно. Временами он очень возбуждался, а три раза даже клал руку на один из своих мечей, когда я совсем не мог понять его. Действие это все больше и больше убеждало меня в том, что он отчасти сумасшедший. Но каждый раз он проявлял достаточно самообладания, отводя катастрофу от одного из нас.

Трапеза давно закончилась, но старик еще долго сидел, погруженный в раздумья. Наконец решение, видимо, было принято. Со слабым намеком на улыбку он повернулся ко мне и кивнул головой, указывая на предмет, который оказался полным курсом барсумского языка. Уже стемнело, прошло много времени, а он все не отпускал меня. Потом он сам проводил меня до той комнаты, где я нашел доспехи, и указал на груды богатых мехов и шелка, которые я должен был использовать в качестве постели. Он пожелал мне по-барсумски доброй ночи и ушел, не дав мне понять — гость я здесь или пленник?

ПОВЫШЕНИЕ

Прошло уже три недели. Я достаточно овладел барсумским языком, что позволило мне беседовать с хозяином. Кроме того, я, хоть и медленно, но делал успехи в изучении письма этого народа, самого трудного из всех барсумских письменных языков, хотя разговорный язык у всех наций один.

За три недели я успел многое изучить в странном доме, где был полугоstem или полупленным. Мой замечательный хозяин, старый хирург Тунола Рас Тавас, которого я всюду сопровождал, постепенно присматривался ко мне, и день за днем перед моими изумленными глазами раскрывались цели института, которым он управлял и в котором работал практически один. Его рабы и слуги были лишь дровосеками и водоносами. Именно его ум в одиночку руководил иногда благородной, иногда странной и вредной, но всегда удивительной деятельностью, работой всей его жизни.

Сам Рас Тавас был так же замечателен, как и все, сотворенное им. Он никогда не был умышленно жесток, не был, как мне представляется, и преднамеренно злым. Он был виновен во множестве дьявольских жестокостей и в подлейших преступлениях, но уже в следующий момент мог совершить поступок, который вознес бы его, по земным мерилам, на вершину человеческого уважения. Он никогда ничего не совершал из преступных побуждений, но и не придерживался высоких идеалов гуманизма. Он имел исключительно научный склад ума, лишенный всякой сентиментальности, которой у него не было ни капли. Практический склад ума позволял ему получать огромные гонорары за оказываемые им профессиональные услуги. Однако я знаю, что он оперировал не только ради денег. Он всегда предпочитал решение научных проблем проведению операций богачам.

Его отношение ко мне определялось исключительно научной любознательностью. Я представлял собой проблему, так как не был барсумцем, а представителем другой планеты, о которой он не имел понятия. Значит, для пользы науки будет лучше, чтобы меня охраняли и изучали. Я многое знал о своей планете. Критическому уму Раса Таваса нравилось выпытывать у меня все, что

я знал, в надежде получить некоторую информацию, которая поможет ему решить определенные проблемы Барсума, ставившие ученых в тупик. Но он вынужден был признать, что я тупой невежда практически во всех областях знаний и это потому, что земные науки пока на стадии пеленок по сравнению с замечательным прогрессом в соответствующих областях науки на Марсе. Он держал меня при себе еще и затем, чтобы использовать на незначительной работе в своей огромной лаборатории. Мне был вверен рецепт «бальзамирующей» жидкости. Меня обучили выкачивать кровь из тела и заменять ее на удивительный консервант, задерживающий разложение и не изменяющий мельчайшие элементы клеток и нервов. Я изучил также секрет раствора, несколько капель которого, добавленные к подогретой человеческой крови, оживляют и возвращают к нормальной деятельности весь организм.

Он сказал мне однажды, почему позволил мне изучать все это — ведь все рецепты он держал в секрете от других, — и почему он все время удерживал меня при себе в отличие от других многочисленных помощников его собственной расы, служивших ему и мне и днем, и ночью.

— Вад Варо, — сказал он, используя барсумское имя, которое дал мне, настояв на том, что мое собственное имя непрактично, — в течение многих лет я нуждался в ассистенте, но только сейчас понял, что нашел человека, который может работать бескорыстно и искренне, не имея причин уйти куда-то и разболтать мои секреты. Ты на Барсуме уникален: у тебя нет здесь никаких друзей или знакомых, кроме меня. Если ты покинешь меня, то очутишься в мире врагов. Для всех ты всего лишь иностранец, вызывающий подозрения. Ты не проживешь без меня и полдюжины зорь, окоченеешь, изголодаешься и погибнешь в этом враждебном мире. Здесь же ты будешь занят работой с таким всепоглощающим интересом, что каждый час принесет тебе не имеющее себе равных удовлетворение. У тебя нет, следовательно, эгоистических причин покинуть меня, и есть веские причины остаться. Я не ожидаю иной верности, кроме той, что продиктована эгоизмом. Ты станешь идеальным ассистентом не только по тем причинам, которые я назвал, но и потому, что ты интеллигентен и смышлен. Исподволь наблюдая за тобой, я пришел к выводу, что ты мо-

жешь служить мне и в другом качестве — персональным телохранителем.

Может быть, ты заметил, что из всех, кто связан с моей лабораторией, вооружен я один. Это необычно для Барсума, где люди всех классов, возрастов и обоих полов всегда вооружены. Но многим из этих людей я не могу доверить оружия, так как они убьют меня. Если дать оружие тому, кому я могу доверять, кто знает, возможно, другие завладеют этим оружием и убьют меня. И те, кому я сегодня доверяю, завтра повернут свой меч против меня. Нет никого, кто не желал бы уйти из этого места к своему народу. Только ты, Вад Варо, являешься исключением, потому что тебе некуда идти. Итак, я решил дать тебе оружие!

Однажды ты уже спас мне жизнь. Подобная возможность может представиться снова. Я знаю, что ты, будучи человеком благоразумным, не убьешь меня, так как ничего не выиграешь, а все потеряешь в нашем подозрительном мире, где убийство — закон общества, где естественная смерть — один из редких феноменов. Вот твоё оружие,— и он шагнул в кабинет, в котором, оказался целый склад оружия. Он сам выбрал для меня два меча, короткий и длинный, пистолет и кинжал.

— Ты, кажется, уверен в моей преданности,— сказал я.

Он пожал плечами.

— Я уверен в том, что вполне изучил область твоих интересов. Сентиментальные люди употребляют тысячу совершенно лишних слов: любовь, дружба, верность, вражда, ревность, ненависть. Два слова способны заменить все — личная выгода. Все умные люди понимают это. Они анализируют человека и по его склонностям и потребностям определяют его как друга или врага, оставляя слабоумным, или идиотам, или тем, кто любит каждый раз обманываться, сентиментальную болтовню.

Я улыбался в душе, пристегивая оружие на доспехи, но сохраняя видимое спокойствие. Было бесполезно что-либо доказывать этому человеку. Я чувствовал, что, вступая с ним в какой-либо спор, лишь ухудшу свое положение, но мне о многом хотелось его порасспросить. Я много раз обдумывал случай, вызвавший мое любопытство. Хотя старик уже многое мне объяснил, я не переставал удивляться, почему красный человек, от которого я его избавил, имел такую непреодолимую страсть

убить его в день моего появления на Барсуме. Я спросил-таки его об этом, когда мы сидели, непринужденно болтая после вечерней прогулки.

— Слишком сентиментален он был,— сказал он.— Резко выраженный тип сентиментального склада. Почему этот парень ненавидел меня со злобой, абсолютно невероятной для реакции аналитического ума, такого, как мой? Не будучи свидетелем его реакции, я осознал склад его ума так хорошо, что трудно себе представить. Рассмотрим факты. Он был жертвой убийства — молодой воин в расцвете жизни, с красивым лицом и великолепным телосложением. Один из моих поставщиков заплатил его родителям значительную сумму за его труп и продал его мне. Таким образом я получил прекрасный материал, как, впрочем, и все остальные тела. Обработав его известным тебе способом, я поместил тело в лабораторию, где оно пролежало целый год, пока не появилась возможность использовать его. Ко мне пришел весьма богатый клиент преклонного возраста. Он добивался расположения молодой женщины, у которой было довольно много молодых и красивых поклонников. У моего клиента денег было значительно больше, чем у любого из них, он был, может быть, более умным, с большим жизненным опытом, но нуждался в одном, чем обладал каждый из них, и что всегда предпочтительнее с точки зрения неразвитых, неблагоразумных и сентиментальных женщин — в красивой внешности.

Итак, 378-Д-193811-П имел то, что нужно было моему клиенту и что тот мог позволить себе купить. Мы быстро договорились о цене, и вскоре я перенес мозг богатого клиента в голову 78-Д. Как мне стало известно, спустя некоторое время он добился руки прекрасной глупышки.

378-Д мог еще долго пребывать в неопределенности на своей плите, если бы я просто случайно не выбрал его для восстановления, потому что одному человеку потребовался раб. Ты не будешь отрицать того, что этот человек был убит. Он был мертв. Я купил его, заплатив за труп деньги, вот и все. Он мог вечно лежать мертвым в одном из моих складов, не вдохни я жизнь в его сосуды. Имел он умственные способности, чтобы по достоинству оценить мои усилия? Нет! Его сентиментальные реакции заставили попрекать меня за то, что я дал ему другое тело, хотя, как мне казалось, если смотреть на дело с точки зрения чувств, он должен был бы рассматривать

меня как благодетеля, давшего ему жизнь в совершенно здоровом, пусть отчасти и использованном теле.

Он говорил мне об этом несколько раз, умоляя вернуть ему тело. Я объяснил ему, что об этом не может быть и речи, если случай не приведет в мою лабораторию труп купившего его тело клиента, что маловероятно при таком богатстве, как у него. Парень предлагал мне даже позволить ему уйти и убить моего клиента, а затем доставить сюда тело обратно, чтобы я проделал обратную операцию, вернув его мозг в его тело. Когда я отказался сообщить ему имя нынешнего владельца его тела, он стал еще более мрачным, но до самого момента твоего появления, когда он напал на меня, я и не подозревал о столь глубокой ненависти, наполнявшей его.

Чувства — это преграда для прогресса. И в Туноле, вероятно, меньше подвержены их капризу, чем большинство других наций, но до сих пор многие из моих соотечественников являются до некоторой степени жертвами этих чувств. Это, однако, имеет свои преимущества, компенсирующие их пагубные влияния. Без них мы не могли бы иметь стабильное правительство, и фандалиане, либо другие народы, опустошили бы нашу страну и завоевали ее. Но низшим классам достаточно иметь некоторую толику чувств, позволяющую им сохранять верность джеддаку Тунола, а представители высших классов достаточно умны, чтобы в своих собственных интересах поддерживать власть.

В противовес нам, фандалиане — отъявленные сентименталисты, рабы тщеславия, погрязшие в абсолютных глупостях и суевериях. Сам факт того, что они терпят на троне старую мегеру Заксу, изобличает их как бестолковых идиотов. Она невежественная, глупая, высокомерная, эгоистичная, жестокая и сварливая женщина. До сих пор фандалиане должны сражаться и умирать за нее только потому, что ее отец был джеддаком Фандала. Она обложила их непомерными налогами, плохо управляет ими, эксплуатирует и обманывает их, а они ползают у ее ног и поклоняются потому, что ее отец был джеддаком Фандала, и дед, и так с незапамятных времен. И так происходит потому, что они руководствуются скорее чувствами, нежели разумом, потому что их безнравственные правители платят им за верноподданнические чувства.

У нее нет ничего, что говорило бы о том, что она

нормальный человек, даже красоты. Ты знаешь, ты же видел ее!

— Я видел ее? — переспросил я.

— Ты ассистировал мне, когда я перекладывал ее старый мозг в новую шкатулку, в тот день, когда прибыл с планеты, которую называешь Землей.

— Она? Эта старая женщина — правительница Фандала?

— Это была Закса, — подтвердил он.

— Но ведь ты же долго спорил с ней и вообще обращался как с простой женщиной, а не как с царствующей особой.

— Я Рас Тавас, — сказал старик. — Почему я должен склоняться перед кем-нибудь? В моем мире ничто не имеет такого значения, как ум, и во всех отношениях могу сказать без сомнения, что я не знаю разума более великого, чем мой.

— В таком случае, вы не без сантиментов, — сказал я, улыбаясь, — вы обладаете одним из чувств — тщеславием, да, пожалуй, и гордостью.

— Это не гордость и не тщеславие, — сказал он. — Это факт! Факт, доказать который не составит большого труда. По всей вероятности, я имею наиболее развитый и хорошо функционирующий мозг среди всех знакомых мне ученых, живущих на Барсуме. Из того, что я знаю о Земле и, судя по тебе, я убежден, что на твоей планете разум может лишь слабо приблизиться к тому, который я развил в себе за время тысячелетней учебы и исследований. Возможно, Меркурий или Венера могут выдвинуть умы, равные по своему развитию моему. Пока что мы изучаем их мозговые волны. Наши приборы еще недостаточно разработаны, мы можем лишь предполагать, что они существа крайне утонченные и подвижные.

— А что это за девушка, тело которой ты отдал джеддаре Фандала? — спросил я невпопад, потому что у меня из головы не шла мысль об этом прекрасном теле, в котором, как мне казалось, должен был находиться соответствующий — ласковый и прекрасный ум.

— Просто объект! Просто объект! — ответил он, разводя руками.

— Что с ней станет? — настаивал я.

— Какая разница? Я купил ее с партией пленников. Я не поинтересовался даже, из какой страны мой постав-

щик получил ее и откуда она родом. Такие сведения не имеют для меня значения.

— Она была жива, когда ты купил ее?

— Да, ну и что?

— Ты убил ее?

— Убил ее? Нет! Я сохранил ее. Это было около десяти лет назад. Почему я должен был позволить ей стариться? Она тогда не имела бы такой цены, как теперь. Когда Закса купила ее, она была такой же свежей, как в тот день, когда я получил ее. Многие женщины хотели заполучить ее лицо и тело, но только джеддаре это оказалось по карману. Она заплатила самую высокую цену, какую мне когда-либо платили!

— Да, я хранил ее долго, но знал, что джеддара в один прекрасный день заплатит мне за нее. Девушка в самом деле была прекрасна. Вот видишь, чувство нашло свое применение — если бы не чувства, кто бы поддерживал ту работу, которую я веду на деньги, полученные от операций. На них я продолжаю мои исследования на более высоком уровне. Ты, должно быть, удивишься, если я скажу тебе, что скоро, кажется, смогу воспроизвести рациональное человеческое существо путем воздействия различных групп лучей и химических комбинаций. Они, вероятно, и вовсе неизвестны на Земле, о чем я сужу по твоему представлению о таких вещах.

— Я не удивлюсь,— уверил я его,— не удивлюсь ничему, что бы ты ни совершил.

ГЛАВА III

ВАЛЛА ДАЙЯ

Я долго не мог сомкнуть глаз в эту ночь и думал о 4296-E-2631-H, прекрасной девушке, чье совершенное тело было украдено, чтобы составить великолепную оправу для мозга тирана. Это казалось мне таким ужасным преступлением, что я не мог избавиться от этих мыслей, и думаю, что размышление об этом посеяло первое звено ненависти и отвращения к Расу Тавасу. Я не мог представить себе существо, лишенное сострадания и жалости более, чем он. Я не мог в эту минуту беспристрастно размышлять о безобразном надругательстве над этим милым и красивым телом, пусть даже в

священнейших целях, вызванных желанием получить грязные деньги.

Я так много думал о девушке этой ночью, что облик ее сразу возник передо мной, как только я проснулся. Я позавтракал в одиночестве, Рас Тавас так и не появился, и направился в ту комнату, где находилась бедная девушка. Она лежала под маленькой табличкой с номером. Тело старой женщины с обезображенным лицом предстало передо мной. Но для меня это была не та фигура, которую я видел сейчас, а сама лучезарная юность, душа, заключенная в оболочку и спящая под этими седыми волосами. Существо с лицом и формами Заксы для меня не было Заксой, потому что все, что делало ее другой — все это было перенесено в холодный труп Заксы. Каким ужасным должно быть пробуждение, если оно когда-нибудь наступит. Я содрогнулся от ужаса при мысли, что она должна будет пережить, осознав себя жертвой страшного преступления. Кем она была? Какова ее история, заключенная теперь в этом мертвом безмолвном теле? Какой должна была быть ее любовь, ее, чья красота так совершенна и чье лицо отражает безграничную доброту?! Захочет ли Рас Тавас когда-нибудь вызволить ее из этого счастливого подобия смерти, гораздо более счастливого, чем стало бы для нее оживление? Я избегал мысли об ее оживлении, и тем не менее страстно желал услышать ее голос, узнать, что этот мозг снова живет, узнать ее имя, выслушать рассказ об ее жизни, жестоко оборванной и отданной в руки судьбы в лице Раса Таваса. Допустим, она ожила, и я... Чья-то рука легла на мое плечо, и, повернувшись, я увидел Раса Таваса.

— Ты, кажется, интересуешься этим предметом? — спросил он.

— Я хотел бы знать, — ответил я, — реакцию ее разума при пробуждении, когда она обнаружит, что стала старой и безобразной.

Он погладил подбородок и пристально посмотрел на меня.

— Интересный эксперимент, — пробормотал он. — Мне доставляет удовольствие узнать, что ты проявляешь научный интерес к выполняемым мной работам. Психологические фазы моей работы, должен признаться, упущены за последнее столетие или что-то около этого, хотя раньше я уделял им большое внимание. Интересно,

должно быть, наблюдать, изучать некоторые из этих тел. Это может оказаться особенно полезным тебе как начинающему. Позднее мы с тобой понаблюдаем за случаем, когда мозг мужчины перенесен в тело женщины, а ее мозг — в тело мужчины. Мне интересны случаи, когда часть больного или поврежденного мозга заменялась частью мозга от другого объекта, или когда в экспериментальных целях человеческий мозг трансплантировался в тело животного, и наоборот. Все это дает огромные возможности для наблюдений. Помню такой случай, когда я перенес половину мозга обезьяны в череп человека после того, как убрал половину его мозга, которую перенес в череп обезьяны. Это было несколько лет тому назад; мне нравится время от времени оживлять эти два объекта и записывать результаты наблюдений. Я хочу ознакомиться с ними после того, как достану их из подвала Л-42-Х под зданием 4-Д-21. Это будет скоро, через несколько дней. Это были прекрасные экземпляры, я совсем забыл о них. Но пойдем, вызовем из небытия 4296-Е-2631-Н.

— Нет! — воскликнул я, положив руку на его локоть. — Это было бы ужасно!

Он удивленно повернулся ко мне, а затем со злобной глумливой улыбкой закричал, скривив губы:

— Плаксивый сентиментальный дурак! Как ты смеешь говорить мне «нет»?

Я положил руку на рукоять длинного меча и, твердо глядя ему в глаза, сказал:

— Ты хозяин в своем доме, но пока что я твой гость. Так изволь обращаться со мной вежливо!

Он моментально отреагировал, но взгляд его дрогнул.

— Я не подумал, — сказал он, — давай оставим это.

Итак, я получил в ответ извинение. Это было больше, чем я ожидал. Исход нашего спора был удачным. Думаю, что с этого времени он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Он подошел к плите, на которой лежало тело 4296-Е-2631-Н.

— Приготовь объект для оживления, — сказал он. — Сделай так, чтобы можно было изучить все ее реакции, — с этими словами он оставил комнату.

К этому времени я уже хорошо знал процесс оживления, но приступил к нему с некоторым опасением, подчинившись воле Раса Таваса, будучи подвластным ему.

Кровь, которая некогда текла по венам прекрасного тела, проданного Расом Тавасом Заксе, находилась в герметически запечатанном сосуде на полке над трупом. Раньше я всегда проделывал эту операцию под бдительным оком старого хирурга, сегодня я впервые приступил к ней самостоятельно. Кровь нагрета, разрезы сделаны, трубочки подсоединены, и несколько капель животворного раствора добавлены к крови. Теперь я готов был возвратить жизнь этому нежному мозгу, который пролежал в бездействии десять лет. Когда мои пальцы легли на кнопку, запускающую мотор, который погонит ее в дремлющие вены, я испытал невыразимое чувство, которое никогда ранее не испытывал.

Я стал хозяином жизни и смерти, и тем не менее, когда стоял у точки начала воскрешения мертвых, то чувствовал себя скорее убийцей, чем спасителем. Я старался посмотреть на процедуру бесстрастно, сквозь призму научных интересов, но у меня ничего не получилось. Я представлял себе только пораженную горем девушку, тоскующую о потерянной красоте. Я никак не мог решиться на это! Но затем как будто какая-то сила подтолкнула меня, пальцы безошибочно нашли кнопку и нажали ее. Я не смог объяснить этого, если бы не теория дуальности нашей психики. Многие может объяснить эта теория. Возможно, мой субъективный разум продиктовал мне это действие. Не знаю...

Знаю только, что сделал это, мотор заработал, и уровень крови в сосуде начал постепенно понижаться.

Ошеломленный, я наблюдал, стоя рядом. Вскоре сосуд был пуст. Я выключил мотор, отключил трубки, изолировал разрезы пластырем. Румянец жизни слегка окрасил тело, поднялась и равномерно опустилась грудь, голова слегка повернулась, шевельнулись веки... Долгое время не было других признаков жизни, затем вдруг открылись глаза. Сначала они были тусклыми, но вскоре начали наполняться вопрошающим изумлением. Они остановились на мне, затем прошлись по доступной части комнаты. Потом снова вернулись ко мне и стали меня изучать сверху донизу. В глазах застыл вопрос, страха в них не было.

— Где я? — Голос был, как у старухи, высокий и резкий. Глаза наполнились испугом. — Что со мной произошло? Что с моим голосом? Что случилось?

— Подожди еще немного, тебе надо окрепнуть. Потом.

Она приподнялась.

— Я сплю,— сказала она, затем ее глаза осмотрели лежащее на столе тело и ноги, и выражение крайнего ужаса пробежало по ее лицу.— Что со мной? Именем моего первого предка, что?!

Пронзительный резкий голос раздражал меня. Это был голос Заксы, а Закса, должно быть, теперь стала обладательницей милого музыкального голоса, украденного у девушки. Я старался не замечать скрипучих нот, думая только о красоте оболочки, украшавшей некогда душу, спрятанную в старом и высохшем теле.

Она протянула руку и ласково коснулась меня. Жест ее был прекрасен, движения грациозны. Мозг девушки управлял мускулами, но старые, грубые голосовые связки Заксы не могли более издавать нежных звуков.

— Скажи мне, пожалуйста,— умоляла она. Слезы стояли в ее старческих глазах.— Скажи мне, ты не кажешься жестоким.

И я рискнул, впервые за много лет.

Итак, я рассказал ей. Она слушала внимательно и, когда я закончил, вздохнула.

— В конце концов,— сказала она,— это не так страшно, как я думала. Это лучше, чем быть мертвой!

Значит, это было к счастью, что я нажал на кнопку. Она рада жить даже в отвратительной оболочке Заксы. Так я ей и сказал.

— Ты была так прекрасна,— сказал я.

— А сейчас я так отвратительна?

Я не ответил.

— В конце концов, какая разница? — молвила она вскоре.— Это старое тело не может изменить меня, сделать другой. Хорошее во мне осталось, осталось все, что было доброго, милого. Я буду жить и делать хорошее. Сначала я ужаснулась, не понимая, что со мной что-то случилось. Решила, что меня поразила какая-то ужасная болезнь, так изменившая меня. Это страшило меня, но сейчас... ну и что...

— Ты удивительная женщина! — сказал я.— Можно сойти с ума, потеряв такую красоту, как твоя, а тебе все равно!

— О нет, мне не все равно, друг мой,— поправила она меня.— Я имела красоту и наслаждалась ею. Это было неомраченное счастье. Могу уверить тебя в этом. Из-за моей красоты люди убивали друг друга, из-за нее

две великие нации вступили в войну, и, возможно, мой отец лишился трона или даже жизни, не знаю, так как меня захватили в плен, когда война была в самом разгаре. Может быть, она еще и теперь продолжается, и люди умирают, потому что я была слишком красива.

— Но теперь никто не будет бороться за меня,— добавила она с печальной улыбкой.

— Известно ли тебе, как долго ты пробыла здесь? — спросил я.

— Да,— ответила она,— меня продали сюда позавчера.

— Это было десять лет тому назад,— сказал я.

— Десять лет? Не может быть!

Я указал на трупы вокруг нас.

— Как и они, ты пролежала десять лет,— объяснил я ей.— Здесь есть и такие, которые лежат уже пятьдесят лет. Так сказал мне Рас Тавас.

— Десять лет! Что могло случиться за десять лет! Лучше уж, как они,— она указала на тела.— Я боюсь возвращаться. Я не хочу узнать, что мой отец, а возможно и мать погибли. Лучше так. Позволь мне заснуть снова! Можно?

— Это решит Рас Тавас,— ответил я,— а я здесь для того, чтобы наблюдать за тобой и изучать твои реакции.

— Какая от этого польза?

— Это может дать кое-какую пользу миру.

— Это может дать твоему ужасному Расу Тавасу лишь кое-какие идеи по совершенствованию его камеры пыток, лишь новые способы выкачивания денег из страдающих жертв,— сказала она, и ее грубый голос стал грустным.

— Некоторые его работы полезны,— объяснил я.— Деньги, которые он получает, позволяют ему содержать этот уникальный институт, где он проводит бесчисленные эксперименты. Многие его операции несут благо. Вчера принесли воина с раздавленными руками. Рас Тавас дал ему новые руки. Сумасшедшему, который вел себя как ребенок, Рас Тавас дал новый мозг. Руки и мозг были взяты у двоих мужчин, умерших насильственной смертью. С помощью Раса Таваса они послужили другим людям после смерти их хозяев.

Она на минуту задумалась.

— Я довольна,— сказала она,— надеюсь только, что наблюдать за мной будешь ты!

Вскоре пришел сам Рас Тавас и осмотрел ее.

— Хороший объект,— похвалил он.

Он взглянул на табличку, куда я занес очень короткую запись вслед за другими записями, относящимися к делу. В действительности, это была вольная трактовка определенного номера. Барсумцы не имеют алфавита, подобного нашему, и их системы знаков отличаются от наших. Им необходимо всего четыре знака, обозначивших номер комнаты, стола и здания, что в записи землян потребовало бы целых тринадцать.

— Объект разместят рядом с тобой, чтобы ты мог постоянно наблюдать ее,— продолжал Рас Тавас.— Это будет соседняя с тобой комната. Я прослежу, чтобы ее приготовили. Когда не будешь проводить наблюдений, запирай ее.

Для него это был еще один эксперимент.

Я провел девушку, если можно так ее называть, в предназначенное ей помещение. По пути спросил ее имя, так как мне казалось излишне грубым обращаться к ней по номеру.

— Деликатно с твоей стороны, что ты подумал об этом,— сказала она.— Номер — это все, что осталось от меня здесь! Только еще один объект для исследований.

— Ты для меня больше, чем номер,— сказал я ей.— Ты беспомощна, у тебя нет здесь друзей. Я постараюсь облегчить твою долю насколько смогу.

— Еще раз спасибо тебе,— сказала она.— Меня зовут Валла Дайя. А тебя?

— Рас Тавас зовет меня Вад Варо.

— Но это не твое имя?

— Мое имя — Улисс Пакстон.

— Какое странное имя, я не слышала раньше подобного, но и таких людей, как ты, я никогда не видела. Ты не похож на барсумца. Цветом кожи ты не похож ни на одну расу Барсума.

— Я не с Барсума, а с Земли, планеты, которую вы называете Джасум. Вот почему мой облик отличается от всех, кого ты знала прежде.

— Джасум! На Барсуме есть другой джасумец, слава которого достигла самых отдаленных уголков нашей планеты, но я никогда не видела его.

— Джон Картер? — спросил я.

— Да! — воскликнула девушка.— Владыка Барсума.

Он живет в Гелиуме, но мой народ не поддерживает дружеских отношений с этим государством. Я никогда не могла понять, как он очутился здесь. И как здесь оказался еще один человек с Джасума? Как ты пересек огромное расстояние, разделяющее планеты?

Я покачал головой.

— Не могу даже предположить.

— Джасум, должно быть, населен удивительными людьми,— сказала она.

Это был хороший комплимент.

— А Барсум — прекрасными женщинами,— ответил я.

Ее взгляд скользнул по старому сморщенному телу.

— Я видел тебя такой, какая ты была в действительности,— добавил я вежливо.

— Я с ненавистью думаю о своем лице,— сказала она.— Ведь я знаю, что оно отвратительно.

— Это не твое лицо. Помни об этом, когда смотришь на него, и не будешь чувствовать себя плохо.

— И это достаточно плохо.

Я промолчал.

— Ничего,— сказала она.— Не будь у меня достаточно душевной красоты, то я и не была бы столь красива, как бы ни были совершенны черты моего лица. Но ведь душа осталась со мной. У меня могут быть прекрасные мысли, я могу совершать прекрасные дела, и это, я думаю, и есть в конце концов, истинное испытание красоты.

— Есть надежда,— шепнул я.

— Надежда? Нет. Надежды нет. Ты пытаешься внушить мне, что я смогу через некоторое время вернуть потерянную внешность. Ты достаточно сказал мне, чтобы убедить меня в полнейшей безнадежности любых надежд.

— Не будем говорить об этом,— сказал я.— Но мы можем думать об этом, много думать о том, как это осуществить. Конечно, если мы очень захотим этого!

— Я не хочу надеяться. Это означает лишь потерянные надежды. Но я всегда буду счастлива в несчастье!

Я распорядился о пище для нее и после того, как все было принесено, оставил ее одну, заперев дверь ее комнаты, как проинструктировал меня старый хирург.

Я нашел Раса Таваса в его кабинете, маленькой комнате рядом с большим помещением, где десятка два его помощников обрабатывали сообщения из различных частей огромной лаборатории. Он встал, когда я вошел.

— Пойдем со мной, Вад Варо,— сказал он.— Посмотри на два дела в Л-42-Х. Это те двое, о которых я говорил.

— Человек и обезьяна, которым ты поровну поделил мозг обоих на два черепа?

Он кивнул и пошел впереди меня к пандусу, ведущему в подвалы под зданием. По мере того, как мы спускались, было заметно, что проходы и коридоры давно законсервированы. Полы были покрыты мельчайшей пылью, радиовые лампы слабо освещали подземные глубины и тоже были покрыты пылью. Каждая из дверей с обеих сторон коридора, по которому мы шли, была помечена особым иероглифом. Некоторые проходы были намертво замурованы каменной кладкой. Какие ужасные тайны спрятаны там?

Наконец мы пришли к Л-42-Х. От пола до потолка вдоль стен были полки, на которых лежали тела, а по центру комнаты стоял стол с хирургическими инструментами, мотор и прочее оборудование.

Рас Тавас нашел объекты своего странного эксперимента, и мы вместе положили человеческое тело на стол. Пока он подсоединял трубки, я принес сосуд с кровью, стоявший рядом с трупом на полке. Мы быстро довели до конца знакомый мне способ оживления и ждали, когда сознание вернется к объекту.

Человек привстал и посмотрел на нас, затем бросил быстрый взгляд на комнату. Дико уставившись на нас, он медленно попятился от стола к двери, причем стол был между нами и им.

— Мы не причиним тебе вреда,— сказал Рас Тавас.

Человек попытался ответить, но его слова представляли собой совершенно непонятный каламбур, он затряс головой и зарычал. Рас Тавас сделал шаг к нему, и человек опустился на четвереньки, опираясь суставами пальцев на пол. Он попятился и зарычал.

— Подойди! — закричал Рас Тавас.— Мы не причиним тебе вреда.

Он снова попытался приблизиться к объекту, но человек быстро пятился, рыча еще более свирепо, затем вдруг повернулся и вскарабкался на самую высокую полку, где присел прямо на труп и забубнил что-то непонятное.

— Нам нужна помощь,— сказал Рас Тавас и, подойдя к двери, посигналил свистком.

— Зачем вы свистите? — спросил вдруг человек. — Кто вы такие? Что я здесь делаю? Что случилось со мной?

— Спустись, — сказал Рас Тавас. — Мы друзья.

Человек медленно спустился на пол и подошел к нам, но все еще опирался суставами пальцев о пол. Он посмотрел на трупы, и странный огонек загорелся в его глазах.

— Я голоден! — закричал он. — Я должен поесть! — И с этими словами он схватил ближайший труп и поволок его к двери.

— Стой! Стой! — закричал Рас Тавас, устремившись за ним. — Ты испортишь объект!

Но человек продолжал волочить за собой труп к двери. Дело кончилось тем, что пришли слуги, и с их помощью мы схватили и связали несчастное создание. Затем Рас Тавас приказал слугам принести тело обезьяны и остаться с нами в комнате.

Объект был огромным представителем белых барсумских обезьян. Существо обладало огромной силой при жизни, поэтому Рас Тавас принял все меры предосторожности, надежно связав его до начала операции по оживлению.

Это колоссальное существо достигало десяти или двенадцати футов в высоту, если его поставить вертикально. У него был промежуточный набор рук и ног между верхними и нижними конечностями. Глаза расположены близко друг к другу и не выдавались. Уши посажены высоко, в то время как мордой и зубами оно поразительно напоминало нашу африканскую гориллу.

Когда сознание вернулось к обезьяне, она внимательно посмотрела на нас. Несколько раз нам казалось, что она пытается заговорить, но лишь нечленораздельные звуки вырывались из ее горла. Затем она легла и затихла на некоторое время.

Рас Тавас сказал обезьяне:

— Если ты понимаешь мои слова, то кивни головой. Существо утвердительно кивнуло головой.

— Боюсь, что ты попытаешься причинить нам вред или убежать, — сказал хирург.

Обезьяна с большим усердием пыталась, по-видимому, заговорить членораздельно, и наконец с ее губ сорвалось единственное слово «нет»!

— Ты не причинишь нам вреда и не будешь пытаться бежать? — повторил вопрос Рас Тавас.

— Нет, — сказала обезьяна, и на этот раз слово было произнесено достаточно четко.

— Посмотрим, — сказал Рас Тавас, — но помни, что с нашим оружием мы быстро справимся с тобой и отправим на тот свет, если ты нападешь на нас.

Обезьяна кивнула и затем с невероятными муками выдавила целую фразу:

— Я не причиню вам вреда.

По приказу Раса Таваса слуги сняли веревки, и существо село. Оно вытянуло конечности и ловко соскользнуло на пол, став на две ноги, что не удивительно, так как белые обезьяны чаще ходят на двух ногах, чем на всех шести.

Рас Тавас осмотрел объект, который был довольно высоким, а затем продолжил наблюдения за объектом-человеком, все еще продолжавшим вести себя скорее как обезьяна, чем как человек, хотя говорить ему было куда легче из-за более совершенных органов речи. Обезьяну можно было понять только при большом воображении.

— Ничего замечательного в этих объектах нет, — сказал Рас Тавас, посвятив им полдня. — Они подтверждают то, что я определил уже много лет назад: пересаженный мозг стимулирует рост и активность клеток мозга. Ты заметил, что в каждом объекте трансплантированные части мозга более активны. Они в значительной степени управляют остальной частью мозга. Вот почему у нас объект-человек обнаружил определенные обезьяньи характеристики, тогда как обезьяна вела себя более по-человечески, хотя при более долгих и подробных исследованиях ты бы заметил, что каждый временем возвращается в свою ипостась — обезьяна становится совсем обезьяной, а человек более походит на человека, но это не заслуживает времени, которое я отдал этому контрольному экземпляру. Я оставлю тебя сейчас, чтобы ты вернул объектам прежнее состояние, а сам пойду в верхние лаборатории. Слуги останутся здесь и будут ассистировать, если потребуется.

Обезьяна, внимательно слушавшая, сразу же шагнула вперед.

— О, пожалуйста, умоляю вас, — пробормотала она, — не принуждайте меня снова лежать на этих ужас-

ных полках. Я ведь помню день, когда был принесен сюда, надежно связанный, и хотя у меня нет воспоминаний о случившемся, и я могу только догадываться о том, как я сейчас выгляжу, а судя по пыльным трупам, я пролежал здесь довольно долго, прошу позволить мне жить и вернуть меня к товарищам, чтобы служить по мере моих возможностей и способностей в саду этого учреждения, которое я успел разглядеть, когда меня несли в эту лабораторию связанного и беспомощного, и положили на одну из холодных плит.

Рас Тавас раздраженно махнул рукой.

— Вздор! — крикнул он. — Иди лучше туда, где будешь сохранен в интересах науки.

— Согласись с его просьбой, — обратился я к Расу Тавасу. — Я приму на себя всю ответственность на время, пока буду извлекать из него пользу, изучая, на что он способен.

— Делай, как приказано, — огрызнулся Рас Тавас, уходя из комнаты.

Я пожал плечами. Лучше было промолчать.

— Я вполне могу убить тебя и бежать, — проговорила в задумчивости обезьяна, — но ты хотел мне помочь. Я не могу убить того, кто относится ко мне дружелюбно, тем не менее, тяжело думать еще об одной смерти. Сколько же я здесь пролежал?

Я просмотрел историю его тела.

— Двадцать лет, — сказал я ему.

— И все же, почему нет? — спросил он себя. — Этот человек убьет меня, почему я не могу убить его до этого?

— Это кончится плохо для тебя, — сказал я, — потому что ты не можешь убежать отсюда. Комната, где мы сейчас находимся, расположена очень глубоко под землей. Тебя выловят и убьют. Рас Тавас даже и не вспомнит о тебе, тогда как тот, кто сможет найти возможность помочь тебе немного позже и намерен сделать это, умрет от твоих же рук и будет не в состоянии помочь тебе.

Я говорил тихим голосом ему на ухо, чтобы слуги не могли подслушать. Обезьяна внимательно слушала.

— Ты сделаешь, что обещаешь? — спросила она.

— При первой же возможности, — ответил я.

— Очень хорошо,— сказала она,— я подчиняюсь, потому что верю тебе.

Через полчаса оба объекта были возвращены на свои полки.

ГЛАВА IV

СОГЛАШЕНИЕ

Дни складывались в недели, недели в месяцы, а я все работал вместе с Расом Тавасом, который сообщал мне все больше секретов своего мастерства. Постепенно он позволял мне выполнять все более и более сложные работы в огромной лаборатории. Я уже начал пересаживать конечности от одного объекта к другому, затем внутренние органы. После этого он поручил мне всю операцию от начала до конца на клиенте, заплатившем деньги. Я удалил почки богатого старика, заменив их здоровыми от молодого объекта. На следующий день я дал чахлому ребенку новую щитовидную железу. Неделий позже я пересадил два новых сердца, и вот настал день, когда я самостоятельно провел операцию на мозге, перенеся мозг старика в черепную коробку молодого человека. Рас Тавас лишь стоял рядом.

Когда я закончил, Рас Тавас положил мне руку на плечо.

— Я сам не смог бы сделать лучше,— сказал он.

Он ликовал, и я не мог не удивляться такому проявлению эмоций со стороны Раса Таваса, кто так гордился отсутствием чувствительности. Я часто размышлял о том, что заставило Раса Таваса посвящать меня во все тайны его профессии и уделять мне так много времени на мое обучение, но никогда не находил удовлетворительного объяснения, кроме того, что он нуждается в ассистенте для большого объема работ. Еще когда я одолевал письменность, то заметил, что несмотря на свою занятость, он больше возится со мной, нежели с красивыми людьми, работающими у него ассистентами. Его уверенность в моей лояльности была преувеличена, хотя с таким же успехом он мог бы держать меня в качестве личного телохранителя, а обучать человека своей расы.

Но вскоре мне довелось узнать, почему он так поступал. Рас Тавас всегда хорошо обдумывал все, что он делал. Однажды ночью, после того, как закончили вечер-

нюю трапезу, он сидел и внимательно смотрел на меня. Он часто так делал, словно хотел прочитать мои мысли, но ему это никак не удавалось к его величайшему удивлению и досаде. Если марсианин не настороже, любой другой может отчетливо читать его мысли. Он объяснил это тем, что я не барсумец. Несмотря на это, я часто читал мысли его ассистентов, когда они не были бдительны, но никогда мне не удавалось прочесть что-либо из мыслей Раса Таваса. Уверен, что любой другой не мог бы прочесть их. Он держал свой мозг на замке, как одну из банок с кровью, и никогда, даже на мгновение, не открывал его.

Он сидел и смотрел на меня в тот вечер очень долго, но меня это нисколько не смущало, так как я привык к его странностям.

— Возможно,— сказал он,— одна из причин, почему я верю тебе, та, что мне так и не удалось проникнуть в твой разум. Твои вероломные мысли насчет меня я не знаю, тогда как у других, у каждого из них, я легко открываю в мозгу самое сокровенное. Моему пытливому уму нет преград, и в каждом я вижу зависть, подозрительность и ненависть ко мне. Я не могу им верить! Следовательно, я должен рискнуть и довериться тебе. Разум говорит, что мой выбор верен. Я уже объяснил тебе, чем вызвано мое доверие к тебе как к телохранителю. Те же самые соображения справедливы и для того серьезного дела, которое я замыслил поручить тебе. Ты не сможешь причинить мне вреда без того, чтобы не повредить себе, ты не тот человек, который умышленно захочет сделать это, и, кроме того, нет причины, по которой ты чувствовал бы ко мне неприязнь.

— Ты, конечно, сентиментален и, несомненно, с ужасом смотришь на многие действия здравомыслящего, рационального, научного разума, но в то же время высоко интеллигентен. Следовательно, ты можешь оценить мои действия лучше, чем кто-либо еще, даже если не одобряешь их — оценить мотивы, побуждающие меня совершать многие из этих поступков. Я могу оскорбить, тебя, но никогда я не был к тебе несправедлив. Не был я также несправедлив и к существу, к которому ты испытываешь так называемую дружбу. Разве мои размышления о тебе неправильны или доводы ошибочны?

Я заверил его, что он прав.

— Очень хорошо! Позволь теперь объяснить, почему

я прилагаю усилия, чтобы обучить тебя. Ведь нет другого человека на Барсуме, который бы достиг в обучении таких познаний, как ты. Я еще не готов использовать тебя, или, скорее, ты не готов, но если ты узнаешь мою цель, то ясно поймешь необходимость напрячь все свои силы для ее достижения, достичь высокого мастерства во всем, что я передаю тебе.

— Я очень старый человек,— продолжил он после короткой паузы.— Даже по барсумским меркам. Я прожил более тысячи лет. Я приближаюсь к предначертанному мне естественному концу, но я не кончил дело моей жизни, а только приступил к нему. Барсум не должен лишиться моего замечательного мозга и моего мастерства. У меня давно уже созрел план, как помешать смерти. Но мне требовался другой мастер, равный мне по уровню. Двое таких гениев могли бы жить вечно. Я выбрал тебя не потому, что думаю, что ты любишь меня или испытываешь дружеские чувства по отношению ко мне. Я выбрал тебя, чтобы ты стал тем другим, по причинам, которые я уже тебе объяснил. Я выбрал тебя потому, что знаю — из всех обитателей мира сего ты единственный, кто, вероятно, в наименьшей степени подведет меня. Некоторое время жизнь моя будет в твоих руках. Сейчас ты должен понять, почему я не могу рисковать, доверившись другим.

— Задуманный мною план очень прост и обеспечивается тем, что я могу полагаться на два основных фактора: мастерство и своекорыстную лояльность ассистента. Тело мое почти полностью износилось. Я должен получить новое. Моя лаборатория заполнена превосходными телами, молодыми и полными потенциальной силы и здоровья. Я должен лишь выбрать одно из них и приказывать ассистенту перенести мой мозг из старого тела в новое.

Он сделал паузу.

— Теперь я знаю, зачем ты обучал меня,— сказал я.— Этот вопрос всегда мучил меня.

— Таким, и только таким образом я могу продолжить свои научные труды,— проговорил он,— таким образом Барсум может быть уверен в потоке практически неограниченных милостей, которыми мой разум может одаривать его детей. Я могу сделать жизнь вечной, если я всегда буду обеспечен искусным ассистентом. Если будет так, я могу гарантировать, что он тоже никогда не

умрет. А когда износится его тело или один из органов, я всегда могу заменить ему все, что нужно, из своих запасов. Для меня он может оказать ту же услугу. Так мы можем жить неограниченное время, потому что мозг, я верю в это, почти бессмертен, если не ранен и не затронут болезнью.

— Ты пока еще не готов для такой важной задачи. Ты должен провести еще очень много подобных операций, встретить и преодолеть различные трудности, анатомические несоответствия и несовместимости, которые приводят к серьезным осложнениям, всегда различным. Помни, что нет двух одинаковых операций. Когда ты приобретешь достаточный опыт, я буду первым, кто узнает об этом. А потом мы вдвоем послужим детям Барсума.

Старик был далек от понимания того, что его ненавидят. Однако план был превосходен как для него, так и для меня. Он гарантировал нам бессмертие — мы можем жить вечно и всегда в здоровых и сильных телах. Перспектива была соблазнительной. Поистине прекрасное предложение. Если старик мог надеяться на мою верность благодаря личной заинтересованности и зависимости, то и он не мог позволить себе враждовать с единственным существом в мире, которое могло сделать его бессмертным или отказать ему в этом. Первый раз с тех пор, как я попал на Марс и к нему в лабораторию, я почувствовал себя в полной безопасности.

Как только мы расстались, я пошел в комнату Валлы Дайи и хотел рассказать ей все эти удивительные новости. За недели, прошедшие с момента ее воскрешения, я часто видел ее, и в нашем ежедневном общении я понемногу открыл для себя удивительную красоту ее души. Я не мог долго смотреть на отвратительное лицо Заксы, но глаза устремлялись в очарование, лежащее в глубине ее прекрасного мозга. Она становилась моей наперсницей, как и я для нее, и эта дружба представляла собой единственную большую радость моего существования на Барсуме.

Когда я рассказал, что привело меня к ней, она искренне порадовалась за меня и высказала надежду, что я использую все знания, чтобы делать добро в мире. Я уверил ее, что так и будет, и что среди первых желаний, которые я предъявлю Расу Тавасу, будет просьба дать Валле Дайе прекрасное тело. Но она покачала головой.

— Нет, мой друг. Если я не могу иметь свое собственное тело, это старое тело Заксы вполне подойдет мне, как и любое другое. Без собственного тела мне все равно не вернуться в родную страну. Несмотря на то, что Рас Тавас мог бы дать мне прекрасное тело любой другой женщины, я всегда была бы в опасности, что кто-нибудь из клиентов увидит и пожелает купить его, оставив для меня свою старую оболочку, предположим, совершенно разбитую ужасной болезнью или изувеченную.

— Нет, друг мой, я довольна телом Заксы, если не могу обладать своим собственным, потому что, по крайней мере, Закса оставила мне крепкую и здоровую оболочку, как бы безобразна она ни была. Потом, какое значение имеет внешность? Ты, единственный мой друг, и у меня есть твоя дружба, этого достаточно! Ты восхищаешься мной потому, что я — это я, а не потому, что я хорошо выгляжу. Так что давай оставим все как есть — от добра добра не ищут!

— Если бы ты могла получить обратно свою внешность, собственное тело, ты бы вернулась в свою страну? — спросил я.

— О, не будем об этом! — воскликнула она. — Самая мысль об этом сводит с ума своей безнадежностью. Я не должна лелеять неисполнимые мечты! В лучшем случае они заставят меня испытывать мучительное отвращение к своей теперешней судьбе.

— Не говори, что это безнадежно, — настаивал я. — Только смерть делает надежды бесполезными.

— Ты очень добр ко мне, — сказала, — но причиняешь мне боль. Не может быть никакой надежды!

— Могу я, в таком случае, надеяться вместо тебя? Я не оставлю мысли вернуть тебе твое собственное тело! И всегда буду надеяться, что найду какой-нибудь выход!

Она покачала головой.

— Нет выхода, — сказала она решительно. — Не увидит меня больше Дахор!

— Дахор? — повторил я. — Кто-нибудь, к кому ты неравнодушна?

— Я равнодушна к Дахору очень сильно, — ответила она с улыбкой, — но Дахор это не кто-нибудь. Дахор — это мой дом, страна моих предков.

— Как ты попала сюда, оставив Дахор? — спросил я. — Ты никогда не говорила мне об этом, Валла.

— Это благодаря безжалостному Джалу Хаду, прин-

цу Амора, — ответила она, — Дахор и Амор — давние враги. Переодевшись в простого воина, Джал Хад пришел в столицу Дахора посмотреть на красоту единственной дочери Кора Сана, джеджада Дахора, слухи о которой дошли до него. Увидев ее, он воспылал страстным желанием обладать ею. Вернувшись в Амор, он послал ко двору Кора Сана послов просить руку принцессы Дахора. Но Кор Сан, имевший дочь, но не имевший сына, решил выдать ее за одного из своих джедов, чтобы сын от этого союза, в жилах которого будет кровь Кора Сана, мог править народом Дахора. Поэтому предложение Джала Хада было отклонено.

— Это так разъярило молодого принца, что он снарядил огромный флот и отправил его завоевывать Дахор, чтобы силой взять то, чего он не смог добиться сам. Дахор в то время воевал с Гелиумом, и все силы его были брошены на юг, кроме незначительных войск, оставленных для охраны столицы. Джал Хад выбрал благоприятный момент для нападения. Дахор пал, а пока войска грабили город, Джал Хад со своими гвардейцами рыскал по дворцу джеджада в поисках принцессы, но она не была намерена стать принцессой Амора. Она придумала хитроумный способ расстроить его планы.

Был в ее свите косметолог, который ухаживал за волосами и кожей принцессы. Он готовил ее к торжественным выходам, празднествам и был мастером своего дела. Мог сотворить простую красоту и красоту лучезарную, мог сделать безобразность приятной на вид. Она вызвала его к себе и приказала превратить ее красоту в отталкивающую на вид старуху. Тот сработал так ловко, что никто не мог узнать в ней принцессу Дахора.

— Когда Джал Хад не смог найти принцессу внутри дворца, и никакие угрозы и попытки не могли вырвать признания о ее местопребывании, он приказал собрать всех женщин из дворца и доставить в Амор в качестве заложниц, пока принцесса Дахора сама не выйдет за него замуж. И вот нас всех собрали и поместили на военный корабль, который под конвоем отправился обратно в Амор.

Корабль успел пролететь совсем малое расстояние между Дахором и Амором, когда его атаковали корабли флота Фандала. Так мы оказались в плену в Фандале, где на рынке рабов меня и купил один из поставщиков Раса Таваса. Остальное ты знаешь.

— А что стало с принцессой? — спросил я.

— Возможно, она умерла. Перед торгами нас разделили на группы, больше я ее не видела. Лишь смерть могла помешать ей вернуться в Дахор. Принцесса Дахора, видимо, никогда больше не увидит свою страну.

— Но ты можешь! — вскричал я, потому что внезапно у меня сложился стройный план действий. — Где Дахор?

— Ты что, туда отправишься?

— Да!

— Ты сошел с ума, друг мой, — сказала она. — Дахор находится в семи тысячах восьмистах хаадах от Тунола, далеко за снежными Артлианскими горами. Ты чужеземец, ты один, ты никогда не сможешь достичь Дахора, потому что на пути к нему — Тунолианские топи, дикие орды, свирепые звери и воинственные города. Ты напрасно погибнешь, даже если убежишь с острова, на котором стоит лаборатория Раса Таваса; и какие причины побуждают тебя к этому бессмысленному жертвоприношению?

Я не мог сказать. Я не мог смотреть на это отвратительное лицо и иссохшуюся фигуру и говорить: «Это потому, что я люблю тебя, Валла Дайя!» Лишь это, увы, было единственной преградой. Постепенно, по мере того, как я открывал в ней удивительную красоту ума и души, в сердце мое вошла любовь к ней, но тем не менее — сам не могу объяснить почему — я не мог сказать такие слова этой старой безобразной ведьме! Я видел великолепное тело, которое имело чудесную душу реальной Валлы Дайи которую я мог любить, но не мог я любить тело Заксы. Раздирали меня также и иные противоречия, вызывающие большие сомнения: может ли Валла Дайя ответить на мою любовь? Обитающая в теле Заксы, не имеющая других друзей и поклонников, она могла бы из благодарности или из чувства полного одиночества потянуться ко мне. Но если бы она вновь стала Валлой Дайей, прекрасной девушкой, возвращенной во дворец ее страны, окруженной вельможами Дахора, откроются ли тогда ее глаза и сердце для одинокого и не имеющего друзей изгнанника из другого мира? Я сомневался в этом, и еще в том, что это удержит меня от решимости до конца осуществить сумасшедший проект, захвативший всего меня.

— Ты не ответил на мой вопрос, Вад Варо, — прерва-

ла она мои мысли.— Почему ты хочешь это сделать?

— Исправить несправедливость по отношению к тебе, Валла Дайя!

Она глубоко вздохнула.

— Не надо браться за это, пожалуй,— попросила она.— Ты лишишь меня единственного друга, общение с которым — последний источник счастья в этом мире. Я ценю твое великодушие и твою верность, даже если не могу понять их. Твое бескорыстное желание помочь мне, рискуя жизнью, волнует меня и еще более обязывает; но ты не должен браться за это. Не должен!

— Если это беспокоит и мучает тебя, Валла Дайя,— ответил я,— не будем говорить об этом, но знай — мысли об этом всегда со мной. Однажды я найду путь, даже если тот план, который я теперь имею, потерпит неудачу.

Дни шли за днями, великолепные марсианские ночи, наполненные светом двух марсианских лун, следовали одна за другой. Рас Тавас все больше времени проводил со мной, направляя мою работу по пересадке мозга. Давным-давно я уже должен был стать великолепным хирургом, и понял, что время, когда Рас Тавас почувствует, что может без доли рискаверить моим рукам и мастерству свою жизнь и знания, быстро приближается. Он всецело будет в моей власти; старик знал, что я отлично понимаю это. Я мог убить его, мог оставить его навсегда в состоянии анабиоза или даже обмануть его, дав ему тело калота или часть мозга обезьяны. Но он должен был сделать выбор, и, насколько мне было известно, как можно скорее, потому что силы его убывали с каждым днем. Уже почти совершенно слепой, он видел только благодаря удивительным очкам, которые сам для себя изобрел, пользовался искусственными слуховыми аппаратами, а теперь и сердце стало подавать симптомы усталости, а уж этим он не мог пренебречь.

Однажды утром ко мне пришел раб и пригласил в его спальню. Старый хирург выглядел сморщенной жалкой грудой иссохшейся кожи и костей.

— Мы должны поторопиться, Вад Варо,— сказал он слабым голосом.— Мое сердце чуть не остановилось несколько талов тому назад. Это было, когда я послал за тобой,— и он указал на двери, ведущие из его комнаты.— Здесь, за этой дверью, ты найдешь все, что нужно, и тело, которое я для себя выбрал. В лаборатории, давно построенной для этой цели, ты совершишь величайшую

хирургическую операцию, которая когда-либо проводилась во Вселенной, перенеся ее самый гениальный мозг в самое красивое и совершенное тело, которое я когда-либо встречал. Голову я уже приготовил. Мозг объекта был вынут и разрушен — полностью уничтожен огнем. Как я мог допустить существование мозга, пожелавшего в будущем вернуть свое тело! И вот я разрушил его! Зови рабов и прикажи им перенести меня на плиту!

— Рабы не нужны, — сказал я ему и, подняв его сморщенное тело будто ребенка, перенес в соседнюю комнату, где нашел отлично освещенную и оборудованную лабораторию, в которой стояли два стола. На одном из них уже лежало тело человека. На второе я положил Раса Таваса, затем обернулся, чтобы осмотреть новую оболочку, которую он себе выбрал. Никогда, поверьте, не видел я такой совершенной формы, такого красивого лица. Рас Тавас в самом деле выбрал отличное тело!

После этого я повернулся к старому хирургу. Ловко, как он учил меня, я сделал два разреза и подсоединил трубки. Мой палец лег на кнопку мотора, который должен был накачать вместо крови в тело его удивительную жидкость.

Тогда я заговорил.

— Рас Тавас! — сказал я ему. — Ты долго обучал меня своему мастерству. Я неутомимо работал, чтобы у тебя не осталось ни малейшего опасения за результат операции. Ты учил меня, что каждое мое действие должно быть основано только на бескорыстии. Следовательно, ты будешь удовлетворен, что я делаю это не для тебя и не потому, что ты мне нравишься, не потому что питаю дружеские чувства к тебе. Ты думаешь, достаточно того, что ты предложил мне бессмертие? Отбросив все твое учение, я скажу тебе, что остался сентиментальным. Я страстно желаю исправить несправедливость! Я хочу дружбы и любви! Цена, которую ты мне предложил, недостаточна. Хочешь ли ты заплатить больше, чтобы эта операция завершилась успешно?

Он долго смотрел на меня.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

Я видел, что он охвачен гневом, но не позволил себе повысить голос.

— Помнишь ли ты 4296-E-2631-N? — спросил я.

— Объект с телом Заксы? Да, помню, и что из этого?

— Я желаю вернуть ей ее тело. Это цена, которую ты должен заплатить за операцию!

Он свирепо посмотрел на меня.

— Это невозможно! Тело у Заксы. Даже если я отважусь сделать это, но никогда не смогу получить его обратно. Приступай к операции!

— Так ты обещаешь мне? — настаивал я.

— Я не могу обещать невозможное — мне не получить Заксу. Проси что-нибудь другое. Я готов согласиться на любую разумную просьбу.

— Это все, что я желаю — только это! Но я не настаиваю, чтобы тело добыл ты. Если Заксу принесу я, ты сделаешь операцию?

— Это означает войну между Фандалом и Тунолом, — заволновался он.

— Это меня не интересует, — отрезал я. — Быстро! Давай решать. Через пять талов я нажму кнопку. Если ты пообещаешь сделать то, о чем я прошу, ты очнешься в новом прекрасном теле. Откажешься — навечно заснешь здесь в объятиях смерти!

— Обещаю, — сказал он тихо, — когда ты принесешь тело Заксы, я перенесу в него любой мозг, который ты выберешь среди наших объектов.

— Хорошо! — воскликнул я и нажал кнопку.

ГЛАВА V

ОПАСНОСТЬ

Рас Тавас пробудился от анестезии новым и прекрасным существом. Молодость его была такой удивительной красоты, что казалась божественной, но в этой красивой голове был мозг сурового и холодного мастера хирургии. Когда он открыл глаза, то холодно посмотрел на меня.

— Хорошо у тебя получилось, — сказал он.

— Я сделал это ради дружбы и, возможно, ради любви, — ответил я. — Итак, можешь быть благодарным сентиментальности, которую ты считал лишней для успеха операции.

Он не ответил.

— А теперь, — продолжал я, — посмотрим, что ты сделаешь для выполнения данного мне обещания.

— Когда принесешь тело Заксы, я пересажу в него мозг любого из моих объектов, что бы ты ни выбрал,— сказал он,— но будь я на твоём месте, я бы не рисковал жизнью в таком невозможном предприятии. Тебе не добиться успеха. Выбери любое другое тело — есть много прекрасных,— и я пересажу в него мозг 4296-Е-2631-Н.

— Ничто, кроме тела, принадлежащего Заксе, не устроит меня.

Он пожал плечами, а на губах его появилась холодная усмешка.

— Прекрасно,— сказал он.— Сходи за Заксой, когда же ты отправишься?

— Я ещё не готов. Я дам тебе знать, когда.

— Хорошо, а сейчас убирайся! Нет, подожди! Сначала сходи и посмотри, как идет обработка информации, все ли в порядке. Если потребуется принять решение без моего вмешательства, прими его сам.

Уходя от него, я заметил хитрую улыбку на его губах. Чем она вызвана? Мне она не понравилась, и когда я шел от него, то старался разгадать ее происхождение. Проходя через дверь в коридоре, я слышал, как он вызвал своего личного раба и телохранителя Ямдора, гиганта, чью верность он поддерживал наградами и бесчисленными милостями. Ямдор был так силен, что все боялись его, к тому же достаточно было одного слова из уст Ямдора хозяину, и любой из бесчисленных рабов лаборатории мог оказаться на плите навечно. Ходили слухи, что он был результатом протиестественного эксперимента, при котором совместили мозг женщины с телом мужчины. Было в его поступках много характерного, что подтверждало эту общую уверенность. Его движения, когда он работал около хозяина, были нежны и легки, его походка грациозна, его манеры вежливы, но ум был ревнив, мстителен и злопамятен.

Я был уверен в том, что он не любит меня, ревнуя к власти, которой я добился в окружении Раса Таваса, так как был с ним на равных, а не рабом. Но он всегда соглашался со мной, выказывая величайшее уважение. Однако он пользовался большим доверием у Раса Таваса, и я не мог не принимать этого во внимание. Так я размышлял, направляясь в комнату, где помощники старого хирурга обрабатывали информацию, поступающую из всех подразделений огромной лаборатории.

Я не успел отойти далеко, как вспомнил о важном

деле, по которому хотел получить инструкции Раса Таваса. Поэтому я и пошел обратно к его комнате. Когда я приблизился, то услышал через открытую дверь новый голос мастера. Рас Тавас говорил довольно крикливо, то ли в новом голосе таким образом отразилась деспотичность его характера, то ли устойчивая глухота приучила его все время повышать голос, не знаю, но теперь сквозь свежие голосовые связки его нового тела слова звучали ясно и отчетливо, так что в коридоре у его комнаты все было слышно.

— Поэтому ты пойдешь, Ямдор, — были его слова, — сейчас же и с двумя рабами, в молчании и благоразумии которых ты не сомневаешься, возьмешь объект из покоев Вада Варо и уничтожишь его. Пусть не останется и следов от тела и мозга. Немедленно после этого ты приведешь этих рабов в лабораторию Ф-30-Л, не позволяя им ни с кем разговаривать, а я назначу им молчание навсегда.

— Вад Варо обнаружит отсутствие объекта и сообщит об этом мне. Во время расследования ты признаешься, что помог объекту бежать, и что понятия не имеешь, куда она намеревалась бежать. Я приговорю тебя к смерти в наказание, но, в конце концов, объясню, что крайне нуждаюсь в твоих услугах. Ты дашь торжественное обещание никогда больше не нарушать закон, а я отложу казнь на неопределенное время. Ты понял весь мой план? До конца?

— Да, хозяин, — ответил Ямдор.

— Тогда сейчас же отправляйся и выбери себе двух рабов в помощники.

Я молча поспешил по коридору, не желая быть обнаруженным. Я распахнул дверь в комнату Валлы Дайи и жестом предложил ей выйти.

— Быстро, Валла Дайя! — крикнул я. — Мы не должны терять времени. Пытаясь спасти, я усугубил твое положение, поставив под угрозу полного уничтожения! Сперва найдем надежное укрытие для тебя, а потом я уже подумаю, что делать дальше.

Место, которое пришло мне на ум, было в полузабытом подвале под лабораториями. Туда я и повел Валлу Дайю. По дороге я поведал ей все, что случилось, и она не стала уже упрекать меня. Вместо этого она лишь посетовала о ничтожности благодарности, которой она могла бы отплатить за мою бескорыстную дружбу. Не-

удача, уверяла она, ничуть не запятнала меня. Но продолжала настаивать, что скорее умрет, зная, что имеет такого друга, чем останется жить в одиночестве и неопределенности.

Мы пришли, наконец, в комнату, которую я искал. Это был подвал Л-42-Х в здании 4-Д-21, где покоились тело обезьяны и человека, каждый из которых обладал половиной мозга другого. Я был вынужден оставить здесь Валлу Дайю на некоторое время, чтобы выполнить поручение Раса Таваса, дабы не вызвать его подозрений, когда Ямдор доложит, что нашел комнату пустой.

По дороге я никого не встретил, так что никто не видел, откуда я иду в кабинет Раса Таваса. Выяснив, что для меня нет никаких известий, не спеша, я нашел предлог уйти и сразу устремился к собственным покоям, двигаясь неторопливо и беспечно, напевая по обыкновению песенку, которая была весьма популярна, когда я покинул Землю. Надо сказать, привычка эта больше всего раздражала Раса Таваса.

Подходя к своей комнате, я встретил в коридоре Ямдора, торопливо шагавшего со стороны моих покоев с двумя рабами. Я, как обычно, поприветствовал его, он ответил на мое приветствие, но в глазах его затаились страх и подозрение. Я быстро обошел все свои комнаты, открыл дверь, ведущую в комнату Валлы Дайи, а затем немедленно отправился к Расу Тавасу, которого застал беседующим с Ямдором.

— Рас Тавас! — воскликнул я. — Что ты сделал с 4296-Е-2631-Н? Она исчезла! Ее комната пуста, а когда я подходил к ней, то встретил Ямдора, идущего оттуда с двумя рабами, — затем я резко обернулся к рабу и указал на него пальцем. — Ямдор! — вскричал я, — что ты сделал с этой женщиной?

Оба — и Рас Тавас, и Ямдор — казались неподдельно озадаченными. Я поздравил себя с тем, что сбил их с толку. Мастер заявил, что немедленно проведет расследование и прикажет обыскать все здание и остров за оградой. Ямдор отрицал, что знает что-либо о женщине, и я, по крайней мере, поверил в его искренность, но не Рас Тавас. Я увидел намек на подозрение в его глазах, когда он допрашивал своего верного раба. Он, очевидно, не мог вообразить вероятность измены со стороны Ямдора, который должен был похитить женщину. А в результате план Раса Таваса провалился.

Расследование старого хирурга ничего не дало. Думаю, что по ходу дела он все больше и больше накапливал подозрения ко мне, предполагая, что я знаю об исчезновении Валлы Дайи гораздо больше, нежели говорю. Я стал замечать за собой слежку. Но ведь мне теперь нужно было каждую ночь тайно доставлять еду девушке, когда Рас Тавас отправлялся спать. Однажды я случайно обнаружил, что за мной следят, и вместо подвала, свернул в комнату для обработки информации, где закончил отчет о деле, которым в тот день занимался. Потом я снова отправился к себе в полной уверенности, что за мной теперь постоянно наблюдают чьи-то любопытные глаза. Что делать? Без еды Валла Дайя умрет, но если я раскрою ее тайное убежище, она тоже умрет. Рас Тавас позаботится об этом.

Полночи я бодрствовал, мучительно решая проблему. Казалось, был только один путь — я должен отвязаться от шпионов. Даже если я смогу сделать это один-единственный раз, то доведу пришедший мне на ум план до конца. Он казался мне единственно возможным из всех, которые вели, в конце концов, к воскрешению Валлы Дайи в ее собственном теле. Путь был долгим, риск огромным; но я был молод, я любил, поэтому был готов безрассудно рисковать собой ради спасения любимой. Но подвергать риску ее жизнь я не мог, разве что под давлением обстоятельств. А они навалились на меня, значит, я должен рискнуть, другого выхода не было.

Задача была четко сформулирована, и я лежал без сна на своей постели в мехах и шелке, ожидая, когда смогу приступить к ее выполнению. Мое окно на третьем этаже выходило в огромный двор, на газоне которого я сделал свой первый шаг по Барсуму. Через оконное стекло я видел Хлоруса, дальний спутник Марса, тихо и неторопливо бредущего по небесной тропе. Он уже почти закатился, как появилась стремительная Турия, стрелой пронесшаяся по небесам. Через несколько минут она зайдет и не появится чуть более трех часов. В коридоре, возможно, таились бдительные глаза и уши. Я молил бога, чтобы их не оказалось в нужном мне месте, когда Турия спустится за горизонт, и я, наконец, смогу выйти из своей комнаты через окно. Из шелка я уже сплел веревку, один конец которой прикрепил к тяжелой скамье, стоящей у самого окна, другой сбросил вниз и начал спускаться. Я не имел возможности проверить

свои земные мускулы, поэтому не знал, смогу ли одним прыжком вернуться обратно на подоконник, когда закончу все дела. Слишком многое зависело от успеха всего предприятия, чтобы рисковать там, где не было необходимости. Итак, я приготовил веревку.

Заметили ли меня, не знаю. Менее чем через четыре часа Турия вернется, и в этот промежуток времени мне надо было добраться до Валлы Дайи, убедить ее в необходимости моего плана и выполнить его детально, возвратиться в комнату до того, как Турия откроет меня какому-нибудь случайному наблюдателю. С собой я взял оружие, и в сердце кипела неукротимая решимость убить любого, кто встанет у меня на пути.

Ночь, наполненная обычными далекими звуками и криками свирепых хищников, вышедших на охоту, была удивительно тихая. Однажды я спросил Раса Таваса об этих животных, но он был в дурном расположении духа и не ответил на мой вопрос. Я быстро достиг газона во дворе и без колебания двинулся к ближайшей двери здания, тщательно запоминая дорогу, по которой должен был возвращаться. Никого не было видно; я был уверен в успехе, когда, наконец, добрался до двери здания не обнаруженным. Валла Дайя была так счастлива, увидев меня, что даже нечаянные слезинки выступили у нее на глазах.

— Я думала, что с тобой что-то случилось,— воскликнула она.— Я знала, что ты не оставишь меня так надолго в одиночестве.

Я рассказал ей о слежке и о том, что не вижу возможности и дальше носить ей еду без того, чтобы не быть обнаруженным, а это повлечет за собой ее немедленную и верную смерть.

— Есть единственная возможность,— сказал я,— которую я даже боюсь предложить, но другого пути нет. Тебя следует надежно спрятать на долгое время, пока не ослабнут подозрения Раса Таваса, который приказал следить за мной.

— Твое желание — закон для меня, Вад Варо. Я покачал головой.

— Это более тяжелое испытание для тебя, чем ты полагаешь.

— Что же? — спросила она.

Я указал ей на верхний стол.

— Ты снова должна пройти через тяжкую процедуру,

чтобы я смог надежно спрятать тебя в этом подвале, пока не появится возможность осуществить мой замысел. Ты вынесешь это?

Она улыбнулась.

— Почему нет? — спросила она. — Это только сон. Пусть он длится вечно. Это было бы благоразумнее.

Я был удивлен, что она не содрогнулась от этой идеи, и был счастлив, что она согласилась, так как это единственно возможное средство, обеспечивающее нам шансы на успех. Не прибегая к моей помощи, она расположилась на плите.

— Я готова, Вад Варо, — произнесла она храбро, — но сперва обещаю, что не будешь рисковать в этом сумасшедшем предприятии. Ты тогда не сможешь добиться успеха. Закрывая глаза, я знаю, что это надолго, поскольку это зависит от успеха в самой безумной авантюре из всех, которые когда-либо задумывал человек. И еще я счастлива, так как знаю, что на этот поступок меня вдохновила величайшая дружба, которая никогда еще в этом мире не делала такой счастливой смертную женщину.

Пока она говорила, я прилаживал трубки и теперь стоял позади нее, удерживая пальцы на кнопке мотора.

— Прощай, Вад Варо! — прошептала она.

— Не «прощай», Валла Дайя, а только нежный сон, который станет для тебя кратчайшим мигом. Тебе покажется, что ты лишь закрыла глаза и снова открыла их. Я буду стоять, как и сейчас, на том же месте рядом с тобой, как будто никуда и не уходил. Я последний, кого ты видишь этой ночью, прежде чем закроешь глаза, и я буду первым, кого ты увидишь, когда откроешь их тем новым и прекрасным утром, но глаза эти не будут глазами Заксы. Ты будешь видеть мир своими собственными прекрасными очами.

Она улыбнулась и покачала головой. Две слезинки скользнули по ее щекам. Я крепко сжал ее руку в своей и нажал на кнопку мотора.

ГЛАВА VI

ПОДОЗРЕНИЯ

Как мне показалось, я достиг своей комнаты незамеченным. Спрятав веревку на место, где, я был уверен,

ее никогда не обнаружат, я бросился на свою постель из меха и скоро заснул.

На следующее утро, когда я выходил из комнаты, мой взгляд уловил мелькнувшую фигуру в близлежащем коридоре, и с этого момента я укрепился в сознании того, что Рас Тавас подозревает меня. Как всегда, я направился к нему завтракать. Он показался мне обеспокоенным, но не дал мне ни малейшего повода думать, что он уверен в моей причастности к исчезновению Валлы Дайи. Думаю, его останавливало отсутствие четких доказательств моего участия в этом. Он приказал наблюдать за мной, чтобы доказать или отвергнуть возникшие у него подозрения. Свое беспокойство он объяснил мне сам.

— Я часто изучаю реакции объектов, подвергшихся пересадке мозга,— сказал он,— и поэтому я совсем не удивлен своей собственной. Энергия моего мозга пробуждается, преобладая в растущей выработке психической энергии, но я чувствую еще, как влияет на меня молодая ткань нового тела. Мои эксперименты еще не раскрыли полностью, как осуществляется это влияние, и я теперь вижу, что это должно быть тщательно исследовано, чтобы можно было разобраться. Мои мысли, мои склонности, даже мои стремления изменились или, по крайней мере, искажены пересадкой. Требуется некоторое время, чтобы найти себя.

Несмотря на отсутствие интереса, я вежливо выслушал его, а затем переменял тему разговора.

— Ты узнал, где находится пропавшая женщина? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Ты должен понять, Рас Тавас,— произнес я,— я абсолютно уверен, что ты знаешь: устранение и уничтожение этой женщины полностью сорвет мой замысел. Ты здесь хозяин. Здесь ничто не происходит без твоего ведома.

— Ты имеешь в виду, что я ответственен за исчезновение этой женщины?

— Да, это очевидно. Я требую, чтобы она была возвращена.

Он вышел из себя.

— Кто ты такой, чтобы требовать? — кричал он.— Ты никто! Всего лишь раб! Умерь свою наглость, или я сотру тебя, сотру! Как будто ты никогда и не существовал!

Я рассмеялся ему в лицо.

— Ярость — наиболее бесполезный атрибут сентиментальности, — напомнил я ему. — Ты не сотрешь меня, потому что я один стою между тобой и смертью.

— Я могу обучить другого, — парировал он.

— Но ты не сможешь верить ему, — заметил я.

— Ты торговался со мной за жизнь, когда я был в твоей власти! — кричал он.

— Потому что ничто, кроме вреда, который мог быть причинен тебе, не заставило бы тебя согласиться. Пусть будет так, как было: ты должен доверять мне, так как нет других причин для недоверия. Так почему ты не добьешься моей благодарности и верности возвращением женщины и выполнением на деле условий нашего соглашения?

Он повернулся и твердо посмотрел на меня.

— Вад Варо, — сказал он. — Даю тебе честное слово, что абсолютно ничего не знаю о ее местопребывании.

— Может быть, Ямдор сделал это? — упорствовал я.

— Не Ямдор. Насколько я знаю, нет людей, каким-либо путем связанных со мной, которые знали бы, что с ней. Я говорю правду!

Разговор был не так уж бесполезен, как могло бы показаться. Я уверен, что сумел почти убедить Раса Таваса в своей непричастности к исчезновению Валлы Дайи. Но слезку за мной он не снимал еще долгое время.

Рас Тавас отдал в мое распоряжение большое количество рабов, которые были верны мне за мою доброту и внимание к ним. У них не было никаких причин любить Раса Таваса и было много — ненавидеть.

Я привлек двух своих верных рабов для слежки за шпионами Раса Таваса; рабы доложили мне, что за мной следят постоянно, когда я выхожу за пределы своих комнат. Но шпионы не рисковали проникать в мои покои. Решив, что я пользуюсь исключительно дверью, окна они оставили без внимания. Слежка за мной продолжалась еще около двух месяцев, по земному счету, а потом мои люди доложили мне, что она полностью снята. Вынужденная задержка измучила меня, так как сдерживала выполнение всех моих планов.

За это время я постарался изучить географию восточной части северного полушария Барсума. Именно там мне

предстояло вести поиски. Я провел множество экспериментов, прочел старые записи.

Рас Тавас на некоторое время предоставил мне значительную свободу в исследованиях и экспериментах. Я решил разумно использовать это, чтобы любым путем добиться преимущества. Изучая истории объектов, я старался найти тех, кто смог бы мне помочь. Мое внимание, естественно привлек красный человек, от нападения которого я спас Раса Таваса в день моего прибытия на Барсум, и тот, чей мозг был разделен с обезьяной.

Первый был молодой воин из Фандала, ставший жертвой убийства. Его тело купил вельможа из того же государства, пожелавший стать молодым и красивым. Я чувствовал, что смогу получить его поддержку, но тут могли сыграть верноподданнические чувства к Заксе, о чем я мог узнать, только оживив его.

Тот, чей мозг хирург поделил с обезьяной, был родом из Птарты, государства, расположенного на значительном расстоянии к западу от Фандала и примерно на таком же расстоянии от Дахора. Житель Птарты, думал я, должен многое знать о всей стране; лежащей в треугольнике Фандал — Дахор — Птарта. Сила и свирепость обезьяны вполне пригодятся при пересечении пустынь, кишящих зверьем.

Третий объект, выбранный мной для пробы, был известный тунолианский убийца, чья дерзость, бесстрашие и боевое искусство обеспечили ему известность далеко за пределами его страны.

Рас Тавас, будучи тунолианцем, поведал мне кое-что из истории этого человека, чья зловещая профессия не без почета на Барсуме, и который еще более вырастал в глазах соотечественников, проявляя известное благородство: он никогда не трогал женщин, а хорошего человека никогда не ударял сзади. Он убивал всегда в честной схватке, в которой жертва всегда имела возможность защитить себя и убить нападающего. Сам он был знаменит верностью друзьям, причем эта верность послужила причиной его падения и привела в результате на одну из плит Раса Таваса. Несколько лет назад его возненавидел Вобис Кан, джеддак Тунола, когда Гор Хаджус отказался убить человека, питавшего к нему дружеское расположение. Вобис Кан стал подозревать, что Гор Хаджус намеревается убить его самого. Последствия этих подозрений были трагическими: Гора Хаджуса приговорили

к смерти. Сразу же после казни один из поставщиков Раса Таваса предложил купить тело. Так оно оказалось у Раса Таваса.

Итак, именно этих троих я выбрал себе помощниками в своем дерзком и трудном предприятии. Правда, я не обсуждал этого ни с кем из них, но сердцем чувствовал, что трудностей с получением их согласия не возникнет.

Первой задачей было заменить поврежденные органы 378-ДЖ-493811-Р и Гора Хаджуса. Первый нуждался в новом легком, второй — новом сердце, так как палач пронзил его собственное. Я не решался просить у Раса Таваса разрешения на этот эксперимент, опасаясь вызвать подозрения, за которыми, вероятно, последует приказ об их уничтожении. Я вынужден был осуществлять свои замыслы скрытно. С этой целью я завел обычный работать в лаборатории до глубокой ночи, часто привлекая к опытам различных ассистентов. Я хотел, чтобы мой труд в ночные часы перестал удивлять Раса Таваса. Чаще всего я выбирал в качестве помощников именно тех двух шпионов, которые, по приказу хирурга, следили за мной. Наверняка они доложили хозяину о моей работе. Они недолго работали вместе со мной, убедившись, что мною движет исключительно интерес к исследованиям Раса Таваса.

Усыпив бдительность хозяина, я приступил к работе над воином из Фандала и убийцей из Тунола. Первым я выбрал воина. Его легкое было сильно повреждено моим клинком, которым я проткнул его, но из лаборатории, где хранились расчлененные тела, я принес безупречное легкое и заменил им испорченное. Работа заняла лишь полночи. Но я был настолько нетерпелив, что тотчас же вскрыл грудную клетку Гора Хаджуса, для которого припас необычайно сильное и мощное сердце. Пересадку я завершил к рассвету, так как работал быстро. Зная природу ран, которые отправили на тот свет этих двоих, я неделями совершенствовался в проведении подобных операций. При работе я не натолкнулся на патологические отклонения, что тоже способствовало удачному проведению операций. Я кончил этап, за который опасался, как за самый трудный, и теперь, устранив насколько возможно следы операций, кроме, конечно, пластыря, закрывавшего разрезы, отправился к себе в покои, чтобы отдохнуть немного перед утренней встречей с Расом Тавасом. Я молил бога, чтобы он ничего не

заподозрил и у него не возникло случайной мысли осмотреть прооперированных мною воинов. Предвидя все возможные последствия, я полностью описал проведенные операции в дела объектов, чтобы в случае обнаружения отвести все подозрения.

Проснулся я в обычное время и сразу пошел к Расу Тавасу, который встретил меня новостью, почти полностью разбившей мои замыслы. Он смотрел на меня внимательно в течение минуты, показавшейся мне очень долгой, и лишь потом заговорил.

— Прошлой ночью ты работал допоздна, — сказал он.

— Я часто так работаю, — ответил я как ни в чем не бывало, на душе же у меня лежал камень.

— И что же завладело твоим вниманием? — спросил он.

Я чувствовал себя как мышь, с которой играет кот.

— В последнее время я занимался пересадкой сердца и легких, — ответил я. — Работа так поглотила меня, что я не замечал течения времени.

— Я знал, что ты работаешь по ночам. Думаешь, это разумно?

В этот момент я понял, что это было очень неразумно, хотя уверил его в обратном.

— Мне не спалось, — сказал он, — поэтому я заходил к тебе около полуночи, но тебя не было. Я хотел поговорить с тобой, но твои рабы не знали, где ты. Итак, я отправился искать тебя.

Мое сердце ушло в пятки.

— Я решил поискать тебя в одной из лабораторий, но обойдя несколько, тебя не нашел. С момента моей собственной операции я часто проклиная появившуюся у меня бессонницу и неутомимость, почти что желаю возвращения в свое старое тело. Молодость нового тела не гармонирует с древним мозгом.

— Чего твоему телу нужно, — заметил я, — так это движения. Оно молодо и сильно, загрузи его работой, это заставит твой мозг отдыхать по ночам.

— Знаю, что ты прав, — ответил он. — Я пришел к такому же умозаключению. Не найдя тебя, я гулял в садах чуть больше часа, а по возвращении к себе крепко заснул. Я буду гулять теперь каждую ночь, или присоединюсь к тебе в лаборатории.

Новость была очень тревожной. Теперь я ни на миг не буду уверен, что Рас Тавас не бродит где-нибудь не-

подалеку. Отныне я должен работать по ночам только с ним.

— Посылай за мной, когда тебя охватит беспокойство, я приду и буду работать с тобой,— сказал я.— Ты не должен расхаживать по ночам в одиночку.

Я надеялся, что он теперь всегда так будет делать, и тогда я буду знать, где он. Передо мной возникла опасность разоблачения, и я решил поспешить с завершением своих планов и рискнуть всем в одной дерзкой попытке.

Этой ночью мне не повезло, так как Рас Тавас послал за мной и сообщил, что должен погулять в саду. Мне же необходима была вся ночь. Поэтому, прогуляв с Расом Тавасом до полуночи, я был вынужден отложить осуществление замысла до завтра. Следующим утром я убедил Раса Таваса послать за мной пораньше под предлогом осмотра территории, прилегающей к лаборатории и за ее оградой. Я был почти уверен, что он согласится с просьбой, так как до этого никогда мне не отказывал.

Я никогда не был по ту сторону здания и не видел, что там, так как ни в одной из внешних стен здания не было окон, а в садах деревья достигали такой высоты, что загораживали все, что находилось за ними. Мы некоторое время гуляли в саду как раз у внешней стены, и я спросил у Раса Таваса, могу ли я выйти за нее.

— Нет,— ответил он,— это опасно.

— Почему? — поинтересовался я.

— Я покажу тебе, причем обзор будет куда лучше, чем просто за воротами. Следуй за мной.

Он повел меня к высокой башне, возвышавшейся на углу самого большого здания из всех, составляющих огромное учреждение. Внутри нее оказалась винтовая лестница, по которой мы поднялись на самую вершину.

Впервые за многие месяцы пребывания на Барсуме я увидел природный ландшафт, а не ухоженные газоны в саду. Почти что год я проработал в мрачных стенах кровавой лаборатории Раса Таваса. К этому времени странная жизнь здесь стала казаться совершенно естественной, ведь мы, люди, рабы своих привычек. Но с первым взглядом на открывшуюся мне картину во мне пробудилось такое стремление к свободе, что от него никак нельзя было уже отделаться. Внизу перед нами лежал небольшой кусочек скалистой суши, возвышающейся на дюжину

футов над окружающей местностью. Площадь его составляла примерно сотню акров. На нем стояли здания и росли сады. Башня, на которой мы находились, была расположена примерно в центре всего пространства. За внешней стеной, на полоске каменистой земли, рос редкий лес разновысоких деревьев, а за всем этим, насколько хватало глаз, было болото. Повсюду виднелись маленькие блюдца озер, соединенные узкими полосками воды. Кое-где встречались глазу небольшие островки. У линии горизонта я разглядел большой город, его купола и башни сверкали и искрились на солнце, будто покрытые блестящим металлом и драгоценностями.

Я знал, что это Тунол, а болото, окружавшее нас со всех сторон, было Великими Тунолианскими топями, которые простирались примерно на восемьсот миль к востоку и западу и в некоторых местах имели ширину до трехсот миль. Немного о них известно в других областях Барсума, так как здесь обитают свирепые хищники, и совсем нет пригодных мест для посадки воздушных кораблей. Топи входят в сферу влияния Фандала на западной оконечности и на восточной — Тунола, двух негостеприимных государств, не поддерживающих отношений с внешним миром. Они сохранили независимость только благодаря недоступности и первобытной отчужденности.

Когда глаза мои снова вернулись к острову, где мы находились, я увидел гигантскую фигуру у клочка леса неподалеку от внешней стены. Рядом появилась вторая, потом третья. Рас Тавас заметил, что эти существа привлекли мое внимание.

— Это,— сказал он, указывая на них,— одно из многих объяснений того, почему небезопасно выходить за ограду.

Это были большие белые обезьяны Барсума, существа огромного роста и настолько лютые, что даже свирепый барсумский бенс не решается вставать у них на пути.

— Они служат двум целям,— объяснил Рас Тавас.— Обезьяны останавливают тех, кто мог бы прокрасться ко мне из столицы Тунола, где у меня есть некоторое количество славных врагов, а также не позволяют моим рабам и ассистентам бежать из лаборатории.

— Но как добираются сюда твои клиенты? — спросил я.— Как снабжается твоя лаборатория?

Он повернулся и указал на крышу соседнего с баш-

ней здания. Постройка на ней была похожа на небольшой ангар.

— Здесь,— сказал он,— я держу три небольших корабля. Один из них каждую ночь ходит в Тунол.

Я поборол желание узнать побольше об этих кораблях, которые оказались бы весьма удобным средством для побега с острова, но спрашивать не стал, опасаясь вызвать подозрения.

Когда мы начали спускаться, я поинтересовался возрастом башни, которая показалась мне самым древним строением на нашем острове.

— Эта башня,— сказал Рас Тавас,— была построена около двадцати с половиной тысяч лет тому назад моим предком, которого преследовал джеддак, правивший в то время. Здесь и на бесчисленных островах он собрал значительное число своих сторонников. В течение многих сотен лет, пока ему не было разрешено вернуться обратно в Тунол, они жили здесь обособленно, ни от кого не завися. К этому дому одно за другим пристраивались другие здания, которые ты видишь вокруг башни. Каждое из них является продолжением более старого от верхушки до подвалов.

Эта информация меня заинтересовала, так как это надо было учесть, разрабатывая план побега. По дороге я расспрашивал его об устройстве башни, о возможности проникновения в нее из других зданий. Мы снова шли по внешним садам. Когда мы вернулись в покои Раса Таваса, уже совсем стемнело, и мой хозяин признался, что устал.

— Чувствую, что хорошо выплюсь сегодня,— сказал он, когда я уходил.

— Да будет так, Рас Тавас,— сказал я.

ГЛАВА VII

БЕГСТВО

Обычно проходило что-то около трех часов после вечерней трапезы, подаваемой сразу же с наступлением темноты, прежде чем весь лабораторный комплекс затихал на ночь. Хотя мне следовало бы выждать, но мне предстояло сделать до рассвета слишком многое. Я не мог ждать.

Итак, с первыми признаками отхода ко сну обитателей огромного сооружения, я покинул свою комнату и пошел прямо в лабораторию, где находились оба тела: и Гора Хаджуса, тунолианского убийцы, и 378-ДЖ-493811-Р. За несколько минут перенес я их на соседние столы, где стянул ремнями, обезопасив себя по возможности от того, что кто-то из них не пожелает согласиться с моим предложением, которое я намеревался им сделать. Это заставило бы меня снова выключить их из жизни. Наконец разрезы были сделаны, трубки подсоединены, моторы включены. 378-ДЖ-493811-Р, которого я буду называть теперь его собственным именем Дар Тарус, был первым, кто открыл глаза, но сознание еще не совсем вернулось к нему, когда признаки жизни появились и у Гора Хаджуса.

Я ждал, пока они оба не восстановятся полностью. Дар Тарус пристально рассматривал меня, все больше узнавая, что придавало ядовитую ненависть выражению его лица. Гор Хаджус был искренне омрачен и озабочен. Последнее, что он помнил — это палач, пронзающий его сердце мечом. Молчание нарушил я.

— Сначала,— сказал я,— я объясню вам, где вы находитесь, если вы еще не знаете этого.

— Я достаточно хорошо знаю, где я,— прорычал Дар Тарус.

— О,— воскликнул Гор Хаджус, обшаривая комнату взглядом.— Догадываюсь, какой же тунолианин не знает об Расе Тавасе? Значит, мой труп был куплен старым мясником?! Так? Ну и что? Я только что прибыл?

— Ты лежишь здесь уже несколько лет,— сказал я ему.— И можешь остаться навечно, если мы втроем не достигнем соглашения за ближайшие несколько минут. Это относится и к тебе, Дар Тарус.

— Несколько лет! — задумчиво пробормотал Гор Хаджус,— но, болтай дальше, человек. Что хочешь? Если убить Раса Таваса, то нет! Он спас меня от полного уничтожения; назови мне кого-нибудь другого, лучше всего Вобиса Кана, джеджака Тунола. Дай мне клинок, и я убью сотню, чтобы вернуть себе жизни!

— Мне не нужна ничья жизнь, если она не стоит на пути осуществления моих намерений. Слушайте! Рас Тавас держал здесь прекраснейшую девушку из Дахора. Он продал ее тело Заксе, джеждаре Фандала, и перенес ее мозг в безобразное тело старухи. Моя цель — вернуть

тело, вложить в него мозг девушки и помочь ей возвратиться в Дахор.

Гор Хаджус ухмыльнулся.

— Предложение серьезное,— сказал он,— но ты мне по сердцу, и я с тобой. Это — свобода и борьба. Все, что я прошу,— это дать мне шанс нанести всего один удар Вобису Кану.

— Я обещаю вам жизнь,— ответил я,— при условии, что вы будете честно служить мне и никому другому, не начиная каких-либо собственных дел, пока мое не будет успешно завершено.

— Значит, я должен служить тебе пожизненно,— ответил он,— потому что затеваемое тобой дело никогда не будет осуществлено. Но это все же лучше, чем лежать здесь на холодных плитах, ожидая, когда Рас Тавас перережет мне горло. Я твой! Освободи меня, чтобы я снова мог встать на свои собственные ноги!

— А ты? — воскликнул я, обернувшись к Дару Тарусу, когда освободил Гора Хаджуса от сдерживавших его веревок. Сейчас я в первый раз заметил, что злобное выражение на его лице сменилось улыбкой.

— Разруби веревки! — вскричал он.— Я последую за тобой в любой уголок Барсума, выполняя все твои желания, но мне нужно не это. Мне нужно попасть в Фандал, в покои безнравственной Заксы. Благодаря высокому положению моих предков у меня есть возможность отомстить за страшную несправедливость существу, обманувшему меня. Ты не найдешь никого, более подходящего для этой миссии, чем Дар Тарус, бывшего гвардейца в гвардии джеддары. Она убила меня, чтобы один из ее гнуснейших придворных в моем теле мог добиться девушки, которую я любил!

Минутой позже оба встали и, не задерживаясь больше, пошли за мной по коридору, ведущему в подвалы под зданием. По дороге я описал им существо, выбранное мною четвертым помощником в моей затее.

Гор Хаджус подверг сомнению мудрость выбора мною обезьяны, утверждая, что она привлечет к нам излишнее внимание. Дар Тарус полагал, однако, что она будет полезной во всех отношениях, так как нам, вероятно, придется провести некоторое время на островах, кишящих этими тварями. В Фандале обезьяна может пригодиться и не вызовет особых толков, так как многие из этих животных содержатся в городе в плену и используются для подавления уличных беспорядков.

Наконец мы пришли в подвал, где лежала обезьяна и где я скрыл тело Валлы Дайи. Я оживил огромного антропоида и, к величайшему моему облегчению, обнаружил, что человеческая часть мозга все еще доминирует в его голове. Кратко объяснил я ему свой план, как ранее двум другим, и получил с его стороны обещание всесторонней поддержки в обмен на обещание с моей стороны вернуть его мозг обратно на свое место после успешного завершения нашего предприятия.

Первым делом мы должны были убежать с острова, и я набросал в общих чертах оба задуманных мною плана. Первый план состоял в том, что мы украдем один из воздушных кораблей Раса Таваса и вылетим прямо в Фандал. Другой, в случае, если первый окажется невыполнимым, — укрыться на борту одного из них в надежде, что мы сможем одолеть команду и овладеть кораблем, после чего скроемся с острова, или же спрятаться на борту корабля до его прибытия в Тунол. Дару Тарусу понравился первый план, обезьяна, которую мы теперь будем звать по имени, принадлежащему человеческой половине его мозга, а именно Хован Дью, предпочитала первую альтернативу второго плана, а Гор Хаджус — вторую. Дар Тарус считал, что наша цель — Фандал, и чем быстрее мы туда попадем, тем лучше. Гор Хаджус полагал, что было бы лучше, если бы мы попали в Тунол тайно и там, при помощи одного из его друзей, достали бы оружие и корабль.

— Никогда не следует, — настаивал он, — отправляться куда бы то ни было без оружия. Мы не сможем добраться до Фандала прежде, чем нас настигнет погоня. Легко предположить, что Рас Тавас сразу же обнаружит наше отсутствие и тотчас же начнет преследование. Обнаружив отсутствие Дара Таруса и Гора Хаджуса, он известит Вобиса Кана, джеддака Тунола, что Гор Хаджус, наемный убийца, на свободе. И тогда лучшие корабли джеддака будут снаряжены в погоню.

Рассуждения Гора Хаджуса были логичными, кроме того, я вспомнил о том, что все эти три корабля, по словам Раса Таваса, были тихоходными. Поэтому нам не долго пришлось бы наслаждаться свободой.

Продолжая обсуждение, мы пробирались по коридору ко входу в башню. Бесшумно прошли мы по винтовой лестнице вверх и достигли верхней площадки. Обе луны оказались прямо над головой, заливая своим светом крышу. Если бы кто-нибудь оказался рядом, то, бесспорно,

обнаружил бы нас. Мы поспешили к ангару и вскоре были уже внутри. Там я вздохнул свободнее, поскольку почувствовал себя намного безопаснее в укрытии, чем под двумя сверкающими лунами на освещенной крыше.

Воздушные корабли оказались легкими приземистыми аппаратами, со сферическими носом и кормой, все были закрыты палубой. Сразу было видно, что это грузовая конструкция, не способная развить большую скорость. Один из них был в ремонте, а другой — размером меньше, чем два других. Я вошел в самый большой и тщательно осмотрел его. Гор Хаджус, зашедший вместе со мной, указал несколько мест, где мы могли укрыться, чтобы не быть обнаруженными. Поразмыслив, я решил таки выбрать маленький корабль, поскольку Гор Хаджус уверял меня, что он имеет самую большую скорость. Но Дар Тарус просунул голову в корабль и жестом попросил меня быстро выйти.

— Кто-то рядом, — сказал он, когда я подошел.

— Где? — спросил я.

— Идем, — сказал он и повел меня к той стене ангара, в которой было окно, выходящее во двор. К своему ужасу, я увидел Раса Таваса, разгуливающего по саду. Меня охватило отчаяние, так как было ясно, что ни один корабль не сможет пролететь незамеченным, а из всех людей в мире я меньше всего желал, чтобы нас увидел именно Рас Тавас. Вдруг меня осенила отличная идея. Я подозвал всех поближе и объяснил свой план.

Они сразу же ухватились за него, и чуть позже мы выкатили маленький корабль на крышу и развернули его носом к востоку, прочь от Тунола. Затем Гор Хаджус вошел в него, подготовил к полету и выпрыгнул на крышу. Вчетвером мы поспешили к окну, из которого был виден сад, и мимо нас медленно и изящно пролетел корабль, направившийся над садом и головой Раса Таваса прямо на восток. Заслышав слабое жужжание мотора, он немедленно запрокинул голову и посмотрел наверх.

Он успел окликнуть корабль, а я, нагнувшись в сторону окна и стоя чуть в глубине ангара, чтобы он не смог увидеть меня, ответил:

— Прощай, Рас Тавас! Это я, Вад Варо, ухожу в незнакомый мир, чтобы посмотреть, что там есть хорошего. Я вернусь! А до этого с тобой будут души предков!

Эту фразу я вычитал из романа в библиотеке Раса Таваса и очень гордился ею.

— Возвращайся сейчас же, — крикнул он в ответ, —

или будешь с душами своих собственных предков еще до прихода следующего дня!

Я промолчал, так как теперь корабль был уже далеко, и мой голос не будет больше казаться исходящим из корабля, и обман раскроется. Мы немедленно укрылись на одном из оставшихся кораблей и стали ждать. Ожидание показалось таким долгим и утомительным, что я уже оставил надежду, что корабль в этот день полетит.

Вдруг я услышал голоса в ангаре, и вскоре звуки шагов раздались на борту корабля. Несколько позже прозвучали слова команды, и почти сразу же корабль неторопливо двинулся и поднялся в воздух.

Мы вчетвером сгрудились в крошечном отсеке, устроенном в пространстве между носовыми и кормовыми баками с отталкивающими лучами. Он был темным и плохо вентилировался, очевидно, был предусмотрен как шкаф. Мы боялись даже пошевелинуться, чтобы не привлечь внимание команды. Мы даже дышали очень тихо, чтобы нас не было слышно за тонкой дверкой, отделявшей нас от главной кабины корабля. В общем, оставалась надежда, что до Тунола не так далеко, и мы не задохнемся. А вдруг корабль направится в другое место? Вскоре наши сомнения были рассеяны, корабль снизил скорость, послышалось короткое приветствие, после чего моторы остановились, и мы зависли в воздухе.

— Что за корабль? — донесся до нас требовательный голос. С нашего борта ответили:

— «Воссар» с башни Таваса, в Тунол.

Мы услышали скрип и шорох, когда патрульный корабль коснулся нашего.

— Именем Вобис Кана! Мы здесь, чтобы обыскать ваш корабль! Дорогу! — закричали с причалившего корабля.

Мы услышали шарканье множества ног, и Гор Хаджус шепнул мне на ухо:

— Что будем делать?

Я вложил короткий меч ему в руку.

— Сражаться!

— Хорошо, Вад Варо, — ответил он. — Я передал свой пистолет Дару Тарусу.

Мы услышали новые голоса, только теперь уже значительно ближе.

— Эй, там! — раздался крик. — Да это Вал Зак собственной персоной! Мой старый друг Вал Зак!

— И никто другой! — ответил другой голос. — А кого

вы еще ожидали найти в команде «Воссара», кроме Вала Зака?

— Кто знает... может быть, этого Вад Варо, или даже Гора Хаджуса! Нам приказано обыскивать все корабли.

— Я хотел бы, чтобы они оказались здесь,— ответил Вал Зак,— ведь награда-то высока, но как они могут быть здесь, когда Рас Тавас своими собственными глазами видел, как они вылетели на «Пинсаре» на рассвете этого дня?

— Ты прав, Вал Зак,— ответил другой,— кроме того, нужна пропасть времени, чтобы обыскать ваш корабль. Эй! Возвращайтесь обратно на корабль!

Я почувствовал, как ритм моего сердца пришел в норму, когда воины Вобиса Кана уходили с палубы «Воссара» на свой корабль. Настроение мое улучшилось еще больше, когда мотор вновь заработал и наш корабль продолжал путь. Гор Хаджус приложил губы к моему уху.

— Духи наших предков благоприятствуют нам,— шепнул он.— Именно ночь и темнота помогут нам скрытно бежать с корабля и посадочной площадки.

— Почему ты думаешь, что еще ночь? — спросил я.

— Корабль Вобиса Кана был достаточно близко от нашего корабля, чтобы днем разглядеть знаки на нем, но они подошли вплотную и спросили.

Он был прав.

Расстояние от башни Раса Таваса до Тунола незначительно. Вскоре после встречи с кораблем Вобиса Кана мы приземлились на посадочной площадке в месте назначения. Долгое время мы выжидали, напряженно вслушиваясь в звуки на борту корабля. Неплохо было бы услышать и намерения капитана. Вполне возможно, что Вал Зак вернется в Тавас этой же ночью, особенно, если он прибыл в Тунол за богатыми пациентами для лаборатории. Но если он прилетел только за припасами, то мы могли спокойно лежать здесь до утра. Это мне сказал Гор Хаджус. Я не был знаком с устройством воздушных кораблей Барсума, так как о существовании маленького воздушного флота Таваса узнал всего лишь за день до побега.

Мы спокойно ждали, пока на корабле воцарится тишина, означавшая, что команда либо удалилась в каюты спать, либо отправилась в город. Посоветовавшись с Гором Хаджусом, мы решили разведать. Нужно было перебраться на посадочную площадку и дожждаться рассвета, чтобы потом затеряться в толпе горожан.

Я осторожно открыл дверь нашего шкафа и выглянул в главную кабину, погруженную в темноту. Мы бесшумно вышли. Могильное молчание окутывало корабль, но издалека доносился слабый шум большого города. Пока все шло хорошо. Вдруг яркий поток света залил всю кабину. Когда я взглянул вверх, пальцы мои сжали рукоять меча. Прямо против нас в узком дверном проеме главной кабины стоял высокий человек, чьи красивые доспехи означали, что он не простой воин. В каждой руке он держал по пистолету, в дулах которых мы прочли свою судьбу.

ГЛАВА VIII.

«РУКИ ВВЕРХ!»

Спокойным голосом он сказал слово, эквивалентное на Барсуме нашему земному «Руки вверх!» Тень зловещей улыбки тронула его тонкие губы, и, увидев, что мы колеблемся, он повторил:

— Делайте, что я говорю, и будете живы. Сохраняйте полную тишину. Шум или сопротивление повлекут за собой вашу гибель. Пистолеты стреляют очень точно.

Гор Хаджус поднял руки над головой. Мы последовали его примеру.

— Я Вал Зак,— объявил воин.

Мое сердце екнуло.

— Лучше стреляй,— сказал Гор Хаджус,— но ты не захватишь нас живыми. Нас четверо против тебя одного.

— Не спеши, Гор Хаджус,— проговорил капитан «Воссара».— Ты еще не знаешь, что у меня на уме.

— Это мы уже знаем, потому что слышали о большой награде тому, кто возьмет в плен Вада Варо и Гора Хаджуса,— огрызнулся убийца из Тунола.

— Если бы я желал награды, я мог бы передать вас на борт корабля Вобиса Кана, когда тот стоял рядом с нами,— сказал Вак Зак.

— Ты не знал, что мы на борту «Воссара»,— сказал я ему.

— Нет, я знал!

Гор Хаджус фыркнул, не веря.

— Как тогда,— напомнил нам Вал Зак,— я смог бы встретить вас в этом месте, когда вы покидали свой укромный отсек? Да, я знал, что вы на борту моего корабля!

— Но как? — спросил Дар Тарус.

— Удовлетворяя ваше любопытство, скажу. Мое жилище — маленькая комнатуха в башне Таваса. Окна выходят на крышу и ангар. Вся моя жизнь прошла на борту кораблей. Это сделало меня чувствительным к каждому звуку корабля, даже изменение скорости моторов будит меня среди ночи, не то что их запуск или включение. Я был разбужен мотором «Пинсара». Я увидел троих из вас на крыше и четвертого, прыгнувшего с палубы корабля, готового к полету. Мой разум подсказал мне, что если корабль был послан без человека, то на это есть какие-то неизвестные причины. Слишком поздно было предотвращать ваши действия, и поэтому я молча ждал. Я увидел вас спешащими в ангар, услышал голос Раса Таваса и ваш ответ, затем увидел вас на борту «Воссара». Я немедленно спустился на крышу и бесшумно подошел к ангару, ожидая, что вы намерены убежать на этом корабле. Через крохотное отверстие в стене рубки я заметил, как вы входили в этот отсек. Я сразу же понял, что единственная ваша цель — попасть в Тунол, и поэтому воздержался от того, чтобы выдать вас в вашем укрытии.

— И ты не известил Раса Таваса? — удивленно спросил я.

— Я никому ничего не сообщал, — ответил он. — Много лет назад я научился заботиться о своих делах, видеть все, слышать все и ничего не говорить, пока это выгодно.

— Но ты упомянул высокую награду за наш арест, — напомнил ему Гор Хаджус, — разве ты не хочешь получить ее?

— Есть в душе благородных людей, — ответил Вал Зак, — чувства превыше страсти к золоту, хотя тунолианцы, по общему мнению, люди, свободные от многих чувств. Шесть лет назад ты, Гор Хаджус, отказался убить моего отца, считая, что он хороший человек, достойный жить, что он один из тех, кто оказал тебе когда-то услугу. Сегодня его сын хочет отплатить тебе и в некоторой степени возместить за наказание, отмеренное тебе Вобисом Каном за твой отказ. Я отослал команду, чтобы никто больше не узнал о вашем присутствии на корабле. Поделитесь со мной вашими планами и скажите мне, чем я могу быть полезен вам.

— Нам нужно добраться до улиц города незамеченными, — сказал Гор Хаджус. — Ты можешь помочь нам

только в этом. Мы не хотим возлагать на тебя ответственность за наше бегство. Ты получишь в награду мою благодарность, а благодарность Гора Хаджуса, в Туноле не стоит и напоминать об этом,— обязательство, которое желал бы иметь даже сам джеддак.

— Ваша проблема усложняется,— сказал Вал Зак после короткого раздумья,— поскольку обезьяна немедленно привлечет внимание и возбудит подозрения. Зная кое-что об экспериментах Раса Таваса, я сразу догадался в это утро, понаблюдав за вами, что она имеет мозг человека. Странное поведение обезьяны тем более привлечет всеобщее внимание.

— Я не обязан сообщать им это! — прорычал Хован Дью.— Для них я только пленная обезьяна. Разве такие неизвестны в Туноле?

— Мало, даже наоборот, они очень редки,— ответил Вал Зак.— Но белая кожа Вада Варо... Рас Тавас, кажется, ничего не знает, что обезьяна с вами, но ему очень хорошо известны приметы Вада Варо. Твое описание разослано всеми возможными средствами по его приказу. Тебя немедленно опознает первый же встречный. И есть еще Гор Хаджус. Хотя его нет с нами уже шесть лет, осмелюсь сказать, что редкий тунолианец, который разбил скорлупу своего яйца более десяти лет назад, не знает лицо Гора Хаджуса так же хорошо, как лицо своей матери. Самому джеддаку известно о Горе Хаджусе больше, чем о любом другом тунолианце. Таким образом, остается один, кто, возможно, избежит подозрения, появившись на улицах города.

— Нам бы только достать оружие для троих,— предложил я.— Тогда мы бы уже точно достигли бы дома друга Гора Хаджуса.

— Оружием проложить себе путь через столицу Тунола? — спросил Вал Зак.

— Если не будет другого пути, то так! — ответил я.

— Я восхищен вашей волей и энергией,— иронически заметил командир «Воссара»,— но боюсь, у вас не хватит сил для этого. Идите! Но возможен и другой путь. На площадке, чуть ниже этой, есть ангар, где выдают в аренду эквилибrolеты. Если мы найдем способ достать четыре аппарата, вы избежите, по крайней мере, наземных патрулей и доберетесь до дома друга Гора Хаджуса. Мне кажется, я кое-что придумал. Посадочная башня закрыта на ночь, но в ней есть несколько ночных сторожей, расположенных на разных этажах. Тот, кото-

рый сторожит ангар, большой любитель джетана. Он с удовольствием согласиться поиграть со мной, как это бывало и раньше. Я предложу ему поиграть, а вы отправляйтесь в ангар. Выберите себе эквигролеты и молитесь вашим предкам, чтобы никакой воздушный патруль не заподозрил вас, когда вы будете лететь над городом к вашей цели. Что ты думаешь об этом, Гор Хаджус?

— План великолепен, — ответил убийца, — а что ты скажешь, Вад Варо?

Я поддержал Гора Хаджуса, поскольку он имел опыт в этом вопросе, и стал настаивать на скорейшем его исполнении.

— Хорошо! — воскликнул Вал Зак. — Пойдемте со мной, я укрою вас до тех пор, пока не соблазню старика игрой в джетан в своей кабине. После этого ваша судьба в ваших собственных руках.

Мы высадились с корабля на посадочную площадку и под самым бортом «Воссара» пошли в сторону кормы, где надежно укрылись от посторонних глаз. Пожелав нам удачи, Вал Зак ушел.

С высоты посадочной площадки я впервые увидел марсианский город. В сотнях футов подо мной простирались хорошо освещенные проспекты Тунола, многие из которых были заполнены людьми. В центральном районе я заметил здания, высоко поднятые на металлических колоннах от поверхности, которые утром опускались обратно. Такая предосторожность была нелишней, так как не перевелись еще последователи Гора Хаджуса, а барсумцы всегда настороже. Повсюду в центре города возвышались высоченные башни с посадочными площадками, но, как я узнал позже, их было мало по сравнению с другими большими городами. В Туноле не было огромного воздушного флота, такого, как скажем, в Гелиуме или великой Птарте.

Я заметил своеобразное уличное освещение Тунола, похожего, впрочем, на освещение других городов Барсума. Яркость света подо мной ограничивалась непосредственно освещенным пространством. Не было рассеянного света выше и ниже пределов направляющих каждой лампы. Как мне сказали, это было возможно благодаря конструкции лампы, изготовленной на основе принципов, найденных в течение столетних исследований световых волн и законов, управляющих ими, что позволило барсумским ученым управлять светом, как мы управляем машинами. Световые волны покидают лампу, проходят

вдоль предписанного пути и возвращаются обратно. Нет потерь световой энергии, как это не кажется странным. Нет сколько-нибудь густых теней, словно источник света установлен и отрегулирован таким образом, что волны обходят вокруг объекта и возвращаются в лампу, осветив его со всех сторон.

Эффект от этого освещения с огромной высоты башни был замечателен. Ночь темна, в этот час на небе не было лун. Мне показалось, что я очутился в затемненном зале перед ярко освещенной сценой. Я все еще был поглощен созерцанием города, когда мы услышали голос Вала Зака. Несомненно, он достиг успеха, так как он с кем-то беседовал, приближаясь к кораблю.

Пятью минутами позже мы выползли из своего убежища и спустились на площадку ниже, где был расположен ангар с эквилибролетами. Двери мы нашли открытыми, так как на Марсе не знают воровства. Гор Хаджус и Дар Тарус быстро отобрали четыре эквилибролета и настроили их. Они представляли собой четыре широких пояса, похожих на спасательные круги наших земных океанских лайнеров. Пояса эти были заполнены восьмым барсумским лучом, или лучом движущей силы, что позволяло человеку, одевшему этот пояс, включить небольшой радиевый моторчик и подняться в воздух. По обе стороны от верхнего края пояса были прикреплены сильные легкие крылья с маленькими рычагами для быстрого изменения их положения.

Гор Хаджус наскоро объяснил мне принцип управления, но я сразу понял, что у меня возникнут затруднения, и весьма немалые, прежде чем я овладею искусством управления полетом на эквилибролете. Он показал мне, как наклонять крылья при ходьбе, чтобы не отрываться при каждом шаге, и повел меня к кромке посадочной площадки.

— Мы поднимемся здесь, — сказал он, — будем лететь в темноте и держаться за верхние рычаги аппаратов. Попытаемся достигнуть дома моего приятеля немеченными. Если нас станут преследовать воины воздушного патруля, разделимся. Позже те, кто спасется, встретятся на западе у городской стены, где есть маленькое озеро с заброшенной башней на западном берегу. Эта башня будет местом нашего сбора в случае неприятностей. За мной! — Он включил мотор и грациозно поднялся в воздух.

Хован Дью последовал за ним. Затем настал мой

черед. Я превосходно взлетел на двадцать футов, проплывая над городом, лежащим сотнями футов ниже. Я, вероятно, допустил какую-то небольшую ошибку и совсем неожиданно перевернулся вверх ногами. Теперь я летел вниз головой, совсем беспомощный и растерянный, а подо мной проносились улицы большого города, ничуть не хуже улиц Лос-Анджелеса или Парижа. Мой моторчик работал, а я манипулировал рычагами, управляющими крыльями, как вдруг начал описывать разнообразнейшие виды петель и спиралей. Тогда Дар Тарус пришел мне на помощь. Сперва он приказал мне не двигаться и начал сам управлять движениями каждого крыла, пока я не обрел равновесие. После этого я почувствовал себя достаточно сносно и скоро пристроился в кильватер Гору Хаджусу и Дару Тарусу.

Не стану описывать в деталях полет, больше похожий на парение. Гор Хаджус вел нас на значительной высоте. Моторы несли нас к району величественных зданий, окруженных обширными парками. И тут, через час пути, нас внезапно испугал резкий голос сверху.

— Кто это летает по ночам? — спросил голос.

— Друзья Мью Тала, принца дома Кана, — быстро ответил Гор Хаджус.

— Покажите разрешение на ночной полет, — приказал голос сверху, сразу же устремившийся к нам. И тут я впервые увидел марсианского полисмена. У него был более быстроходный и удобный эквилибролет, нежели наши. Он сделал несколько кругов вокруг нас, явно демонстрируя свои преимущества в скорости. Парень был похож скорее на простого воина, нежели на полисмена, хотя и выполнял те же обязанности, что и наши офицеры полиции — город патрулировался днем и ночью воинами Вобиса Кана.

Он уже почти спустился к убийце из Тунола и снова потребовал разрешение на полет, направив в то же время свет ему прямо в лицо.

— Клянусь мечом джеддака! — вскричал он. — Фортуна осыпает меня милостями! Кто бы мог подумать, что именно я получу возможность найти Гора Хаджуса и высокую награду, назначенную за него?

— Какой-то глупец имел такую мысль, — ответил Гор Хаджус, — но, поверь, он так же ошибся, как и ты!

Сказав это, он ударил его коротким мечом. Удар пришелся по крылу эквилибролета, разрушил его и оставил рану на плече парня. Тот попытался спастись бегством,

но поврежденное крыло заставило его крутиться по оси. Он потерял возможность отлететь от нас. Затем он схватился за свисток и подал сигнал, что было тут же пресечено вторым ударом меча Гора Хаджуса, который расколол его череп.

— Быстрее! — крикнул убийца. — Мы должны спуститься в сады Мью Тала, потому что сигналы сейчас же привлекут рой воздушных патрулей.

Я видел, как все начали быстро снижаться, но я снова оказался в затруднении. Опустив крылья, я только слегка двинулся вниз, как меня потащило прямо ко дворцу. Со всех сторон я слышал пронзительные свистки ночных патрулей, ответивших на предсмертный призыв товарища, чей труп парил как раз надо мной, даже после гибели направляя остальных на путь, где они могли бы сразу найти нас. Я был уверен, что они сразу же обнаружат его, и мы окажемся в тяжелом положении. Судьба моя была решена.

Возможно, я найду вход и сумею пробраться внутрь дворца, где укроюсь, пока не уляжется шум, поднятый нами. Надо только постараться незаметно проникнуть во дворец. Я взял курс на здание. Открытое окно обозначилось во мраке, но тут я столкнулся с тонкой проводочной сеткой, защитой, которая не позволяет воздушным разбойникам попадать в покои дворца. Я понял, что все потеряно. Если бы я мог спуститься на землю, то укрылся бы среди деревьев и кустов, смутные очертания которых видел в саду барсумского принца. Но я не мог спуститься под таким углом, чтобы оказаться в пределах ограды парка. Попытка спуститься по спирали привела лишь к тому, что я перевернулся и подскочил вверх. Я подумал о том, чтобы проткнуть пояс и позволить восьмому лучу вытечь, но не решился, предполагая, что тогда упаду на землю с невероятной скоростью и разобьюсь. Все же я решил прибегнуть к этому способу спуска, если не найду более рационального.

Я предпринял последнюю попытку приземлиться по спирали, как вдруг с чем-то столкнулся. Ожидая, что буду немедленно схвачен патрулем, я отчаянно старался восстановить равновесие и в этот момент обнаружил, что лицо мое коснулось трупа убитого Гором Хаджусом воина. Свистки патрулей звучали уже совсем близко. Через несколько секунд они обнаружат меня, и тут мне пришел в голову выход из создавшегося затруднительного положения.

Схватив левой рукой доспехи мертвого тунолианина, я выхватил кинжал и пропорол удерживающий его пояс в нескольких местах. Как только лучи вышли, тело его начало тянуть меня вниз. Падение было быстрым, но не стремительным, и через несколько секунд мы мягко приземлились на алый газон садов Мью Тала, принца дома Кана, рядом с густыми кустами. Надо мной в воздухе заливались свистки круживших в воздухе патрулей, а я волочил труп в укромное место. Я не успел отдышаться, как яркие лучи прожекторов зажглись на палубе небольшого патрульного судна и начали шарить все вокруг. Лучи не высветили ни одного из моих товарищей, и я вздохнул с облегчением при мысли, что они тоже, по видимому, нашли убежище.

Прожектора недолго бегали по саду, постепенно удаляясь, как и звуки свистков патрулей; поиски продолжались где-то дальше, давая мне небольшую передышку.

Оставшись в темноте, я прихватил оружие мертвого воина, потом снял свой эквигролет, который хотел сначала разорвать, но потом надежно привязал его к дереву в надежде, что он может еще мне пригодиться. Твердо уверенный, что опасность миновала, я вышел из укрытия и принялся искать своих компаньонов.

Держась в глубине тени деревьев и кустов, я пошел к главному зданию, которое смутно вырисовывалось в темноте совсем рядом со мной, полагая, что в этом направлении Гор Хаджус поведет остальных ко дворцу Мью Тала. Когда я крался с предельной осторожностью, Турия, ближайшая луна, вырвалась вдруг из-за горизонта, осветив все ярким светом. Передо мной была узкая ниша. Слева от меня был кусочек газона, на котором, красуясь каждой деталью своего ужасающего облика, стояло самое грозное существо, на котором когда-либо останавливались мои глаза. Это была тварь размером с шотландского пони, с десятью короткими ногами и ужасной мордой, имевшей незначительное сходство с лягушачьей, за исключением того, что челюсти были снабжены тремя рядами острых клыков.

Тварь повела носом по ветру и подозрительно фыркнула, а ее огромные шныряющие глаза быстро забегали по сторонам. Это убедило меня, что она, без всяких сомнений, кого-то искала. Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой. Я не склонен к эгоцентризму, но не мог отказаться от убеждения, что она искала меня. Я хотел было спрятаться в глубокой

тени ниши за своей спиной, но в тот самый момент глаза чудовища устремились на меня. Услышав его рычание и увидев готовность к атаке, я почувствовал, что наша первая встреча может оказаться последней.

Я вытащил длинный меч, как только отступил в нишу, но доставая его из ножен, понял все несоответствие такого оружия трем или четырем сотням фунтов воплощенной свирепости. Медленно я отступал в тень, а чудовище надвигалось на меня. Когда оно полностью вошло в нишу, спина моя уперлась в твердое препятствие — дальше отступить было некуда.

ГЛАВА IX

ДВОРЕЦ МЬЮ ТАЛА

Когда калот вступил в нишу, я испытал, поверьте мне, все чувства загнанной в угол крысы. Я знал определенно, что бороться в общем-то бесполезно, но все же приготовился сражаться до последнего. Животное было уже почти около меня, и я готов был надавать себе пощечин за то, что не остался на открытом месте, где было много спасительных деревьев. И тут пришло спасение — рука, протянутая в темноте, схватила меня за доспехи и поспешно затянула в чернильный мрак. Дверь захлопнулась, и слиуэт калота на фоне залитого лунным светом входа в нишу исчез.

Хриплый голос пробурчал мне на ухо: «Иди за мной». Меня вели в полной темноте по узкому коридору, где я постоянно натывался на стены. Постепенно поднимаясь, коридор внезапно поворачивал под прямым углом, и я увидел перед проводником тусклый свет, понемногу нарастающий, пока очередной поворот не привел нас к порогу ослепительной комнаты. Это был изумительный зал, великолепно обставленный и пышно убранный.

Золото, слоновая кость, драгоценные камни, удивительной красоты деревянные резные изделия, великолепные ткани, изумительные меха и поразительная архитектура предстали передо мной. В центре этого великолепия, окруженные небольшой группой марсиан, находились все три моих компаньона.

Мой проводник подвел меня к ним, и они поспешно повернулись ко мне. Мы остановились рядом с высоким

барсумским придворным, чьи блестящие доспехи были усыпаны драгоценностями.

— Принц! — сказал мой проводник. — Не прошло и тала, как я пришел. Как только я открыл дверь, чтобы выйти в сад, то обнаружил его за дверью в обществе одного из сторожевых калотов.

— Хорошо! — воскликнул тот, к которому все обращались как к принцу, и затем повернулся к Гору Хаджусу. — Мой друг, это тот человек, о котором вы говорили?

— Это Вад Варо, утверждающий, что он с планеты Джасум, — ответил Гор Хаджус. — Вад Варо, это Мью Тал, принц дома Кана.

Я поклонился, а принц подошел и положил свою правую руку на мое левое плечо. Я проделал то же самое, и официальная часть церемонии приветствия окончилась.

По требованию Мью Тала, я поведал обо всем, что со мной произошло с того времени, как я разделился со своими товарищами, до того момента, когда один из офицеров выхватил меня из лап надвигающейся трагедии. Мью Тал приказал, чтобы следы мертвого тела были убраны до рассвета, дабы не навлечь подозрений дяди, Водиса Кана, джеддака Тунола. По-видимому, тот давно ревниво относился к популярности принца и боялся, что Мью Тал стремится к трону.

Поздним вечером, во время изысканной трапезы, которыми так славятся принцы Барсума, когда навалилась приятная легкость от редких вин, которыми потчевал гостей Мью Тал, я услышал рассуждения принца о дяде-джеддаке, отличавшиеся меньшей сдержанностью, чем это принято в обычной обстановке.

— Придворные давно устали от Вобиса Кана, — говорил он, — и народ устал. Он безрассудный тиран, но он наш наследный правитель, и его не решаются сместить. Мы практичный народ, мало подверженный чувствам. До сих пор было достаточно, чтобы массы сохраняли верность джеддаку, даже если он этого не заслуживает, а страх перед яростью народа удерживал придворных. Есть подозрение, что следующий наследник станет не меньшим тираном, чем Вобис Кан.

— Что касается меня, то я, не колеблясь, уничтожил бы своего дядю и захватил бы его трон, будь я уверен в поддержке армии, потому что с воинами Вобиса Кана я мог бы оказать открытое неповиновение режиму Тунола. Именно поэтому я предлагаю дружбу Гору Хаджусу, а не потому, что он может убить моего дядю. Когда я

сам убью его в честной схватке, Гор Хаджус сможет обеспечить мне верность воинов джеддака, потому что велика популярность Гора Хаджуса среди солдат, которые всегда смотрели на великого бойца с почтением и преданностью. Я предоставлю Гору Хаджусу высокое место в Туноле, если он свяжет свою судьбу с моей. Но он сказал, что должен сначала выполнить свое обязательство перед тобой, Вад Варо, и для выполнения твоего предприятия он попросил меня оказать помощь. Я предоставляю в ваше распоряжение надежный военный корабль, который доставит вас всех в Фандал.

Это предложение я с радостью принял, и мы принялись обсуждать дальнейшие планы, наметив съезд на середину следующей ночи, когда обе луны окажутся за горизонтом. После короткого разговора о необходимом нам оружии и снаряжении, нам позволили удалиться, так как мы не спали уже больше суток.

Следующим утром ко мне пришел раб от Мью Тала. Ему было велено окрасить все мое тело в медно-красный цвет, чтобы не отличаться от моих барсумских друзей. Раб мастерски справился со своей задачей, что значительно облегчило мое дальнейшее передвижение среди красных воинов Барсума. Другой раб принес доспехи для Гора Хаджуса, Дара Таруса и меня, а также ошейник с цепью для Хована Дью, человека-обезьяны. Все, что нам принесли, несмотря на прочный материал и блестящую отделку, было совсем простым, на доспехах не было знаков различий, обозначений званий, цветов какого-либо дома. Такие доспехи обычно носят барсумские пантаны, или наемники, когда не находятся на службе у какого-либо народа или именитого вождя. Пантаны, люди без родины, странствующие наемники, готовы продать меч тому, кто лучше заплатит. Хотя они и не присягают какому-либо джеддаку, у них за многие тысячелетия выработался свой кодекс чести. Когда они поступают к кому-нибудь на службу, то всегда верны своему хозяину.

В этот день я остался во дворце принца Мью Тала и провел много времени в его обществе; он с удовольствием расспрашивал меня об обычаях, политике, культуре, географии Земли, причем со многим из рассказанного мною, он был хорошо знаком. Он объяснил это изумительным развитием барсумских астрономических приборов, радиофотографии и радиосвязи. Последняя была доведена до такого совершенства, что барсумские

ученые добились успеха в изучении нескольких земных языков, особенно урду, английского, русского и немного китайского. Несомненно, эти языки первыми привлекли их внимание, потому что на них говорило множество людей на огромных пространствах Земли и велось радио-передачи по всему земному шару.

Мью Тал принял меня в небольшой аудитории своего дворца, в которой было нечто от потайных комнат дворцов на Земле. Перед публикой, собирающейся в ней, было установлено огромное матовое стекло, на которое отбрасывается наблюдаемое изображение.

Мью Тал облокотился на стол, на котором была расстелена карта звездного неба. Его рука с указкой витала над картой и остановилась на том месте, где была Земля. Затем свет в комнате погас. Немедленно на матовой стеклянной пластине появилась картинка, как будто мы разглядывали Землю с высоты в тысячу футов. Это было какое-то странное место — заброшенная и опустошенная страна. Я увидел расщепленные пни, аккуратное расположение которых наводило на мысль, что некогда на этом месте рос фруктовый сад, цветущий и приносящий плоды. Теперь здесь были огромные воронки в земле, все вдоль и поперек опутано паутиной колючей проволоки. Я поинтересовался у Мью Тала, как передается изображение с другой планеты. Он зажег маленькую радиевую лампочку, стоявшую между нами, и я увидел шар — глобус Земли — и короткую указку-палочку, зафиксированную на нем.

— Сторона этого глобуса, которая перед тобой, представляет обращенное к нам полушарие Земли, — объяснил Мью Тал. — Заметь, шар медленно вращается. Коснись вот этой указкой глобуса в точке, которую хочешь увидеть, — и ты все увидишь!

Я стал осторожно двигать указкой, и картина понемногу изменялась. Я увидел нескольких людей, бредущих через руины. Но это были не солдаты. Несколько дальше я наткнулся на окопы и блиндажи — здесь тоже не было солдат. Кое-где в деревнях были солдаты-французы, но в окопах я их нигде не встретил. Не было и немецких солдат, не было битв. Значит, война кончилась! Я перевел указку к реке Рейн и пересек ее. В Германии были солдаты — французы, англичане и американцы. Они победили в войне! Я был счастлив, но все это казалось таким далеким, таким нереальным, как будто никогда люди не сражались. Все это было похоже на иллю-

страции к роману, прочитанному давным-давно.

— Ты, кажется, очень интересуешься этой страной, разоренной войной,— заметил Мью Тал.

— Да,— сказал я.— Я сражался на этой войне. Возможно, был убит, не знаю.

— И вы победили?

— Да, мои сограждане победили,— ответил я.— Мы боролись за великие принципы, за мир и счастье во всем мире. Надеюсь, боролись не напрасно!

— Если ты имеешь в виду надежду, что вы сражались и победили, и что теперь настанет вечный мир, то такая надежда тщетна. Война никогда не приведет к миру — лишь к более страшным войнам. Война — естественное состояние природы, безумие бороться против нее. Мир должен быть признан лишь как время для подготовки к главному делу человеческого существования. Не будь постоянной борьбы одной формы жизни с другой и даже внутри одной формы, планеты будут перенаселены, и жизнь сама задушит себя. Мы на Барсуме считаем, что долгие периоды мира приносят лишь бедствия и странные болезни, убивающие гораздо больше людей, чем их уносит война. Что за награда — умереть в постели от отвратительной болезни. Мы все должны умереть. Так давайте выйдем и умрем в великой и волнующей забаве и освободим место для миллионов, следующих за нами. Мы очищаем Барсум. Мы не можем без войн!

Мью Тал многое рассказал мне в тот день о своеобразной философии барсумцев. Они были убеждены, что не может быть хорошего дела, совершенного без эгоистических мотивов. У них не было бога и религии. Они, как и все образованные марисане, верили, что человек произошел от Дерева Жизни, но, в отличие от большинства обитателей планеты, не верили, что само Дерево Жизни создал Всемогуший. Они утверждали, что только неудача есть грех, а успех, как бы ни был он достигнут, всегда достоин похвалы. Однако, как это ни парадоксально, они никогда не нарушали данного ими слова.

Все лучше и лучше познавая барсумцев, особенно Гора Хаджуса, я начинал сознавать, что многое из их подчеркнутого презрения к тонким чувствам было показным. Верно, что целенаправленное воспитание в течение долгих поколений должно было ослабить в некоторой степени эти особенности сердца и души, которые благороднейшие среди нас так высоко почитают, верно, что узы дружбы слабы, что кровное родство не пробуждает

высоких чувств ответственности или любви между родителями и детьми. Несмотря на это, Гор Хаджус был в значительной степени человеком чувств, хотя, несомненно, мог пронзить сердце того, кто отважился бы обвинить его в этом, и этим действием сразу же доказал бы истинность обвинения. Его гордость за свою репутацию как честного и верного человека выдавала в нем человека большого сердца так же точно, как попытка поддерживать репутацию бессердечного выдавала в нем человека чувств. Во всем этом он был типичным представителем тунолианской верхушки. Они отрицали божество, но поклонялись науке, которой позволили овладеть ими, как фанатики, пропитанные религиозным дурманом. Итак, со всем своим хваленым знанием они были разумными только потому, что были лишены душевного равновесия.

Когда день стал подходить к концу, я все более стал беспокоиться об отъезде. Далеко к востоку, за необитаемыми пространствами топей лежал Фандал, а в Фандале — прекрасное тело девушки, которую я любил и которой поклялся вернуть принадлежащее ей по праву тело.

После вечерней трапезы сам Мью Тал проводил нас в ангар в одной из башен дворца. Здесь для нас уже подготовили воздушный корабль, с которого мастера убрали все знаки различия, даже слегка видоизменили его, чтобы в случае нашей неудачи никто не узнал, что он принадлежит Мью Талу. Мы загрузили провизию, не забыв о сыром мясе для Хована Дью. Когда последняя луна исчезла за горизонтом и наступила темнота, панель башни против носа корабля скользнула в сторону. Мью Тал пожелал нам удачи, и корабль бесшумно выскользнул в ночь. Это был достаточно быстроходный корабль, с палубы которого было убрано все, что снижало скорость, даже кубрики и рубка. Мотор и приборы управления были вынесены наружу, так как все пространство под палубой было занято контейнерами с отталкивающими лучами, обеспечивающими плавучесть. При полете на высоких скоростях каждый член экипажа занимает отведенное ему место, ложится на палубу и пристегивается ремнями, чтобы его не унесло ветром. Этот тунолианский аппарат не был самым быстроходным на Барсуме. Как мне говорили, он во многом уступал кораблям Гелиума и Птарты, в течение столетий совершенствовавших свой флот. Но он вполне подходил для нашей цели, при достижении которой мы не должны были столкнуться с судами более высокого класса. Мне он показался очень быстрым.

В сравнении с медленно плывущим «Воссаром» он мчался, как стрела, пущенная из лука.

Мы не стали терять времени на маневры, а врубили полный ход и направились прямо на восток, в Фандал. Едва мы проскочили над садами Мью Тала, как встретились с первыми приключениями. Мы пронесли мимо одинокой фигуры, парящей в воздухе. Тут же последовал пронзительный свисток воздушного патрульного. Снаряд просвистел мимо, не причинив нам вреда, мы успели ускользнуть. А через несколько секунд я увидел внизу и сверху лучи прожекторов, шарящих в небе.

— Патрульное судно! — крикнул Гор Хаджус мне на ухо.

Хован Дью дико зарычал и затряс цепочкой ошейника. Мы мчались на полной скорости, уповая на богов, больших и малых, молясь, чтобы безжалостные глаза прожекторов не нашли нас. Но напрасно! Через несколько секунд луч света упал на нашу палубу сверху и вел нас, не отставая. Параллельным курсом рядом с нами следовала патрульная лодка, к нашему ужасу, корабль открыл огонь разрывными снарядами. Эти снаряды содержали большой заряд взрывчатки, детонирующей от световых лучей. Не нужно было даже прямого попадания, достаточно того, что снаряд чиркнет по корпусу или палубе корабля. Разрывная сила его сметала все на своем пути, причиняя значительный ущерб кораблю и команде.

Дар Тарус, стоя у пульта управления, повернул нос нашего корабля вверх, прямо к патрульному судну, и одновременно закричал нам, чтобы мы стреляли по его пропеллерам. Что до меня, то я не мог ничего видеть из-за ослепляющего света прожекторов и палил по нему из странного оружия, которое первый раз увидел несколько часов тому назад, когда Мью Тал вручил мне его. Мне казалось, что этот всепроникающий глаз представляет наибольшую опасность. Если бы мы смогли ослепить его, патрульное судно утеряло бы все свои преимущества. Итак, я направил оружие прямо на прожектор, нажимая пальцем на кнопку, управляющую огнем. Гор Хаджус, стоя на коленях, стрелял по патрульному судну. Дар Тарус вел корабль, а Хован Дью сидел на корточках на носу и рычал.

Вдруг Дар Тарус тревожно вскрикнул.

— Разбит руль управления, — заорал он. — Мы не можем изменить курс — корабль никуда не годится!

Почти в тот же миг погас прожектор — одна из моих

пуль попала в него. Мы были теперь совсем близко к врагам и слышали их гневные крики. Наш собственный аппарат, ничем не управляемый, быстро приближался к борту неприятельского судна. Казалось, что если мы не столкнемся с ним, то пройдем у него прямо под килем. Я спросил Дара Таруса о возможности ремонта корабля на ходу.

— Мы могли бы починить его, если бы у нас было время,— ответил он,— но это займет много времени. Все воздушные силы Тунола навалятся за это время на нас.

— Значит, нам нужен новый корабль.

Дар Тарус засмеялся.

— Ты прав, Вад Варо, но где мы найдем его? — произнес он.

Я указал на патрульное судно.

— Нам не нужно искать его далеко,— сказал я.

— А почему бы и нет? — воскликнул Дар Тарус, пожав плечами.— Это была бы прекрасная схватка и достойная смерти!

Гор Хаджус хлопнул меня по плечу.

— Вперед, к смерти, мой капитан! — закричал он.

Хован Дью затряс цепями и захохотал.

Корабли сближались. Мы прекратили огонь, опасаясь повредить корабль, который надеялись использовать для бегства. По каким-то неясным причинам прекратила огонь и команда патруля — я так и не понял почему. Мы двигались по линии, которая должна была привести нас прямо на другой корабль. Я решил захватить его любой ценой. Я видел, что килевые абордажные снасти уже свешиваются с него, готовые спуститься на палубу жертвы, когда первый из брошенных на нашу палубу крюков уцепится за добычу. Несомненно, они уже поставили людей к крюкам, и как только мы очутимся под ними, стальные щупальца протянутся и схватят нас, а команда ринется вниз по веревкам на нашу палубу.

Я позвал Хована Дью и прошептал ему на ухо мой план. Когда я закончил, он кивнул головой и зарычал низким голосом. Я снял пристяжные ремни, удерживавшие меня на палубе, и пополз вместе с обезьяной к носу, после чего отдал приказания Гору Хаджусу и Дару Тарусу. Мы были уже почти что под палубой патрульного судна. Я ясно видел абордажные крючья, приготовленные для атаки. Наш нос подошел под корму вражеского аппарата. Был близок момент, которого мы так ждали.

На палубе патрульного корабля меня уже не могли увидеть. Абордажные крючья медленно раскачивались в пятнадцати футах над нашими головами. Я прошептал слова команды обезьяне, мы присели и одновременно прыгнули на крюки. Это был смертельный трюк — неудача означала верную смерть, но я понимал, что если один из нас или двое смогут достичь палубы корабля противника, когда команда будет занята другим делом, плата за риск будет оправданной. Гор Хаджус уверял, что на борту патрульного судна не более шести человек, причем один из них стоит у пульта управления, а остальные заняты абордажными крючьями.

Я и Хован Дью прыгнули, фортуна улыбнулась нам, хотя гигантская обезьяна с трудом дотянулась до крюка протянутой лапой. Мои земные мускулы довольно легко донесли меня до цели. Вместе мы стали подниматься, как было условлено заранее, он — по правому борту, я — по левому. Пусть я и был более проворным прыгуном, Хован Дью превосходил меня в искусстве лазания. В итоге, он добрался до поручней несколько раньше меня, что, возможно, оказалось удачей для меня, поскольку я случайно выбрал то место на палубе, где стоял один из членов команды корабля, приготовившись к абордажу. Его внимание отвлек Хован Дью, иначе он уничтожил бы меня одним ударом прежде, чем я даже смог поставить ногу на палубу.

Парень издал дикий крик удивления, когда обезьяна появилась перед ним, и попытался вытащить меч. Но обезьяна всей своей громадой двинулась на него, и когда мои глаза поравнялись с перилами, я увидел, как могучий антропоид схватил несчастного за доспехи, подтащил к краю палубы и швырнул вниз. Я тут же прыгнул на палубу и приготовился к защите. Остальные члены экипажа оставили свои места и ринулись к нам. Однако, думаю, что свирепый и огромный антропоид, нрав которого им был хорошо известен, деморализовал их, потому что они заколебались, не решаясь подойти. Впрочем, они медленно наступали на нас. Я наблюдал за их топтанием, довольный тем, что их действия полностью совпадали с моими замыслами. Появление на палубе Гора Хаджуса и Дара Таруса во многом зависело от того, сумеем ли мы овладеть вниманием экипажа. По плану, они должны были ухватиться за абордажные крючья, когда наш корабль достаточно близко подойдет к неприятельскому.

Гор Хаджус предупредил меня, чтобы я в первую оче-

редь расправился с человеком, стоящим у пульта управления, так как в случае нашего успеха он повредит его. Поэтому я ринулся прямо на него, не давая ему опомниться, и зарубил его. Теперь их было четверо против нас двоих, и мы ждали, выигрывая время, чтобы наши товарищи добрались до палубы.

Команда медленно приближалась к нам и была уже на расстоянии удара меча, когда я увидел голову Гора Хаджуса, показавшуюся над поручнями, а за ним появилась и голова Дара Таруса.

— Смотрите,— крикнул я врагам.— Сдавайтесь сейчас же!

Один из них обернулся, чтобы посмотреть, и издал странный крик изумления.

— Это Гор Хаджус! — вскричал он и обратился ко мне.— Что вы с нами сделаете, если мы сдадимся?

— Мы оставим вам жизнь,— ответил я.— Нам надо покинуть Тунол и продолжить наш путь. Мы не причиним вам вреда.

Он повернулся к своим товарищам, а мои друзья молча ждали. Несколько минут четверо воинов негромко обсуждали ситуацию между собой, затем тот, кто первым заговорил со мной, обратился к нам:

— Мало найдется в Туноле воинов, кто не мечтал бы служить Гору Хаджусу, которого мы давно считали мертвым, но сдача корабля означает для нас верную смерть, когда мы вернемся в Тунол. С другой стороны, продолжая бессмысленную оборону на палубе корабля, мы непременно погибнем. Если ты гарантируешь нам, что твои планы не коснутся безопасности Тунола, то я могу сделать предложение, которое подойдет нам всем.

— Мы желаем только покинуть Тунол,— сказал я.— От моих намерений Тунол никак не пострадает.

— Хорошо! И куда вы собираетесь лететь? Если примешь наше предложение, можешь верить нам,— сказал он.— Итак, мы доставляем вас на этом корабле в нужное вам место, после чего возвращаемся в Тунол и докладываем, что, встретившись с вами, долго преследовали ваш корабль, потеряли двоих воинов, но вам удалось скрыться от нас в темноте.

ФАНДАЛ

Следующей ночью тунолианская команда высадила нас внутри городской стены Фандала, следуя указаниям Дара Таруса, который был когда-то воином гвардии джеддары Фандала, а до этого служил во флоте этой страны. Он был знаком с системой воздушной обороны города и маршрутами патрульных лодок. Мы приземлились необнаруженными, и корабль Тунола поднялся и сразу же улетел обратно.

Нашей посадочной площадкой стала крыша низкого здания, построенного у внутренней стороны городской стены. С нее мы спустились на улицу, совершенно пустынную в этот час. Она была узкой и длинной. С одной стороны она граничила с невысокими постройками у городской стены, с другой — возвышались здания, многие из которых не имели окон и не были освещены. Дар Тарус объяснил, что выбрал это место для проникновения в город, так как здесь располагались склады. Днем здесь сновали толпы людей, а ночью никого не было. Околольными путями он довел нас в конце концов до улицы со множеством магазинов, дешевых столовых, часто посещаемых простыми солдатами, ремесленниками и рабами, где мы, естественно, могли привлечь внимание лишь благодаря любопытству, вызванному присутствием в нашей компании Хована Дью. Так как мы не ели с момента отлета из дворца Мью Тала, первым нашим решением было плотно закусить. Мью Тал снабдил Гора Хаджуса деньгами, поэтому средства у нас были. Первую остановку мы сделали у небольшого магазинчика, где Гор Хаджус приобрел фунтов пять мяса для Хована Дью. Затем мы отправились в трактир, который знал Дар Тарус. Сначала хозяин не впускал нас вместе с Хованом Дью, но в конце концов, после долгих препирательств, он позволил нам запереть его во внутренней комнате. Там он и остался вместе со своим мясом, пока мы сидели у стола.

Я сказал Ховану Дью, что он отлично справился со своей ролью, так как никто, ни хозяин гостиницы, ни многочисленная толпа, собравшаяся поглазеть и послушать перебранку, не смог угадать, что тело огромного свирепого животного снабжено человеческим мозгом. Действительно, только во время еды или драки обезьяний мозг проявляет, казалось, некоторое влияние на него, но

все же, несомненно, именно им можно объяснить замкнутость Хована Дью и моментальную раздражимость. К тому же он никогда не улыбался и у него напрочь отсутствовало чувство юмора.

Мы пообедали с аппетитом, хотя пища была простой и грубой. Мы были рады отделаться от назойливого любопытства болтливой, любящего посплетничать хозяйина, который засыпал нас множеством вопросов о наших прошлых подвигах и будущих планах, что Дар Тарус, бывший у нас здесь первым говоруном, вынужден был отбиваться, придумывая на ходу ответы, наиболее правдоподобные и не имеющие для нас последствий. Итак, поев, мы сбежали от его любопытства на улицу. Дар Тарус повел нас в известную ему гостиницу. По дороге мы прошли мимо здания удивительной красоты, куда постоянно вливался поток людей, а из других — выходили воины и женщины с необыкновенным выражением лица. Дар Тарус попросил нас подождать немного и объяснил, что это храм бога Тура, наиболее почитаемого всем народом Фандаля.

— Я долгое время отсутствовал, — сказал он, — и не имел возможности оказать почтение моему богу. Я не заставляю вас долго ждать. Гор Хаджус, не одолжишь ли ты мне несколько кусочков золота?

Молча тунолианин достал несколько кусочков золота и вручил их Дару Тарусу, но я видел, что ему с трудом дается маска равнодушия, а не презрения, поскольку тунолиане — атеисты.

Я спросил Дару Таруса, могу ли я пойти вместе с ним в храм, и это, по-видимому, очень понравилось ему. Мы влились в общий поток, приближавшийся к широкому входу. Дар Тарус дал мне два кусочка золота и приказал следовать позади него и делать то же самое, что и он.

Перед главным входом, вытянувшись в линию, с интервалами, позволяющими верующим проходить между ними, стояли жрецы, с ног до головы накрытые белыми мантиями. Рядом с каждым из них стояла прочная подставка с ящиком для сбора денег. Приблизившись к одному из них, мы вручили жрецу кусочек золота, который он немедленно заменил на множество кусочков меньших размеров, один из которых он уронил в ящик около себя, после чего сделал несколько пассов руками над нашими головами, погрузил руку в чашу с грязной водой и вытер о концы наших носов, пробормотав при этом несколько слов, которых я не понял. Затем он повернулся к следую-

щему в очереди, а мы прошли внутрь огромного храма. Никогда я не видел таких богатых и многочисленных украшений, как представшие моим глазам здесь, в первом храме Тура, в который судьбе было угодно меня завести.

В огромном зале я не увидел ни одной колонны. На пышных пьедесталах через равные промежутки были расставлены статуи. Некоторые из них изображали мужчин или женщин, которые были прекрасны. Были скульптурные группы животных и странных, гротескных существ. Некоторые из них и в самом деле были просто ужасны. Мы подошли сначала к прекрасной статуе женщины. Возле ее пьедестала пали ниц многие мужчины и женщины. Они бились головами об пол семь раз, затем поднимались и опускали монетку в специально поставленный ящик, потом продвигались к следующей фигуре.

Второе изображение, возле которого мы побывали с Даром Тарусом, оказалось мужчиной с телом силиана. У его пьедестала были установлены горизонтальные деревянные полосы с кольцами. Полосы отстояли от пола футов на пять, а с них свешивались ноги множества мужчин и женщин, монотонно повторяющих снова и снова что-то, прозвучавшее для меня как «биббл-баббл-блап».

Мы с Даром Тарусом повисли на кольцах, как и остальные, бормоча бессмысленную фразу минуту или две, затем прыгнули, опустили по монетке в ящик и двинулись дальше. Я спросил Дара Таруса, что за слова он повторял и что они означают, но он, казалось, был шокирован моим вопросом и сказал, что такой вопрос — святотатство и говорит об отсутствии у меня веры. У следующей фигуры я увидел людей, которые как безумные ползали по кругу вокруг пьедестала. Они совершали ползком семь кругов, клали монетку и продолжали ползти. У другой статуи люди вертелись, приговаривая: «Тур есть, Тур есть, Тур есть, Ту», и опускали деньги в золотую чашу, когда кончали говорить.

— Какой это был бог? — прошептал я Дару Тарусу, когда он отошел от последней фигуры, у которой не было головы, а имелись лишь глаза, нос и рот в центре живота.

— Это только единый бог, — ответил Дар Тарус торжественно, — и он есть Тур!

— Что такое Тур? — настаивал я.

— Молчи, человек! — прошипел Дар Тарус. — Тебя разорвут на куски, если услышат такую ересь!

— О, прости великодушно! — воскликнул я. — Я ни-

кого не собирався оскорблять. Но теперь-то вижу, что это один из ваших идолов.

Дар Тарус зажал мне рот рукой.

— Тс-с-с! — прервал он меня и призвал к молчанию. — Мы не поклоняемся идолам. Это единый бог, и он есть Тур!

— Ладно, но что же тогда это? — упорствовал я, взмахнув рукой в сторону нескольких дюжин статуй, около которых толпились тысячи верующих.

— Мы не должны спрашивать! — уверял он. — Достаточно нашей веры в то, что все дела Тура праведны и справедливы. Пойдем, я скоро все закончу, и мы присоединимся к нашим друзьям.

И Дар Тарус повел меня к следующей статуе — монстру со ртом вокруг всей головы. Он имел длинный хвост и женские груди. У этой статуи было особенно много людей, и каждый из них стоял на голове. Они без конца повторяли: «Тур есть, Тур есть Тур». Прodelав то же самое в течение нескольких минут — причем я, черт возьми, с трудом сохранял равновесие, — мы вновь приняли нормальное положение, кинули монетку в ящик и продолжили путь.

— Теперь можем идти, — сказал Дар Тарус. — Я сделал перед Туром все, что должен был.

— Я заметил, — сказал я, — что перед последней фигурой мы повторяли ту же фразу, что и раньше.

— О нет! — воскликнул Дар Тарус. — Наоборот, все говорили как раз обратное тому, что у предыдущей фигуры. У той они говорили «Тур есть», а у этой повернули ее наоборот «Тур есть Тур». В этом большая разница.

— Для меня звучит одинаково, — настаивал я.

— Это потому, что у тебя нет веры, — сказал он печально, и мы вышли из храма, положив последнюю монетку в ящик. Их было много вокруг, набитых доверху деньгами, кусочками золота и другими драгоценностями.

Гор Хаджус и Хован Дью ожидали нас с нетерпением в центре огромной толпы любопытных, среди которых было много воинов со знаками Заксы, джеддары Фанда-ла. Все хотели посмотреть трюки Хована Дью, но Дар Тарус сказал им, что тот устал и настроен агрессивно.

— Завтра, — сказал он, — когда он отдохнет, я выведу его на улицы, чтобы развлечь вас.

С трудом мы вырвались из толпы и скрылись. По тихим улицам, окольными путями мы пришли в гостиницу, где закрыли Хована Дью в маленькой комнатке, тогда

как остальных рабы провели в большую спальню, где для нас были приготовлены постели из меха и шелка на неширокой полке, окружающей комнату по периметру. Здесь уже спали воины, а два вооруженных раба стояли на страже, охраняя гостей от убийц.

Было еще очень рано, и некоторые постояльцы разговаривали между собой тихим шепотом, поэтому я решил порасспросить Дара Таруса об их религии, показавшейся мне весьма занятой.

— Таинства религии всегда пленяли меня, Дар Тарус,— сказал я.

— Ах! — воскликнул он. — В том и заключается красота религии Тура, что она не имеет таинств. Она проста, естественна, научна, каждое слово ее доказано на страницах Турана, великой книги, написанной самим Туром.

— Дом Тура — Солнце,— продолжал он. — Сотни тысяч лет тому назад он сотворил Барсум и бросил его в пространство. Затем он развлекался созданием людей различных форм и обоих полов, позднее создал животных, чтобы была пища для человека. Он заставил воду и растения появиться на планете, чтобы люди и животные могли пить, есть и жить. Разве ты не видишь, как все это просто и научно?

Но чуть раньше, когда Дара Таруса не было рядом, Гор Хаджус рассказал мне кое-что о религии Тура.

— Фандалиане утверждают, что Тур создал все живое своими руками. Они отрицают, что человек обладает способностью воспроизводить свой род, и учат молодежь, что вера в это отвратительна. Они всегда скрывают случаи естественного появления потомства, настаивая, особенно в старости, что то, чему были свидетелями их глаза и что испытывали их тела при произведении потомства, никогда не случалось. Туран учит их, что Барсум плоский, а жрецы запрещают народу мыслить, категорически отрицая каждое доказательство противного. Жители не уезжают далеко от Фандала из боязни свалиться с края мира; жрецы же не разрешают развивать авиацию, потому что, если бы один из кораблей отправился в кругосветное путешествие вокруг Барсума, это было бы кощунством в глазах Тура, сотворившего Барсум плоским.

Жителям Фандала не позволяют использовать телескопы, потому что Туран учит их, что нет других миров, кроме Барсума, и смотреть на небо и искать там планеты — ересь. Жрецы также не позволяют учить в школе

историю Барсума, которая предшествовала созданию его Туром, хотя Барсум имеет очень достоверно записанную историю, которая начинается более сотни тысяч лет назад; не позволяют они изучать и географию Барсума, за исключением той, которая дана в Туране. И не допускают никаких научных исследований в области биологии.

Туран — их единственное руководство. Чего нет в Туране, то, по их мнению, — дикая ложь.

Многое из всего этого и даже больше я собрал из различных источников во время моего краткого пребывания в Фандале, люди которого, поверьте, менее всего цивилизованы из всех красных народов Барсума. Они невежественны, религиозны, бросаются из одной крайности в другую. Тунолиане были полной противоположностью им.

Однако я прибыл в Фандал не для того, чтобы изучать его культуру и религию, а чтобы выкрасть джеддару, и эта мысль сразу захватила меня, когда я проснулся на следующее утро — мое первое утро в Фандале. Позавтракав, мы отправились ко дворцу на разведку, причем Дар Тарус привел нас к месту, откуда легко указал нам дальнейший путь, так как не отваживался сопровождать нас в дворцовый парк. Ведь тело, которым он сейчас обладал, принадлежало хорошо известному в Фандале вельможе.

Было условлено, что Гор Хаджус будет играть роль поводыря обезьяны. Договорившись обо всем, мы попрощались с Даром Тарусом и втроем отправились по прекрасному широкому проспекту, ведущему прямо к воротам дворца. Мы выдумывали и репетировали номера, которые собирались представлять, обеспечивая себе законный путь во дворец. Мы желали добиться представления самой джеддаре.

Когда мы бродили с кажущейся беспечностью по улицам, я имел возможность насладиться новыми прекрасными видами дворцов на широком бульваре. Солнце освещало яркие алые газоны с пышно цветущими пималиями и десятками других редких видов барсумских цветов. Сама улица была затенена удивительными деревьями. С балконов дворцов свисали восхитительные шелка и меха, проветриваемые на солнце. Рабы оживленно суетились в садах. На многих террасах сидели женщины с детьми. Хован Дью вызвал такой восторг у детей, что нас постоянно задерживали и просили еще и еще раз показать представление. Но мы неуклонно про-

двигались ко дворцу, так как именно в нем была сосредоточена цель нашего визита в Фандал.

У дворцовых ворот была обычная толпа зевак-провинциалов, жаждущих посмотреть на блеск окружения джеддары. Им одинаково интересным показалась и наша обезьяна, страх перед которой заставил их расступиться и образовать пустой проход до самых ворот. Здесь мы и встали, а толпа сомкнулась за нами, образуя полукруг. Гор Хаджус зычно сообщил, но так, чтобы слышали воины охраны, ведь мы пришли развлекать их, а не толпу.

— Мужчины и женщины Фандала, посмотрите на двух бедных пантанов, которые, рискуя жизнью, пленили и обучили одного из наиболее свирепых и диких, но в то же время самых смысленных представителей белых обезьян Барсума, когда-либо виденных вами в прирученном состоянии. Мы с огромным трудом доставили его в Фандал для вашего развлечения. Друзья мои, эта удивительная обезьяна наделена человеческим разумом. Она понимает каждое обращенное к ней слово. На ваших глазах я попытаюсь продемонстрировать замечательную сообразительность этой дикой, все жрущей твари, сообразительность которой развлекала коронованных особ Барсума и озадачивала умы лучших его ученых.

Думаю, что Гор Хаджус выступал недурно, точнее, прямо как настоящий артист. Я невольно улыбался, слушая здесь, на Марсе, знакомые фразы. Им я обучил его из своего земного опыта, вспоминая посещения деревенских ярмарок и увеселительных парков. Эти фразы звучали так нелепо в устах убийцы из Тунола, но они, вероятно, заинтересовали зрителей и произвели на них большое впечатление. Все вытянули шеи и озабоченно молчали. Более того — несколько воинов гвардии джеддары стали всматриваться через ворота, среди них я заметил одного офицера.

Гор Хаджус заставлял Хована Дью ложиться и вставать при командах «лечь» и «встать», вставать на одну ногу и рычанием определять количество пальцев, которые он показывал обезьяне. Эти простые трюки были только малой частью замечательных достижений, которые мы надеялись показать на аудиенции у джеддары. Гор Хаджус очень интересно построил выступление. Он попросил комплект оружия и доспехов у человека из толпы и заставил Хована Дью облачиться в них и завязать с ним бой, после чего мы и в самом деле слышали удивленные восклицания.

Удивление охватило не только толпу, но и солдат джеддары.

Офицеры Заксы вместе с воинами приблизились к воротам и стали заинтересованными зрителями, а именно этого мы и добивались. Теперь Гор Хаджус был готов к финальному трюку, демонстрировавшему разум у Хована Дью.

— Все, чему вы были свидетелями, на самом деле мелочи,— прокричал он.— Почему? Да эта удивительная тварь может даже читать и писать. Она была поймана нами в опустевшем городе около Птарты и знает язык этой страны. Есть ли среди зрителей кто-нибудь из этой далекой страны?

— Я из Птарты,— громко произнес какой-то раб.

— Хорошо,— сказал Гор Хаджус,— напиши какое-нибудь приказание и вручи обезьяне. Я отвернусь, чтобы не видеть ни тебя, ни ее, и не смогу помочь ей каким-либо способом.

Раб вытащил дощечку из сумки и что-то коротко написал, затем вручил записку Ховану Дью. Обезьяна прочла написанное и без колебаний быстро двинулась к воротам и передала ее офицеру, стоящему по другую сторону ограды. Ограда и ворота были сварены из полос металла в причудливый рисунок, так что не составляли препятствия глазеющим из-за нее воинам.

Офицер взял послание и осмотрел его.

— Что здесь написано? — спросил он написавшего записку раба.

— «Возьми эту записку и передай ее офицеру, стоящему в воротах»,— ответил раб.

С разных сторон из толпы прозвучали возгласы удивления, и Хован Дью вынужден был повторить свое представление несколько раз с записками разного содержания, причем офицер все время проявлял огромный интерес к его выступлениям.

— Это удивительно! — сказал он наконец.— Джеддару несомненно развлечет представление с этим животным. Ждите здесь, пока я передам ей, и если она пожелает, то прикажет пропустить вас.

Ничто не могло устроить нас больше, чем его предложение. Мы ждали с нетерпением, пока вернется посыльный, а пока ждали, Хован Дью продолжал развлекать зрителей доказательствами своего «огромного обезьяньего интеллекта».

Офицер вернулся, ворота распахнулись, и нам разрешили войти во дворец Заксы, джеддары Фандала. После этого все события развивались с фантастической скоростью — удивительные и неожиданные. Нас провели по сложному лабиринту коридоров и комнат, и у меня сложилось впечатление, что нас нарочно запутывают. Я не мог восстановить в памяти расположение внутренних покоев дворца. Мы рассчитывали, попав во дворец, замечать все на своем пути, чтобы потом легче было бежать, но когда я шепотом спросил Гора Хаджуса, может ли он найти дорогу назад, он уверил меня, что совсем запутался.

Дворец не был красивым ни в каком смысле, не был он и особо украшен. Работы фандалианских художников тяжелы и действуют на зрителя угнетающе. Картины, изображавшие в основном религиозные сцены из Турана, в большинстве своем представляли собой серию монотонных повторений. В них бесконечно повторялась одна и та же тема: сотворение плоского Барсума и Тур, швыряющий его в пространство, что очень смахивало на повара, отправляющего блин в рот ребенка.

Много было также картин из жизни правящей семьи в различных позах. Было заметно, что более поздние картины, на которых появлялась Закса, подправлены: на них появилось прекрасное лицо и фигура Валлы Дайи в королевском костюме джеддары. Их воздействие на меня нелегко описать. Они заставили меня осознать, что приближается момент, когда я предстану лицом к лицу со внешней оболочкой женщины, которой отдал свою любовь, но в том же самом лице передо мной предстанет та, которую я ненавижу и хочу уничтожить.

Мы остановились наконец перед большой дверью. По огромному количеству воинов и придворных я понял, что нас скоро вызовут к джеддаре.

Пока мы ждали, собравшиеся вокруг глазели на нас, как показалось, враждебно, а не с любопытством, и когда дверь распахнулась, за нами вслед вошли почти все, за исключением нескольких воинов, оставшихся у дверей в зал. Комната, в которую нас ввели, была не столь велика. В дальнем конце ее за массивным столом сидела Закса. Около нее стояли придворные, вооруженные с

головы до ног. Оглядывая их, я заинтересовался, есть ли среди них тот, для кого было украдено тело Дара Таруса, ведь я обещал в случае успеха попытаться вернуть его законному владельцу.

Закса холодно оглядела нас, когда мы остановились.

— Начинайте! — властно приказала она, а затем вдруг закричала, — почему чужестранцы вооружены? Саг Ор! Отберите у них оружие! — и она повернулась к молодому статному воину, стоявшему рядом с ней.

Саг Ор! Вот как его звали! Передо мной стоял придворный, из-за которого Дар Тарус потерял свободу, любовь и собственное тело. Гор Хаджус также узнал имя и обратил внимание на воина, когда он подходил. Тот грубо потребовал сдать оружие подошедшим вместе с ним воинам. Гор Хаджус колебался, но я уступил, так как не знал, какой линии поведения лучше придерживаться.

Все смотрели на нас враждебно, вероятно, они всегда так относятся к иностранцам. Если бы мы и отказались разоружиться, то были бы втроем против десятков вооруженных придворных и воинов охраны. Нам нельзя было ссориться с Заксой. Представится ли еще такая возможность пробраться во дворец? Вряд ли. Лучше пойти на определенный риск сейчас, чем, отказавшись, не подчиниться их требованиям. Итак, я спокойно отдал оружие, вручив его какому-то воину. То же самое, следуя моему примеру, сделал Гор Хаджус, хотя можете себе представить, с какой кислой миной. Закса снова объявила, что хочет видеть выступление Хована Дью. За ужимками обезьяны она наблюдала совершенно равнодушно. Не было ничего такого, что вызвало бы малейший интерес и у остальных, кто окружал джеддару. От этой непонятной скуки и равнодушия меня стали мучить мрачные предчувствия какой-то ошибки, которую мы совершили. Мне казалось, что были приложены усилия задержать нас для какой-то неясной цели. Я не мог понять, почему Закса требовала, чтобы мы по нескольку раз повторяли наименее интересные номера. И все время она играла длинным тонким кинжалом. Я видел, что за мной она наблюдает столь же внимательно, как и за Хованом Дью. Но мне было трудно отвести взор от ее совершенного лица, пусть даже я знал, что это лишь украденная маска, за которой таится жестокий ум тирана и убийцы.

Наконец мы закончили наше представление. Открылась дверь и вошел придворный, который проследовал

прямо к джеддаре и обратился к ней кратко и тихо. Я увидел, что она задала ему несколько вопросов и, казалось, была раздражена его ответами. Затем грубым жестом отпустила его и повернулась к нам.

— Достаточно! — ее глаза остановились на мне, и кинжал указал на меня. — Где другой? — спросила она.

— Какой другой? — недоуменно спросил я.

— Вас было трое, помимо обезьяны. Я не знаю ничего об обезьяне — где и как вы приобрели ее, но я знаю все о тебе, Вад Варо, о тебе, Гор Хаджус, убийца из Тунола и о Даре Тарусе. Где Дар Тарус? — спросила она низким музыкальным и исключительно прекрасным голосом Валлы Дайи, но за ним стояло ужасное содержание — Закса! Обманывать ее было бессмысленно, потому что информацию она могла получить прямо от Раса Таваса. Глупо было не предусмотреть, что Рас Тавас непременно догадается о цели моей миссии и сообщит все Заксе. Я сразу же понял, что бесполезно отрицать, кто мы есть на самом деле.

— Где Дар Тарус? — повторила она.

— Откуда я знаю? — попытался вывернуться я. — Дар Тарус имел причину не возвращаться в Фандал, где не мог находиться в безопасности. Думаю, что он не особенно желал, чтобы кто-нибудь, включая и меня, знал о его местопребывании. Он помог мне бежать с острова Таваса потому, что наградой за это была его свобода, но он не захотел сопровождать меня в моих дальнейших приключениях.

Закса на мгновение была обезоружена тем, что я не стал отрицать своего истинного имени.

— Значит, ты признаешься, что ты Вад Варо, ассистент Раса Таваса?

— Разве я пытался это делать?

— Ты замаскировался под красного человека Барсума!

— А как иначе я мог путешествовать по Барсуму, где каждый настроен против чужестранцев?

— А почему тебе захотелось путешествовать по Барсуму? — глаза ее сузились в ожидании моего ответа.

— Рас Тавас, несомненно, сообщил тебе, что я из другого мира. Я хотел увидеть побольше, — сказал я. — Разве это странно?

— И ты явился в Фандал в надежде получить доступ ко мне да еще в обществе небезызвестного всем убийцы

из Тунола? И это все, что тебя заинтересовало на Барсуме?

— Гор Хаджус не может вернуться в Тунол,— объяснил я,— и поэтому вынужден искать службу где-нибудь в другом государстве, возможно, в Фандале, а если не здесь, то где-нибудь еще. Я надеюсь, что он решил сопровождать меня и далее, так как я чужой на Барсуме и не знаю манер и обычаев его народов. Боюсь, что мне придется плохо без проводника и наставника.

— Тебе будет плохо! — закричала она.— Ты уже увидел на Барсуме все, что тебе предназначалось! Ты достиг конца своей авантюры! Ты думаешь ввести меня в заблуждение, не правда ли? Ты не знаешь, возможно, что я слышала о твоих чувствах к Валле Дайе и знаю наверняка цель вашего визита в Фандал,— и она повернулась к придворным и воинам.— В яму их! Мы потом выберем способ их смерти.

Нас окружили десятка два воинов. Возможности бежать не было, но я заметил, что Хован Дью стоит как раз рядом с открытым окном справа от джеддары, а под ним во дворе росли высокие деревья. Когда разгневанная Закса говорила, я сказал Ховану Дью.

— Иди! — прошептал я.— Окно открыто. Беги и скажи Дару Тарусу, что случилось с нами.— Одновременно я отодвинулся от него и увлек за собой Гора Хаджуса, демонстрируя сопротивление охране. Таким образом я отвлек внимание от Хована Дью, рванувшегося к открытому окну. Он сделал всего несколько шагов, когда один из воинов попытался его остановить, и в этот миг мне показалось, что свирепый мозг антропоида полностью завладел могучим существом. С ужасным рыком он быстрее кошки прыгнул на несчастного фандалианина, поднял его высоко на могучих руках и, используя его тело как гигантский молот, стал расшвыривать его товарищей направо и налево, прокладывая себе дорогу к окну, которое было уже близко.

Кромешный ад моментально воцарился в зале. Внимание всех было обращено к гигантской обезьяне, и даже те, кто окружил нас, устремились в атаку на Хована Дью. В неразберихе я увидел, что Закса шагнула к тяжелой портьере за ее столом, раздвинула ее и скрылась.

— Пошли! — прошептал я Гору Хаджусу. Наблюдая за конфликтом, я, крадучись, двигался к портьере, за которой только что скрылась Закса. Хован Дью выдал все, на что был способен. Он отбросил первую жертву,

давно уже мертвую, и одного за другим хватал остальных, когда они попадали в поле действия его длинных и могучих лап, иногда четырех, когда он прочно стоял на двух из шести. Копна его жестких волос встала дыбом, свирепые глаза налились кровью. Возвышаясь над своими противниками, он боролся за свою жизнь, он, наиболее свирепый из всех диких зверей Барсума. Возможно, его огромное преимущество заключалось во врожденном ужасе перед белой обезьяной каждого из тех, кто противостоял ему.

Все внимание находящихся в комнате было обращено к нему, а мы с Гором Хаджусом незаметно продвигались к портьеру. Думаю, что Хован Дью разгадал мои намерения, потому что проделал такую шутку, которая как нельзя кстати изумила всех воинов. Он дал понять мне, что человеческая половина его мозга была все время настороже и следила за нашей безопасностью.

До этого фандалиане воспринимали его как замечательный образец белой обезьяны, но он парализовал их ужасом, потому что вдруг его рев и рычание перешли в слова. Он заговорил на языке людей. Хован Дью стоял уже у самого окна, когда несколько придворных попытались приблизиться к нему. Среди них был Саг Ор. Обезьяна неожиданно протянула лапы и схватила его, вырвав у воина оружие.

— Я иду,— закричал он,— но если вы причините мне вред, я вернусь и вырву сердце у Заксы! Передайте ей это от большой белой обезьяны Птарты!

На мгновение все замерли, прикованные к месту страхом. Все впились глазами в Хована Дью, стоящего с бьющимся в его руках Сагом Ором. О нас с Гором Хаджусом и вовсе позабыли. И тогда Хован Дью повернулся и прыгнул на подоконник, а с него на ветки ближайшего дерева, унося с собой Сага Ора, фаворита джеддары Заксы. В тот же момент мы с Гором Хаджусом зашли за портьеру и оказались в узком темном коридоре.

Не зная, куда ведет проход, мы могли следовать по нему вслепую, подгоняемые необходимостью найти укрытие или путь к бегству из дворца и от погони, которая, мы знали, немедленно последует по горячим следам. Когда мои глаза привыкли к темноте, мы пошли немного быстрее и вскоре достигли винтовой лестницы, ведущей в темное подземелье под полом коридора и наверх.

— Куда идти? — спросил я Гора Хаджуса.

— Они решат, что мы спустились,— ответил он,—

так как это — направление к кратчайшему выходу.

— Тогда пойдем наверх.

— Хорошо! — воскликнул он. — Мы должны немедленно подыскать место, где спрячемся до ночи, так как бежать днем мы не сможем.

Мы только начали подниматься, как услышали первый звук погони — звон доспехов в коридоре внизу. Тем не менее, мы вынуждены были продвигаться с величайшей осторожностью, потому что не знали, что ждет впереди. На следующем этаже была закрытая и запечатанная дверь, но ни коридоров, ни какого-либо укрытия не нашлось, поэтому мы продолжили путь. Второй этаж оказался таким же недоступным, а на третьем в темноту уходил единственный коридор, а справа была слегка приоткрытая дверь.

Звуки погони слышались совсем близко. На раздумья оставалось мало времени. Коридор перед нами был окутан тьмой — он мог привести в никуда, даже в тупик, а дверь рядом — приоткрытая дверь! Я слегка нажал на нее, и она поддалась. В нос ударил тяжелый аромат ладана, и мы увидели часть большого богато декорированного зала. Прямо перед нами, почти полностью закрывая видимость, возвышалась фигура сидящей на корточках колоссальной статуи. За спиной мы уже слышали голоса — наши преследователи поднимались следом, и через несколько секунд они будут уже рядом. Я осмотрел дверь и обнаружил, что она закрывается пружинным замком. Рядом никого не было. Жестом я приказал Гору Хаджусу следовать за мной и шагнул внутрь, закрыв за собой дверь. Мы сожгли мосты — замок щелкнул с резким металлическим лязгом.

— Что это? — раздался вдруг голос, исходивший из дальнего угла комнаты.

Гор Хаджус посмотрел на меня и безнадежно пожал плечами. Вероятно, он подумал то же, что и я: из двух путей мы выбрали ошибочный, но затем улыбнулся. В глазах его не было упрека.

— Звук был со стороны Великого Тура, — ответил другой голос.

— Наверное, кто-нибудь у двери, — предположил первый.

Мы с Гором Хаджусом прижались к спине статуи, чтобы отсрочить, насколько возможно, наше неминуемое разоблачение, если говорившие решат искать подозрительный источник шума. Я касался лицом полированного

камня спины статуи, а руки мои были распростерты по ней. Пальцы нащупали резьбу. Выпуклости на каменных доспехах, украшенные драгоценностями и выложенные золотом были холодны, но этого я тогда не замечал. Мы слышали голоса разговаривающих между собой людей все ближе и ближе, по мере того, как они подходили к нам. Возможно, я очень волновался — не знаю. Хочу заверить, что я никогда не уклонялся от схватки, когда обязанности или необходимость призывали меня к этому. Но в данном случае нам нужно было избежать конфликта. Я нервничал, пальцы мои машинально шарили по доспехам фигуры, и я ощутил вдруг, что один из драгоценных камней выдвигается из своего гнезда. Что-то подсознательно остановило мои блуждающие по статуе пальцы, и они застыли на опустевшем от камня гнезде.

Теперь голоса слышались совсем близко, через несколько секунд мы предстанем перед их владельцами. Мускулы мои напряглись в предчувствии схватки, и я нажал сильнее на освободившееся от камня место.

Часть спины фигуры бесшумно отошла вовнутрь и показалась тускло освещенная полая внутренность статуи. В дальнейших приглашениях мы не нуждались и сразу же шагнули в нее. В тот же миг я бесшумно прикрыл за собой панель. Думаю, что за все время мы не издали ни одного звука, а затем мы замерли, притаившись и едва дыша. Глаза быстро приспособились к тускло освещенной внутренности статуи, свет в которую проникал сквозь многочисленные отверстия в ней. Через них же мы отчетливо слышали каждый звук вокруг нас. Мы еще только закрывали панель, когда прямо против нее услышали голоса и удары в ведущую в зал дверь из коридора, в которую мы вошли.

— Кто ищет входа в храм Заксы? — спросил один из голосов в зале.

— Тис Ай, двар гвардии джеддары, — прогремел голос снаружи. — Мы ищем двоих, которые пришли убить Заксу!

— Они прошли этим путем?

— Думай, жрец, разве стал бы я искать их там, где их нет?

— Как давно?

— Менее двадцати талов назад, — ответил двар.

— Тогда их здесь нет, — уверил его жрец, — потому что мы пришли сюда уже целый цод назад. Никто не входил в храм за это время. Быстрее! Осмотрите комнаты

Заксы, крышу и ангар. Ведь они больше никуда не могли сбежать, если шли по винтовой лестнице.

— Осмотрите внимательно храм, пока я не вернусь! — крикнул воин, и мы услышали, как он со своими людьми прогрохотал вверх по лестнице.

— Что могло вызвать шум, привлечший наше внимание? — спросил один.

— Возможно, беглецы пробовали дверь? — предположил второй.

— Должно быть, они не вошли в храм, иначе мы бы их увидели, когда они появились бы за Великим Туром, потому что мы все время смотрели на него и ни разу не отворачивались.

— Тогда они не в храме.

— А где они еще могут быть — нас не касается.

— А если они в покоях Заксы?

— А может быть, они добрались до нее?

— Они убийцы?

— Худшее, что может случиться с Фандалом!

— Тише! Боги имеют уши!

— Из камня...

— Но уши Заксы не из камня и слышат многое, что для них не предназначено!

— Старая самка бенса!

— Она джеддара и великая жрица!

— Да, но... — голоса удалились из пределов слышимости в дальний угол храма, но они многое сказали нам: Заксу боялись и ненавидели жрецы Тура.

Теперь мы получили возможность осмотреться. Внутренняя полость была пуста и высоко простиралась над нами, возможно, футов на сорок. Был виден свет, проникавший через рот, нос и уши, а ниже их была круглая платформа, еле различимая во мраке. Она была расположена на уровне шеи, и к ней вела лестница с металлическими ступеньками. Толстый слой пыли покрывал пол, на котором мы стояли, я внимательно осмотрел эту пыль и был поражен сделанным открытием. Мы, как видно, первые, кто вошел сюда за много десятков лет — покров пыли не был нарушен никем.

Взгляд мой упал на странную кучу у подножия лестницы. Приблизившись, я понял, что это скелет человека с разбитым черепом и переломанными ребрами. Около него в пыли лежали великолепные одежды, самые роскошные из всех, которые я когда-либо видел. Его положение у основания лестницы, разбитый череп и сокрушен-

ные ребра служили очевидным доказательством причины его смерти — он упал головой вниз с круглой платформы с высоты сорока футов, унеся в вечность секрет Великого Тура.

— Он был высшим жрецом Тура,— прошептал Гор Хаджус,— и, вероятно, членом семьи джеджа, возможно, самым джеджаком. Он умирал очень долго.

— Я пойду наверх,— сказал я,— испытаю лестницу. Если она безопасна, иди за мной. Думаю, мы сможем увидеть храм сквозь рот Тура.

— Осторожно,— произнес Гор Хаджус,— лестница очень старая.

Я поднимался осторожно, испытывая каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее тяжесть своего тела, но старая лестница осталась крепкой, как сталь. Как высоко зашел жрец навстречу своей смерти, навсегда останется тайной, потому что лестница и платформа могли выдержать десятки людей.

Через рот Тура открывалась панорама храма. Подо мной был громадный зал, вдоль стен которого стояли другие идолы, размером поменьше. Они были более гротескными, чем виденные мною в городе. Драгоценные барсумские камни на них светились неизвестными мне лучами такой великолепной и ослепительной красоты, что просто не поддаются описанию. Прямо перед Туром был алтарь из редкого и чудесного камня — палзона, кроваво-красного, в который сама природа вписала причудливые узоры, отшлифованные искусной рукой мастера.

Гор Хаджус присоединился ко мне, и мы вместе осмотрели храм. Высокие окна выстроились в ряд по обеим сторонам, пропуская потоки света. В дальнем конце, напротив Великого Тура, были две огромные двери, закрывавшие главный вход в храм, и около них стояли два жреца. На крошечных алтарях перед каждым из второстепенных идолов курился фимиам, но горело ли что-нибудь перед Великим Туром, мы не знали.

Вдоволь насмотревшись на великолепие зала, мы обратили свое внимание на внутреннюю полость статуи. Осмотрев его голову, мы нашли другую лестницу, ведущую к более высокой платформе. Меня не надо было долго упрашивать, чтобы отправиться наверх. Я нашел там очень удобное кресло перед пультом, управляющим глазами, чтобы они могли ходить из стороны в сторону, или вверх и вниз по приказу оператора; была тут также

и разговорная труба, присоединенная ко рту. Я все тщательно изучил и вернулся на нижнюю платформу, где под языком идола нашел усилитель, связанный с разговорной трубой наверху. Я не мог подавить улыбку, рассматривая эти молчаливые доказательства вероломства жрецов и обмана народа, и думал о разбившемся теле у подножия лестницы. Тур, могу поклясться, молчал в течение многих лет.

Вместе с Гором Хаджусом мы поднялись на верхнюю площадку, и я сделал еще одно открытие: глаза Тура были настоящими телескопами. Поворачивая их, можно было видеть любую точку храма. Это было удивительное устройство. Ничто не могло скрыться от глаз Тура, а вскоре, когда жрецы начали болтать, мы обнаружили, что каждый, едва уловимый звук, доходит до нас. Каким ценным помощником должен был стать этот Тур в дни, когда разбитый скелет, лежащий внизу, был еще живым жрецом.

ГЛАВА XII

ВЕЛИКИЙ ТУР

День тянулся утомительно долго. Мы наблюдали за сменявшимися время от времени жрецами и слушали их болтовню, как правило, придворные сплетни о разных скандалах. Когда они говорили о нас, мы узнали, что Хован Дью бежал вместе с Сагом Ором, и до сих пор ни его, ни Дара Таруса не могли найти. Весь двор был озадачен нашим исчезновением, казавшимся сверхъестественным. Три тысячи человек — постоянных обитателей дворца — непрерывно искали нас. Каждый уголок дворца и садов был обыскан по нескольку раз. Подвалы исследовали более основательно, чем когда-либо, и оттуда были извлечены странные вещи, о которых Закса даже и не подозревала. Жрецы шептались, что один великий и могущественный дом должен пасть из-за предмета, найденного дваром гвардии джеддары в отдаленных уголках подвала.

Когда солнце скрылось за горизонтом и наступила темнота, храм осветился мягким белым светом. Зал наполнился жрецами и красивыми молодыми девушками. Они танцевали перед идолами и пели какую-то совершенную бессмыслицу. Постепенно подходили придворные со слугами, которые выстроились в два ряда вдоль стен

храма, оставив широкий проход от главного входа до ног Великого Тура. И к этому проходу были прикованы глаза всех собравшихся. Чего они ждут? Взгляды были обращены к закрытым дверям храма, и мы с Гором Хаджусом почувствовали, что и наши глаза не могут оторваться от них, что врата вот-вот откроются и начнется какой-нибудь удивительный спектакль.

И действительно, вскоре створки медленно раскрылись, и мы увидели нечто, что оказалось ковром, свернутым в огромный рулон, лежащим на боку поперек образовавшегося прохода. Двадцать рабов, облаченных в скудные кожаные доспехи, стояли за этим рулоном и, когда двери открылись полностью, покатали рулон к подножию Великого Тура, застилая широкий проход от дверей до самого идола. Ковер был толстым и мягким, бело-синего цвета. Затем двери закрылись, и мы снова ждали, но недолго. Откуда-то издалека протрубили трубы, их голоса нарастали, приближаясь к храму. Двери снова распахнулись, и появились пышно разодетые придворные, парами входящие в зал. После их торжественной процессии появилась роскошная колесница, запряженная двумя бенсами, которых вели на цепях рабы. На колеснице стояло кресло, а в нем, непринужденно развалясь, сидела Закса. Когда она вступила в храм, люди начали петь хвалебную песню. За колесницей медленно брел красный воин, привязанный к ней. За ним — процессия из пятидесяти юношей и стольких же девушек.

Гор Хаджус тронул меня за локоть.

— Пленный! — прошептал он. — Ты узнаешь его?

— Дар Тарус! — воскликнул я.

Да, это был Дар Тарус. Его нашли и арестовали. Но что с Хованом Дью? Неужели его тоже схватили? Если да, то лишь после его смерти, потому что никто и никогда не сможет взять в плен свирепое животное. Я посмотрел, ища глаза Сага Ора, но его в храме не было. Должно быть, Хован Дью все-таки на свободе.

Колесница остановилась перед алтарем, и Закса сошла с нее и разомкнула цепь, на которой был Дар Тарус. Затем бенсов увели к стене храма за шеренгу малых идолов. Дара Таруса потянули к алтарю и бросили на него, а Закса, взойдя на алтарь, подошла к воину и, воздев руки к Великому Туру, воззрилась на него. Как она была прекрасна! Как богато одета! О Валла Дайя! Твой милый облик унижен жестокими целями дикого ума, захватившего твое тело.

Глаза Заксы остановились на лице Великого Тура.

— О, Великий Тур, отец Барсума! — закричала она. — Посмотри на приносящих жертву. Мы перед тобой, Всевидящий, Всезнающий, Всемогущий, Единый! Не гневайся больше на нас, храня молчание. В течение столетий ты не удостоил нас, верных рабов твоих, ни единым словом. Никогда еще со времен Хора Сана, верховного жреца, взятого тобой в ту давнюю долгую ночь таинства, ты ни разу не разомкнул уст перед народом. Заговори же, Великий Тур! Дай нам знать, прежде чем мы погрузим кинжал в сердце нашей жертвы, что дела наши приятны для твоих глаз. Скажи нам, куда девались те двое, что пришли сегодня, чтобы убить твою верховную жрицу, открой нам судьбу Сага Ора. Скажи, Великий Тур, прежде чем я нанесу удар! — и подняв тонкий длинный кинжал над сердцем Дара Таруса, она посмотрела прямо в глаза Великого Тура.

И тут, с быстротой молнии, меня осенило ни с чем не сравнимое вдохновение. Рука моя схватила рычаг, управляющий глазами Тура, и я стал вертеть ими, пока они не описали полный круг и не остановились на Заксе. Эффект был магический. Никогда до этого я не видел, чтобы переполненный зал был так ошеломлен и поражен благоговейным страхом. Когда глаза вернулись к Заксе, она окаменела, и медная кожа ее приняла мертвенно-бледный оттенок. Кинжал так и остался в руке, занесенной над Даром Тарусом. В течение долгих столетий никто не видел, чтобы глаза Тура двигались. Затем я поднес разговорную трубку к губам, и по залу пронесся и загрохотал голос Тура. Как из единой огромной глотки прозвучал вздох собравшихся в храме, и все упали на колени и спрятали лица в ладонях.

— Мой приговор! — крикнул я. — Не ударяй, или я сам ударю тебя! Жертву — Туру!

Потом я замолчал, пытаюсь придумать, как лучше использовать наши преимущества. Опущенные головы со страхом поднимались одна за другой, и испуганные глаза искали лицо Тура. Все задрожали еще сильнее, когда глаза бога стали медленно блуждать по отворачивающимся лицам, и в это время меня осенила другая мысль, которую я тихим голосом передал Гору Хаджусу. Я услышал его хихиканье, когда он спускался вниз по лестнице, чтобы осуществить мой план.

— Жертву — для Тура! — загрохотал я по храму. — Тур убьет его собственной рукой. Погасите свет, и пусть

никто не двигается под страхом смерти, пока Тур не даст разрешения. На колени! Спрячьте лица в ладонях! Кто не закроет глаза, будет ослеплен, когда Тур появится среди вас.

Снова все пали ниц, и один из жрецов поспешно погасил свет, ввергнув храм в абсолютную темноту, и пока Гор Хаджус был занят своей частью представления, я старался заглушить любой другой шум, который он мог случайно произвести, при помощи беглого огня небесного красноречия.

— Закса, верховная жрица, спрашивает, что стало с двумя, которые пришли убить ее. Я, Тур, взял их к себе. Тур мстит. И Сага Ора тоже взял я. Я пришел в облике огромной обезьяны и взял его, и никто не узнал меня, хотя даже дурак мог догадаться. Где же это слыхано, чтобы обезьяна говорила на человеческом языке, если в нее не вошла душа Тура.

Вскоре я услышал шум на лестнице, и чуть позже кто-то вскарабкался на верхнюю площадку.

А пока я полагал, что убедил их, так как следовал их логике.

— Все в порядке,— прошептал Гор Хаджус.— Дар Тарус со мной.

— Осветить храм,— приказал я.— Встаньте и смотрите!

Вспыхнул свет, и люди поднялись на ноги, дрожа от ужаса. Все посмотрели на алтарь, и то, что они увидели там, потрясло их. Женщины пронзительно закричали, некоторые упали в обморок. Все это убедило меня, что никто из них не принимал бога сколь-нибудь всерьез, и теперь, когда они увидели абсолютное доказательство его сверхъестественной силы, они были полностью сбиты с толку. Там, где они только что видели живую жертву, лежал покрытый пылью человеческий череп. Но Гор Хаджус действительно невероятно быстро добежал с черепом в руках до алтаря и вернулся, ведя с собой Дара Таруса. Я немного беспокоился, как среагирует Дар Тарус на подобные трюки, ведь он был истинно верующим, но Гор Хаджус прошептал ему на ухо: «За Валлу Дайю», и он, сообразив, в чем дело, не сопротивлялся.

— Великий Тур сердит на свой народ,— объявил я.— Много лет уже ему нет места в ваших сердцах. Великий Тур гневается на Заксу. Только Закса может спасти народ Фандала от гибели! Вон из храма! Тур будет говорить с верховной жрицей наедине!

Я заметил, что Закса прямо-таки съежилась от испуга.

— Разве джеддара, верховная жрица Тура, боится предстать перед своим господином? — спросил я устами Тура. Челюсть женщины так дрожала, что она не могла ответить. — Повинуйтесь! Или Закса и весь ее народ будут сожжены заживо! — сказал я, сильно повысив голос.

Как неразумный скот, они повернулись и побежали к выходу, а Закса, колени которой тряслись так, что она едва стояла, заковыляла, шатаясь, за ними. Один из придворных увидел ее и толкнул назад, но когда он отошел, она с визгом бросилась за ним. Тогда другие подтащили ее к алтарю и грубо бросили, а кто-то даже угрозил мечом. Я тут же громко предупредил, что джеддаре не должно быть причинено никакого вреда, если они не желают, чтобы гнев Тура пал на них. Они оставили ее лежащей у алтаря, и она была так слаба от страха, что не могла даже подняться.

Чуть позже храм опустел, но я успел прокричать им вслед, чтобы они очистили весь дворец и парк вокруг него. Ведь нам предстояло пройти по дворцу, а мне не хотелось встретить лишние глаза.

Храм опустел, но только тогда, когда последний человек скрылся за дверью, мы втроем спустились из головы Тура и ступили на пол храма позади идола. Я быстро побежал к алтарю, с другой стороны которого в обмороке лежала Закса. Она все еще не пришла в сознание. Я взял ее на руки и быстро рванул назад к двери в стене за статуей, той самой, через которую мы с Гором Хаджусом проникли в храм в начале дня.

Следуя между Гором Хаджусом и Даром Тарусом, я поднимался к крыше, где, как мы выяснили из разговора жрецов, были размещены королевские ангары. Если бы сейчас с нами были Хован Дью с Сагом Ором, чаша моего счастья была бы полной.

У входа в апартаменты Заксы мы остановились, и я заглянул вовнутрь, потому что долгое ночное путешествие могло оказаться слишком холодным, поэтому следовало укрыть тело Валлы Дайи соответствующими мехами, даже несмотря на то, что сейчас в нем обитала душа Заксы, Никого не обнаружив, мы вошли и взяли то, что было необходимо. Когда я попытался накрыть джеддару одеялом из меха орлука, к ней вернулось сознание.

Она сразу же узнала меня, Гора Хаджуса, а потом и

Дара Таруса. Инстинктивно она схватилась было за кинжал, но его не оказалось. Увидев мою улыбку, она побледнела от гнева. Вероятно, она вспомнила, что с ней произошло в храме.

— Кто вы? — спросила она.

— Я есть Тур! — нагло ответил я.

— Что вы хотите сделать со мной?

— Я собираюсь доставить тебя в Тунол.

— Но я не желаю этого! Ты не Тур! Ты Вад Варо! Я позову на помощь! Моя охрана придет и убьет тебя!

— Во дворце никого нет, — напомнил я. — Разве я, Тур, не отослал их подальше?

— Я не пойду с тобой — твердо заявила она. — Лучше умру.

— Ты пойдешь со мной, Закса, — сказал я.

Хотя она вырывалась и царапалась, мы вынесли ее из покоев и по винтовой лестнице поднялись на крышу, где я надеялся найти ангары и воздушный корабль джеддары. Но вступив в бодрящую ночь Барсума, мы не нашли ангаров, зато увидели группу фандалианских воинов из гвардии джеддары, которых, очевидно, забыли известить о приказе Тура. Увидев их, джеддара громко закричала:

— Ко мне! К джеддаре! Сразите этих убийц и спасите меня!

Их было трое, и нас было трое, но они вооружены, а у нас лишь маленький кинжал Заксы в руках Гора Хаджуса. Казалось, победа обернулась поражением, когда они бросились к нам, но именно Гор Хаджус остановил их. Он схватил Заксу и приставил обнаженное лезвие к ее сердцу.

— Стойте! — закричал он. — Еще один шаг, и я ударю.

Воины заколебались. Закса молчала, пораженная страхом. Так мы стояли неподвижно; они, пораженные страхом за жизнь джеддары, а мы в ожидании их решения, пока я не увидел за спиной воинов какое-то движение на краю крыши. При тусклом свете я наконец разглядел нечто непонятное — что-то вроде огромной человеческой головы медленно поднималось над кромкой крыши. Затем в тишине обрисовалась огромная туша, и тогда я узнал Хована Дью, большую белую обезьяну.

— Скажи им, — закричал я как можно громче Заксе, — что я есть Тур. Смотри, я пришел снова в облике белой обезьяны! — и я указал на Хована Дью. — Я не

хочу уничтожить этих бедных воинов. Пусть они сложат оружие и удалятся отсюда с миром!

Воины обернулись и, увидев позади себя огромную белую обезьяну, как бы материализовавшуюся из воздуха, были потрясены.

— Кто он, джеддара? — спросил один из них.

— Тур, — ответила Закса слабым голосом, — но спасите меня от него! Спасите меня от него!

— Бросайте оружие и доспехи и убирайтесь! — скомандовал я. — Иначе Тур сразит вас насмерть! Разве вы не слышали людей, бросившихся бежать по команде Тура? Как вы думаете, смогли бы мы доставить сюда Заксу, имея мы силу, меньшую, чем у Тура? Ведь весь дворец был переполнен ее воинами. Убирайтесь, пока еще можете спастись!

Один из них расстегнул доспехи и бросил их вместе с оружием на пол, а потом кинулся бежать вниз по винтовой лестнице. Его товарищи последовали за ним. Тогда Хован Дью подошел к нам.

— Неплохая работа, Вад Варо, — прорычал он, — хотя я и не знаю, что все это значит!

— Узнаешь позже, — ответил я, — а сейчас мы должны бежать отсюда как можно скорее и найти быстроходный корабль. Где Саг Ор? Он еще жив?

— Я его крепко связал и спрятал в надежном месте, — ответила обезьяна. — Забрать его оттуда не составит труда, когда запустим корабль.

Закса яростно уставилась на нас.

— Ты не Тур! — закричала она. — Обезьяна разоблачила тебя!

— Но слишком поздно для тебя, чтобы ты смогла извлечь из этого пользу, джеддара, — ответил я. — Ты не сможешь известить своих людей о том, что я не Тур. И ты не можешь знать, что я — это не он. — Методы и дела Тура вне понимания смертных. Для тебя, следовательно, — Тур, и ты знаешь, что я всемогущ для своих целей.

Думаю, она все еще была в недоумении, когда мы нашли и выкатили из ангара воздушный корабль, на борт которого поместили ее и повернули нос корабля к величественной башне, где, как нам сообщил Хован Дью, лежал Саг Ор.

— Я буду счастлив увидеть его снова! — сказал Дар Тарус со смехом.

— И ты снова станешь самим собой, Дар Тарус, —

сказал я ему,— когда мы сможем вернуться в подвалы Раса Таваса.

— Хотел бы я снова соединиться с моей любимой Карой Вазой,— вздохнул он,— тогда, Вад Варо, я был бы благодарен тебе до конца жизни.

— Где мы можем найти ее?

— Увы, не знаю. Меня схватили воины Заксы, как раз когда я искал ее. Я был во дворце ее отца, где узнал, что он убит и его имущество конфисковано. Куда подевалась Кара Ваза там или не знали, или не пожелали сообщить, но постарались удержать меня, пока подоспевший отряд гвардии джеддары не арестовал меня.

— Мы должны допросить Сага Ора,— сказал я.

К этому времени мы остановились рядом с окном башни, на которую нам указал Хован Дью. Вместе с Даром Тарусом он прыгнул на подоконник и скрылся внутри. Все мы теперь были вооружены и одеты, воспользовавшись оружием, брошенным воинами у ангаров, и у нас был великолепный корабль. Вся наша компания воссоединилась, Закса с Сагом Ором, которого тоже препроводили на борт, были с нами, и от этого у всех нас было прекрасное настроение.

Мы установили курс на восток, и тогда я спросил Сага Ора, что стало с Карой Вазой, но он решительно заявил, что не знает.

— Подумай еще раз, Саг Ор,— предостерег я его,— подумай хорошенько, потому что вся твоя жизнь, возможно, зависит от твоего ответа.

— Какие у меня шансы на жизнь? — усмехнулся он, бросая угрожающий взгляд на Дара Таруса.

— Все шансы,— ответил я.— Твоя жизнь в моих руках, и если ты хорошо послужишь мне, то она будет в твоих руках, правда, в твоем настоящем теле, а не в том, которое принадлежит Дару Тарусу.

— Разве ты не намерен уничтожить меня?

— Ни тебя, ни Заксу,— ответил я.— Закса будет жить в своем старом теле, а ты — в своем.

— Я не хочу жить в своем теле,— огрызнулась Закса.

Дар Тарус стоял и смотрел на Сага Ора — на свое собственное тело, смотрел так, как будто перед ним какой-то бестелесный дух,— самая сверхъестественная ситуация, какую я когда-либо встречал.

— Скажи мне, Саг Ор,— произнес он,— что с Карой Вазой? Когда мое тело вернется ко мне, я не буду враж-

довать с тобой, если ты не причинил вреда Каре Вазе и сообщишь мне, где она.

— Я не могу сказать, потому что не знаю. Вреда ей никто не причинял, но днем позже, после того, как ты был убит, она исчезла из Фандала. Мы были уверены, что она похищена своим собственным отцом, но от него мы ничего не узнали. Тогда его убили,— он мельком глянул на Заксу,— но мы так ничего и не добились от него.

Раб сообщил нам, что Кара Ваза с несколькими воинами отца села на воздушный корабль и вылетела в Гелиум, где намеревалась просить защиты великого Владыки Барсума. Но правда ли это, не знаем.

— Это все, что я могу сообщить тебе. Я сказал правду, Дар Тарус,— заявил раб.

Бессмысленно было обыскивать весь Фандал в поисках Кары Вазы, поэтому мы взяли курс на восток, к башне Раса Таваса.

ГЛАВА XIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАВАС

Всю ночь мчались мы под светом стремительных марсианских лун, и компания наша была страннейшей из существовавших когда-либо, клянусь вам. Двое мужчин, каждый из которых обладал телом другого; старая гнусная повелительница, чье прекрасное тело принадлежало молоденькой девушке, любимой одним из этой компании; большая белая обезьяна, чьими действиями управляла половина мозга человеческого существа; я, житель далекой планеты, и Гор Хаджус, наемный убийца из Тунола, завершали этот сумасшедший список.

Я не мог отвести взгляд от прекрасного лица и фигуры Заксы, и то, что я был ею так очарован и не сводил с нее глаз, оказалось очень кстати, так как я вовремя схватил Заксу, собравшуюся броситься за борт, так противна ей была перспектива жизни в собственном теле, старом, сморщенном и безобразном. После этого я надежно связал ее, хотя испытывал душевную боль при виде веревок на этом прекрасном теле.

Дар Тарус был поглощен созерцанием своего собственного тела, которое не видел в течение многих лет.

— Клянусь моим первым предком,— воскликнул он.— Я был, наверное, самым тщеславным из парней.

Даю вам слово, мне было приятно любоваться собой. Теперь я могу сказать об этом без напыщенного самомнения, так как речь идет о Саг Оре,— и он громко рассмеялся своей собственной шутке.

Но факт оставался фактом — лицо и тело Дара Таруса были прекрасны и в самом деле, хотя в глазах его проглядывал намек на жестокость, а сжатые челюсти означали темперамент бойца. Не удивительно, что Саг Ор добивался тела молодого воина, потому что его собственное, которым сейчас обладал Дар Тарус, было отмечено столетиями беспутной жизни. И не было ничего удивительного в том, что Дар Тарус жаждет вернуть свое тело.

Перед самым рассветом мы подлетели к одному из многочисленных крошечных островков, встречающихся в Великих Тунолианских топях, и начали осторожно продвигаться между стволами огромных деревьев. Здесь мы остановились, чтобы отдохнуть на земле; наполовину утопая в буйной яркой траве, мы хорошо укрылись от возможной погони. Хован Дью нашел для нас фрукты и орехи, съедобные для человека. Инстинкт привел его к источнику, из которого била ключевая вода.

Мы, все четверо, были полуживые от голода, сильно устали, так что вода и пища оказались весьма кстати. Закса и Саг Ор тоже не отказались от них. Поев, трое из нас легли на палубу корабля поспать, надежно приковав пленников к кораблю, а четвертый бодрствовал, охраняя их. Так, сменяясь, мы проспали весь день, и когда пришла ночь, были готовы продолжить путь.

Сделав большой крюк к югу, мы обогнули Тунол, и примерно за два часа до рассвета увидели высокую башню Таваса. Думаю, нервы у всех были на пределе, потому что судьба каждого зависела от успеха или неудачи нашего предприятия. В качестве первой предосторожности мы связали руки пленникам и заткнули им рты кляпами, чтобы они не предупредили о нашем прибытии.

Хлорус уже закатился, а Турия стремительно неслась к горизонту, когда моторы были заглушены, и мы дрейфовали без огней в двух милях от башни, несколько к югу, с нетерпением ожидая того момента, когда Турия скроется и опустится полная темнота. К северо-западу на фоне ночного мрака сверкали огни Тунола и горел свет в нескольких окнах огромной лаборатории Раса Таваса, но сама башня была полностью темна.

И когда ближняя луна закатилась, Дар Тарус запустил мотор, работавший почти бесшумно, мы неспешно двинулись, прижимаясь к земле, к острову Раса Таваса, и не было слышно иных звуков, кроме мягкого урчания мотора, но и его никто не мог услышать на расстоянии более ста футов. У самого острова, у гигантских деревьев, мы сделали еще одну остановку, и Хован Дью, постояв немного на носу корабля, несколько раз зарычал. Мы стояли, вслушиваясь в темноту. Раздался шорох в густом подлеске на берегу. Снова прозвучал негромкий зловеющий рев Хована Дью, и послышался ясный ответ из черных кустов. Хован Дью говорил на языке больших белых обезьян, а невидимое существо отвечало ему.

Обезьяны беседовали около пяти минут, причем к разговору присоединялись все новые твари, а затем Хован Дью обратился ко мне:

— Порядок,— сказал он,— нам позволят укрыть под этими деревьями корабль, а также воспользоваться им, когда все будет сделано. В это время нам не будет причинено никакого вреда. Все, чего они просят — это оставить ворота, ведущие во внутренний двор, открытыми.

— Они понимают, что обезьяна, которая идет с нами туда, не вернется?

— Да, но это не имеет значения.

— Почему они хотят, чтобы мы открыли внутренние ворота?

— Не спрашивай слишком много, Вад Варо,— ответил Хован Дью.— Достаточно, что обезьяны дают тебе возможность возвратить в тело Валлы Дайи ее мозг и спастись с ней из этого ужасного места.

— Да, этого достаточно,— ответил я.— Когда мы сможем приземлиться?

— Сейчас, а они помогут нам затянуть корабль под деревья и укрепить его.

— Но сперва мы должны забраться на стену внутреннего двора,— напомнил я ему.

— Да, правда, я забыл, что нельзя открыть ворота с этой стороны.

Он снова заговорил с обезьянами, которых мы не могли разглядеть, и после этого сказал мне, что все в порядке и что они с Даром Тарусом посадят корабль, высадив нас на стене.

Снова мы бесшумно взлетели и опустились на внешней стене, скользнув затем во двор. Ночь была необы-

чайно темной, за Турией последовали облака и стерли звезды вслед за ней. На расстоянии пяти футов никто не мог увидеть корабль, а шума при передвижении мы почти не производили. Осторожно мы спустили пленников и вдвоем с Гором Хаджусом остались там, а Дар Тарус с Хованом Дью повели корабль назад в укрытие.

Наконец я снял запоры с ворот и стал ждать. Ни одного звука со стороны громадного здания за спиной, ни единого звука из леса за оградой. Смутно видел я очертания Гора Хаджуса, Заксы и Сага Ора, стоящих рядом со мной.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я услышал легкое царапание по воротам. Я открыл их, и Дар Тарус с Хованом Дью безмолвно вступили внутрь, закрыв их за собой. Гуськом — впереди я с Даром Тарусом, сзади — Хован Дью с Гором Хаджусом и пленниками — пошли мы прямо к башне, а оттуда спустились в подвалы. Мы быстро отыскивали нужный нам подвал, и заперли за собой все двери, чтобы не опасаться, что нас могут прервать, а затем я поспешил к месту, где спрятал Валлу Дайю за телом сваленного в углу рослого воина. Сердце мое замерло еще в тот момент, когда я шел в тот угол. Я всегда боялся что Рас Тавас, зная мой интерес к ней, обследует каждую камеру, осмотрит каждое тело, пока не найдет ту, которая так странно исчезла, но страхи мои, к счастью, оказались напрасными. Тело Заксы было здесь — старый, сморщенный гриб с прекрасным умом моей возлюбленной. Оно было там, где я спрятал его той самой ночью. Нежно я поднял ее и понес на один из двух расположенных друг над другом столов. Стоящая тут же Закса, связанная и с кляпом во рту, бешено глядела на мои приготовления и на свое старое безобразное тело. Скоро она снова вернется в него!

Я положил Заксу на соседнюю плиту, но она попыталась вырваться из моих рук. Пришлось надежно привязать ее ремнями к столу. Чуть позже она была уже без сознания. Гор Хаджус, Саг Ор и Хован Дью следили с интересом, но для Дара Таруса все было знакомо, так как он работал в лаборатории и насмотрелся на подобные операции. Не буду описывать ее ход. Это лишь повторения того, что я делал много раз, готовясь к этому моменту.

Наконец все было завершено, и сердце мое замерло в волнении, когда я заменил бесцветную жидкость в сосу-

дах живой кровью Валлы Дайи и увидел, как наливаются румянцем ее щеки, как поднялись и опустились в легком вздохе округлые груди. Затем она открыла глаза и подняла их на меня.

— Что случилось, Вад Варо? — спросила она. — Ты так скоро вспомнил обо мне... Что-то неладное? Или жидкость не подходит?

Ее глаза блуждали по лицам остальных.

— Что это значит? — спросила она. — Кто они?

Я мягко поднял ее на руки и указал на тело Заксы, лежащее бессильно на верхней плите. Ее зрачки расширились.

— Уже?! — закричала она, провела руками по лицу и ощутила свое лицо, черты которого были нежны и изящны. Не совсем уверившись, она попросила зеркало, и я достал его из сумки Заксы. Она долго смотрела в него, и слезы покатались у нее по щекам. Затем она посмотрела на меня затуманенным слезинками взором, положила прелестные руки мне на плечи и приблизила свое лицо к моему.

— Мой вождь, — прошептала она. И все, но этого было достаточно, потому что ради этих слов я рисковал жизнью, встречал лицом к лицу все опасности на пути к ее счастью.

Следующая ночь упала на Барсум, когда я завершил операции над Даром Тарусом и Хованом Дью. Заксу с Сагом Ором и большую обезьяну я оставил валяться во сне, подобном смерти, под действием удивительной анестезии Раса Таваса. У меня не было намерения восстанавливать обезьяну, но в отношении других я был связан обещанием вернуть их в Фандал, хотя Дар Тарус, блистающий ныне в собственном теле и пышных одеждах Сага Ора, убеждал меня не навязывать их снова страдавшимся фандалианам.

— Но я дал слово! — сказал я.

— Тогда они должны быть возвращены, — согласился он.

— Но потом я могу кое-что сделать, — сказал я, потому что в голову мне пришел смелый план. Я не раскрыл его Дару Тарусу, да и не имел на это времени, потому что в тот же момент услышал, что кто-то снаружи пробует открыть дверь, затем послышались голоса, и вскоре дверь толкнули снова, на этот раз с силой. Мы молча ждали. Я надеялся, что эти люди, кто бы то ни был, уйдут. Дверь была очень крепкая, и выломать ее

не представлялось возможным. Поняв тщетность попыток, голоса удалились. Казалось, они ушли.

— Мы должны уйти,— сказал я,— до того, как они вернутся.

Стянув руки Заксы и Сага Ора за спиной и заткнув им рты кляпами, я быстро возвратил их к жизни, но никогда не видел я такой черной неблагодарности. Они одарили меня убийственными взглядами и с отвращением посмотрели друг на друга.

Тихо отперев дверь, я приоткрыл ее, обнаженный меч прирос к моей руке, Дар Тарус и Гор Хаджус приготовили свои, и когда дверь открылась, то за ней мы обнаружили двух рабов Раса Таваса — Ямдора и еще одного телохранителя. Узрев нас, этот субъект издал громкий вопль — сигнал о том, что мы обнаружены, и прежде чем я в прыжке смог остановить их, оба повернулись и вылетели из коридора.

Теперь скорость решала все. Не думая об осторожности, мы поспешили к выходу, и когда оказались уже во дворе, опять была ночь, но на небе висела дальняя луна, и облаков не было. Стражник дал сигнал тревоги, после чего побежал нам наперерез.

Что делает часовой во дворе Раса Таваса? Непонятно! А эти откуда? Дюжина вооруженных воинов спешила через двор по пятам за часовым.

— Воины Вобиса Кана, джеддака Тунола! — закричал Гор Хаджус.

Задыхаясь, мы мчались к воротам. Лишь бы достичь их первыми, но нас задерживали пленники, упиравшиеся и не желавшие идти с нами. Мы встретились с воинами лицом к лицу в воротах. Я, Дар Тарус и Хован Дью закрыли собой Валлу Дайю и пленников и приняли бой с двадцатью воинами Тунола. Мы сражались с такой яростью, что воины отступили.

— Гор Хаджус! — воскликнул один из воинов, узнавший его.

— Да, я Гор Хаджус,— отвечал убийца,— готовься ко встрече с предками! — и он завращал мечом как пропеллером на полных оборотах. Я сражался справа от него, Хован Дью — слева.

Это была великолепная схватка, но она в конце концов плохо кончилась бы для нас — так велико было их численное преимущество — не вспомни я об обезьянах за воротами. Проложив себе путь к ним, я распахнул их настежь, а снаружи уже поджидала целая дюжина

этих тварей. Я призвал Гора Хаджуса и остальных за ворота и, когда обезьяны бросились во двор, указал им на тунолианских воинов.

Мы не стали ждать исхода схватки воинов с обезьянами, а направились в сторону леса искать наш корабль. Позади нас слышались рев и рычание животных, смешавшиеся с криками и руганью людей; эти звуки еще доносились со двора, а мы уже вскарабкались на борт воздушного корабля и скрылись в ночи.

Поскольку мы благополучно сбежали с острова Раса Таваса, я вынул кляпы изо ртов Заксы и Сага Ора и, могу сказать вам, немедленно раскаялся в этом, потому что никогда в своей жизни не подвергался такой ужасной ругани, какая лилась из морщинистых губ старой джеддары, и лишь когда я снова стал затыкать ей рот, она обещала помолчать.

Планы мои были уже обдуманы. Я намеревался вернуться в Фандал, так как не мог отправиться в Дахор с Валлой Дайей без провизии и воды. Только там я мог получить все это, поскольку весь Тунол поставлен под ружье против нас. Вобис Кан подготовил достойную встречу Гору Хаджусу.

Итак, мы возвратились в Фандал по старому пути настолько скрытно, насколько могли. Я не хотел, чтобы нас схватили до того, как мы доберемся до дворца Заксы.

Днем мы снова отдохнули на том же острове, который был нашим убежищем два дня назад, и в темноте вылетели в Фандал. Если погоня и была, то мы ее не видели. Когда мы подлетали к Фандалу, я снова заткнул рты Заксе и Сагу Ору и замотал им головы, чтобы их никто не мог опознать. Затем на полной скорости мы понеслись ко дворцу, в надежде, что нас не обнаружат, но тем не менее были готовы ко всему.

И все же мы добрались до ангаров на крыше дворца незамеченными. Я тщательно разъяснил своим друзьям свой план, и после того, как мы посадили корабль на крыше дворца, Хован Дью, Дар Тарус и Валла Дайя связали меня и Гора Хаджуса и прикрыли головы, так как внизу мы заметили фигуры сторожей.

Когда мы подошли ближе, воин из охраны окликнул нас:

— Что за корабль?

— Воздушный корабль джеддары Фандала. Он вернулся с Заксой и Сагом Ором, — ответил Дар Тарус.

Воины зашептались между собой, но тут с палубы

аэроплана спустилась сама Закса, которую они почтительно поприветствовали.

— Доставьте пленников в мои покои! — скомандовала она, и с помощью Хована Дью и Дара Таруса четверка связанных и закутанных фигур была уведена от корабля вниз по винтовой лестнице в комнаты джеддары Фандала. Послушные рабы поспешили исполнить приказание джеддары. Должно быть, весть о возвращении джеддары промчалась со скоростью света по всему дворцу, потому что немедленно стали прибывать придворные и докладывать о себе, но Валла Дайя объявила им, что никого не хочет видеть. Затем она отпустила рабов и, по моему предложению, Дар Тарус обследовал покои Заксы, чтобы подыскать безопасное место для меня, Гора Хаджуса и пленников. С меня и с убийцы были сняты веревки, и мы все вместе внесли Заксу и Сага Ора в темную комнату.

Вход в нее закрывала тяжелая дверь с портьерой перед ней. Я приказал Ховану Дью, который как и остальные, был облачен в доспехи воинов Фандала, встать на страже перед дверью и не допускать никого, кроме нашей компании. Мы с Гором Хаджусом заняли места за портьерой, в которой проковыряли дырочки, позволявшие нам видеть всех, проходящих в зал для приемов. Мы должны были обеспечить безопасность Валлы Дайи, играющей роль Заксы, которую, как я знал, ненавидели и боялись.

Валла Дайя приказала рабам впустить своих приближенных, и в распахнутые двери вошли десятка два придворных. Казалось, они были озадачены, так как оставили свою джеддару в храме и даже немного грубо обошлись с ней, швырнув к ногам Великого Тура, но Валла Дайя скоро развеяла их неловкость.

— Я вызвала вас, — сказала она, — чтобы сообщить волю великого Тура. Тур снова вещает своему народу. Три дня и три ночи провела я с Туром. Он приказал мне созвать вельмож после вечерней трапезы в храм, а также всех жрецов, всех военачальников и дваров нашей армии, всех более или менее знатных людей, которые есть в нашем дворце. И тогда люди услышат слово и закон Тура. Кто повинуется — будет жить, кто не подчинится умрет. Горе тому, кто не придет в храм этой ночью. Я, Закса, джеддара Фандала, все сказала! А сейчас — вон!

Они ушли и были, по-видимому, счастливы, что аудиенция так скоро закончилась. Затем Валла Дайя вызвала

двара охраны и повелела очистить дворец от всех его обитателей, начиная с этажа, на котором был храм, и до крыши за час до вечерней трапезы и не позволять кому-либо входить в храм и на расположенные выше этажи, пока не будет назначен час для сбора в храме, где Тур скажет свое слово. Она запретила входить в комнату к пленникам под страхом смерти. Она объяснила все это ясно и просто, и двор сразу понял ее. Думаю, что он немножко боялся и дрожал, потому что все боялись джеддару Фандала. Потом он ушел, рабов отпустили, и мы остались одни.

ГЛАВА XIV

ДЖОН КАРТЕР

За полчаса до вечерней трапезы мы поместили Заксу и Сага Ора на верхнюю платформу у глаз идола и заняли места рядом с ними. Валла Дайя, Хован Дью и Дар Тарус остались в покоях джеддары. Между дверью и спиной Великого Тура никого не оказалось, а на крыше стоял подготовленный воздушный корабль — на случай какой-либо неудачи.

Томительно тянулись минуты до наступления темноты. Приближалась роковая минута. Мы услышали, как двери храма отворились, и за ними показался ярко освещенный коридор. Он был пуст — лишь два жреца, колеблясь, стояли в проходе. Наконец один из них нашел в себе достаточно мужества войти в храм и зажечь свет. После этого они зашевелились проворнее, подошли к алтарю и распростерлись на полу перед Великим Туром. Когда они поднялись и посмотрели в лицо идола, я не мог удержаться от искушения и повернул его огромные глаза. Они обежали весь зал и остановились на жрецах, но я не сказал ни слова, и думаю, что эффект молчания божества был более выразителен, чем любые его слова. Оба жреца упали на пол и лежали так, дрожа, стеная и умоляя Великого Тура о сострадании к ним. Они так и не поднялись до тех пор, пока в храме не появились первые верующие.

С этого момента храм стал быстро наполняться. Слова Тура вполне своевременно и полно были доведены до всеобщего сведения. На этот раз народу было значительно больше. Все выстраивались с обеих сторон цент-

рального прохода и ждали, причем глаза их так и бегали от двери зала к статуе бога.

Когда по моему предположению должен был начаться следующий акт, я заставил взор Тура пропутешествовать по собравшейся толпе, чтобы настроить их в соответствии с тем, что должно было произойти. Все упали на пол, стена и молясь, и так и пролежали, пока звуки труб не возвестили о прибытии джеддары, верховной жрицы. Только тогда все поднялись на ноги. Огромные двери распахнулись, и опять рабы расстелили ковер к подножию статуи Великого Тура. Торжественная процессия из придворных вступила в зал. Я постарался соблюсти все этапы церемонии, чтобы произвести большее впечатление на публику. Итак, придворные вошли в зал, за ними проследовала колесница, запряженная двумя бенсами, а на ней — кресло, на котором, чуть откинувшись, восседала Валла Дайя. За ней шел Дар Тарус, но в зале все воспринимали их как джеддару Заксу и ее фаворита Сага Ора. За фаворитом следовал Хован Дью, а за ним пятьдесят юношей и девушек.

Колесница остановилась перед алтарем. Валла Дайя спустилась с колесницы и встала на колени. Голоса, распевające хвалебную песню джеддаре, притихли, когда прекрасное создание простерло руки к Великому Туру и обратило к нему лицо.

— Мы готовы, господин! — закричала она. — Говори, мы ждем слова Тура!

Коленопреклоненный зал затаил дыхание, и эту тишину нарушили рыдания женщин. Я почувствовал, что все достаточно подготовлены, и надо начинать без промедления. Я поднес к губам переговорную трубу.

— Я есть Тур! — прогремел я, и люди задрожали. — Я пришел вершить суд над народом Фандала! Примете мой наказ — будете процветать, нет — погибнете!

— Я хочу выкуп за грехи ваши. Я выбрал двоих. — Я заставил глаза Тура поблуждать по публике, а затем рывком остановил их на Валле Дайе. — Закса! Готова ли ты искупить свои грехи и грехи своего народа?!

Валла Дайя кивнула своей прекрасной головкой.

— Твое желание — закон для меня, господин! — ответила она.

Снова покрутив глазами по толпе, я остановил их на Саге Оре.

— Саг Ор! — продолжал я. — Ты грешен! Ты готов платить?

— Как потребует Тур! — сказал мне Дар Тарус.

— Слушайте мое желание! — прогремел я. — Закса и Саг Ор возвратят тела тем, у кого они их украли, прекрасные тела, которыми они сейчас обладают, и тот, у кого взял тело Саг Ор, станет джеддаком и высшим жрецом, а та, у которой украла тело Закса, вернется с почестями в родную страну. Я так сказал!

Я не услышал голосов протеста и ощутил изрядную уверенность. Сомневаюсь, смотрел ли когда-нибудь какой-либо бог на подобное покорное стадо.

Когда я сказал, Гор Хаджус опустился на колени и снял веревки с ног Заксы и Сага Ора.

— Погасите свет! — скомандовал я.

Жрец, весь дрожа, подчинился.

Валла Дайя и Дар Тарус стояли рядом с алтарем. Теперь все зависело от их проворства. Они быстро справились со своей задачей, и я услышал тихий свист — сигнал, которым Гор Хаджус известил меня об окончании дела. Я приказал зажечь свет. Закса и Саг Ор стояли там где только что были Валла Дайя и Дар Тарус, а последних нигде не было. Эффект был изумителен. На Заксе и Саге Оре не было веревок и кляпов во рту, ничего, что показало бы, что они доставлены сюда силой, и рядом не было никого, кто мог бы привести их сюда. Иллюзия удалась! Божественный жест всемогущества, который просто потряс собравшихся. Но я решил продолжить представление.

— Вы слышали, что Закса отказывается от трона, — спросил я, — а Саг Ор подчиняется суду Тура?

— Я не отказываюсь от трона! — заорала Закса. — Это все...

— Молчи! — загремел я. — Приготовьтесь приветствовать нового джеддака Фандала Дара Таруса! — Я направил глаза Тура к огромным дверям, и взоры всех собравшихся последовали за его взглядом. Дверь распахнулась, и за ней появился Дар Тарус в блестящем убранстве Хора Сана, чьи кости мы нашли в статуе. Дар Тарус выглядел джеддаком с ног до головы, когда величественно проследовал по широкому белосинему ковру к Великому Туру. Закса стала багровой от злости.

— Самозванец! — взвизгнула она. — Схватите его!, — и она бросилась к нему навстречу, будто хотела убить собственными руками.

— Уберите ее, — приказал Дар Тарус спокойным

властным голосом. Закса упала на пол и стала визжать и задыхаться, а потом затихла — старая женщина, не выдержав такого испытания, лишилась жизни от удара. Когда Саг Ор увидел ее лежащей, он первым осознал ее потерю, сообразив, что у него теперь нет защиты и опоры, а лишь многочисленные враги, питающие ненависть к фавориту джеддары. Он дико огляделся вокруг и упал к ногам Дара Таруса.

— Ты обещал защитить меня! — закричал он.

— Никто не причинит тебе вреда, — ответил Дар Тарус. — Иди своей дорогой и живи мирно. — Затем он обратился к Великому Туру. — Какова твоя воля, наш господин? — крикнул он. — Дар Тарус, твой верный слуга, ждет повелений!

Я многозначительно помолчал перед ответом.

Пусть жрецы Тура и воины гвардии джеддака пойдут в город и разнесут весть о слове Тура среди народа. Пусть народ знает, что Тур снова покровительствует Фандалу и что они получили нового джеддака, который у Тура в большой чести. Пусть высшая знать приготовит все необходимое для возвращения Валлы Дайи в Дахор, ее родной город. Пусть воздадут должное Гору Хаджусу из Тунола и Ваду Варо с Джасума, окружив их вниманием и гостеприимством. Идите! И пусть последний жрец, покидая храм, погрузит его во мрак. Тур все сказал!

Валла Дайя направилась прямо в комнаты бывшей джеддары, и когда погас свет, мы с Гором Хаджусом присоединились к ней. Она не могла дожидаться, чтобы узнать от нас о завершении маленького представления.

— Ты сделал невозможное, мой вождь, — прошептала она. — Я уже вижу холмы Дахора и башни моего родного города. О, Вад Варо, ты подал мне надежду и вернул жизнь! Я обязана тебе жизнью, нет, более чем жизнью!

Наш разговор прервал приход Дара Таруса, с которым были Хован Дью и несколько придворных. Они искренне наслаждались избавлением от Заксы, но никак не могли понять, почему Тур возвысил простого воина, хотя он и был из знатной семьи.

На этой встрече было решено, что Валла Дайя еще два дня пробудет в Фандале, пока подготовят корабль к путешествию в Дахор. Все эти дни я старался не отлучаться от нее, тревожась за ее судьбу. Верный долгу, Гор Хаджус вместе со мной стерег ее дверь по ночам. На второе утро, когда мы только что пробудились и завтра-

кали вместе с Валлой Дайей, появился гонец от Дара Таруса, который ожидал нас в малом зале для аудиенций.

Дар Тарус встретил нас в окружении своих придворных и офицеров гвардии. Спустившись с трона, он галантно проводил Валлу Дайю к креслу, а потом обратился ко мне.

— Поздно вечером вчера в Фандал прибыл кое-кто, кого, я думаю, ты захочешь увидеть.— Он подал знак слуге впустить гостя. В дверях, открывшихся в другом конце зала, я увидел Раса Таваса. Он не узнал ни меня, ни Гора Хаджуса, ни Валлу Дайю, пока не подошел к самому трону, а когда разглядел нас, то выражение крайней озабоченности появилось на его лице.

— Рас Тавас, башня Таваса, Тунол,— громко объявил офицер.

— Я прибыл просить аудиенции у Заксы,— ответил Рас Тавас,— ничего не ведая о ее смерти и моем вступлении на трон; но я вижу Сага Ора на троне Заксы, а рядом с ним ту, кем, я думаю, была Закса, хотя мне сказали, что она мертва, и того, кто был моим ассистентом в Тавасе, и того, кто зовется убийцей из Тунола, и я в недоумении: я не знаю, среди друзей я или среди врагов?

— Я Дар Тарус, с которым ты так несправедливо обошелся, а не Саг Ор, тем не менее ты не должен ничего бояться при дворе Фандала.

— Тогда позволь сказать тебе, что Вобис Кан, джеддак Тунола, узнав, что Гор Хаджус сбежал от меня, послал своих воинов, которые захватили остров, сам я успел бежать, иначе меня заточили бы в тюрьму. Я пришел сюда умолять Заксу послать воинов Фандала защитить меня и вышвырнуть тунолианцев с моего острова, чтобы я мог продолжить свой труд.

Дар Тарус повернулся ко мне.

— Вад Варо, из всех людей ты лучше всех знаешь Раса Таваса и его труды. Желает ли ты снова видеть его на своем острове в лаборатории?

— Только при условии, что он посвятит себя избавлению человека от болезней и страданий,— сказал я,— а не станет использовать свой великий ум в грязных целях в поиске наживы.

Мы долго обсуждали план освобождения острова. Рас Тавас согласился с моими требованиями, и Дар Тарус назначил Гора Хаджуса главой армии, которая должна была немедленно выступить против Тунола.

На следующий день мы с Валлой Дайей взошли на воздушный корабль и в сопровождении кораблей охраны вылетели в Дахор. Дар Тарус сопровождал нас, но когда мы долетели до Великих Тунолианских топей, он попрощался с нами и хотел было ступить на палубу своего корабля, когда раздался крик и пришло известие от наблюдателя об огромном флоте, приближающемся с юго-запада. Очень скоро мы и сами его увидели. Было ясно, что он направляется в Фандал.

Дар Тарус принял решение вернуться в город, и нам ничего не оставалось, как последовать вместе с ним.

Неприятельские корабли, значительно превосходившие в скорости аппараты Фандала, довольно быстро настигли нас и окружили. Я стоял рядом с Даром Тарусом, когда на ближайшем корабле противника сумел различить цвета его государства. Это были цвета Гелиума!

— Спросите их, с миром ли они идут,— приказал Дар Тарус.

— Мы хотим говорить с Заксой, джеддарой Фандала,— пришел ответ.— Вопрос о войне или мире зависит от ее решения.

— Скажите им, что Закса мертва и что я, Дар Тарус, джеддак Фандала, желаю принять командующего флотом Гелиума с миром на палубе моего корабля. Я сказал!

На носу огромного гелиумского корабля поднялся мирный флаг, мы ответили тем же. Огромный корабль Гелиума подошел к нашему маленькому кораблю и ошвартовался. К нам на борт вступила группа офицеров, Это были прекрасные люди, и среди них был один, которого я узнал сразу, хотя до этого никогда не видел. Он не спеша приближался к нам. Это был Джон Картер, принц Гелиума, Владыка Барсума!

— Дар Тарус! — сказал он.— Джон Картер приветствует тебя и заверяет, что не намерен воевать с тобой.

— Ты шел войной на Заксу? — спросил Дар Тарус.

— Мы пришли восстановить справедливость,— ответил Джон Картер,— и насколько я знаю, Заксу можно было заставить сделать это только силой.

— Какую несправедливость допустил Фандал по отношению к Гелиуму? — спросил Дар Тарус.

— Несправедливость против одного из ваших людей и против тебя лично,— ответил Джон Картер.

— Не понимаю,— удивился Дар Тарус.

— У меня на борту находится некая особа, которая сумеет лучше меня все объяснить,— ответил Джон Картер с улыбкой. Он обернулся и что-то сказал одному из своих помощников, тот немедленно вернулся на палубу своего корабля.— А ты в самом деле Дар Тарус, бывший воин гвардии джеддары Заксы, которого вроде бы убили по ее приказанию?

— Да,— ответил Дар Тарус.

— Я должен быть уверен! — сказал Владыка Барсума.

— В этом не может быть никакого сомнения, Джон Картер,— сказал я по-английски.

Его взгляд упал на меня, и глаза широко открылись. Он сразу заметил мою более светлую кожу, с которой давно стерлась краска, и шагнул вперед с протянутыми руками.

— Соотечественник? — спросил он.

— Да, американец,— ответил я.

— Я почти поражен,— сказал он.— И, тем не менее, почему бы нет?! Я попал сюда, так почему же другой не может? И это совершил ты! Ты должен поехать ко мне в Гелиум и рассказать все как можно подробнее!

Дальнейший разговор был прерван помощником, вернувшимся в обществе молодой женщины. Взглянув на нее, Дар Тарус вскрикнул от счастья, бросился к ней, и стало ясно без слов, что это была Кара Ваза.

Мало что можно еще добавить. Сам Джон Картер доставил меня с Валлой Дайей в Дахор после того, как позаботился о свадьбе Дара Таруса с Карой Вазой. Можно упомянуть о большом сюрпризе, ожидавшем меня в Дахоре. Там я впервые узнал, что Кор Сан, джеддак Дахора,— отец Валлы Дайи. Он осыпал меня богатствами и окружил почетом, когда мы с Валлой Дайей вступили в брак.

Джон Картер настоял, чтобы мы провели медовый месяц в Гелиуме, куда мы вместе с ним и направились. Здесь я и пишу все это.

Даже теперь кажется сном, что я могу, глядя в окно, видеть газоны, обе башни Гелиума, что я встретил и вижу ежедневно Карториса, Тувию из Птарты, Тару из Гелиума, Гохана из Гатола, принцессу Марса Дею Торис, хотя для меня, как бы она ни была прекрасна, есть другая, еще более прекрасная — Валла Дайя, принцесса Дахора — миссис Улисс Пакстон.

СОДЕРЖАНИЕ

Тувия, дева Марса —————	3
Шахматисты Марса —————	100
Великий ум Марса —————	282

Литературно-художественное издание

Эдгар Райс БЕРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

**ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА
ШАХМАТИСТЫ МАРСА
ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА**

ПОВЕСТИ

Перевод с английского *Каротам В. Ю.*

Редактор *Соркина Г. Л.*

Сдано в набор 15.03.93. Подписано в печать 5.04.93. Формат 84×108/32.
Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Печ. л. 12,5. Тираж 100 000 экз.
Заказ 130.

Книга печатается при участии МП «Валев».

Акционерное общество «Принтэст». Эстония, Таллинн, Пярнусское шоссе, 10.
Лицензия ЛВ № 216.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО
им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

П Р И Н Т Э С Т

ЭДГАР БЁРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

29